

Татьяна Ивановна Устименко
Эра зла

Экзорцисты – 2

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan, OCR, ReadCheck - FantoMKillerR; Conv, ReadCheck - JonVic)

«Эра зла / Татьяна Устименко»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0815-3

Аннотация

Как можно жить дальше, если, воскреснув из мертвых, ты обнаруживаешь вокруг себя только стригоев, озверело уничтожающих людей? Начав разбираться в происходящем, ты узнаешь, что на мир пала тень Эры зла, над твоей судьбой тяготеет тайна родового предназначения, а любимый мужчина обязался тебя убить. Да и саму тебя отныне называют вовсе не Селестиной — Дочерью Господней, а Сантой Инферно — Адской святой. На земле царят отчаяние, тьма и холод. И ты одна, совсем одна. А вместо желанных помощников к тебе неожиданно присоединяется пара «нормальных парней», оказавшихся ну совершенно паранормальными.

Татьяна Устименко
Эра зла

Все совпадения с реальными или библейскими именами и

событиями являются случайными.

*С наступлением ночи зажглись адские костры.
Наточите свои копья, и ножи, и топоры.
Трупы встали из могил, они жаждут убивать,
Запах смерти все покрыл, пришло время воевать.*
Группа «Сектор Газа»

Пролог

Зимний ветер, холодный и колючий, с воем носился над унылыми полями и долинами, засыпанными толстым слоем снега. Уподобившись некоему старому скряге, чахнущему над накопленными им богатствами, он самозабвенно перебирал безжизненно похрустывающие ветви деревьев, глухо звенел сосульками и с шорохом пересыпал груды мутных льдинок. Ветер давно уже озверел от навязанного ему одиночества и привык к беспросветной скуке. Он почти позабыл, как красиво может звучать птичий щебет, песня вышедшего на охоту волка и плеск полноводной реки, ведь его насильно лишили всех этих безыскусных радостей обычного земного существования. Ветер стал безликим и равнодушным отшельником, избавившись от запахов, переменчивости и беззаботности. Отныне он ни от кого не зависел и никому не повиновался, но лишь одна-единственная обязанность еще отягощала эту непрошеную безграничную свободу, рождая в его басовитом вое нотки страха и возмущения. Особенно в те редкие мгновения, когда он нехотя приближался к холму. К тому самому холму!

Некогда, многие десятки лет назад, на вершине сего холма высился прекрасный замок, носивший благозвучное название Чейт. Имя его первого владельца бесследно сгинуло в пучине веков, но сам Чейт оказался намного живучее тех, кто возводил его мощные стены, стеклил широкие полукруглые окна и крыл черепицей надежную покатую крышу. Хотя следовало признать по справедливости — неведомые строители постарались на славу. В предгорье Малых Карпат не нашлось бы в те времена замка более роскошного, чем Чейт! Приглашенные из Италии мастера любовно выровняли его белокаменные башни, украсили цветными витражами парадную залу, выложили пол фигурными дубовыми плитками, а во дворе замка возвели мраморную статую Пречистой Богородицы. И тогда добрая слава о красоте Чейта разнеслась по всей округе!

Но не успели жители окрестных деревень нарадоваться на каменное чудо, как всевидящий Господь облагодетельствовал их новым бесценным подарком: у Чейта появилась хозяйка, ничуть не уступавшая замку ни прелестью, ни величием. Происходя из знаменитого семейства Бафора, она молодая дама мгновенно завоевала всеобщее уважение и преклонение. Она отличалась скромностью и набожностью, слыла любящей женой и заботливой матерью, а уж в щедром подаянии и безвозмездной помощи не отказывала никому из страждущих. Да и к тому же госпожа Бафора оказалась такой красавицей, что от мимолетного взгляда ее изумрудно-зеленых глаз у местных рыцарей кружилась голова, а их женушки завистливо вздыхали и злобно перешептывались за стройной спиной чейтской пани, почему зря клеймя ее ведьмой и колдуньей. Впрочем, госпожа Бафора не принимала сплетни близко к сердцу, ибо была намного выше приземленной мирской суеты. В 1575 году, накануне ее замужества, ей исполнилось всего-то пятнадцать лет от роду, а между тем ее уже сосватали за самого завидного жениха — графа Ференца Надашди, полновластного хозяина окрестных земель. И надо сказать, жених ничуть не разочаровал свою юную невесту, явившись ей настоящим сказочным принцем: высоким, черноволосым и черноглазым. И казалось, сам Господь благословил успешный союз чейтских господ, осенив их своей милостью: двадцать девять лет продлилось замужество госпожи Бафора, пролетев как единый миг, ничем не опечаленный и не омраченный. Четырех дочерей и долгожданного сына-наследника родила мужу вельможная пани, нисколько не утратив своей цветущей красоты и молодости. А потому лишь पुще прежнего

ярились завистливые соседки, призывая всевозможные беды на голову счастливой красавицы, не жалея золотых дукатов на услуги черных ворожей да заклинательниц, дабы известить хозяйку Чейта. Ох, совсем не напрасно старались кумушки, помня, что капля воды и камень точит. Зазывали они беду, привораживали, да и накликали, причем такую, коей и сами не рады оказались. Молились они потом, плакали да каялись, проклиная свою неосмотрительность, но ничего исправить уже не смогли. Поздно оказалось что-либо исправлять...

Знали бы злопыхатели, что повелители из прославленного рода Бафора отнюдь неспроста выдали замуж свою старшую дочь в столь отдаленные и дикие места, ибо по завещанию всесильных предков предназначалось ей стать хранительницей древней и страшной тайны, способной погубить или спасти весь мир. Подальше от врагов да от недобрых глаз упрятали свою дочку в Чейт любящие родители, надеясь, что, дай бог, не найдут ее там страшные твари, Тьмой порожденные. Сорок четыре года прожила в мире и спокойствии графиня, не постарев ни на морщинку, не поседев ни на волос, всегда оставаясь внешне прежней восемнадцатилетней девушкой, ибо посвященные — давшие обет беззаветно служить Богу войны и хранители — вознаграждаются им сторицей. Госпожа Бафора не стала исключением из этого благого правила — еще ярче сияли ее чудные глаза, а рыжие, подкрашенные шафраном локоны вились дивными кольцами. И все еще могло закончиться хорошо, да вот только сплетни, распускаемые недоброжелательницами, расходились по округе, словно круги на воде, созданные брошенным в нее камнем. Бродячие певцы слагали баллады о неувядающей красоте чейтской госпожи, о ее религиозном рвении и смутной тайне ее рода... Так, по глупости людской и по зависти, пришла в Чейт страшная беда, да причем такая, что хоть ворота отворяй и самолично на погост собирайся. И не было от той беды ни укрытия, ни спасения.

Выследили Дети Тьмы благородного графа Ференца и убили, прежде жестоко истерзав, дабы секреты рода Бафора выпытать, но господин Надашди все равно ни словечка не вымолвил и погиб смертью храбрых. А после одного мерзкого деяния проникли темные твари в замок и начали изводить прекрасную госпожу, вытягивая из нее роковую тайну. Много месяцев они ее мучили. Приставили к ней слуг из своего племени, заставляли убивать бедных людей и челядь, чтобы снабжать пищей себя, демонских отродий, а позднее — заманивать в замок девиц из дворянских родов, отличающихся тонкой кожей и сладкой кровью. А уж что подлые твари с самой госпожой вытворяли — и вовсе в дрожь вгоняет! Поначалу соблазняли ее золотом и вечной жизнью, после перешли к угрозам и надругательствам. Вынуждали они благонравную госпожу Бафора принимать ванны из крови невинно убиенных девушек, стремясь поколебать ее веру в Господа и сломить мужество. Приневолили в различных богопротивных обрядах участвовать, и даже обратили графиню в себе подобную тварь, надеясь на ее усмирение. Однако, даже став кровопийцей против собственной воли, госпожа Бафора не отступила от учения святой церкви и тайну свою не выдала. Тогда, вовсе отчаявшись, твари натравили на графиню ревностного католика, приспешника инквизиции — графа Дьёрда Турзо, ранее усиленно домогавшегося благосклонности состоятельной вдовы. Теперь против несчастной обращенной красавицы восстал весь мир: Дети Тьмы, лицемерные дворяне, лживые священники. Чейтскую пани обвинили в вампиризме, каннибализме и непомерной жестокости. Тем не менее, по причине знатности рода, никто не посмел вынести графине смертный приговор, а посему вместо казни король и церковный капитул приговорили ее к пожизненному заточению в стенах замка Чейт, должному длиться до той самой поры, пока Господь преступницу не простит и не освободит. Первое время госпожу, замурованную в подвальных покоях, исправно кормили и поили, но годы шли, а грехи прекрасной кровопийцы все больше становились похожими на неправдоподобную страшную сказку. И спустя еще лет десять люди начали потихоньку разворовывать разрушающийся замок, напрочь позабыв о томящейся в подземелье узнице. Так гласит легенда, а может, все это и есть правда, кто же ее знает...

Не забывал о госпоже Бафора лишь холодный ветер, испытывая по отношению к ней

родственное, смешанное с ужасом сочувствие. Они имели слишком много общего — одинокая пленница темного подземелья и одичалый ветер, не отягощенный ни врагами, ни друзьями. Посещение подвала замка Чейт стало для него и долгом чести, и повинностью, ведь они остались вдвоем — оба не живые и не мертвые, оба обреченные на бесконечное унылое небытие.

Зимний ветер бдительно взвихрился возле развалин замка Чейт, заглянул под его провалившуюся кровлю и немного поиграл кусочками битого стекла, устилающего выщербленные полы. А затем, душераздирающе заскулив, словно выполняя скорбную обязанность, он медленно потек вниз по лестнице, ловко лавируя между завалами и минуя непреодолимые для кого-то другого преграды. И наконец, тяжело вздохнув, он юркнул в тонкую щелку, сделанную в толстой монолитной стене. Ветер прекрасно ориентировался в темноте, поэтому ничуть не растерялся, очутившись в сыром помещении с низким потолком. Комната была совершенно пуста, если, конечно, не принимать во внимание убогое ложе, установленное в самом ее центре. На кровати, застланной посеребрившими от старости простынями, лежала она — одетая в простое черное бархатное платье, лишенная приличествующих ее сословию украшений. Хотя нет, зачем ей украшения, ведь она в них не нуждалась! Болезненно исхудавшая, тонкая как тростинка и похожая на бледную восковую куклу, госпожа Бафора оставалась прекрасной даже сейчас, ибо ничто и никто — ни столетия, ни ненависть темных тварей — оказались не в силах украсть ее красоту, победить ее веру и сломить ее волю.

Ветер участливо овеял ложе своей единственной подруги и наперсницы.

— Как ты? — едва слышно дунул он.

Веки погруженной в черный сон без сновидений красавицы чуть дрогнули.

«Я слабею, — пришел мысленный ответ. — И размышляю, а не попросить ли Господа прекратить мои бессмысленные мучения и оборвать многовековое ожидание?»

— Ишь ты, думает она! — ворчливо прогудел ветер. — А ты не думай, не бабье это занятие — мозги напрягать! К тому же вот тебе мой вполне уместный совет: если не знаешь, ставить ли в жизни точку, то ставь их три. — Зимний отшельник обладал отнюдь не плохим чувством юмора. — Держись! Я чувствую: в небе сгущается нечто необычное, грядет время перемен. Ты еще помнишь свои обиды?

— Помню! — Веки не живой и не мертвой узницы дрогнули повторно. — Я жду часа расплаты...

— И правильно делаешь! — одобрил незримый шутник. — Мужайся! Скоро мы им отомстим!

— Скоро! — По губам спящей красавицы скользнуло некое подобие торжествующей улыбки. — Отомстим...

И полупрозрачные от истощения пальцы ее скрещенных на груди рук слегка царапнули по черному бархату платья, проверяя сохранность спрятанного под ним предмета — крохотного мешочка, наполненного почти невесомым серебристым порошком...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Папа Бонифаций XIII отложил в сторону порядком общипанное гусиное перо и осторожно подул на свои негнущиеся онемевшие пальцы, обтянутые тонкими нитяными перчатками. Кроме впечатляющих дыр, его донельзя заношенные перчатки украшали замысловатые чернильные пятна, предательски выдававшие неприспособленность великого понтифика к столь плебейскому труду — царапанию тупым пером по грубой бумаге.

«Заледенели. — Его святейшество категорично постучал по столу своим указательным пальцем, непослушным, словно инородный предмет. — Вот ведь дилемма: в тонких перчатках — зябко, а в толстых — писать неудобно. Хотя чего мне терять, писатель-то из

меня аховый...» — самокритично признал он, не ища оправданий и отговорок. Оставаясь верным своим принципам, папа Бонифаций никогда особо не превозносил и не переоценивал способности, дарованные ему Господом, весьма скромные и незначительные, не желая уподобляться тому самому незадачливому танцору, которому вечно мешают некие пикантные органы... Ну всем известно, какие именно!

Однако на сей раз понтифик определенно перестарался с самооговорами, ибо для нынешней плохой работоспособности его пальцев имелась реальная и весьма уважительная причина. Во внутренних покоях Ватиканского дворца царил промозглый холод, а за его насквозь промерзшими стенами и вовсе стояла адская стужа. Прошлой ночью спиртовой столбик в шкале термометра упал до немыслимого показателя: минус тридцать пять градусов по Цельсию, после чего несчастный прибор, привыкший к теплоте средиземноморскому климату, объявил безоговорочную капитуляцию и разлетелся вдребезги, приказав долго жить. Чего уж тут приходится ждать от людей, совсем павших духом и утративших последнюю надежду на спасение?

Папа Бонифаций печально покачал головой, через силу сжал непослушные пальцы, заставляя их работать, и упрямо ткнул пером в чернильницу, но услышал лишь неприятный стук, обозначавший, что чернила замерзли окончательно, превратившись в лед. Тогда его святейшество поплотнее запахнул шубу, носимую им поверх сутаны, подошел к окну и, чуть отогнув уголок закрывающего его одеяла, пытливо всмотрелся в заиндевшее стекло, испытывая тягчайшие угрызения совести. Виновен ли он в том, что невольно принес этому миру столь страшные испытания, вылившиеся в годы гибели и истребления в настоящую Эру зла? Наверное, виновен! И не потому, что он тринадцатый, а потому, что счел себя вправе утаить от людей ту роковую тайну, которая тяготела над ним, подобно занесенному топору палача, подобно неизгладимой каиновой печати. Правда, не думал он, будто занесенный топор упадет, без разбору кося правых и не правых, да вот случилось — упал-таки...

Все предшествовавшие ему папы навечно вошли в историю католической церкви, вписавшись в нее своими громкими деяниями, благопристойными и не очень. Например, папа Юлий II прославился тем, что ударил посохом непревзойденного живописца Микеланджело Буонаротти, слишком медленно расписывавшего потолок Сикстинской капеллы. Папа Пий XI открыл картинную галерею, в которой ханжа Климент VIII приказал пририсовать драпировки обнаженным фигурам на фреске «Страшный суд», а Лев I остановил полчища варвара Атиллы. И только он, Бонифаций XIII, не совершил ничего значимого, умудрившись не войти в историю, а вляпаться в нее аж по самые уши, да к тому же самым дурацким и беспардонным образом! Недаром разговаривающий сам с собой понтифик давно уже перестал верить в существование рая и ада, мысленно заменив их личным вариантом, более подходящим для таких, как он, идиотов — бесконечным полем, заваленным граблями. Ох, не к добру выдвинули его на сей важный пост, ох, не к добру... Согласно традиции, каждого нового папу избирает собирающийся в Сикстинской капелле конклав, подавая условленный дымовой сигнал: белый дым означает, что папа избран, черный — конклав продолжается. Вот и в день его миропомазания из дымохода столбом валил белый дым, по своей густоте и чистоте расцененный как исключительно благоприятный признак. Ох, нет, не к добру радовались доверявшие ему кардиналы, ибо за годы его правления христианский мир потерял все свои владения, отчаянным судорожным усилием удерживаясь в своем последнем оплоте — в Ватиканском дворце.

Да, Ватикан у него пока еще есть, но вот надолго ли?

Папа еще больше отогнул одеяло, упираясь взором в узорчатую ледяную вязь, сделавшую стекло почти непрозрачным, но услужливая память привычно дорисовала дорогую его сердцу картину. Вон там, чуть правее, в центре площади, ровно перед собором Святого Петра, расположен обелиск, опирающийся на спины четырех бронзовых львов, установленных по углам высокого пьедестала. Бывший языческий памятник ныне увенчан мраморным крестом, внутри коего находится кусочек того самого истинного креста, на

котором распяли Христа. Ведущая к собору Виа делла Кончилианционе полностью завалена сугробами, а построенные на площади фонтаны замерзли намертво. Под снеговыми завалами уже не разглядишь белые овальные камни, вмурованные в плиты мостовой вокруг обелиска и являющиеся частью астрономических квадрантов чудесного солнечного компаса, созданного мастером Бернини...

«Ах мой многострадальный Ватикан. — Понтифик громко застонал от переполняющего его сердце отчаяния. — Ах, прекрасный Рим, обреченный на гибель и забвение! Простите мне мои прегрешения и даруйте возможность их искупления! — Бонифаций обреченно повалился на колени, стискивая молитвенно сложенные руки. — Я готов понести расплату и не пожалею жизни ради вашего спасения! Рим, разве ты достоин такой горькой участи?»

О Рим! Святая святых, великий центр целой Вселенной, хранящий вечные тайны одной из главнейших мировых религий. Город, подаривший нам Леонардо да Винчи, Николо Макиавелли, Франческо Гвиччардини, Данте Алигьери, Джоаккино Россини. О Рим! К тебе ведут все дороги и все пути. Столица красавицы Италии, ты манишь к себе не только древними обрядами духовенства, величием исторических памятников, но и непередаваемыми запахами и ароматами традиционной кухни. М-м-м, пицца, паста, лазанья, ризотто, дары моря, вина и десерты... А твой знаменитый воздушный торт терамису (что по-итальянски значит «подними меня вверх»), приготовленный на основе сыра маскарпоне! (Тут его святейшество звучно сглотнул накопившуюся во рту слюну, ибо последним, что он съел еще сутки назад, была банка не слишком-то свежего кошачьего корма.) Так в чем же заключается секрет твоего обаяния, Рим? Какая незримая аура витает над твоими улицами, помнящими поступь Цезаря, святого Павла, Шарлеманя и Клеопатры? Что за сила приводит в восхищение миллиарды людей, заставляя их замирать от благоговения и не находить слов, достойных описать твои красоты? Откуда исходит это волшебное притяжение, вынуждающее нас забывать все на свете и раз за разом возвращаться именно к тебе? Возможно, что сия непознанная тайна кроется в твоём имени? Ведь если прочесть название города на его родном языке, произнеся его наоборот, то мы получим: Roma — Amog. А Amog — это любовь! И даже если прочесть твоё название на жутко зубодробительном русском, то Рим превращается в Мир! Значит, любовь и мир уже изначально заложены в сказочном очаровании Рима. Любовь — вот то, что спасет мир! Не потому ли столько людей искренне влюбляется в Рим и спешит к нему через сотни и тысячи километров. И не потому ли именно Рим привлек к себе внимание жестоких стригоев?

Словно ощутив на себе жадный взгляд Детей Тьмы, папа испуганно задернул одеяло и поспешно отступил в глубь комнаты, выплывая из сладкого мира грез. Он снова очутился во власти беспощадной действительности, в своей изуверской бессердечности ставшей намного страшнее семи кругов ада, когда-то описанных прозорливым Данте. Сегодняшняя действительность казалась ему неправдоподобнее любого кошмара, но между тем она находилась совсем рядом, всего в каких-то десяти — двенадцати километрах, совпадая с последней линией обороны, опоясывающей не сдающийся врагам Ватикан, — один из последних оплотов человеческой цивилизации в этом безумном мире, отданном на растерзание стригоям. Раса людей умирала, жалобно корчась в судорожных конвульсиях, становясь всего лишь пищей, бесправным скотом, отдающим свою плоть и кровь в пользование тем, кто сумел стать властителями нового порядка, именуемого Эрой зла!

Наместник Бога на земле, утративший расположение своего небесного патрона, Бонифаций устало опустился в расшатанное кресло с вылезшими пружинами и мрачно задумался. Современный мир пришел в упадок и походил теперь на составленную из кубиков пирамидку, неуклонно разваливающуюся под натиском победоносной поступи войска Тьмы. Стригои захватили всю Италию, опасаясь пока штурмовать Ватикан, еще оберегаемый остатками Божьего благословения и энергетикой огромного количества сильно намоленных икон. Но во всех прочих странах они развернулись вовсю, действуя где хитростью, где шантажом и подкупом, а где и посулами вечной жизни. На сегодняшний день

их количество не поддавалось исчислению, по приблизительным прикидкам его святейшества составляя около полумиллиона. А ведь они располагали еще и гигантской армией из послушных им мороев, безмозглых и равнодушных. Они за три недели подмяли под себя Соединенные Штаты Америки, обратив в кровопийцу всенародно избранного президента — легендарного Арнольда Шварценеггера, сменившего некоего чересчур амбициозного нефа. (Ну да, а чего еще прикажете ожидать от страны, в своей эволюции прошедшей большой путь — от хижины дяди Тома до... Барака Обамы!) Стригой волной захлестнули Францию и Англию, добрались до Китая и Индии. До понтифика доходили смутные слухи о незавидном положении далекой России, чье насквозь коррумпированное правительство добровольно, с радостью пошло в услужение к бессмертным тварям. Хотя следовало упомянуть, понтифик мало что знал об этом загадочном народе и даже отказывался понимать менталитет странных людей, которые вместо чая заваривают капустные листья и называют оный напиток щами. Кстати, с Россией каким-то образом переплеталась еще одна важная информация, вроде бы нужная, но в запарке непрерывных военных действий совершенно ускользнувшая от его внимания. Бонифаций натужно наморщил лоб, пытаясь вспомнить запаятые данные, и у него почти получилось, но... Тут в камине звонко стрельнуло последнее прогоревшее полено, понтифик вздрогнул и повторно позабыл то, что почти уже всплыло в его ослабевшей памяти...

М-да, последние три года дались ему нелегко, изрядно подточив еще совсем недавно завидно прочное здоровье. Волосы его святейшества весьма поредели и поседели, безвозвратно утратив свою знаменитую рыжину. Ниже глаз залегли одутловато набрякшие черные мешки, иссохшие губы окружила сетка глубоких морщин, разлитие желчи окрасило кожу в неприятный желтый цвет, а застуженные почки привели к развитию отеков ног. Его руки непрерывно тряслись, а походка утратила прежнюю упругость, став тяжелой и шаркающей. В шестьдесят один год папа выглядел на все восемьдесят, предчувствуя, что срок его земных мучений движется к закономерному концу, приближая момент встречи с Создателем. Но пусть даже он и ждал смерти как избавления от мук нечистой совести, его бранные дела оказались еще не закончены и властно удерживали Бонифация от перехода в мир иной. И оные дела нужно было выполнить во что бы то ни стало!

Папа с кряхтением поднялся и протянул руку к корзине с дровами, собираясь подпитать почти угасший огонь, но вовремя остановился. Возле камина лежали жалкие три полена, считающиеся по теперешним суровым временам настоящей роскошью, ибо мало кто мог похвастаться наличием чего-то лучшего. Ну разве что стригои.

Вчистую проиграв кровососам, борющиеся за свое выживание люди попали в весьма сложное положение: в их домах отсутствовало отопление, связь не работала, электростанции перешли в лапы стригоев, пища стоила бешеных денег, а те деньги, к которым все привыкли, сменила новая универсальная валюта, имеющая хождение во всех странах. Вот только называлась она не доллары или евро, а коротко и многозначительно — патроны. Именно потому Бонифаций бережно погладил оставшиеся у него поленья и решительно отодвинул корзину подальше, дабы избежать соблазна. Бесценное топливо следовало поберечь для особенного случая. Хотя бы для такого, какой намечался на сегодняшний вечер. А посему, желая немного отвлечься от холода и пессимистичных мыслей, папа с удвоенным рвением возвратился к прерванной работе.

Он подошел к огромному пюпитру, палочкой поправил неровный огонек толстой сальной свечи и, достав из кармана личную золотую печать, ультимативно стукнул ею по льду в чернильнице, желая закончить недописанную рукопись. Ледяная корочка податливо хрупнула, выплескивая толику мутной синей жижицы. Понтифик удовлетворенно крякнул, поднял перо и, проворчав что-то вроде «труды наши праведные», вернулся к своему прежнему занятию.

Не секрет, что за долгую историю своего существования человечество создало немало знаменитых летописей и хроник, обретших славу книг проклятых, зачарованных или

утерянных. К таковым раритетам можно отнести свитки средневекового алхимика Птолемея-Трисмегиста, касающиеся пропавших государств — Атлантиды и Гипербореи. И «Книгу мертвых», якобы составленную египетским жрецом Менфрусепом, и апокрифическое «Евангелие от Иуды», раскрывшее людям доселе неведомые тайны Царства Божьего и подлинные факты из жизни Равви,¹ а также многие другие. Но ни одна из этих рукописей даже в мелочах не могла сравниться с той, которую дописывал сейчас окоченевший от холода наместник святого Петра, руководимый противоречивыми чувствами долга, раскаяния и отвращения.

— Эх, Гонтор, старый враг, — осуждающе ворчал папа, нервно качая седой головой, — понимал ли ты сам, сколь тяжкий груз взваливаешь на мои хилые плечи? Общаясь с тобой, я пренебрег немудреной истиной, гласящей: «ужин отдай врагу», а вместо этого так сдружился с тобой, стригоем, что стал приглашать тебя на обеды! — Бонифаций благодушно улыбнулся, вспоминая все бутылки вина, выпитые в компании мудрого рыцаря де Пюи, и ничуть не сожалея о своей противоестественной дружбе с покойным патриархом стригоев. Ведь, в конце концов, о мертвых принято говорить либо хорошо, либо никак, особенно в том случае, если мертвые друзья-враги подносят нам вот такие неожиданные подарочки... Немного успокоившись на этой мысли, папа заключил временное перемирие со своей совестью и раскрыл покоящуюся перед ним книгу.

Это был объемистый талмуд, сшитый из листов грубой бумаги и переплетенный в обложку из нежной (Бонифаций не без основания подозревал, что человеческой) кожи. Сия рукопись, написанная ярко-алыми буквами, являлась летописью всего стригойского рода, которую регулярно вели с самого момента его основания. Благодаря своей магической силе, она буквально притягивала к себе любое мыслящее создание, имевшее несчастье хоть раз узреть проклятую реликвию Детей Тьмы. А называлась она Сангрема — «Книга крови». И вот этот-то раритет и завещал Бонифацию его любимый погибший враг — магистр Гонтор де Пюи, патриарх стригоев. Кстати, завещал не просто так и не без веского на то основания!

Избегая открывать «Книгу крови» на начальных страницах, ибо именно в них и содержалась ужасная тайна, приведшая летопись стригойского рода в его руки и касающаяся лично Бонифация, он распахнул книгу на середине и бегло просмотрел последние записи, сделанные его нетвердой рукой:

«Девятого числа девятого месяца две тысячи девятого года кардинал Туринский Анастасио ди Баллестро, вставший на путь предательства, проник в подземное хранилище и вынес из него документ, раскрывающий подробности исчезновения Святой Чаши Господней. А кроме того, пользуясь лунным затмением, он сумел прочитать отрывок из «Евангелия от Сатаны», предсказывающий наступление Апокалипсиса... — Папа покаянно вздохнул, ощущая свою вину за проступок кардинала. — Анастасио, хм... М-да, однако тут не все так однозначно складывается, как посчитали стригои, в том числе и магистр де Пюи с Андреа...» — И, водя пальцем по строчкам летописи, слабо просматривающимся в свете чадающей свечи, он поспешно перевернул страницу книги, торопясь скорее уйти от неприятных ему воспоминаний.

«В феврале две тысячи десятого, разыскивая Грааль и Дочь Господню, стригои напали на школу экзорцистов — монастырь ди Стаффарда, истребили всех его обитателей, а саму обитель сожгли дотла. Спасти от гнева кровопийц сумели лишь четверо воспитанников — молодая экзорцистка Селестина, прозванная Дочерью Господней, вскоре после того прошедшая инициацию Граалем, и трое ангелов. Наш агент Симон де Монфор, искупая совершенные им грехи, вошел в контакт с Селестиной, а также подкинул предводительнице стригоев Андреа второй ключ от рая и ада — хрустальный Анх, символ вечной жизни...»

— Зачем же мы это сделали? — вслух спросил папа, поднимая голову к потолку, некогда изукрашенному чудной росписью, а сейчас покрытому копотью. — Прости, но лишь

¹ Учитель (др. — евр.) — одно из обращений учеников и последователей к Иисусу Христу.

сугубо по воле твоей, Господи! Тогда нам казалось, что мы поступаем правильно. Ведь тот, кто предупрежден, — вооружен, а лучший способ защиты — это нападение. И мы точно знали, какие дальнейшие шаги предпримет Андреа: дабы установить на земле господство Тьмы, она станет искать Грааль, чтобы призвать из ада своего старшего брата — демона Себастиана. В том мы не сомневались! Мы собирались следить за наследницей Дракулы, перехватить демона и упокоить его навечно. Но, увы, наши планы не сбылись, мы просчитались, — он растерянно прикусил губу, — и с того самого момента все в мире пошло не так, как планировалось.

«Предсказание Сатаны сбылось, — гласила следующая запись в «Книге крови», — на небе зажглась звезда Полынь, тьма пала на землю, и мертвые восстали из могил. Господь отвернул от нас свой лик, а его архангелы затворились в райском чертоге и лишили нас своей помощи. Уделом человеческого рода стали проклятие, мор и отчаяние...» — На глаза верховного понтифика навернулись слезы, но он упорно листал страницы летописи.

Внезапно суетливое движение его пальцев замедлилось, а потом они и вовсе остановились, замерев над манускриптом.

«Ой, и как же я мог забыть! — внутренне воскликнул Бонифаций. — Януш, преданный друг, ведь ты обещал мне помочь. Возможно, мы еще получим слабую надежду на спасение...» — И, слегка повеселев от этой согревающей сердце мысли, он улыбнулся.

«Гонтор де Пюи, гроссмейстер ордена Дракона, погиб, защищая Селестину, но передал свои полномочия и власть внучке Андреа. Дочь Господня и Дочь Тьмы узнали о своем кровном родстве, что только усилило их взаимную ненависть. Андреа нарушила Соглашение и начала войну за кровь, а Селестина сумела где-то найти серебряный крест эрайи — ангела смерти. Более того, благочестивые монахи-иоанниты соединили двух эрай: Селестину и бывшего рыцаря-тамплиера Конрада фон Майера, убившего возлюбленного Андреа — графа Рауля Деверо. Но вот что случилось дальше...»

Размышляя, Бонифаций оперся локтем о пюпитр и спрятал в ладони свое бледное от недосыпания и недоедания лицо. Так что же произошло дальше? Этого он не ведал. Почему Господь покинул свою избранную дочь? Куда они все пропали впоследствии: Селестина, Конрад, Симон де Монфор, непоседливые ангелы? Ватиканские карабинеры² искали их повсюду, но так и не нашли.

Все участники оных драматических событий, описанных в «Книге крови», словно в воду канули, не оставив после себя ни следа, ни подсказки. И куда подевался Грааль? Почти три года миновало с той бурной поры, сегодня на дворе стояло шестое января две тысячи тринадцатого года, самый канун великого праздника Эпифании.³ Бонифаций испуганно вздрогнул от навязчивой, так и напрашивающейся ассоциации: и год сейчас тринадцатый, и он сам — тринадцатый. Станет ли сегодняшняя Эпифания днем благой вести? Хотя какие уж тут радости, если о дочери уже три года нет ни слуху ни духу...

² Жандармерия Ватикана.

³ Праздник Эпифании (*Богоявления*) — это греческое название праздника Крещения Господня (*западная церковь называет его Богоявлением*), посвященного крещению Иоанном Крестителем Иисуса Христа в реке Иордан. Богоявлением этот праздник назван потому, что во время крещения произошло явление трех лиц Бога: Бог-отец свидетельствовал о крещении Бога-Сына, и Дух Святой в виде голубя сошел на Иисуса, подтверждая волю Отца. В церковный календарь праздник Богоявления вошел в середине II в. и сначала отмечался вместе с Рождеством Христовым, а в IV в. празднование Рождества было перенесено на 25 декабря (*в России по ст. ст., то есть 7 января по н. ст.*). За праздником же Богоявления сохранилась прежняя дата — 6 января (*в России по ст. ст.*). Причина такого расхождения кроется в ранних веках христианства, когда определялись даты евангельских событий. В римско-католической западной церкви сохранились следы прежнего празднования Рождества 6 января, и церковный термин «Эпифания» католики понимают как само рождение Иисуса Христа. Еще этот день называется праздником «трех королей». Содержанием его является церковное сказание о поклонении младенцу Иисусу языческих королей, или волхвов: Каспара, Мельхиора и Валтасара, пришедших с дарами в Вифлеем к родившемуся Младенцу.

Папа напряженно всматривался в написанные им строки, силясь отыскать ответ на терзающие его вопросы. Неужели во всем случившемся виноват только он, слишком поздно постигнувший величайшую тайну и проклятие его рода? А ведь Селестина так ничего и не узнала о силе страшного родового наследия, изначально обрекающего на неудачу все ее благие помыслы и начинания!

«Бедная моя девочка! — безмолвно кричало сердце несчастного отца, осознающего всю глубину ужасной темной пропасти, ожидающей его дочь. — Девочка моя, ну как же так... За что нам это, за что?» — Но призыв повис в воздухе, а папу по-прежнему окружали лишь сумрак и тишина, безмолвные пособники зла и несчастья, без слов подсказывающие: от судьбы не уйдешь!

Как ни богохульно это звучит, но Бонифаций понимал: самая большая победа Сатаны состоит в том, как ловко он сумел убедить всех, что его якобы не существует! Люцифер лукав и изменчив, будто сама жизнь, преподносящая нам отнюдь не то, чего мы спрашиваем, а то, к чему оказываемся вовсе не готовыми! И тогда мы сознательно обманываем самих себя, заявляя, что Сатаны нет; но ведь тот, кто не верует в Искусителя, в итоге отрекается и от Спасителя. Грань между добром и злом слишком тонка и размыта, а промысел Божий зачастую является лишь изнанкой замыслов Сатаны. И, убоявшись собственных крамольных мыслей, понтифик схватил перо так, как хватаются за последнюю надежду на спасение, криво выводя на листе стригойской летописи:

«Господи, где же ты? Не оставь нас...»

Но только он оторвал от бумаги перо, как с него неожиданно сорвалась последняя чернильная капля, упала на край пюпитра и растекалась, складываясь в буквы... Шокировано выпучив глаза и мелко дрожа нижней челюстью, неопратно заросшей седой щетиной, папа наклонился ниже и, заикаясь, прочитал: «Не оставляю, дети мои!»

Мне казалось, что я утратила ощущение времени и пространства слишком давно, по крайней мере, уже тысячу лет назад. Мир суматошно вращался вокруг меня, непрерывно меняя местами дно, стенки и крышку моего узкого гроба. Я устала от самой себя, от непереносимого страдания, от своих судорог, от дико расширенных зрачков, занимающих всю радужку. От своих безумных стонов боли и криков ненависти. От нечеловеческого голоса, превратившегося в рев животного. Я неоднократно пыталась замолчать, затихнуть хотя бы на миг, свернуться калачиком и отдохнуть, но у меня не получалось. Мои руки покрылись черно-бурыми синяками, так сильно я впивалась в них ногтями. Я перестала отличать явь и вымысел, у меня начались видения. Я не помнила ничего и никого, я забыла, кто я есть и как меня зовут, потому что моя пытка все длилась и длилась. Длилась бесконечно...

Иногда на мгновение я все-таки выплывала из океана смерти и боли, успевая осознать, что вот сейчас на меня нахлынет новый приступ, упоенно закружит в танце черного сумасшествия. Мои пароксизмы расписаны, будто по часам, и подчинены неизменному сценарию. Я содрогаюсь от ужасного предчувствия и умоляю кого-то далекого, равнодушного и никому ничего не прощающего избавить меня от очередного припадка, провести боль мимо. Но все мольбы напрасны и бесполезны, ибо приступы не отступают. Я порываюсь вспомнить, как зовут того сурового судью, обречшего меня на столь изощренные пытки, но путаюсь в именах, сбивчиво шепча: «Господь, Сатана, Любовь...» За что же мне все это? Но приступ игнорирует мои просьбы, накатывая без предупреждения...

Сначала у меня холодеют кончики пальцев — первый признак. Фаланги плохо сгибаются и деревенеют. Я упираюсь затылком в дно гроба, выгибаюсь дугой, чувствуя впивающиеся в тело цепи. Вот оно! Меня прошивает короткая, как автоматная очередь, судорога. Черт, как же больно! Но нет, это еще не приступ, а только прелюдия к нему. Меня начинает бить крупная дрожь. Кисти взрываются чудовищной болью. Все, началось!

В глазах мутнеет. Сквозь слезы я пристально смотрю на свою руку и замечаю, что она

разорвана от запястья до предплечья, как будто какой-то доктор-маньяк кромсал ее острым скальпелем. Дьявол, на сей раз все располосовано намного глубже, чем обычно. Сквозь хлещущую из раны кровь виднеется зазубренная белая кость. Но я не успеваю сосредоточиться на ране, потому что боль вливается в мои ноги, терзая их кровожаднее стаи голодных волков. Я через силу переворачиваюсь на живот и осознаю, как кожа вдоль позвоночника начинает медленно вспучиваться, а затем и испариваться. Позвонок за позвонком проступают наружу. Кровь из моих ран уже не выплескивается фонтанчиками, а течет полноводной рекой. Дно каменного гроба становится мокрым и красным. Снова смотрю на свои пальцы — они темнеют. Значит, у меня есть только секунда для того, чтобы сделать вдох и набраться терпения, ибо сейчас начнется второй этап приступа.

Я глубоко вздыхаю. Еще мгновение, еще последний короткий всхлип — и моя грудная клетка разверзается. Я вижу, как изнутри высовывается ребро, замирает в совершенно немыслимом положении и... ломается. Живот рвется с противным скрипом, и все мое естество выворачивается наружу, сизые внутренности высыпаются с влажным шлепаньем, вяло тянутся змеи-кишки. Но боль не отступает, она поднимается вверх... Я тихонько вою, рыдая и выпрашивая: «Нет, пожалуйста, только не голову!» Больно! А ведь всего секунду назад мне казалось — больнее быть уже не может. Оказывается, может. Я слышу, как трещит мой вспучившийся череп, и тороплю приближение благодатного безумия, способного туго запеленать боль в спасительное полотно милосердного забвения. Скорее бы настал тот момент, когда мозг отключится, попав под воздействие болевого шока. Мне кажется, последний приступ длится целую вечность. Но, увы, он еще не закончился...

Над моим истерзанным телом начинает куриться легкий дымок, быстро перерастающий в бушующее пламя. Я кручусь, бьюсь в тесном пространстве гроба, стараюсь сбить огонь. Я стараюсь выжить. Тело мое умирает, наверное, уже в тысячный, стотысячный раз, но рассудок еще удерживает некое подобие контроля над этими обугленными останками, приказывая: «Тебе нужно продержаться еще чуть-чуть. Терпи! Терпи ровно до той вожделенной минуты, когда болевой порог твоей бесконечной пытки будет пройден».

Но моя душа сомневается и не верит, ибо как можно терпеть до бесконечности?

Больно. Терпеть. Больно. Терпеть.

Кто сказал, будто боль очищает?

«Терпеть, терпеть, терпеть! — я твержу это слово как заклинание. — Господи, ну где же ты? Когда и почему ты оставил меня?» Где-то на краю сознания всплывает красивое мужское имя Конрад, но я удивляюсь: «Кто он такой — этот Конрад?» Я его не помню.

Больно. Терпеть. Больно. Терпеть.

Я ничего не вижу, кроме красного марева, плавающего у меня перед глазами. А потом глазные яблоки шумно взрываются, и приходит спасительная темнота. Я слышу последний, леденящий душу крик. Свой крик. Я рассыпаюсь пеплом и перестаю существовать. Все, приступ закончился...

Я спокойна. Я медленно поворачиваю голову и слизываю капли воды, выступившие на стенке каменного гроба. Сейчас мне хорошо. Пытаюсь хмыкнуть, но мне удается издать лишь тихое шипение; кажется, я опять сорвала голос. Я блаженно улыбаюсь, отдыхая и не думая пока ни о чем. У меня есть еще как минимум пять минут до следующего приступа. Нужно сдержаться и не проклясть себя, нужно быть сильной и не плакать. Можно попытаться что-то вспомнить, но я забыла даже о том, что такое память... «Конрад — он ведь уже ищет меня, непременно найдет и избавит от страданий... Вот только кто он такой? Возможно, он всего лишь квинтэссенция моего одиночества и мук?» Холодеют кончики пальцев, кисти перестают сгибаться. Времени осталось ровно на вдох. Мое сердце стучит как часы, отмеряя минуты очередной не жизни и не смерти, а я прислушиваюсь к его размеренному ходу.

Тик-так, тик-так.

Вот оно. Началось...

Нет, я никого ни в чем не виню. Я простила всех тех, кого любила и кого презирала. Я стою отныне намного выше гнева и нахожусь вне доброты. Я не принадлежу ни людям, ни стригоям, ни ангелам. Я не душа и не плоть. Я выжгла из себя любовь и отказалась от земного мира. Мне ни о чем не говорят богатство, власть, честь и слава. Я никто и ничто, простившее всех и вся.

Вам на излом меня не взять,
Мои вчерашние кошмары,
Да лучше мне совсем не спать,
Покой перин сменив на нары.

А может, лучше разорвать
Стихов последние страницы,
И кровью стены запятнать
Психиатрической больницы.

Хочу не падать больше ниц
Пред запахом гнилого лоска,
Хочу не видеть этих лиц,
Оживших на гравюрах Босха.

Я не хочу во тьме блуждать,
Но не ищу святого духа,
Уже устала подтверждать:
Я от любви закрылась глухо.

Я слышать больше не хочу
Стенаний боли, звон кифары,
Я души людям не лечу
И не тушу сердец пожары.

Не призовут меня опять
На поле страшной Божьей битвы,
Не повернется время вспять —
Я не пишу уже молитвы.

Грядет безумию конец...
Пусть слов моих не сникла сила —
Прошу, пойми меня, Творец,
Ведь я простила, всех простила...⁴

Но в тот самый момент, когда я почти уже привыкла к боли и начала получать от нее какое-то извращенное удовольствие, сумрак моего узилища неожиданно прорезал узкий луч света. Мои слезящиеся глаза смогли различить очертания электрического фонаря, покачивающегося в руке у высокой фигуры, окутанной облаком длинных пышных черных волос.

— Хватит скорбеть! — властно приказал мелодичный женский голос. — Пришло время обновления!

⁴ Здесь и далее в книге использованы стихи автора.

В двери папского кабинета вежливо постучали.

— Кто там? — встрепнулся понтифик, поспешно захлопывая «Книгу крови» и накрывая ее покрывалом. Еще не хватало, чтобы его приближенные узнали, какую именно рукопись пишет на досуге их пастырь. Позора не оберешься...

Створка немного приоткрылась, ровно настолько, чтобы в нее заглянуло бледное лицо служки.

— Ваше Святейшество, там карабинеры какого-то человека привели... — почтительно проблеял мальчишка. — Он паролей не знает, но упорно клянется, будто является вашим близким другом.

— А имя у него спросить они не догадались? — всплеснул руками папа, почти негодуя на простодушие своих верных солдат.

— Спросили! — застенчиво бекнул служка. — Как же не спросить. Сейчас... — Он полез в карман своего одеяния, больше смахивающего на многослойные капустные листья, вытащил бумажку и с запинкой прочитал непривычное для итальянца имя, старательно выговаривая по слогам: — Отец Януш Мареше...

— Януш! — обрадованно возопил папа, приплясывая от нетерпения. — Он приехал! Ну, не стой же как истукан, мальчик, скорее веди нашего долгожданного гостя в библиотеку, — и многозначительно добавил, после того как мальчишка со всех ног бросился выполнять полученный приказ: — Слава тебе, Господи. Кажется, отец Мареше сумел-таки найти нужный нам документ. Хватит скорбеть, пришло время обновления! — Бонифаций подхватил подол сутаны и чуть ли не бегом ринулся вон из кабинета.

А за окном Ватиканского дворца обрадованно взвыл одинокий зимний ветер, ничуть не обманувшийся в своих прозорливых предчувствиях. Час отмщения близился.

Глава 2

Интересно, многие ли из нас знают, что объединяет футбольных фанатов, лесбиянок, филателистов, наемных убийц, истинных джентльменов и врачей-проктологов? Правильно, все они организуют свои закрытые клубы, призванные не только свести имеющих общие интересы людей, но и обеспечить им качественный полноценный досуг. Но еще более интересным фактом является наличие подобного клуба не где-нибудь, а в самом центре христианского мира — в Ватиканском дворце.

О нет, конечно, в данное благопристойное место не имеют доступа какие-нибудь хоккейные болельщики, хотя следует признать — антиквары и нумизматы всех стран и всех мастей с готовностью запродали бы Дьяволу свои пронырливые души, лишь бы только попасть под свод папских чертогов. Но, увы, доступ в понтификальный клуб, называемый «Agnus Dei»,⁵ строго ограничен, а пропуском туда служит красная кардинальская биретта. Потому как благочестивые прелаты тоже желают иметь свой собственный ограниченный кружок благонадежных персон, ну или благонадежный кружок ограниченных персон, как зачастую именуют «Agnus Dei» завистники и недоброжелатели.

В старые мирные времена члены понтификального клуба никогда не уклонялись от общения, а посему собирались на заседания регулярно, каждую субботу, выбирая для своих собраний один из залов обширной папской резиденции. Ныне, в тяжелую годину всеобщего бедствия, Ватиканский дворец практически не отапливался, число проживающих в нем кардиналов заметно поуменьшилось, и поэтому приютом для клуба стала самая маленькая комнатуха за библиотечным запасником. Но ведь суть какого-либо события всегда остается намного важнее его внешнего оформления, не так ли?

Итак, за неимением лучшего на сегодняшний скорбный день в библиотеку пришло всего три члена «Agnus Dei», и сейчас они плотной группкой сидели возле скудного огня, еле

⁵ «Agnus Dei» — «Агнцы Божьи» (лат.).

теплившегося в широком зеве камина. Три этих набожных мужа остались верны своему понтифику не только по причине личной, давней и прочной привязанности к Бонифацию, но и в силу персональных высочайших морально-нравственных качеств, присущих каждому из них. Одним из негласных ритуалов сего клуба являлось совместное распитие ликера «Ферне Бранка», с некоторых пор считавшегося любимейшим напитком папы Бонифация. Мимоходом следует упомянуть, что некоторые склонны критиковать горьковатый вкус этого напитка, находя его отвратительным. И тем не менее когда по Ватикану прошел слух о том, что его святейшество пристрастился ежевечерне вкушать рюмку одного бодрящего пойла после вечерней молитвы — на сон грядущий, то весь папский двор быстро приобщился к новой заразной привычке. Неизвестно, стало ли это тотальной епитимьей или же гадкий ликер принимался сугубо в качестве лечебного средства... Но, во всяком случае, отныне никто не мог называться членом клуба, не соблюдая установившегося ритуала. Преподобный ликер разрешалось разбавлять ментоловой или содовой водой. Зимой его пили в чистом виде, сдоблив дольками лимона. Кое-кто втихомолку смешивал его с колой или ромом, а находились и такие фанатики, которые пили его с пивом. Сам же Бонифаций переплюнул всех своих кардиналов, потому как выпивал ликер залпом, перемешав его, как это делают поляки и русские, с водкой, и затем смачно кричал от удовольствия. Забавная привычка, в высшей степени подходящая живому святому!

— Вот, — гордо пробасил тучный Адриен Бонини, папский викарий,⁶ выставляя на столик запечатанную бутылку знаменитого зеленоватого, словно абсент, ликера. — Последняя, из прежних, еще довоенных запасов!

Два других кардинала, сегодня готовые с радостью употребить даже это жуткое пойло, довольно потерли руки и придвинулись поближе. Викарий Бонини, честно отмеряя дозы, на треть наполнил четыре высоких стакана, долив их простой водой, и сделал приглашающий жест. Донельзя замерзшие прелаты, чьи зубы отчетливо выстукивали громкую дробь, а упрятанные в валенки ноги отплясывали резвую чечетку, не заставили упрашивать себя и цепко ухватились за стаканы. Нунций⁷ Джакомо Катальдини, вечно бледный, маленький, сухонький, порывистый человечек неопределенного возраста, наделенный живыми серыми глазками, притронулся к стакану лишь краешками губ, осторожно, словно крыса к сыру, а потом начал пить крохотными глотками, издавая при этом легкое блаженное попискивание. Нет сомнения, что «Ферне» обладало свойством сильно согреть, так как лицо священнослужителя сразу же приобрело красноватый оттенок, хотя и этот цвет не являлся для него естественным. Отставив ополовиненный стакан, прелат, похоже, восстановил свои мыслительные способности, о чем свидетельствовал лукавый блеск, ожививший его глаза. А вот третий участник сегодняшнего заседания надолго присосался к своей порции горького напитка, растягивая наслаждение. Его преосвященство кардинал Валерио ди Серето, префект Священной обрядовой конгрегации, был дороден, высок ростом, властен и безапелляционен. Посредством его деяний современная наследница инквизиции — Священная конгрегация — строго следила за точным соблюдением церковных обрядов, выявляя тех, кто неосмотрительно отходил от незыблемых доктрин, а затем наказывала их без колебаний и промедления. Точно так же, как истреблял сейчас кардинал ди Серето свою дозу спиртного. Поговаривали, будто в юности префект пережил ужасную сердечную драму, сильно испортившую его характер. Ну чем не повод поверить некоторым историкам, утверждающим: инквизиторы сжигали ведьм не потому, что ненавидели, а потому, что им просто не хватало женского тепла...

— Помню, лет пять назад я угощал этим благородным напитком некоего напыщенного набоба-раджу, прибывшего к нам из Индии. — Викарий с видом ценителя поболтал своим

⁶ Помощник по хозяйственной части.

⁷ Дипломатический представитель Ватикана.

недопитым стаканом, любуясь переливами тягучего зеленого ликера, медленно перетекающего по стеклу. — Так проклятый язычник имел наглость обозвать наш бесценный «Ферне» смесью дуста со щавелевым спиртом.

— Обезьяна он некультурная, а не аристократ! — обвиняющим тоном изрек кардинал ди Серето, весьма не жаловавший сторонников других религиозных конфессий. — Ничего не смыслит в христианских обычаях! — Видимо, под обычаем подразумевалось распитие алкогольных напитков.

— Если человек бросает молодую жену с маленьким ребенком на руках, престарелого отца, ответственный пост (чем подводит многие сотни людей), раздает все нажитое добро абы кому попало и сваливает, чтобы ничего не делать, а только медитировать, то как мы назовем такого гада? — хитро прищурился нунций Кательдини, славящийся своими язвительными шуточками далеко за пределами Ватикана. — А?

— Подлец! — безапелляционно заявил категоричный префект. — А как же иначе...

— Правильно, — похвалил кардинал Кательдини. — А вот индусы называли его Буддой! Чего уж удивляться после одного деяния их поклепу на наш ликер? Знаете, в нашем мире встречаются столь невообразимые образчики человеческого мышления, что...

Но нунций не успел закончить свою поучительную речь, потому что дверь широко распахнулась и в комнату, спотыкаясь, вбежал папа Бонифаций, настолько резво и стремительно, насколько позволяли его больные колени. Он резким движением схватил свой стакан и опустошил его одним махом, даже не поморщившись. Кардиналы изумленно приоткрыли рты.

— Еще один! — ультимативно потребовал понтифик, отводя ото рта опустевшую посуду.

Викарий Бонини нервно икнул и потянулся к драгоценной бутылке.

— Да не мне! — с веселым смешком папа остановил своего усердного помощника. — Давайте попотчuem отца Мареше, нашего долгожданного спасителя, только что прибывшего к нам из Кракова!

И сразу же за упоминанием новоявленного спасителя из коридора донесся громкий скрип паркета, очевидно прогибающегося под весом чьего-то мощного, крупного тела. Челюсти заинтригованных кардиналов отвисли еще ниже. В помещение вошел незнакомый им человек, обладающий в высшей степени броской и неординарной внешностью. Рядовой иезуит одной из общин Кракова, отец Януш Мареше казался поистине необъятным как из-за собственного внушительного телосложения, так и из-за складок своей шерстяной коричневой рясы. Его лицо с синюшным оттенком заядлого выпивохи, увенчанное буйными темными волосами, поражало энергичным выражением. В правой руке гостя красовалась тяжелая, увенчанная крестом дорожная трость. Большие черные глаза навывкате с насмешкой оглядели тройку именитых кардиналов, шокированных вульгарной внешностью гостя, громоздкая фигура которого в своей скандальной одиозности напоминала им статую грешника Командора, выплывшую из кладбищенского тумана достопочтенного города Севилья. (К счастью, наши прелаты слыли весьма эрудированными мужами и читали пьесу «Дон Жуан».) Отец Мареше ничуть не походил на священника — таковым стал их молчаливый, но дружный приговор. Гость явно относится к не заслуживающему внимания провинциальному быдлу, необразованному и тупому, еще более подлому, чем самые заядлые буддисты. Заметив презрительные гримасы холеных прелатов, поляк подначивающе усмехнулся, ибо у отца Мареше природный интеллект всегда сочетался с выработанным самой жизнью юмором, придававшим его уму дополнительный блеск.

— *De omni re scibili... et quibusdam aliis! Felix qui potuit rerum cognoscere causas. Untelligenti pausa,* — выразительно прогудел он красивым оперным басом.

Челюсти кардиналов синхронно отвисли до самого стола, грозя отпасть.

Для тех, кто не сведущ в крылатых латинских выражениях, нужно незамедлительно пояснить эффектные повороты мысли сего ученого польского иезуита. Используя для начала крайне претенциозное высказывание: «Я могу ответить на все в меру своих знаний» и

добавив: «И даже на многое другое», — отец Мареше ясно дал понять своим собеседникам, что эрудиция — всего лишь тщеславие и кичиться этим глупо. Что же касается второго выражения: «Счастлив тот, кто смог охватить суть вещей», — то им поляк хотел показать, что, несмотря на первое предложение, стремление к знанию очень похвально. И наконец, он тонко заключил, что «для умного не требуется много слов». Неизвестно, поняли ли кардиналы сию изящно завуалированную преамбулу, но выражения их лиц немедленно изменились на лъстиво-угодливые, ибо они нутром почуяли в отце Януше сильного соперника, способного украсть у них симпатию папы. Но сам Бонифаций, с ироничной улыбкой наблюдавший за разворачивающейся перед ним сценой, демонстративно проигнорировал поведение своих подчиненных и, подойдя к отцу Мареше, заключил его в свои гостеприимные объятия.

— Януш, друг мой, сколько лет мы с тобой не виделись! — импульсивно воскликнул он, слегка постанывая от ответного воздействия сильных дланей дюжего поляка. — Что нового случилось в твоей жизни?

— Наша жизнь сама по себе не более чем витиеватая череда непредсказуемых случайностей! — философски отшутился отец Мареше. — Поэтому ничего нового в ней уже не случится.

Трио кардиналов восторженно зааплодировало, восхищаясь всем известной, избитой истиной, высказанной столь легко и непринужденно.

— Ах, ты, как всегда, прав! — подхватил Бонифаций, впад в лиризм. — Ты ничуть не изменился со времен нашей молодости...

— А зачем мне меняться? Я по-прежнему нахожу жизнь не чем иным, как экстравагантной фикцией! Как же можно не восхищаться всеми этими современными теологами и метафизиками, этими умозрительными искателями невидимого, создающими стройную систему абстрактного мышления, все дальше отодвигающую от людей границы восприятия непознанного! Насколько мрачным и плоским стало бы без них наше существование! Их юмор бесподобен, — убедительно добавил иезуит, приводя в испуг косно мыслящих кардиналов, не привычных к столь новаторским мыслям, — они отринули Бога, но при этом все так же продолжают его искать!

— Подвергаешь религию остракизму, не хочешь сойти за легковверного? — улыбаясь, заметил понтифик.

— А ты? Какая у тебя вера? Будем честны: мы убеждены только в том, что существует реально, да и то у нас частенько возникает вопрос: а не сон ли это? В любом случае лет через двадцать мы канем в вечность. Что тогда станет со Вселенной? Для одних она еще останется видимой, но ненадолго. Они же, в свою очередь, тоже исчезнут. То, что мы называем реальностью, есть лишь преходящее отображение, которое мы передаем друг другу телесно или через наши работы. И ничего больше.

— Слишком уж ты умен, но недостаточно чувствителен. Я хочу сказать, недостаточно близок к вещам и людям. Они для тебя уравнения, требующие решения! — Бонифаций рассмеялся от всей души, ибо только закадычному другу Мареше позволялось разговаривать так вольнодумно. Еще обучаясь в церковном лицее, они тратили свой досуг на подобные схоластические беседы, тогда как другие мальчишки беззаботно играли в мяч, не задумываясь о смысле бытия. Но не лучше ли было и им гонять мячик, а не погружаться в тайны божьего и человеческого миров? Тогда глядишь, ничего бы и не произошло...

Между тем отец Мареше попробовал опуститься в предложенное ему кресло, но так и не смог в него втиснуться, и, немного подумав, просто выломал обе ручки старинного предмета мебели, в коем подремывали многие столпы святой католической церкви. Кардиналы возмущенно охнули на три голоса, а папа только фыркнул, потешаясь проделками друга и его непосредственностью. Но на этом иезуит не утомился, ибо здесь его раздражало все, конечно, кроме папы Бонифация, а особого его недовольства удостоился хваленый «Ферне Бранка», который иезуит считал пригодным лишь для чистки медных изделий. Придирчивый поляк, брезгливо подняв стакан с ликером, вылил его содержимое в

стоящий рядом горшок с завядшим дельфиниумом, после чего налил себе виски двадцатилетней выдержки из предусмотрительно наполненного набалдашника своей трости.

Брови едва успокоившихся кардиналов вновь поползли вверх — на их глазах творилось сущее святотатство.

— Привез? — обеспокоенно спросил Бонифаций, ерзя на подушке.

Иезуит молча кивнул.

— То самое? — нетерпеливо уточнил папа.

Ответом ему стал второй кивок.

— Уверен? — Огромное волнение святейшего выдавали мелко подергивающиеся кончики его пальцев.

Отец Мареше хитро прищурился и достал из внутреннего кармана своей рясы портсигар, сразу обеспокоив этим присутствующих в комнате кардиналов, подумавших, до какой же степени порока можно дойти, чтобы травить себя подобной омерзительной смесью с запахом горелого кофе, ладана и нефти? Он прикурил сигарету и весомо произнес:

— А ты тоже ничуть не изменился. Все так же прощаешь мне мои греховные привычки и вольнодумство. Зря, друг мой, ты не стал похож на одного из этих напыщенных святош, потому как тогда ты бы точно не встрял во все эти неприятности, о коих писал мне в письме, умоляя разыскать в Кракове свиток с призывающей архангелов молитвой!

Бонифаций покаянно кивнул, смиренно выслушивая резонные упреки друга и не находя ни слова в свое оправдание.

— Свиток хранился именно там, где я и указал? — лишь судорожно сглотнул он.

Отец Мареше ответил еще одним красноречивым кивком:

— Ты узнал о нем из манускрипта, переданного тебе покойным Гонтором де Пюи?

— «Requiescat in pace!»⁸ — благочестиво откликнулся папа.

Кардиналы, не посвященные в тайну существования «Книги крови», лишь недоуменно хлопали ресницами, полностью утратив нить разговора.

— Ты не ошибся, кто-то из твоих предков упрятал текст молитвы в резной деревянный алтарь, украшающий наш главный краковский собор — Мариацкий костел. Мне стоило немалого труда незаметно извлечь его оттуда и привезти сюда, к тебе. Но спешка никогда никому еще не пошла на пользу, а посему мне не терпится вернуться домой и продолжить поиски остальных предметов из «Божьего Завета»...

— Теперь-то архангелы точно услышат наш призыв и придут к нам на помощь! — Папа благоговейно сложил ладони, по его впалым щекам катились слезы облегчения.

Наивный викарий, из всей загадочной беседы понявший лишь два слова: «помощь» и «архангелы», — просиял широкой улыбкой.

— Господи Иисусе! — благодарно вздохнул нунций и перекрестился.

— Как можно поверить в то, что настолько важный документ хранился в каком-то задрюпанном Кракове, оставаясь неизвестным великому Риму? — возмущенно возопил самоуверенный кардинал ди Серето. — Вы лгун и интриган, отец Мареше. Вы еретик! Я вас обличаю! Ваша информация не выдерживает никакой критики! Как это у вас, у поляков, говорится: «Уписаться со смеху можно»?

Иезуит тонко улыбнулся. Он вскочил с живостью, которую трудно было ожидать от столь грузного человека, и менторски наставил свой толстый палец на папского префекта:

— Пусть я давно погряз в безверии и цинизме, но у меня еще сохранилась совесть. Но вот есть ли она у вас? Ничто не ново в этом лицемерном мире, я могу рассказать о некоем довольно известном человеке, так же обвиненном в ереси и изгнанном из семинарии.

— Вы говорите о Копернике? — вопросительно изогнул бровь нунций.

Отец Мареше одарил неуча снисходительным взглядом:

— Я говорю о знаменитом Джованни Джакомо Казанове, в 1774 году исключенном из

⁸ Да почиет в мире! (*лат.*).

семинарии Венеции за фразу: «У католических священников самое длинное кадило».

Папа тихонько смеялся, вежливо прикрываясь рукавом.

Кардинал ди Серето панически отшатнулся на спинку кресла, задыхаясь от злобного негодования и чувствуя, как сильно он проигрывает в остроумии и находчивости этому наглому пришлому безбожнику.

— Тише, — умиротворяюще взмахнул ладонями папа, — не нужно ссориться. До склок ли нам теперь? Януш, друг мой, ты точно уверен в подлинности свитка?

Иезуит зашарил у себя на груди и извлек мешочек, подвешенный на его толстой шее, а затем вытряхнул на ладони Бонифация потемневший от старости пергаментный свиток. Понтифик помянул Господа и развернул документ. Пару долгих минут они внимательно изучали написанный на пергаменте текст...

— Довольно любопытная молитва, — заметил Бонифаций.

— Апокриф, — уточнил иезуит.

— Какой эпохи, по твоему мнению?

— Конец XIV или начало XV века.

— Откуда?

— Венеция, однозначно. На пергаменте присутствует характерный тисненый орнамент — якорь в кружочке и виньетка над ним. Итальянские дубильщики кож использовали его с XV века, никак не раньше. В 1388 году его можно было встретить в Мантуе, в 1391-м — в Вероне, в 1409-м — в Венеции, в 1420-м — в Падуе. Кроме того, в тексте церковная латынь перемешана с типично венецианскими словами: «disnare» — есть, «sentare» — садиться, «scampare» — убегать, «folio» — сын, плюс специфическое написание некоторых слов, включающих в себя «lg», такое, чтобы выделить звук «l». Я уже изучал подобные тексты, приписываемые Белой конгрегации, к тому же такая орфография вошла в обиход лишь в XIII веке.

— Годы совпадают, — жарким шепотом согласился папа, наклоняясь к уху друга. — Это оно, часть проклятого наследия рода Бафора! Документ из «Божьего Завета».

Отец Мареше вновь кивнул, на сей раз важно и торжественно.

— Читай, — потребовал он, — разбуди же тех, кто и так уже спит слишком долго!

Папа встал с кресла, приосанился, вдохнул полной грудью и начал произносить слова найденной молитвы, выговаривая их торжественно и призывно.

В потолке комнаты прорезалось светящееся окно, из которого кубарем вывалились три крылатые мужские фигуры. Зависнув в полуметре над полом, они лениво взмахивали белыми крыльями, звучно зевая и потирая заспанные глаза.

— Ну вот, — капризно пожаловался первый, златокудрый юноша, претенциозно наряженный в модный джинсовый костюмчик и шегольские кроссовки американского производства, — только мне, понимаешь, приснилась обнаженная святая Варвара, как кому-то вдруг приспичило разбудить меня столь грубым образом. А я ведь только собирался ее...

— Ури! — осуждающе приструнил блондинчика второй юноша, выглядевший несколько взрослее своего легкомысленного собрата. Его голову покрывали густые каштановые локоны, и он шутливо грозил загорелым пальцем. Грудь загадочного гостя оберегала серебристая чеканная кираса. — Фи, что за моветон, как тебе не стыдно?

— А что сразу Ури? — взвился сексуально озабоченный блондин. — Я уже пять тысяч лет как Ури, а вы, братья, все меня за пацана считаете. Ах, Ури, — он комично закривлялся, удачно пародируя наставительные интонации своего воспитателя, — одевайся теплее, а то простынешь, по девочкам не ходи...

Обладатель каштановой шевелюры смущенно покраснел.

— А почему у тебя обувь в помаде? — с подозрением спросил он.

— Так ходил я, — нахально заорал недисциплинированный блондин, — по девочкам ходил!

— Женщины — это святое! — назидательным тоном провозгласил третий пришелец,

мужчина в расцвете лет, облаченный в темные эмалевые доспехи. Его черные волосы были острижены по-военному коротко, а на ногах он носил кожаные кутурны⁹ древнеримских легионеров. — А Уриэлю опять не терпится отправиться в паломничество по святым местам, — он шутливо подмигнул блондину, ладонями очерчивая в воздухе контуры пышной женской фигуры, — ну и заодно немного погрешить...

Каштановокудрый звонко рассмеялся:

— Самуил, вечно ты балуешь нашего младшенького! С твоей щадящей педагогикой он как был балбесом, так балбесом и останется.

Но черноглазый Самуил не ответил. Прояснившимся взором он оценивающе обвел маленькое помещение, узрел стоящих на коленях прелатов, трое из которых пребывали в состоянии близком к обморочному, и разъяренно взревел зычным басом:

— Как посмели вы, смертные, смущать наш небесный покой?

— И лишать Уриэля его сладостных снов, — куда более миролюбиво добавил каштановокудрый. — Ай-ай-ай!

— Куда это нас занесло, братцы? — вертел головой любопытный блондинчик. — Что за халупа?

— Это наш понтификальный клуб! — робко пояснил папа Бонифаций, не поднимаясь с колен.

— Вижу, что фекальный! — едко парировал Уриэль. — Колитесь, чего вам от нас надо, мужики?

— Говори, не бойся, — подбодрил понтифика воин в серебряной кирасе, — мы вас не обидим, ибо Господь изощрен, но не злонамерен... Слово мое нерушимо, ведь я — архангел Гавриил!

— Да-а-а-а? — недоверчиво спросил отец Мареше. — А почему он тогда допустил возникновение этакого безобразия?

— Ну а чего вы хотели? — непритворно удивился Гавриил. — У Господа имелось всего шесть дней на сотворение мира. Вот и получился бардак.

— Приплыли! — печально констатировал иезуит, отпивая из своего стакана. — Уж даже если архангелы неприкрыто заговорили о несовершенстве нашего мира, то, значит, нам пришла хана...

Уриэль плотоядно зашевелил носом, приняхиваясь к спиртному.

— Смертные пьют в трех случаях, — расхохотался Самуил, снижаясь и отбирая у отца Мареше его посох. — Когда им плохо — от горя, когда хорошо — от радости, и если все нормально — от скуки. Но сейчас, — он присмотрелся к перекошенным от отчаяния лицам папы и его друга, — я предполагаю первое. Рассказывайте! — приказал он, коротким жестом извлекая из ничего три хрустальные рюмки и наливая виски себе и своим братьям. Архангелы вальяжно расселись в воздухе, приготовившись внимать рассказу прелатов.

Неоднократно запутавшись в деталях и часто перебивая друг друга, папа и отец Мареше поведали архангелам обо всем произошедшем. И без того пасмурный Самуил еще больше помрачнел лицом, Уриэль недоверчиво хлопал своими длинными ресницами, а Гавриил многозначительно присвистнул:

— М-да, ну и дела, однако! Проклятые кровососы, похоже, совсем страх потеряли.

— Помогите нам! — жалобно попросил Бонифаций.

Но крылатые братья лишь бессильно развели руками:

— Увы, мы не можем. Господь крепко спит, убаюканный чарами Темного Повелителя, а без него мы практически бессильны!

— Тогда подскажите хотя бы главное: куда пропала Селестина и сопровождавшие ее ангелы? — умолял папа.

— Мужайся, старик. — Гавриил ласково положил ладонь на плечо понтифика, выражая

⁹ Сандалии римских легионеров.

соболезнование. — Все они томятся в плену у стригоев!

— Невозможно! — усомнился несчастный отец. — Селестина — избранный защитник божий, осененная его благословением и покровительством.

— Уже нет! — печально пояснил Самуил. — Она с оборотнем... — он наклонился к Бонифацию и добавил короткий комментарий, произнесенный скорбным шепотом.

— Господи! — отшатнулся потрясенный папа. — Да как же так?

— Элементарно, — хихикнул проказливый Уриэль. — Тело есть — ума не надо...

Бонифаций горестно застонал, обхватив руками голову и клочьями выдирая свои седые волосы. Его надежды на помощь архангелов и возвращение дочери рухнули в одночасье, уступив место суровой действительности. Отныне их участь казалась предрешенной, впереди не ожидалось ничего хорошего, а только гибель от клыков беспощадных стригоев и окончательный закат человеческой расы.

— Моя девочка попадет в ад? — с заиканием спросил он, почти добитый своей последней ужасной догадкой.

Самуил скептически усмехнулся:

— Люди легче представляют себе, что такое ад, когда им для наглядного примера говорят не про кипящие котлы, а про кабинет стоматолога.

— Ну-ну, не нужно так убиваться, — пожалел старика Гавриил. — Отчаяние — один из тягчайших смертных грехов...

— Правильно, грех предаваться унынию, когда есть другие, более приятные грехи! — игриво подмигнул шалопай Уриэль.

— Мы мало что можем сделать для вас, но лично встретимся с вервольфом и дадим ему пару полезных советов, — пообещал уравновешенный Самуил. — Не падай духом, надейся на лучшее, отец!

— Но ведь оборотень есть зло! — суеверно ужаснулся Бонифаций.

Самуил протестующе скривился.

— Не бывает злых людей, — покачал головой Гавриил, — просто некоторые из вас ошибочно считают, будто Бог дал им добро брать чужое добро...

— Но дешевые понты дорого обходятся... — с угрозой в голосе добавил Уриэль, и Бонифаций с радостным замиранием сердца догадался, что сейчас архангел подразумевает вовсе не оборотня, несдержанного в своих инстинктах, а сильно зарвавшуюся предводительницу стригоев. И со всем пылом своей безоговорочно верящей в справедливость души он понадеялся, что коварная Андреа еще сильно пожалеет о нарушенном ею Соглашении и нагло развязанной войне.

— Мы что-нибудь придумаем! — уверенно пообещал Гавриил. — Не сдавайтесь и продолжайте бороться за свои жизни. А теперь нам пора, ибо темная волшба буквально выталкивает нас из вашего мира... — Силуэты трех крылатых фигур начали таять в воздухе, истончаясь и становясь все прозрачнее.

И напоследок до слуха прелатов долетела торопливая перебранка красивых голосов:

— А может, и правда махнем к девочкам? Помнится, несколько лет назад на углу Виа Кавур проживала редкостная красотка со странным именем Задолбала...

— Да не Задолбала, а Изабелла!

— Ури, это ты нас уже задолбал бесконечными разговорами про баб. Ты неисправим!

Шелест крыльев стих и пятеро благочестивых мужей остались в абсолютной тишине.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь? — с легким недоумением спросил папа, обращаясь к отцу Мареше.

Но чрезвычайно заинтригованный иезуит лишь неопределенно пожал плечами и растерянно почесал свою кудлатую макушку. А что тут скажешь? Видимо, придется молиться, всецело положившись на энтузиазм и сметливость крылатых братьев. Другого не дано.

Если левый берег Тибра еще оставался во владении людей, то правое побережье

скованной льдом реки уже всецело принадлежало стригоям. Впервые за всю историю своего долгого существования Тибр, обычно шумный и полноводный, укрылся надежным зимним панцирем, видимо не желая становиться соучастником этих ужасающих по своей жестокости злодеяний, творимых на обширном участке льда между островом Тамбуртин и мостом Маттеотти.

И неудивительно, ведь именно между двумя этими берегами и проходила сейчас последняя линия обороны, почти ежедневно орошаемая кровью ее отважных защитников. Люди буквально зубами вцепились в свою территорию, не желая отдавать врагу ни пяди родной земли. Черноту вечно сумрачного неба то и дело прорезали яркие вспышки осветительных ракет, а лучи прожекторов прицельно обшаривали крутые, увитые колючей проволокой и густо заминированные спуски к реке. Могильную тишину заметенных снегом улочек, обезлюдевших и заваленных обломками разрушенных домов, нарушала артиллерийская канонада и хриплые стоны погибающих людей. Здесь шла война. Война не на жизнь, а на смерть.

Однако, словно в насмешку над беззаветной храбростью обитателей последнего оплота гуманизма и миролюбия, совсем рядом, в глубине фешенебельных римских кварталов, начинался совсем другой мир, наполненный теплом, самодовольством и вопиющей роскошью. А самым центром, сердцем этого нового мирового порядка стало шикарное палаццо Фарнезина, расположенное на Виа делла Лунгара. Когда-то, в блестящую эпоху Чинквеченто,¹⁰ этот роскошный дворец принадлежал богатой семье аристократов, давшей Риму немало известных политиков, юристов и священнослужителей. Оно всегда славилось своей красотой и изяществом внутренней отделки, а также необычными фресками, выполненными самим Рафаэлем. В подражание палладиевскому стилю белое палаццо раскинуло два цокольных крыла вокруг роскошного фронтона с широкими окнами. Слегка приподнятое над парком с прудами и лужайками, окруженными античными статуями, оно заметно дисгармонировало с общим ансамблем, что придавало ему особую элегантность. И, видимо, потому именно эти апартаменты избрала теперь Андреа дель-Васто, одарив их своим вниманием и сделав постоянной резиденцией.

Андреа задумчиво потерла почти обнаженное плечо, лишь слегка закрытое тонкой лямкой вечернего платья, и откинулась на спинку мягкого кресла, не сводя с огня узких кошачьих зрачков своих синих глаз. Пламя бушевало за слюдяным экраном камина, нагревая ее нежную кожу и рождая иллюзию жизни. Сейчас ее плечи, руки, шея имели практически натуральную температуру живого человеческого тела. Девушка слегка пригнула голову и капризно потерлась ушком о нежный мех шиншиллового палантина, небрежно наброшенного на спинку кресла. Это сибаритское прикосновение родило в ее душе волнующие воспоминания о том мужчине, тоска по которому еще оставалась такой пронзительной и свежей. Его шелковистые кудри — они ничем не уступали этому роскошному меху... «О, Рауль! — Андреа оскалила острые клыки и гневно зашипела, переполненная жгучей ненавистью к тем двоим, кто посмел лишить ее возлюбленного. — Как же мне тебя не хватает! — Бокал с кровью качнулся в ее руке, и с его кромки сорвалась алая капля, растекаясь по слюде экрана, шипя и сворачиваясь от жара огня. — Клянусь тебе, Рауль, — мысленно пообещала Андреа, — я их покараю, я отомщу за твою гибель. Вскрою их вены и выпущу из них всю кровь, каплю за каплей. А сама понаблюдаю, как жизнь будет медленно покидать их хрупкие тела, как погаснут звезды их глаз, как посинеют их губы. А в самом конце казни я спрошу: помните ли вы его, не принадлежавшего вам, но принадлежавшего лишь мне? Так как же посмели вы, жалкие божьи твари, покуситься на чужое достояние?» — Бокал со звоном разбился о стенку камина, орошая огонь толикой недопитой стригойкой крови. Клятва была принесена и скреплена!

Наверху, на третьем этаже, прямо над головой Андреа, что-то шумно поволокли и

¹⁰ Термин, обозначающий культуру Италии с 1500 по 1600 год, а также культуру эпохи Возрождения.

тяжело уронили на пол, выводя госпожу из задумчивого состояния. Повелительница мрачно помянула ангелов, на все лады костеря своих косоруких подчиненных. В двери робко заскреблись.

— Ну что еще? — раздраженно выкрикнула Андрея. — Я же приказала меня не беспокоить!

— Госпожа? — В комнату просительно заглянула простоватая, испачканная то ли грязью, то ли кровью физиономия вампира. — Мы там, это, расстарались для вас: отбили у людей картину вашего любимчика, ну теннисист еще который...

— Да сколько же можно повторять — не теннисист он! — Андрея покривилась, словно от зубной боли, изрядно задетая невежеством своего слуги. — А Давид Тенирс, фламандская школа!

— Так мы что, получается, лезли под пули ради мазни какого-то школьника?! — обомлела плебейская физиономия.

— А Фаберже? — превозмогая закипающий в ее душе гнев, на повышенных тонах поинтересовалась госпожа. — Вы нашли для меня Фаберже?

— Помилуйте, повелительница, — покаянно завывала физиономия, — мы искали. Да только его почему-то нигде целиком и не сыщешь! Голимые фрагменты везде, причем одни только яйца...

— Фрагменты? — Андрея аж поперхнулась, а ее глаза округлились до размеров пресловутых раритетов Фаберже. — Вон! — взбешенно заорала она через секунду. — Тупица! Пошел вон, дурак!

Дверь торопливо захлопнули.

Наверху опять что-то загремело и загрохотало, послышался тоненький плачущий звук бьющегося фарфора.

«Остолопы! — обреченно констатировала стригойка, бессильно царапая ногтями обшивку кресла. — Они же мне так всю коллекцию угробят. А ведь раньше всеми хозяйственными проблемами занимался Рауль. О, дорогой, как же мне тебя не хватает, во всех смыслах не хватает! — Синие льдинки ее глаз злорадно оглядели испачканный кровью камин. — Ну да ничего, скоро я за тебя отомщу! Вот только поймаю нашего резвого вервольфа и выбью нужную информацию из этой полудохлой дряни Селестины. А потом... — когти стригойки красноречиво впились в сафьян кресла, — раздавлю их, будто мух!» — И вполне довольная сей радужной, разворачивающейся перед ней перспективой, Андрея предвкушающе зажмурилась, становясь похожей на разнежившегося в тепле хищника. Она потянулась к установленному на столике золотому колокольчику, подняла его и требовательно зазвонила.

— Позовите ко мне Элоизу! — распорядилась госпожа.

У Андрея неожиданно появилась идея, да притом еще какая!

Элоиза, худенькая девушка с длинными каштановыми косами, состоящая при Андрея в качестве камеристки и наперсницы, грациозно впорхнула в кабинет и опустилась на подушку, брошенную к ногам ее повелительницы. Госпожа лениво полулежала в кресле, а ее рассеянный взор блуждал по потолку комнаты, любуясь росписью, изображавшей Иону, невинным выходящего из чрева поглотившего его кита.

«Странно, — размышляла стригойка, — почему эта картина никогда ранее не привлекала моего внимания? Возможно, настроения соответствующего не случилось? — Она флегматично положила ногу на ногу, размеренно помахивая полусоскользнувшей со ступни туфелькой. — Вот она, заветная мечта каждого существа — обрести нечто чудодейственное, защитившее бы его от любой напасти и позволившее бы выйти из любой передрыги, причем целым, здоровым и неуязвимым!» — Грудь девушки бурно всколыхнулась, приподнятая в мечтательном вздохе. Затем Андрея перевела благосклонный взор на жмущуюся к ее коленям Элоизу и погладила девушку по волосам, совсем таким же жестом, каким рачительный хозяин гладит дорогую породистую собаку. О да, малютка Элоиза случайно

оказалась бесценным подарком судьбы, способным принести Андреа невиданное могущество.

— Помнишь, дорогая, — покровительственно начала повелительница, намеренно придавая своему вкрадчивому голосу мелодичность тростниковой флейты, — пару месяцев назад ты начинала рассказывать мне сказку о «Божьем Завете»? (При слове «божьем» на холеном лице стригойки появилась гримаса отвращения.) Не могла бы ты продолжить свое повествование?

— Сейчас? — удивилась Элоиза, ластясь к повелительнице.

Андреа мрачно кивнула:

— Именно сейчас! Несмотря на все наши значительные успехи, мы уже целых полгода топчемся на месте. Проклятые священники вкупе со своими фанатиками-защитниками стоически терпят холод и голод, но не сдаются, истребляя слишком много моих солдат. А я просто обязана заполучить их проклятый Ватикан! До тех пор пока я не разграблю скрываемые в нем сокровища и не сровню его с землей, я не обрету счастья и покоя. Он словно бельмо на глазу, словно застрявшая в горле кость мешает воцарению нашей власти. Он хранит тайну бесследно исчезнувшего Грааля и препятствует приходу демона Себастиана! А потому, дорогая, рассказывай свою сказку! — Ладонь стригойки требовательно надавила на голову Элоизы, и, подчинившись приказу своей госпожи, девушка заговорила:

— Многие сотни лет назад в одном еврейском городе, называемом Назарет, жила странная семья. Старшего сына этого семейства звали Иешуа, и поговаривали, будто его мать, Мария, родила сего первенца уже будучи замужем, но продолжая оставаться девственницей. И якобы отцом мальчика стал отнюдь не ее простофиля-супруг — плотник Иосиф, а некий Святой Дух, снизошедший с небес к смиренной Марии и одаривший ее непорочно зачатым младенцем. Не станем рассуждать, оставалась ли она невинной до конца своих дней или стала Иосифу настоящей супругой, тем не менее в семье росли еще несколько детей, в том числе сыновья Иаков, Симеон, Юда и Иосия. Последний из четырех мальчиков всегда был любимым братом Иешуа и неизменным участником всех детских забав будущего Спасителя. Иешуа, по достижении возраста тридцати трех лет обретший имя Иисус, до конца своих земных дней поддерживал дружбу с Иосией и незадолго до казни на кресте Голгофы вручил тому бесценный дар, состоящий из трех предметов. Первый оказался молитвой, собственноручно написанной Спасителем и способной призывать архангелов. Второй получил название «Бич Божий», а третий и вовсе хранился в величайшей тайне. Считается, будто три оных предмета, образующих «Божий Завет», способны даровать своему владельцу власть, равной которой нет ни у кого на земле. Иосия благоговейно принял дары брата и надежно спрятал их от чужих глаз. Минуло немало лет. Потомки Иосии, ставшие Хранителями «Божьего Завета», исправно выполняли доверенную им миссию. За «Божьим Заветом» охотились как церковники, так и стригои, но никто из них так и не сумел завладеть ни одной из трех реликвий. Сам же род Иосии подвергался нападкам и гонениям, ибо сначала его потомки учредили орден рыцарей-тамплиеров, а потом, под влиянием примкнувших к ним последних выживших катаров, создали новое ответвление религии — протестантство, отрицающее необходимость святых реликвий и церковных служб. Протестанты утверждали: дескать, для общения с Иисусом людям совершенно не нужны священники и храмы — молитву можно творить везде, даже под открытым небом, и Спаситель непременно тебя услышит. Именно поэтому христианская церковь так возненавидела протестантов. В Венгрии протестантство распространилось необычайно широко, а его главой являлось легендарное семейство Бафора — прямые наследники Иосии и хранители «Божьего Завета». В 1560 году в семье Бафора родилась долгожданная дочь — Эржебет, — тут Элоиза скромно потупила ресницы, — моя старшая сестра...

Губы сосредоточенно внимавшей ее рассказу Андреа растянулись в нехорошей ухмылке:

— Я никогда не сомневалась в том, что все самое значимое и судьбоносное в этом мире

вершат только женщины, пока мужчины тешат свои амбиции, отвлекаются на распри, играют в войну и усиленно участвуют в процессе размножения. Продолжай же свое в высшей степени занимательное повествование, дитя мое, и ничего не бойся! Мое благорасположение к тебе остается неизменным.

Вдохновленная столь мягким ободрением, Элоиза перевела дух и продолжила:

— Поскольку роль Хранительницы «Божьего Завета» изначально предназначалась именно Эржебет, намного превосходившей всех умом и красотой, то меня не слишком-то посвящали в семейные секреты. Вскоре все изменилось не в нашу пользу, а наши враги и вовсе взяли верх над родом Бафора. Меня насильно выдали замуж за одного румынского вельможу, приближенного военачальника самого господаря Дракулы. Там меня обратили в стригойку, а мою несчастную сестру долго мучили и пытали, требуя предать веру в Иисуса и дары Иосии. Но Эржебет не сдавалась. Тогда упрямыцу тоже сделали стригойкой, но и после этого ее принципы остались неизменными. На госпожу Бафора натравили инквизицию, осудившую ее на вечное заточение в подвале собственного замка Чейт, где она, несомненно, томится и по сей день. Но еще до того, как стать вампиром, Эржебет родила пятерых детей. До меня доходили слухи, якобы младший ее отпрыск, сын Павел, сумел перебраться в Польшу, унося с собой часть «Божьего Завета». Там он сменил фамилию и стал верным служителем католической церкви, впрочем благоразумно не открывая оной ни своего истинного имени, ни предназначения. Еще поговаривают, будто часть «Завета», а именно копию свитка с призывающей архангелов молитвой (выполненную итальянским монахом фра Винченце), он спрятал в одном из костелов Кракова...

Андреа вздрогнула всем телом, схватила Элоизу за плечи и вперила в нее горящий радостью взгляд:

— Замечательная новость! Не думала я, что часть «Завета» так просто добыть! Кто из наших особенно верных и проверенных слуг находится сейчас в Кракове?

— Шевалье Тристан де Вильфор! — едва слышно шепнула Элоиза, заливаясь жгучим румянцем. Очевидно, произнесенное ею мужское имя, благородное и благозвучное, но, увы, ничего не сказавшее Андреа, значило для наследницы проклятого рода слишком много.

— Замечательно! — довольно повторила ее госпожа. — Пошлите ему сообщение. Пусть шевалье де Вильфор немедленно приступает к поискам копии части «Завета», а затем прибудет сюда сам, дабы сообщить мне о результатах своих изысканий.

Элоиза немедленно отправилась исполнять данное ей поручение, оставив свою госпожу наедине с ее темными мыслями. Но, хотя замыслы Андреа, бесспорно, являлись темными и по смыслу, и по сути, следует упомянуть о том, что теперь будущее Детей Тьмы уже не казалось ей столь печальным и проблематичным, как каких-то полчасика назад, до рассказа Элоизы. Посетившая стригойку идея оказалась воистину гениальной. Она уже заполучила в свои загребушие руки опальную Дочь Господню — Селестину, правда пребывающую ныне в весьма плачевном состоянии. Заклятая врагиня, извлеченная по воле Андреа из недр своего каменного гроба, неустойчиво балансировала на зыбкой грани между жизнью и смертью, то впадая в чудовищные приступы загадочной болезни, а то снова на краткие мгновения возвращаясь в адекватное состояние. В первый раз проследив за терзающим Селестину приступом, абсолютно разрушившим ее плотскую оболочку, стригойка пришла в неопишуемый ужас. По окончании приступа от тела рыжеволосой экзорцистки осталась лишь жалкая кучка пепла, тут же начавшая регенерацию, окончившуюся полным восстановлением ее физического облика. Правда, при этом Андреа сильно сомневалась в том, подверглась ли столь же целостному воскрешению и душа девушки. И все равно повелительница была изрядно напугана потрясающими способностями Селестины, ведь ни один, даже самый сильный, стригой никогда не оказывался способен на нечто подобное. Но, увы, остальные ее планы потерпели сокрушительный провал. Она уже неоднократно пыталась допросить свою узницу, чтобы узнать участь пропавшего Грааля, но девушка так и не произнесла ни единого внятного слова, пока не раскрыв местоположение Божьей Чаши. Итак, Грааль оставался недостижим. Но внезапно Андреа посетила другая блестящая идея, реализация коей обещала

дать ей все: власть, славу, силу. Стригойка возмечтала раздобыть артефакты из «Божьего Завета», те, за которыми на протяжении многих веков охотились и ее родичи, и представители официальной церкви. Что же касается запутанной легенды о потомках Иосии и несговорчивой полукровке, томящейся в замке Чейт, то эти факты не волновали Андреа ничуть. Пусть человеческий Бог сам разбирается со своими детьми, их горести ее не касаются. Повелительницу нисколько не удивила разобщенность, царящая в вопросах веры, ибо наибольшая неразбериха всегда наблюдается на тех кухнях, где готовят не телесную, а плотскую пищу. Что же касается насильно обращенной госпожи Бафора, из Хранительницы «Божьего Завета» подневольно переквалифицированной в ее подданную, то — в этот момент своих мысленных рассуждений Андреа презрительно рассмеялась, — у каждого из нас свои тараканы в голове. Просто кто-то их контролирует и дрессирует, а кого-то — они...»

Окончательно успокоенная и умиротворенная, Андреа выпила очередной бокал свежей крови — конечно же ее самой любимой, редкой, четвертой группы и включила музыкальный центр, остановив свой выбор ценителя на симфонии так боготворимого ею Антонио Вивальди. Право же, пусть люди в основной своей массе и являются вульгарными, низменными созданиями, они тоже сумели создать нечто прекрасное, как то: музыка, живопись и фильмы ужасов! На такой оптимистичной ноте Андреа погрузилась в транс, расслабившись под проникновенные звуки волшебной мелодии. О нет, она ничуть не злоупотребляет жестокостью, совсем несвойственной ее эстетичной натуре. Она просто доводит все жизненные процессы до своего логического завершения. К тому же следует признать: конец такого дурацкого мира, как этот, должен быть исключительно веселым!

Глава 3

Вполголоса выругавшись, Конрад наклонился и ощупал свою правую щиколотку. Вроде бы обошлось без травмы, даже растяжения нет, просто ушиб. Он тяжело оперся на плечо своего спутника, предоставляя кратковременный отдых пострадавшей ноге и мысленно проклиная всех злокозненных стригоев вместе с их изощренными выдумками. Нет, ну надо же чего удумали, твари поганые, — выбрали, называется, место! Хотя окажись он на их месте... Конрад обвел критическим взглядом расстилающиеся перед ним развалины, живописно припорошенные свежевypавшим снегом, и одобрительно кивнул, отдавая должное извращенной фантазии проклятых кровопийц. И в самом деле, лучшего места не найдешь во всей Италии. Ну в смысле не самого красивого, а более подходящего для захоронения столь ценного груза! Груза? От неодушевленного названия «груз» его сердце в очередной раз окатила горячая волна скорби и тоски. Груз, разве она — всего лишь груз? И тут вервольфу стало до жути горько и тошно, потому что это чудовищное открытие до сих пор не укладывалось у него в голове. Он банально отказывался поверить в то, что оным ценным грузом, заживо упрятым в недра глухого каменного гроба, была она, девушка его мечты! Его Селестина!

Порой ничто так не усложняет нашу жизнь, как самые простые и избитые истины. Суть этой фразы Конрад фон Майер постиг не из книг, а опытным путем, попутно набив немало шишек и наставив кучу синяков. Причем ладно бы кому-то другому, так нет же — самому себе. А что тут поделаешь, если он, умный, сильный, красивый и независимый (ну в общем именно такой, каковыми мужчины кажутся сами себе), вдруг страстно влюбился в несносную воспитанницу католического монастыря, начисто проигнорировавшую его искреннее чувство. Он даже предложил ей свое сердце и лапу, тьфу ты — руку, конечно, но в ответ рыжая упряmica просто ушла из дома, демонстративно разбросав по квартире вещи оборотня и нахально запинав под шкаф его лучшую фотографию. Ушла, и как под воду канула... И вот уже долгих три года от Селестины не приходило никаких известий. Сначала Конрад бездельничал, обижался и выдерживал характер, исподволь ожидая, что она непременно позвонит завтра или, что еще вероятнее, рано поутру перешагнет порог квартиры и истомлено упадет в его широко распахнутые объятия. Но время шло, а Селестина

не появлялась. Вервольф жутко исхудал по причине все возрастающего нервного напряжения и из-за хронического отсутствия аппетита. Его скулы заострились до такой степени, что того и гляди грозились прорвать бледную, холодную от анемии кожу. Бывший тамплиер стал задержанным и вспыльчивым, плохо спал, а шутки воспринимал и того хуже, а вернее вообще никак. Он сделался суеверным до неприличия, а вдобавок приобрел дурацкую привычку постоянно оглядываться через плечо, при этом сам отлично понимая, насколько смешон боец, вздрагивающий от любого шороха и сторонящийся собственной тени. А что тут поделаешь, если даже в вое ветра ему чудился ее мелодичный голос, ветки деревьев напоминали ее гибкие руки и в полумраке ночи ему постоянно являлось смутное очертание прекрасной девичьей фигуры.

Неужели он начинает сходить с ума? Но сильнее всего пугал Конрада ее потускневший серебряный крест, по забывчивости оставленный экзорцисткой в его спальне. Рыцарь фон Майер успел повидать в жизни всякое (в основном плохое) и посему никогда не верил в приметы, но... Ну не может же крест эрайи — воина Господнего и ангела смерти — потускнеть сам по себе, без повода, буквально ни с того ни с сего! Ведь его-то собственный крест сиял по-прежнему ярко! И не зная, что и думать, Конрад испуганно метался по городу, силясь обнаружить хотя бы один крохотный, малозначительный намек на присутствие Селестины. Он верил в возможность их новой встречи, хотя эта вера становилась все слабее, все призрачнее... Собрав воедино жалкие остатки надежды, подпитываемые страстной любовью, вервольф тщательно исследовал жалкие крупы доступной ему информации, связанной с исчезновением Селестины. Любовь — бич для человеческой души. Наносимые ею раны никогда не затягиваются полностью, и даже если ты изо всех сил пытаешься забыть своего потерянного любимого, то никогда не сможешь этого сделать. Конрад выискивал хотя бы запах духов Селестины, отзвук голоса, след ее легкой ноги, отпечатавшийся на мостовой, но, к сожалению, все его усилия оказались тщетными, ибо такового следа никак не находилось.

Человеческий мозг устроен весьма замысловато и является тем защитным барьером, который и охраняет нас от жестоких реалий внешнего мира. Если жизнь вдруг начинает давить на нас слишком сильно, то, призвав на помощь воображение, мозг способен создать свою, искусственную версию происходящего, подав реальность в более мягкой, фантазийной, вымышленной и даже полубредовой форме. Вера, надежда и любовь — вот те главнейшие ценности, которые помогают нам смириться с неприглядной серой реальностью, делая ее относительно пригодной для обитания человека. Вера, надежда и любовь — три путеводные звезды, указующие нам дорогу к нашей судьбе и призывно влекущие нас за собой. И страшно, если наша любовь умирает, вера иссякает, а надежда угасает. Ведь ради чего мы тогда продолжаем жить?

Еще никто и никогда в нашем мире не становился великим в одиночку. А если и становился, то в психиатрии это называется совсем по-другому и отлично вписывается в какой-нибудь серьезный диагноз. Памятуя об оном нехитром правиле, Конрад охотно принял участие в начавшейся войне со стригоями, которых ненавидел всем своим естеством, причем не только сознательно выступил на стороне людей, но и даже сумел создать собственный, весьма многочисленный отряд, названный им «Новые тамплиеры». Люди не догадывались об истинной сущности своего предводителя, и потому, будучи благосклонно принят папой Бонифацием, Конрад отважно ввязывался в самые опасные стычки, ища отнюдь не славы, а только информации. Он всерьез не верил в то, что, окажись Селестина живой, она уклонилась бы от участия в войне со стригоями, и в то же время, вопреки собственной логике и здравому смыслу, напрочь отказывался смириться с мыслью о ее гибели. И вот, мучимый тоской и любовью, он поставил перед собой цель непременно раскрыть загадку внезапного исчезновения своей возлюбленной, отныне ставшую единственным смыслом его существования. В процессе достижения своей цели Конрад огреб множество проблем, неприятностей и неудобств, лишь окончательно сформировавших основные качества его характера: упрямство, решительность и самоотверженность. А если принимать во внимание

неудобства, то по-настоящему в нашей жизни неудобно лишь одно: выбитые зубы сломанными руками собирать. Но это же еще как исхитриться нужно, чтобы выбить зубы и сломать лапы такому сильному бойцу, как Конрад фон Майер, Господи его храни...

А ведь именно одно из таких вышеупомянутых неудобств, имеющее форму обледелого комка глины, и подвернулось сейчас под ногу вервольфа, видимо вознамерившись затормозить его дальнейшее продвижение да пошатнуть и без того слабую веру в успех задуманной вылазки. Но Конрад только сердито скрипнул клыками и на пару минут воспользовался помощью первого из двух своих спутников, опершись на его плечо.

— Больно? — сочувственно спросил черноволосый юноша, ловкий и сильный, сумевший вовремя подхватить своего покачнувшегося командира.

— Ничего, идти смогу, — таким же шепотом ответил Конрад. — Спасибо, Кристиан.

Небо над руинами внезапно осветилось лучом прожектора, а воздух над самыми их головами вспорола длинная очередь трассирующих пуль.

— Ложись! — Конрад повалил друга на землю, прикрывая его своим телом.

— А ты не любишь надолго записываться в должники, Конрад, — насмешливо заметил второй спутник вервольфа. — Если бы не ты, то Крису бы точно уши подрезало. И стал бы он у нас эльфом!

— Надоел ты мне со своим черным юмором, Димитрий! — глухо проворчал Кристиан, придавленный могучим торсом оборотня. В голосе юноши явственно слышалось недовольство. Ну еще бы, а он-то уж размечтался, как по возвращении в лагерь будет рассказывать, что оказал услугу их непобедимому командиру. Но нет, все опять вышло наоборот! Хотелось бы ему знать, откуда у Конрада такая неповторимая реакция, скорость и гибкость, совершенно не укладывающиеся в рамки нормального восприятия. В отряде поговаривают, будто ради своих сказочных способностей Конрад продал душу дьяволу, и даже якобы он и сам является не совсем человеком, а приходится дальней родней тем самым кровососам, с которыми и воюют «Новые тамплиеры». Но вот в такие несусветные глупости Кристиан напрочь отказывался верить, потому что однажды слышал, как истово молился их командир у себя в палатке, а его знаменитый серебряный крест, который Конрад носил не снимая, неоднократно видели все в отряде... Нет, никакой Конрад не вампир, а самый настоящий правоверный католик и наипреданнейший воин божий!

— Вроде все стихло, — заметил вервольф, выводя Кристиана из задумчивого состояния и откатываясь в сторону. — Идем дальше. Нет, лучше ползем...

Несколько минут вся троица молчала, по-пластунски пробираясь между огромными валунами и обломками каменных колонн. Чернота ночного неба траурно сливалась с закопченными развалинами, придавая окружающему ландшафту оттенок сюрреализма и делая его похожим на дорогостоящую декорацию к какой-нибудь модной театральной постановке. Конечно же носящей сугубо трагический характер.

— Командир, а ты точно уверен, что они закопали ее именно здесь? — осторожно спросил коренастый Димитрий, обладатель крепких нервов и оригинального чувства юмора. — А то мы еще ни разу не забирались так глубоко на территорию стригоев. Как бы с нами чего нехорошего не вышло, похлеще купирования ушей...

— Не уверен, — раздраженно огрызнулся Конрад, недовольный репликой товарища, вновь разбередившей его сердечную рану. — Совсем не уверен. Тот кровосос, который под пытками сболтнул, будто он участвовал в казни Селестины, был уже почти дохлым, когда наши разведчики притащили его ко мне... — Вервольф раздосадованно щелкнул пальцами. — Эх, перестарались наши парни!.. Поэтому его слова стоят не много, но другого выхода я не вижу. Я обязан найти это проклятое место! А там я либо удостоверюсь в том, что ее нет в гробу, либо... — тут он осекся, вздохнул и продолжил хриплым от сдерживаемых рыданий голосом, — найду ее останки и похороню их по-христиански...

— Ну, тогда с богом! — подытожил Димитрий, скребя локтями по плоской каменной плите. — Веди нас, командир, мы с тобой.

В древних летописях говорится, будто в 753 году до н. э. близнецы Ромул и Рем, решившие основать град-крепость на берегу реки Тибр, задали богам вопрос о том, кто же из них станет первым правителем молодого города. Рем поднялся на холм Авентин, а Ромул — на Палатин, и принялись они оба ждать знамения. Шесть грифов взлетели с холма Авентин, и двенадцать — с Палатина. И тогда братья принялись строить город, но едва они заложили первый камень, как завистливый Рем напал на Ромула, но сам погиб в той схватке, пав от руки брата. Так Ромул стал первым правителем будущей прекрасной столицы, названной в честь его погибшего брата. Во всяком случае, так гласит история. Возможно, все это и не совсем правда, но так или иначе, а первое римское поселение возникло на Палатине, у основания которого располагаются руины знаменитого Форума. А еще раньше, задолго до прихода Ромула и Рема, на месте Рима находилось мрачноватое, но величественное кладбище, возведенное загадочным народом, который одни исследователи именуют «этрусками», а другие — «тирреноями». Неважно, как на самом деле называли первых обитателей Итальянской долины, но гораздо значимее то, что после себя этруски оставили великое множество огромных каменных саркофагов, глубоко вкопанных в недра Палатинского холма. А выражаясь яснее, они предоставили своим потомкам этаким готовый лабиринт, призванный надежно оберегать доверенный ему груз, ведь попробуй-ка найди одну беспомощную девушку, упрятанную под неподъемную крышку некоего конкретного гранитного гроба, внешне ничем не отличающегося от нескольких сотен еще таких же. И не обольщайся заранее, да учти: если ты не знаешь, в какой точно гроб была положена пленная экзорцистка, то можешь посвятить ее поискам всю свою жизнь, но и тогда навряд ли найдешь! И в самом деле, как ни крути, как ни проклинай теперь хитроумных стригоев, а лучшего места, чтобы навечно похоронить Селестину, хоть обыщи — не найдешь во всей Италии...

Почти насмерть замученный разведчиками стригой, благополучно испустивший дух на руках Конрада, поведал ему слишком мало, указав лишь весьма приблизительные координаты того саркофага, в котором погребли опальную Дочь Господню. Одному только Господу известно, стоило ли вообще принимать на веру слова поганого кровососа, произнесенные под действием чудовищных пыток. Но тем не менее оное признание стало единственной крохотной зацепкой, найденной вервольфом за три года бесплодных поисков, и первым долгожданным лучиком надежды, забрезжившим в его исстрадавшемся сердце. Будучи предельно откровенным с самим собой, оборотень изрядно сомневался в искренности и честности покойного стригоя, а затеянная им вылазка стала бредом и авантюрой чистейшей воды, но ничего иного ему не оставалось... И вот как раз поэтому и полз сейчас Конрад по склону Палатинского холма, замерзая в снегу, обдирая колени о студеную землю и ежеминутно рискуя попасть в руки стригойского патруля. Фон Майер прекрасно понимал, что все самые сумасбродные приключения, все наиболее судьбоносные открытия и находки начинаются не со слов: «Я достигну, мне повезет!», а с фразы: «Ну и черт с тобой, давай попробуем...»

Старательно отсчитывая покосившиеся кресты и стараясь не сбиться, Конрад продвигался к центру древнего могильника, на котором в разные века хоронили и христиан, и язычников, и вообще невесть кого еще. А какая в сущности разница, где и кого закапывать, если перед смертью все равны!

«Краткость жизни — сестра таланта! — навязчиво вертелось в голове вервольфа. — Возможно, поэтому самые лучшие из нас и умирают молодыми, в расцвете лет. Взять хотя бы Моцарта, Есенина, Тутанхамона, Ван Гога...»

— Конрад, хорош из себя камикадзе строить! Торопятся только голые в термы.¹¹ — Сердитый шепот Димитрия отвлек вервольфа от философски-зауспокойных размышлений,

¹¹ Древнеримские бани.

возвращая обратно на стыльную кладбищенскую землю. — Притормози и глянь, что это за мираж туг появился, вон там впереди?..

Конрад приподнялся на одно колено и, прищулив для надежности глаза, старательно вгляделся в густое облако тумана, концентрирующееся в глубине погоста. Что за чертовщина? Оборотень был готов поклясться, что еще мгновение назад здесь не наблюдалось ничего подобного. Так откуда же взялся этот туман?

Сегодняшняя ночь выдалась на удивление ясной и звездной, а поэтому совершенно не подходящей для столь отчаянной вылазки. Бледная луна величественно выплыла из рваной паутины облаков, заливая весь некрополь своим голубоватым мрачно-торжественным светом. Отбрасываемые надгробиями тени, гротескно искаженные наростами из облепивших камень льда и снега, дробились на множество причудливых фигур, складывающихся то в абрис неведомого чудовища, а то в угловатый силуэт готического храма. Чутко улавливающему все мистическое, но притом не ведающему страха оборотню и то стало жутковато, а чего уж говорить о его насмерть перепуганных товарищах, дружной скороговоркой бубнящих отводящую нечисть молитву. Впрочем, последнее уж точно оказалось лишним, ибо, почувствовав необычную энергетику, разлившуюся сейчас над ночным кладбищем, стригойские патрули резко сменили свой привычный маршрут, интуитивно предпочтя обойти стороной оное беспокойное место. «От греха подальше!» — добавляют в таких случаях люди, предпочитая не лезть на рожон и не рисковать попусту. Сохрани Конрад способность мыслить объективно, он бы тоже немедленно ретировался из сего могильника, предпочтя не связываться с потусторонними силами и понапрасну не испытывать привередливую удачу. Да куда, спрашивается, прикажешь деваться влюбленному безумцу, ощущающему, что нынешние его поступки направляют не разум и сердце, а сама судьба — любительница проверить нашу отвагу и преданность любимым. Властно удерживаемый незримой силой, как магнитом притягивающей его к центру кладбища, Конрад все шагал и шагал вперед, решив довериться своей судьбе. А чего тут еще сделаешь? Видимо, придется ему просто молиться, всецело положившись на божью помощь! Другого не дано, ибо судьба не человек, с ней не поспоришь...

Но тем не менее факт оставался фактом: в центре кладбища действительно возникло нечто странное, смахивающее то ли на пустынный мираж, то ли на облако белесого тумана. Привыкший доверять своему чутью, Конрад выпрямился и беззаботно пошел вперед, ведомый интуицией, четко подсказавшей: «В этом тумане не кроется ничего опасного, не дрейфь, вервольф, сеанс одновременной игры в ящик опять откладывается на неопределенное время».

Отлично развитый инстинкт не подвел оборотня и на сей раз. Облако, на первый взгляд кажущееся совершенно непроницаемым, вдруг легко расступилось под нажимом его тела, пропуская Конрада на маленькую площадку между надгробиями, освещенную пламенем уютного костерка. Вокруг огня вольготно расселись три мужские фигуры, закутанные в белые маскировочные плащи.

— Наши? — изумился наивный Кристиан. — Но как они сюда попали? В белых комбинезонах у нас только разведчики ходят... — Но в этот момент один из незнакомцев зевнул и заспанно потянулся, распахивая свой плащ, оказавшийся вовсе не одеждой, а парой мощных, щедро оперенных крыльев!

— Ик. — Кристиан судорожно дернул кадыком и сделал опасливый шаг назад. — Это кто еще такие?

— Архангелы! — со странной смесью неприязни и симпатии пояснил Конрад.

— Русские, — не поверил Кристиан, — из Архангельска?

— Да нет, настоящие слуги господни! Собственной персоной — так сказать, во плоти. Прошу любить и жаловать.

— Кто-о-о? — недоверчиво протянул совершенно обалдевший парень. — Ну и шуточки у тебя, командир...

— Я не шучу, — словно стараясь придать нужный вес своим парадоксальным словам,

вервольф выразительно пошевелил бровями. — Они и в самом деле архангелы! Ну сам знаешь — вредные такие парни с крыльями, умеющие летать...

— Кусаются? — побледнел Кристиан.

— Нет, — густо хохотнул Дмитрий, — они безвредные. Кровь пить, на это у нас, к счастью, лишь стригои и комары горазды.

— Хочу тебя разочаровать, ты сильно ошибаешься, а данная троица намного хуже любого выводка вампиров, — чуть слышно бормотнул вервольф. — Ибо они запросто способны устроить сдвиг по фазе кому угодно...

— Конрад, дружище, сколько лет, сколько зим! — радостно возопил один из архангелов, блондин в модной джинсе. — Жив еще, значит, волчара блохастый!

— Присаживайся к нашему костру, — любезно пригласил другой небожитель, вежливый, с каштановыми локонами до плеч. — И правда, давно мы не виделись. — Он жестом фокусника извлек из воздуха несколько банок пива «Бавария», весьма уважаемого вервольфом, и наделил жестяными, многообещающе булькающими емкостями всех гостей.

— Вау! — Кристиан недоверчиво вертел в пальцах доставшуюся ему банку, мысленно вспоминая вкус любимого напитка, ставшего сейчас чрезвычайной редкостью. — Настоящее?

— Дрянь не пьем! — высокомерно отрезал блондин.

— У каждого настоящего мужчины должны быть сухие ноги, горячее сердце и холодное пиво, — подмигнул каштановокудрый. — Хотя избыток... э-э-э... — архангел замялся, подбирая словечко поприличнее, — скажем так, мужественного пыла нашего друга Конрада привел к весьма печальным последствиям. И ладно бы лишь для него одного...

— Ну и натворил же он дел, жаль, что не сдох, паскудник! — откровенно бравируя своей беспардонностью, забористо добавил третий архангел, мрачный и черноволосый.

— Видимо, я и правда чем-то заслужил ваше пристальное внимание. — Конрад протянул к огню замерзшие пальцы и коротко представил архангелов своим друзьям. — Вон тот белокурый шалопай — Уриэль, добродушный философ рядом с ним — Гавриил, а старый ворчун — доходяга Самуил!

— Хам, причем беспросветный и неисправимый! — чуть повеселев, Самуил крепко пожал руку оборотня, благодаря его за столь оригинальную характеристику, похоже пришедшуюся ему по душе. — Связавшись с тобой, никогда не бываешь уверен точно: то ли нужно спасать твою злополучную задницу, то ли правильнее будет ее надрать...

— За что? — обиделся Кристиан, весьма трепетно относившийся к положительной репутации своего командира. — Да если бы вы только знали, какой он герой! Подвиги Конрада вошли в историю нашего мира!

Тут вервольф скептически усмехнулся, потому что лучше других понимал истинную подоплеку своих геройств, но предпочел помолчать. Он подозревал, что разговор с архангелами не ограничится одними лишь безобидными шуточками, а станет серьезным испытанием для его совести и чувства долга перед Селестиной. Ну ведь не пиво же пить заявили сюда крылатые божьи воины, на самом-то деле? А поэтому, заинтригованный донельзя, он решил изобразить из себя этакого застенчивого праведника, отлично зная, что именно скромность заставляет нас уважать других, внимательно их слушать и не перебивать, особенно в тот момент, когда они хватают конкретно тебя...

Но, увы, пускать пыль в глаза проницательным архангелам оказалось отнюдь не легким занятием даже для столь опытного притворщика, как Конрад.

— Ага, герой — хрен горой! — с похабной издевкой в голосе уточнил Уриэль. — Да ты хоть сам-то осознаешь, что натворил?

— Бес попутал, — виновато пробубнил оборотень, отводя взгляд и смущенно пиная мерзлую землю носком своего тяжелого ботинка, — вот и вляпался я в историю!

— Надо же, он еще и мальчика-одуванчика из себя корчит! — возмущенно процедил Самуил. — Неслыханная наглость...

— Кто же виноват в том, что, кроме истории, вы ничего толком делать не умеете? —

почти риторически спросил уравновешенный Гавриил.

— Бог! — дерзко парировал находчивый Кристиан, мало что понимающий в оном загадочном разговоре, но твердо держащийся стороны своего командира.

Архангел скептически дернул плечом.

— Лазая по деревьям, обезьяны мечтали стать ангелами и парить в небе, — густо хохотнул чернявый Самуил, — но эволюция заставила их спуститься на землю и превратиться в людей! Хотя, видит бог, Конрад еще не самый гадкий образчик вашей греховной породы...

— Командир — мужик хороший, а что плохого можно найти в хорошем человеке? — несговорчиво нахохлился спорщик Кристиан.

— Хорошего человека не могут испортить ни власть, ни слава, ни деньги, — примирительно улыбнулся Гавриил. — Потому как если ты являешься по-настоящему хорошим человеком, то у тебя никогда не будет ни первого, ни второго, ни третьего! — Он заговорщицки подмигнул вервольфу. — И наш друг Конрад — отличный тому пример...

Но фон Майер лишь наплевательски отмахнулся рукой:

— Не критично! Деньги дело наживное, от власти одни проблемы, а слава и вовсе преходяща...

— Ну ладно, назови мне тогда хотя бы одну истинную ценность, еще не изжитую в вашем несчастном, залитом кровью мире? — заинтересованно прищурился Гавриил.

— Любовь! — весомо бросил Конрад, внимательно наблюдая за непредсказуемой реакцией архангела.

Кристиан протестующе поморщился, ибо, как и все прочие мальчишки его возраста, превыше всего на свете ценил именно эти, только что отвергнутые его командиром блага: богатство, славу и авторитет.

— Женщины... — протяжно вздохнул Самуил, умудрившись вложить в это короткое слово целую гамму противоречивых эмоций и чувств. — От них все наши беды! Женщина — это рай для глаз мужчины, ад для его ума и чистилище для карманов...

— Мудро сказано! — согласно кивнул Гавриил.

— Ой, — смешливо всплеснул ладонями Уриэль. — Братья, а вы помните, как появилась первая женщина? Адам жаловался Господу: «Отче, я же просил жену из серебра!» А Господь ему ответил: «Так се ребро и есмь!»

Архангелы дружно заржали, но Конрада весьма покоробили их фривольные байки, касающиеся женского пола. Да и кому, спрашивается, понравится, если некие не очень тактичные балагуры начинают сыпать соль тебе на раны и высмеивать твою самую сокровенную мечту?

— Уроды! — мрачно констатировал вервольф. — Женоненавистники хреновы.

— Зато мы душевно богаты! — Уриэль специально поддразнивал влюбленного оборотня, выводя того из себя. Впрочем, когда самому похвастаться нечем, то самое время начинать охаивать других...

— Уроды! — повторно припечатал не на шутку разозлившийся Конрад. — Духовно вы бедные, да к тому же еще и душевнобольные.

Архангелы рассерженно насупились.

— Ну и пожалуйста, сам тогда рви когти и спасай свою Селестину, если уж ты такой вредный! — склочно фыркнул вспыльчивый Уриэль. — Вы с ней сами на пару эту кашу заварили, сами ее и расхле... — но закончить он не успел, потому что, проникшись смыслом произнесенной архангелом фразы, фон Майер молнией взвился со своего места и требовательно схватил за грудки совершенно оторопевшего от подобной прыти блондинчика.

— Где она, что с ней, колись немедленно, канарейка-переросток, а иначе я тебе все перья повыдергиваю! — сиплым от волнения голосом потребовал Конрад, бесцеремонно тряся обомлевшего от неожиданности архангела, вялой тряпочкой болтающегося в мощных руках вервольфа. — Ну?... — он угрожающе нахмурил брови.

— Эй, полегче на поворотах! — с негодованием крикнул дюжий Самуил, извлекая младшенького из цепких лап оборотня. — Охолони, брат!

— Да какой он нам брат?! — протестующе заголосил освобожденный Уриэль, сердито опускаясь на карачки, ползая по земле и подбирая испачканные грязью оторванные пуговицы, прежде украшавшие его щегольскую курточку. — В гробу я таких братьев видал...

— Не надо затевать свары, ибо все люди братья! — пафосно процитировал умник Гавриил.

— Это кто же такое придумал? — скептически прищурился оборотень, никогда полностью не доверявший крылатым воинам, честно говоря всегда бывшим себе на уме. — Один из вашей шайки-лейки, поди?

— Не-а, Каин и Авель, — злорадно хмыкнул Самуил. — Те еще оказались тихони...

Кристиан прикусил губу, сиюсь не рассмеяться, Димитрий придушенно кашлянул.

— Значит, так, все успокоились и быстренько заткнулись, — пресекая возникшую разборку, приказным тоном потребовал Гавриил. — Никакие мы не женоненавистники, просто нам особо не за что баб любить. Особенно грешных дев, глупо проморгавших Божью защиту. — Он выразительно пошевелил бровями, намекая на известно кого. — Но мы не какие-нибудь жестокосердные злодеи, а поэтому решили вам все-таки помочь, конечно же в меру своих скромных сил и возможностей... Для начала информацией.

— Не тяни! — умоляющим тоном попросил вервольф, ощущающий себя совершенно вымотанным как физически, так и морально. — Короче, умник...

— Короче так короче, — иронично пожал плечами архангел. — Только учти, если что — ты сам напротился... Я тебе не ребе,¹² отрежу это самое не по Торе,¹³ а как сумею...

— Еще короче! — сквозь сжатые зубы властно рыкнул теряющий терпение оборотень.

— Ангелы, сопровождавшие Дочь Господню во время ее поездки в Венецию, находятся сейчас в плену у стригоев. А Селестина... — Гавриил мрачно свел на переносице свои красивые брови, — в общем, она там же, но...

— Она жива! — шумно выдохнул Конрад и уткнулся лицом в ладони. Его плечи подозрительно затряслись.

— Жива? — возмущенно хмыкнул Уриэль. — Ты еще сомневался, жива ли она?! Да в них с Оливией не из ружья стрелять нужно, их динамитом надо глушить, как акул, чтобы уж наверняка.

— Ури, заткнись, — тихонько посоветовал Гавриил, — хоть Оливию-то всуе не поминай.

— У тебя все нормально? — Самуил, обычно придерживающийся имиджа заматерелого, непоколебимого вояки, сочувственно опустил на плечо оборотня свою широкую, будто лопата, ладонь.

— Да. — Конрад поднял голову, его глаза сияли от счастья. — Господи, она — жива! Спасибо тебе, Господи!

— Ну, — задумчиво почесал переносицу Гавриил, — я бы на твоём месте не торопился радоваться сему весьма неоднозначному факту.

— Почему? — искренне удивился вервольф. — Ой, что-то ты темнишь...

— Это не я, — архангел растерянно развел руками, — это она...

— Селестина? — не понял Конрад. — Темнит?

Крылатая братва ответила ему синхронными, исчерпывающими в своей лаконичности кивками.

¹² Еврейский священник.

¹³ Главная священная книга у евреев. В данном случае имеется намек на обряд обрезания крайней плоти у мужчин.

На бледном лице вервольфа отразилась высшая степень недоумения.

Кроме прочих архитектурных изысков, аристократичное палаццо Фарнезина, самовольно занятое Андреа дель-Васто, обладало глубокими и впечатляюще обширными подвалами, ныне удачно переоборудованными в казематы, предназначенные для содержания самых опасных и ценных пленников. И надобно упомянуть, что на сей раз стригоям действительно попались весьма специфические, совершенно неординарные узники, охранявшиеся ими с особой строгостью и бдительностью.

Слабая электрическая лампочка неровно освещала простой пластиковый стол, за которым сидели два стригоя. Их ничем не примечательные, невыразительные и какие-то помятые лица, а также несколько захватанных стаканов, обильно уляпанных потеками засохшей крови, красноречиво свидетельствовали о том, что вахта затянулась, а усталые караульные давно уже нуждаются в смене. Первый стригой, пожилой и полный, пессимистично почесал в затылке и, будто объявляя капитуляцию, с сожалением бросил на стол веер донельзя засаленных карт.

— Эхма, и не везет же мне сегодня! — обиженно проворчал он. — Третий раз подряд масть не идет.

— Так, чего у тебя набралось? — Второй охранник, курносый парень с типично деревенской внешностью, заинтересованно уставился в открытый расклад противника. — Шестерка, десятка, валет... Значит, выигрыш мой! — И он небрежным жестом сгреб со столешницы пачку долговых расписок. — Получается, друг мой Евстасио, что после следующей охоты ты должен отдать мне двух девиц и одного мальчишку! И учти — не тощего и не больного глистами!

— Так их ведь сначала еще поймать нужно... — печально протянул незадачливый Евстасио, похоже столь же неумелый охотник на людей, как и игрок в покер. Притом он не уточнил, о ком именно говорит: о глистах или потенциальных жертвах. — Ох, сдается мне, ты изрядно жульничал, Марко. Чтоб тебе на Санта-Скала¹⁴ ноги переломать!

— Ничего, не надорвешься, — самодовольно усмехнулся Марко, — добудешь людей. Вот сменят нас и можно на передовую попроситься...

— Еще чего, — искренне возмущился проигравший вампир. — Я тебе не дурак, под освященные пули лезть, да и выпасться для начала не мешало бы...

— Это да, дельное предложение, — согласно поддакнул Марко. — Меня когда на тутошнее дежурство назначили, так я надеялся — может, здесь тишь и гладь царят, словно в родном гробу, а здесь эка что творится... — И он раздраженно мотнул патлатой головой, указывая в направлении темного коридора, начинающегося сразу же за столом караульных. Евстасио хмуро кивнул, и в тот же миг, наглядно иллюстрируя жалобы стригоев, со стороны охраняемого ими каземата послышался громкий, сочный, лишь чуть-чуть приглушаемый толстыми стенами мужской голос, напевающий что-то непростительно дерзкое.

— Опять неугомонный ангел завелся на всю катушку! — злобно констатировал первый стригой. — У-у-у, гад светлый, патефон пернатый!

— Выше бери, всем гадам гад! — с энтузиазмом подхватил Марко, высказывая давно наболевшую мысль. — Так бы и прибил мерзавца крылатого, вот этими, своими собственными руками бы прибил! — Он угрожающе сжал кулаки.

— Нельзя! — испуганно шепнул Евстасио, предостерегающе прикладывая к губам толстый кривой палец с могильной грязью под ногтем. — Она запретила даже смотреть в его сторону, — выговаривая многозначительное «она», охранник невольно понизил голос, в котором прорезались подобострастные нотки. — А жаль!

— Еще как жаль! — в унисон поддержал Марко. — Эх...

Пару минут они с отвращением выслушивали залиvistые рулады недостижимого для их клыков певца, увлеченно горланившего шепотные частушки на божественную тему.

¹⁴ «Святая лестница», по которой, согласно преданию, Иисус поднимался в дом Пилата.

— Ба-а-а, — вдруг осенило сметливого Марко, — а если ему кляпом рот заткнуть?
— Пробовали уже, — без особого энтузиазма пояснил Евстасио, — так он же кусается, скотина...

Марко раздраженно передернул плечами, показывая: «А идея-то в целом была не плохая».

Но в это самое время, словно намереваясь доконать своих вымотанных бездельем тюремщиков, к мужскому баритону добавилось громогласное женское контральто, сварливо выкрикивающее набор похабных ругательств.

— Ужас! — Импульсивный Марко, словно укушенный, высоко подпрыгнул на своей табуретке. — Ну хоть бабе-то рот заткнуть пытались?

— Бесполезно, — обреченно махнул рукой Евстасио. — Зараза белобрысая вообще кляп мгновенно перегрызла и съела. Эта паскудная стерва еще покруче любого мужика будет: ростом под два метра и жрет все, что не приколочено!

Молодой стригой Марко, не имевший возможности лично лицезреть охраняемых ими узников, шокировано выкатил глаза и примолк, не находя достойного ответа.

— Вот, — умудренный солидным возрастом Евстасио пошарил в столе и вытащил нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся парой русских меховых шапок-ушанок, — единственная наша защита от ангельского издевательства. — Он бросил одну шапку в руки Марко, а вторую натянул себе на голову. — Надевай, а то оглохнешь. — По отточенности движений стригоя сразу становилось понятно, что опыта в ношении толстого головного убора ему не занимать. — И создал же человеческий Бог такую дрянь несусветную — ангелов...

Стригой с пониманием переглянулись и синхронно туго затянули под подбородками завязки шапок, как выяснилось, отлично защищающих уши не только от холода, но и от куда более сурового испытания — ангельского пения!

Глава 4

Окрестили в Иордане,
Дали пряники и кнут,
Не завидуйте, граждане,
Скоро, видимо, распнут... —

вдохновенно выводил красивый сочный баритон, эхом отражаясь от каменных стен темницы и порождая разительный диссонанс с зауспокойной тишиной сего страшного пустынного подвала. Единственный тоненький, как соломинка, лучик лунного света с трудом пробивался сквозь грязное, забранное железной решеткой стекло и в ужасе замирал. А затем он замертво падал в недра мрачного каземата, где бесследно тонул в слое черной сырой земли, устилающей пол этого приюта скорби и отчаяния, словно расписавшись в собственном бессилии и невозможности хоть немного порадовать несчастных узников, вынужденных проводить свои дни и ночи в столь неприглядном месте. Сама же луна и вовсе не решалась заглядывать в то крохотное оконце, прекрасно понимая, какое удручающее зрелище ожидает ее внизу, в глубине темницы. Туда не долетало веяние свежего ветерка, не запархивали легкокрылые снежинки и не просачивались капли дождя. Этой тюрьмы, расположенной под палаццо Фарнезина, проклятой и человеческим Богом и Темным Отцом стригоев, сторонились все, потому что в подобных подвалах умирают мечты и ломаются судьбы, погибает надежда, выдыхается вера и пересыхают слезы, теряют смысл самые возвышенные слова и жестокие проклятия, обесцениваются любовь, дружба и милосердие. В таких чудовищных темницах останавливается сама жизнь, ибо из этих мест не выходят никогда, в них остаются навечно...

Однако, как ни неправдоподобно прозвучит столь смелое утверждение, сильные духом

и неисправимо упрямые по характеру личности способны выживать везде, повсюду, даже в столь убийственном месте. И посему вот уже довольно значительный срок, а точнее, на протяжении нескольких лет, темница палаццо Фарнезина являлась обиталищем трех весьма неординарных персон.

— Поздно ты спохватился, дятел, нас уже распяли, — назидательно проскрипел сварливый женский голос. — Впрочем, я согласна и на кнут, лишь бы пряником угостили...

— Обжора! — беззлобно усмехнулся обозванный дятлом певец, обрывая куплет на середине. — Кто о чем думает, а наша Оливия всегда об одном и том же — о жратве!

— Ангел не может думать на голодный желудок, — убежденно оповестила валькирия, — а на сытый — не хочет!

— А я верю в то, что однажды мы отсюда все-таки выйдем! — оптимистично прожурчал второй женский голосок, нежный и звонкий. — Снова увидим птичек, подманим их на свою ладонь и...

— Сожрем! — оголодало щелкнув зубами, подхватила Оливия.

— Нарвем цветов и их... — продолжила обладательница приятного голоса.

— Тоже сожрем! — предвкушающе чавкнула Оливия.

— Отыщем Селестину и...

— Сож... — привычно начала вечно голодная узница стригойского подвала, но осеклась и возмущенно взвыла во всю мощь своих отнюдь не хилых легких. — Заткнись, Ариэлла! Не поминай всуе столь памятное для всех нас имя! Я даже представить боюсь, что могли сотворить эти поганые кровососы с нашей дорогой худобиной...

Ариэлла жалобно всхлипнула и замолчала. Оливия бессильно рычала, наполняя каземат страшными звуками, казалось вырывающимися не из уст ангелицы, а из пасти дикого хищника, мечтающего добраться до своих мучителей.

— Да ладно тебе скорбеть раньше времени-то, Лив, — умиротворяюще протянул певец, — нашу Селестину так запросто к ногтю не прижмешь!

— Чтоб ты облез, Нат! — взбешенно пожелала валькирия. — Тебе голова для украшения дана или для того, чтобы изредка ею думать? Разве до тебя еще не дошло, что Селестина каким-то образом утратила Божью защиту и именно поэтому попала в лапы к стригоям? А если учесть ее упоминание о любви и какие-то намеки на вервольфа, то получается — все плохо, а мы сейчас находимся, сам видишь где...

— И где? — не понял ангел.

— В заднице! — вдруг откровенно брякнула всегда сдержанная в выражениях и благонаравно воспитанная Ариэлла.

— Аллилуйя! — шокировано подтвердил Натаниэль, ошарашенный внезапно прорезавшейся грубостью своей всегда смирной подруги.

— Воистину! — мстительно хмыкнула валькирия и, возведя глаза к каменному потолку темницы, риторически спросила: — На кого же ты покинул нас, Господи?

Он всех простил, давно и скопом,
Рай переполнен, ада — нет,
Он был, похоже, остолопом,
Он не предвидел наших бед, —

иронично пропел Натаниэль, еще находящий в себе мужество высмеивать то нелегкое положение, в котором оказался он сам и две его подружки.

— Он не простил, он нас покинул. И все равно, это еще не повод для богохульства! — устало вздохнула валькирия. — А хотя, — она уныло помотала мерзкими, слипшимися в сосульки патлами, некогда называвшимися ее белокурыми косами, — какая сейчас разница, наша песенка спета...

Скорее всего, ее замечание действительно находилось недалеко от истины и вполне точно обрисовывало создавшуюся ситуацию. Каземат этого подвала, расположенного под

палаццо Фарнезина, представлял собой глухой каменный мешок размером четыре на четыре метра с осклизлыми, сочащимися влагой стенами. Настоящий склеп, имеющий всего лишь один выход — массивную многослойную дверь, запертую на десяток прочных замков. А три остальные стены занимали фигуры трех узников, безжалостно распятых на поверхности холодных гранитных глыб, прикованных к ним стальными цепями и к тому же для надежности еще и прибитые огромными железными гвоздями, пропущенными через их ступни и ладони. Бессмертные ангелы ежеминутно терпели чудовищную в своей бесконечности боль, не имея возможности прекратить эту изуверскую, придуманную специально для них пытку, но и не обладая способностью просто умереть. И оные муки длились уже почти три года. Оставалось лишь позавидовать их силе воли и выдержке духа, не позволившим Натаниэлю, Оливии и Ариэлле банально сойти с ума. И хоть, по меткому выражению нескгибаемой валькирии, их песенка и была спета, Нат еще сохранил толику своего прежнего бесшабашного задора, дни и ночи напролет горланя развеселые частушки и доводя тем самым охраняющих их стригоев до состояния белого каления.

— Вот еще! — Ангел протестующе всплеснул невообразимо грязным крылом. — Я не собираюсь сдаваться. К тому же я сегодня в голосе, — он кашлянул, прочищая горло, и громогласно взревел новый куплет, да так, что у его подруг аж в ушах зазвенело:

Придет от Бога вдохновенье,
Хотя не всем оно дано,
Издаেকে глядишь — варенье,
А ближе подойдешь — г...

Ариэлла проказливо хихикнула, отдавая должное блестящему юмору своего возлюбленного.

— Это у тебя талант прет из всех пор, или ты над нами так изощренно издеваешься? — поморщилась Оливия. — Тоже мне садист по фамилии Шалапин нашелся.

— Не оскорбляй моего мужчину! — тут же возмутилась Ариэлла. — У него чудесный голос!

— Дятлы не поют, — провокационно отрезала валькирия.

— А что они делают? — попалась на удочку доверчивая Ариэлла.

— Мозги долбят! — издевательски пояснила Оливия. — Поэтому тот, кто так издевается над женщинами, — не мужчина, а дятел!

— Нат — он стопроцентный мужчина, а не дятел! — обиженно надула губы влюбленная ангелица. — Я проверяла!

— Дятел! — язвительно хмыкнула Оливия. — Ишь ты, проверяла она...

— Он мужчина! Тебе не понять, ты не любила...

— Чего? — взвилась непримиримая поборница тишины. — Это я-то не любила? Хотя, да... Вернее, нет, дятлов — точно нет...

Натаниэль с улыбкой прислушивался к перебранке девушек, отлично отдавая себе отчет в том, что вот такие милые, им же самим и спровоцированные перепалки остаются единственным доступным ему развлечением, здорово скрашивающим бесконечную череду дней и ночей и даже иногда перебивающим боль от вбитых в руки и ноги гвоздей. Обе ангелицы хотя бы имели возможность наблюдать за редкими лучиками света, попадающими в узницу через окошко, но Ната лишили даже этого последнего удовольствия, ибо пресловутое окно находилось как раз над его головой. И он почти захирел от скуки, если бы не Лив и Ариэлла... О да, эти неугомонные девицы стали поистине его манной небесной, ведь ни одна женщина в мире не может принести мужчине столько блаженства, как... две!

— Корова! — тяжело дыша от гнева, беспощадно припечатала Ариэлла, пуская в ход свою тяжелую артиллерию, категорически запрещенную и обычно заканчивающую все споры двух распятых на противоположных стенах ангелиц.

Оливия сердито набычилась, показывая — крыть ей нечем...

Натаниэль снисходительно усмехнулся, прекрасно понимая, что его любимая блефует, ибо тело едва прикрытой обрывками одежды Оливии давно уже утратило добрую половину прежнего веса, лишившись своих пышных, весьма соблазнительных форм. «А жаль, очень жаль, — мысленно посетовал ангел. — Следует признать по справедливости, что излишек веса придавал Лив некую приятную пикантность, этаким особенный шарм, делающий ее абсолютно неподражаемой. О, конечно, в ней еще сохранилась прежняя изюминка — дерзость, но ведь одной изюминкой сыт не будешь...» М-да, он никогда еще не слышал о скончавшихся от голода ангелах, но иногда прекрасно понимал терзающие Оливию муки, начиная испытывать в области своего желудка некое жгучее, весьма досадное покалывание... Нат осознал, как быстро истощаются его силы, и уже стал всерьез задумываться обо всей неблагоприятности поджидающего их будущего. Да, они ничего не сказали Андреа о Святой Чаше, отданной Селестиной призраку ее матери, но черт побери (ох, прости Господь за подобное выражение), им нужно немедленно что-то придумать и выбраться из этого ада подвала. А иначе, кто его знает, чем все может закончиться!

— Я не ты, — между тем сердито объясняла Оливия, — я не могу питаться только мечтами о любви. Мне нужна реальная пища. Следи, специально для тебя произношу по слогам: пи-ща!

— Да уж, — тоненько хихикнула Ариэлла, — заметно. Ты ведь даже умудрилась прогрызть две здоровенные ямы в стене по обе стороны от своей головы!

Признавая обоснованность одного обвинения, валькирия густо покраснела.

— Вот, — менторским тоном изрек Нат, надеясь раздуть новый виток перепалки, — все элементарно. Чтобы ощутить всю полноту жизни, порой достаточно просто похудеть!

— Ничего не ощущаю, — отбивалась Оливия. — И худеть я уже не хочу. Не ела я камни специально! Я же не виновата в том, что они не выдерживают моей слюны и буквально плаваются под ее воздействием...

— Стоп! — вдруг потребовал Нат. — А ну-ка, повтори...

— Я не хочу худеть, — почти проскандировала валькирия. — Я есть хочу, жрать, питаться, лопать, хавать...

— Да нет, другое, про слюны, — нетерпеливо перебил ее ангел, — и про камни...

— Ну плаваются они под моей слюной, — наморщила лоб Оливия. — Размягчаются, будто пластилин...

«Аллилуйя! — беззвучно возопил Нат. — Ну как же мы могли забыть! Ведь если пот ангелов называют «божьей росой», то, значит, и наша слюна тоже должна обладать какой-то святой силой. А здесь все стены пропитаны черной магией... Следовательно... Господи, кажется, мы сумеем наконец-то выбраться на свободу!»

— Оливия, — вслух произнес он, громко шмыгая носом от обуревающего его избытка чувств, — ты гений, я тебя люблю!

— Висел на стенке дятел, довиселся — спятил! — гыкнула ошарашенная валькирия.

— Кого, ее? — возмутилась Ариэлла. — А как же я? Любимый, ты сошел с ума!

Но Натаниэль лишь радостно рассмеялся, отрицательно качая головой...

Андреа и Элоиза неподвижно стояли возле ортопедической кровати-трансформера, предназначенной для выхаживания тяжелобольных пациентов, и пристально рассматривали женское тело, беспомощно распростертое на простынях. Причем, если на хорошеньком личике синьорины Бафора читались лишь страх и брезгливость, то холеные черты госпожи дель-Васто отображали крайнюю степень заинтересованности и с трудом сдерживаемое восхищение, так и проступающее сквозь напускную маску холодного высокомерия. Пытаясь ничем не выдать своих подлинных эмоций, Андреа и в самом деле безмерно восторгалась невероятной живучестью этих скорченных, обугленных останков, правда сейчас весьма мало похожих на прежнюю статную рыжекудрую экзорцистку.

«У меня язык не поворачивается назвать этот закопченный остов человеческим телом, — сосредоточенно размышляла стригойка, наблюдая за медленным шевелением

черной обугленной корочки, окутывающей узловатую руку, больше всего смахивающую на корявый побег колючего саксаула. — Сегодня она находится в стадии полуоголенного набора костей и недогоревших мышц, кое-где покрытых лохмотьями кожи. И если быть предельно объективной, то она уже или пока еще отнюдь не плоть, а всего лишь пепел и зола, неодоушевленные и хрупкие... Но хотелось бы мне знать, какая именно энергия заставляет в тысячный раз снова соединяться воедино эти жалкие головешки и принимать свою прежнюю форму, воссоздавая исходное тело и воскрешая ее разум? Убей меня серафим, но возможности этой проклятой девчонки приводят меня в содрогание и вызывают острую зависть. Ибо, проходя через смерть, она с каждым разом становится все крепче! Недаром, видимо, говорят: то, что не убивает нас сразу, делает нас сильнее».

— О чем вы задумались, повелительница? — Робкий вопрос Элоизы вывел Андреа из состояния мрачной меланхолии.

— О ней, — криво усмехнулась стригойка, небрежно указывая пальцем на дымящийся остов экзорцистки, — о той, которая прежде являлась нашим заклятым врагом и звалась Дочерью Господней. Впечатляющее зрелище, не правда ли?

Но синьорину Бафора, ничуть не разделяющую полуличного-полунаучного любопытства своей госпожи, только передернуло от омерзения.

— Жуткая гадость, — она прижала к лицу белоснежный носовой платок и немного отошла от кровати, — постоянный запах гари, ее стоны и всхлипы, треск ломающихся костей... Ужас! Пусть она нам и враг, но, — тут девушка вопросительно взглянула на свою хозяйку, — не лучше ли добить эту несчастную и прекратить ее бессмысленные мучения?

— Добить? Как и зачем? — весело хохотнула Андреа, цинично вздергивая брови. — Разве мы не пытались? Но если даже мои палачи не смогли прикончить эту упрямую экзорцистку, то... — Она сделала выразительный жест, показывая: в данном случае я бессильна и смиренно умываю руки. По прекрасному лицу Андреа блуждала странная улыбка, такая, будто на стригойку неожиданно снизошло отрезвляющее откровение преисподней. О да, госпожу дель-Васто посетила очередная гениальная мысль!

В противовес своей пугливой служанке, шарахающейся от обугленных останков несчастной Селестины, стригойка еще ниже нагнулась над кроватью своей пленницы и почти нежно прикоснулась к ее черному лбу.

— Ах, мое сокровище, — издевательски мурлыкнула она, — покаюсь тебе: мне пришлось поднять тебя из гроба, потому что мне нужен Грааль. Но ты и сама по себе оказалась ничуть не меньшим чудом, чем Чаша сына плотника, ибо ты куда мертвее самого мертвого из нас, и в то же время — живее всех живых. Будь же паинькой, ибо я намереваюсь непременно постичь причину твоих потрясающих трансформаций, а если получится, то и обратить на пользу моего народа все полученные от тебя знания... Как ее лечат? — Повелительница повернулась к Элоизе.

— Ну мы перебрали все доступные нам методы, — начала докладывать девушка. — Стероиды и гормоны не помогли, она продолжала умирать и воскресать. Нам пришлось остричь ее свалявшиеся в войлок волосы и начать внутривенное введение раствора глюкозы, ибо больная страшно потеряла в весе. Пациентку держат на снотворном, значительно замедляющем фазы ее чудовищных метаморфоз, но все равно она продолжает разрушаться и восстанавливаться с завидной регулярностью...

— Значит, нам нужно найти нечто более действенное, — задумчиво протянула Андреа. — Я хочу затормозить ее превращения и привести экзорцистку в сознание. А потому мне нужен врач, самый лучший врач, разбирающийся как в болезнях людей, так и в метаболизме организма стригоев...

— А он и так у вас есть! — торопливо сообщила синьорина Бафора, сияя горделивой улыбкой тайной страсти.

Андреа недоверчиво хмыкнула.

— Господин де Вильфор! — напомнила Элоиза. — Он гений медицины!

— Я уже второй раз слышу его имя, — оценивающе пробормотала Андреа. — Я

должна непременно его увидеть, этого Тристана де Вильфора. — Она приблизила свои алые губы к самому уху загадочной пациентки и доверительно шепнула: — Держись, сестра! Я тебе помогу...

Мне снились сны, разные — прекрасные, отталкивающие и пугающие. Перед моим мысленным взором мелькали десятки разрозненных картинок, упрямо отказывающихся складываться во что-нибудь целостное и сюжетное. Я видела благообразное лицо пожилого мужчины, почему-то кажущееся мне родным и близким, а в следующее же мгновение на смену ему являлись резко очерченные скулы молодого красавца, призывающего меня в свои широко распахнутые объятия. Я силилась вспомнить его имя, но оно полностью стерлось из моей памяти, оставив после себя только привкус странной горечи от нанесенной мне обиды и пережитого разочарования. Зачем он меня обидел, этот харизматичный, на лысо выбритый силач с бархатистыми темными глазами? Мне чудился ярко пылающий костер, на котором судорожно корчилось чье-то высокое худое тело, а губы погибающего в огне мученика беспрестанно шевелились, выкрикивая один и тот же призыв: «Вспомни, вспомни! Вспомни, кто ты есть на самом деле. Ведь я же поведал тебе тайну...» Но, увы, я не помнила и этого. Я не помнила ничего и никого!

Боль поутихла и стала намного терпимее, скромно отодвинувшись на второй план, уступая место моим горячечным снам и видениям. Кошмарам, терзающим меня намного беспощаднее самой жуткой боли. Мой разум взрывался сотнями картин и образов, не значащих для меня ровным счетом ничего, но почему-то безмерно важных и неотвратимых для моей мятущейся души. Словно всплывая из темных пучин небытия, перед моими глазами постоянно маячило изображение грубо выструганной деревянной чаши, наполненной прозрачной, слегка пузырящейся водой. «Испей, испей!.. — властно приказывал исполненный благодати голос. — Испей из источника жизни...» Но в тот же миг на смену чаше являлся вытянутый серебристый сосуд, чьи покатые стенки отсвечивали жертвенным сочным багрянцем... «Смешай, — призывал невидимый поводырь, — смешай сущности Тьмы и Света! Проснись, дочь моя...»

Мне хотелось поднять руки и зажать свои уши, избавляясь от этого голоса, причиняющего мне невыносимую боль, но у меня не было рук. Мой мозг расплавлялся и снова принимал свою прежнюю форму, рассылая по всему телу импульсы жгучих уколов, разрушая и воссоздавая его раз за разом.

Больно. Терпеть. Больно. Терпеть.

Когда же все это закончится?

И вот в один случайный момент недолгого просветления моего рассудка неожиданно достиг мягкий, подбадривающий шепот:

— Держись, сестра! Я тебе помогу...

И тогда я облегченно вздрогнула, ощущая прилив безумной радости. Оказывается, я не одинока в этом мире боли и наваждений — у меня есть сестра! И она обещает мне помочь!

— Лучше бы она умерла... — нехотя, сквозь зубы процедил Гавриил. — Напрасно она выжила...

— Почему? — протестующе заорал Конрад, ладонью придерживая свою правую щеку, непроизвольно подергивающуюся от нервного тика. — С чего ты взъелся на бедную девушку?

— Взъелся? — язвительно переспросил архангел. — Ох, как бы нам еще ею не подавиться.

— Почему? — повторно вскрикнул вервольф, трясаясь, как от припадка эпилепсии. — Сдурели вы все, что ли?

— Если бы она умерла, то мы избавились бы от кучи проблем разом, — туманно пояснил Самуил, — а возможно, наоборот — нажили бы себе новые неисчислимые беды.

— Ой ли? — недоверчиво хмыкнул красавец Уриэль. — Не нагнетай, брат. В нашем

мире существует всего две глобальных беды: на одной из них я как-то едва не женился, а вторая — это ее закадычная подружка, Селестина. На фиг нам еще какие-то новые неприятности? И уже имеющихся-то — выше крыши...

Гавриил тонко улыбнулся, немало позабавленный непробиваемым эгоизмом своего белокурого собрата. В конце концов, не отягощенная никакими посторонними переживаниями любовь к себе — вот тот сентиментальный роман, который длится всю жизнь. А пытаться перевоспитать самовлюбленного эгоиста — дело совершенно бесполезное и неблагодарное.

Снег беззвучно сыпался с ночного неба, сияющими стразами украшая крылья трех неподвижно восседающих вокруг костра ангелов и мгновенно тая на горячем, пылающем, словно в лихорадке, лбу Конрада. Оборотень машинально обтер свою мокрую голову рукавом куртки и пытливо всмотрелся в непроницаемые лица божьих вестников. Хм, не такими уж безразличными они оказались на самом деле, хотя усиленно старались продемонстрировать свою абсолютную непричастность к обсуждаемой сейчас проблеме. По смуглой нижней, рельефно очерченной челюсти Самуила перекатывались крупные желваки, выдавая владеющее им раздражение. Уриэль строптиво хмурил пшеничные брови, а алые губы Гавриила кривились от печальной, какой-то саркастичной улыбки. Конрад без труда, как читают листы раскрытой книги, расшифровал владеющие архангелами эмоции и ужаснулся, ибо ясно разглядел отчаяние, обреченность и немой призыв о помощи. Как, всемогущие слуги божьи ждали от него подмоги? Но это же невероятно! Поддержки одного, всеми отвергнутого, проклятого судьбой оборотня?.. Вервольф застонал от бессилия и до крови прикусил себе язык, едва удержавшись от уже рвущихся с него проклятий. М-да, в мире явно творилось нечто чудовищное, по разрушительности своих последствий способное превзойти все, даже развязанную стригоями войну! В мир пришло какое-то громадное зло, и Конрад почти физически ощущал его присутствие.

Так минуло несколько томительно долгих минут. Архангелы продолжали молчать, испытывая терпение Конрада. И в итоге вервольф все-таки не выдержал.

— Ну, — требовательно бросил он, — и сколько времени мы еще будем играть в молчанку?

— Кто в молчанку, а кто и в волчанку! — обвиняюще съехидничал Уриэль.

— А ты точно уверен в том, что хочешь узнать все? — с жалостью в голосе усмехнулся Гавриил. — Учти, мы предоставляем тебе право добровольного выбора: ты либо встаешь и сейчас же уходишь своей дорогой, не оборачиваясь, отказавшись от любых претензий к Богу и к нам, либо безропотно принимаешь уготованный тебе крест и послушно следуешь нашим указаниям.

— И тогда ты снова увидишь Селестину! — заманчиво пропел хитрюга Уриэль.

— Хм, ну да, ну да, непременно увидишь!.. — подозрительно дружелюбно крикнул Самуил, бездарно выдавая владеющую им неуверенность.

— И? — вопросительно изогнул бровь первый искуситель. — Оцени, каково предложенье!

— Да уж, хорош выбор, ничего не скажешь! — Конрад язвительно ухмыльнулся, показывая крепкие белые зубы. — Сволочи вы, а не божьи слуги! Значит, я должен стать покорной игрушкой в руках рока, или же поджечь хвост и молча убраться в свою берлогу?

— Примерно так, — подтвердил Самуил. — А ты молодец, умеешь четко и доходчиво сформулировать мысль...

Фон Майер ехидно присвистнул.

— Не свисти, девок не будет! — предупредил Уриэль.

— На себе проверил? — язвительно поддел оборотень.

— Грубиян, деревенщина неотесанная! — презрительно фыркнул гламурный блондин. — Зря мы с ним связались, братья! Да что может понимать в жизни какой-то блохастый волчара?

— Жизнь нужно прожить так, чтобы о ней было стыдно рассказать, но приятно

вспомнить! — иронично парировал Конрад. — А я, в отличие от вас, свободен от каких-либо предрассудков и нахожусь вне зависимости от чужого мнения.

— О да, — одобрительно подхватил Гавриил, — истинная свобода это особенное состояние души и тела, когда тебе наплевать на то, что именно говорят и думают о тебе окружающие. Братья, я уверен: он именно тот, кто и нужен нам для выполнения столь опасной миссии.

— Ладно, ладно, уговорили, — покладисто мотнул локонами Уриэль. — Авось у него это и получится.

— Да о чем вы толкуете-то? — прорычал совершенно измученный их намеками фон Майер. — Хватит уже высокопарных фраз, говорите все прямо и открыто!

— А ты клянешься досконально выполнить Божью волю? — с хитринкой в голосе спросил Гавриил. — И смотри мне, никаких уходов на попятную!

Конрад заметил, как напряглись два других архангела, ожидая его ответа, но все равно не заподозрил никакого подвоха, ведь крылатые воины никогда не лгут. Он утвердительно кивнул и торжественно произнес, положив руку на сердце:

— Клянусь своей жизнью, что в точности исполню любое поручение Господа!

Из груди всех архангелов вырвался дружный вздох облегчения.

— Ты должен спасти мир от стригоев! — требовательно приказал Уриэль.

— Освободить нашего Бога от темных чар! — пафосно провозгласил Гавриил.

— Убить Селестину, бывшую Дочь Господню! — страшным приговором бухнул Самуил.

— Иисус, ее-то за что? — потрясенно простонал Конрад, хватаясь за голову и горестно раскачиваясь из стороны в сторону. — И что же мне теперь делать, ведь вы — подлые провокаторы, обманом требовали с меня эту безумную клятву!..

Прошло немало времени, прежде чем Конрад успокоился и оказался готов к дальнейшему продолжению столь не легкой для него беседы. Поначалу он бурно сыпал проклятиями, кричал, что его с помощью обмана завлекли в безвыходную ловушку, грозился покончить с собой и даже запустил смятой пивной банкой в лоб довольно похихикивающего Уриэля. Два других архангела хранили сочувственное молчание, и понемногу запал Конрада иссяк, он затих и смирно сидел у костра, немного опьянев от огромного количества выпитого им пива, ибо на угощение обманщики не поскупились. Ну что же тут поделаешь, если душевные раны не поддаются зализыванию. Их приходится заливать.

— Рассказывайте давайте, — вяло ворочая заплетающимся языком, уже вполне спокойно попросил оборотень. — Честно, все как на духу, будто на исповеди находитесь.

— Ты уже совершил две роковые ошибки, — печально вздохнул Гавриил. — Лишил Селестину ее Божьей защиты и всего на три дня опоздал с организацией ее спасения.

Стригои проявили неслыханное проворство и раньше тебя сумели извлечь из гроба не живую и не мертвую экзорцистку. Теперь она принадлежит им.

— Как это, принадлежит? — изумился Конрад, меланхолично прихлебывая из банки. — Она же моя!

— Была твоя, — иронично передразнил вредный Уриэль. — А теперь, увы, хороша Маша, да не наша!

— Ури! — осуждающе одернул братца Гавриил. — Зачем же так жестоко?

— А он сам во всем виноват, — пренебрежительно отмахнулся Уриэль, — надо было продолжать ловить своих суккубов и не лезть, куда не просят!

— Чего уж теперь... — извиняюще проворчал Самуил, — поздно его перевоспитывать.

— Воспитывать, видимо, и впрямь поздно, а вот предостеречь не помешает, — педантично поправил Гавриил. — Помни, Конрад, ты совершил уже две ошибки, и тебе их простили, но третья может стать фатальной.

— Для кого? — цинично прищурился пьяный вервольф. — Для меня? А по фигу, без Селестины мне все равно не жить.

— Забудь о ней! — настоятельно посоветовал Гавриил. — Она теперь наш враг, ибо перешла на темную сторону...

— Она? — недоверчиво вытаращил глаза Конрад. — Перешла? Вот так номер!

— И поэтому ты должен ее убить! — со старательностью заевшей грампластинки нудно втолковывал Самуил. — Ты нам поклялся!

Конрад издевательски присвистнул, будто насмехаясь: еще чего, а больше вам ничего не надо?

— Не ищи ее пока, — вкрадчиво шептал Гавриил, доводя свою инструкцию до уровня навязчивого внушения, автоматически фиксирующегося в податливом подсознании захмелевшего вервольфа. — Вы встретитесь в нужный момент и в подходящем месте. А сейчас тебе нужен помощник и соратник. По замыслу Господа, в мире одновременно присутствуют три эрайи, точно так же, как и три дара «Божьего Завета», три ключа от рая и ада, три воина Сатаны...

— Ну да, понимаю, — едко хмыкнул Конрад. — Так вот откуда пошел и триединый Бог, и возникло выражение: «Бог троицу любит...»

Самуил кивнул:

— Все верно! А посему нужно собрать все недостающие элементы...

— Пазлы Господа? Как я вам третьего эрайю-то найду? — неопределенно пожал плечами фон Майер. — Я же не ясновидящий.

— У него есть точно такой же серебряный крест, как и у тебя, — терпеливо подсказал Уриэль.

— Шас, — дурашливо заржал оборотень, — буду я еще ко всем встречным-поперечным за пазуху лазить, крест искать...

— Ну ладно, убедил, — снисходительно скривился Гавриил, — мы поможем тебе и на сей раз. За пазуху ни к кому лазить не придется. Искомый эрайя упомянет слово «завет». Не забудь...

— Не забуду, — автоматически пообещал вервольф, которого неудержимо тянуло в сон, вызванный убойным воздействием алкоголя и перенесенным стрессом. — Завет так завет...

— Убей Селестину, — напомнил Гавриил. — Искорени в своем сердце жалость к ней и не позволяй новоявленной приспешнице Сатаны обольстить или околдовать себя. Найди три артефакта «Божьего Завета» и три ключа от рая и ада. Обещаешь?

— Обещаю, — послушно пробубнил Конрад, неловко валясь на бок. — Обещаю все что угодно, только отвяжитесь и дайте мне поспать... — Он громко захрапел.

Божьи слуги довольно переглянулись и поднялись с земли, оставляя крепко заснувшего Конрада наедине с его печальной участью, подразумевающей безысходность, загубленную любовь и убийство ни в чем не повинной девушки. А как же иначе, если наша жизнь устроена таким несправедливым образом, что для достижения высшей цели людям зачастую приходится жертвовать личными интересами, привязанностями и ценностями. И что значит одна вычеркнутая жизнь по сравнению с судьбами тысяч и сотен тысяч незащищенных людей? Неисповедимы пути Господни, но выбирать их предстоит отнюдь не нам, и не нам дано высшее право судить об их праведности...

Архангелы заботливо вывели потрясенных всем увиденным и услышанным Дмитрия и Кристиана за пределы старинного могильника, а потом милосердно стерли из их памяти малейшие воспоминания о событиях минувшей ночи. Впрочем, равно как и воспоминания о личности бывшего предводителя «Новых тамплиеров» — Конрада фон Майера, ставшего ныне последним избранным бойцом, способным изменить завтрашний день этого погибающего мира.

Над Палатинским холмом медленно разгорался хмурый зимний рассвет. Выполнившие свою миссию архангелы задумчиво вознеслись в рай, ибо даже они не ведали о том, каким станет день грядущий и в какую конкретную сторону склонится стрелка весов мирового равновесия, неустойчиво колеблющаяся между добром и злом.

Папа Бонифаций снова подул на свои озябшие пальцы, раскрыл «Книгу крови», перелистнул несколько страниц и погрузился в чтение, с трудом разбирая витиеватый архаичный почерк покойного Гонтора де Пюи и поминутно путаясь в его устаревшем французском диалекте.

«По приказу короля Франции Филиппа Красивого аресты рыцарей-тамплиеров производились одновременно и повсеместно по всей территории страны. К счастью для ордена, при дворе нашлись смелые люди, рискнувшие предупредить великого приора Карла де Молэ — младшего брата магистра. Карл, сильный и цветущий мужчина возрастом двадцати семи лет от роду, являющийся истинным образцом надежнейшего воина войска Христова, пользующийся полным доверием брата, сумел погрузить на корабли все сокровища рыцарей-храмовников и с верной дружиной отплыл в неизвестном направлении, после чего след флотилии бесследно затерялся на безбрежной шире морских просторов.

Король Филипп кусал себе локти от досады, ибо вместе с золотом ордена из Франции исчезли и некие загадочные реликвии, принадлежавшие тамплиерам. А еще он подозревал, что приор Карл являлся не просто рыцарем, а был законным Хранителем тех артефактов. Ходили слухи, будто сам славный род де Молэ испокон веков состоит в тесном кровном родстве со Спасителем нашим Иисусом Христом и ведет родословную от его брата Иосии... — Тут его святейшество почувствовал легкое головокружение и был вынужден ухватиться за край пюпитра, дабы не упасть от важности совершенного им открытия. — Невероятно, — молнией промелькнула у него в мозгу ошеломительная мысль, — как странно переплелись замыслы Господа с происками его злейшего врага Сатаны. Теперь мне доподлинно известно, что Спаситель сурово испытывает своих верных защитников, подвергая искушениям их веру, горестям — их судьбу и потерям — их привязанности. Но ведь и значимость доверенных им раритетов велика настолько, что ни одна заплаченная Хранителями цена не кажется непомерной...» — Он согласно покивал седой головой и продолжил изучение стригойской летописи.

«Именно потомки Иосии, ставшие первыми защитниками «Божьего Завета», и основали орден тамплиеров, предназначенный воспитывать воинов для хранения наследия Господа. Карл де Молэ сумел сберечь доверенные ему артефакты и вывез их из Франции. В числе оных предметов значился не только святой Грааль, доверенный тамплиерам последними выжившими катарами, сумевшими сбежать из окруженного врагами Монсегюра, но также свиток с призывающей архангелов молитвой, мешочек с «Бичом Божьим» и «Перст Господа»... — Тут понтифик бестолково хмыкнул, ибо он, хоть и сумел буквально на днях добыть копию молитвы и даже вполне успешно применил ее на деле, тем не менее не имел ни малейшего понятия о природе и свойствах двух других предметов. А кроме того, он крайне скептически воспринимал саму идею: как это «Бич Божий» способен поместиться в какой-то мешочек? Увы, Гонтор не занес в «Книгу крови» никакой более подробной информации (не знал или скорее не захотел, как предположил Бонифаций), а посему тайна «Завета» пока так и оставалась никем не разгаданной и ни для кого не достигаемой. Папа даже не предполагал, куда могли пропасть «Бич» и «Перст», что с ними случилось и в каких неведомых местах они обретались ныне...

Следующая запись в гласила:

«Поскитавшись по свету, Карл де Молэ женился и осел в Словакии, дав начало новому могущественному и богатому роду, названному семьей Бафора. Его отпрыски унаследовали предметы из «Божьего Завета», передающиеся по наследству от родителей к детям, и стали их преданными Хранителями. В 1560 году у Бафора родилась долгожданная дочь Эржебет, которой еще в утробе матери напророчили великое, но крайне печальное будущее. Давно охотящиеся за «Заветом» стригои разыскивали госпожу Бафора, безвыездно проживающую в отдаленном замке Чейт, и насильно обратили ее в подобную себе тварь. Но и после этого душа прекрасной Эржебет все равно осталась навечно верна Иисусу Христу, ибо настолько чистой была ее кровь и светлы помыслы. Не сумев овладеть «Заветом», стригои обрекли

Хранительницу на бесконечное заточение в подвалах замка. Но незадолго до сего страшного события ее младший сын — восемнадцатилетний Павел Надашди — сумел сбежать из Чейта, унося с собой две части «Завета»: копию свитка с молитвой и «Перст Господа». Пробравшись в Польшу, Павел женился на девице из мелкопоместного шляхетского рода и взял себе фамилию жены. Так ему удалось замести следы, сбить с толку преследовавших его стригоев и спасти «Завет». И с тех самых пор Павел Надашди стал зваться Павлом Мошковецким...»

Папа тяжело вздохнул и захлопнул проклятую книгу. Уже в который раз он перечитывает эти абзацы, но все никак не может свыкнуться с мыслью, что...

— Збышек Мошковецкий, продолжатель рода Иосии, — с вызовом выкрикнул он, ладонью хлопая по переплету книги. — Вот мое имя! — Получалось, что совсем не случайно его дочь Селестина стала Божьей избранницей, призванной охранить наследие своего необычного предка. Вот только уж слишком неоднозначно сплелись в их роду темные и светлые ветви и смешались две крови. Ад неотделим от рая, небо от земли, жизнь от смерти, а добро от зла. А стези их влияния на судьбы людей настолько взаимосвязаны, что зачастую достаточно одного крохотного, неосторожного шага, дабы случайно перейти на другую сторону силы, став врагом своих вчерашних друзей и соратником бывших врагов. Неисповедимы пути Господни, и под силу ли кому-то из нас вмешиваться в их изначальные предопределения?

Вот о чем размышлял папа, укутывая «Книгу крови» в защитное покрывало, предохранявшее книгу от чужого взора. Но это оказалось еще не все, ибо, приподняв увесистую летопись, его святейшество неловко повернул ее на бок и вдруг откуда-то из переплета плотных страниц выпал небольшой клочок бумаги, который медленно спланировал к ногам Бонифация, словно намекая, что сия записка предназначена только ему одному. Папа поднял листочек и прочитал вслух: «Помни, дорогой друг мой, что Сангрема поглощает жизненные силы своего владельца и навлекает на его голову бесчисленные несчастья. Каждый новый ее летописец обречен на мучительную гибель. Прости же меня за столь обременительный подарок. От судьбы не уйдешь. Искренне твой Гонтор де Пюи».

Понтифик понимающе усмехнулся и поднес записку к огоньку свечи, сжигая опасную улику. Его пальцы мелко подрагивали от страха. О нет, папа переживал отнюдь не за себя, потому как уже практически смирился с мыслью о неторопливо подкрадывающейся к нему смерти, успев привыкнуть к ее незримому присутствию. Отныне ему предстоит опасаться за того, кому он будет вынужден в дальнейшем передать «Книгу крови», ибо несчастный Бонифаций уже почти не сомневался в имени ее следующего летописца.

Глава 5

— Да где же он, куда он запропастился, этот ваш знаменитый француз, ваш хваленый врач-волшебник? — Мужской, дикий, полный неконтролируемого смятения вопль шквальной волной прокатился по длинному больничному коридору. — Срочно пригласите сюда доктора де Вильфора! — И тут же десятки других голосов с готовностью подхватили сей жалобный призыв, окликая невесть куда подевавшегося хирурга: — Тристан, месье Тристан, шевалье де Вильфор!..

Тристан сердито распахнул глаза и несколько секунд лежал неподвижно, недоуменно вслушиваясь в вопли коллег, на всевозможный манер увлеченно склоняющих его старинное родовое имя. А поскольку многие из них находились в явных неладах с французским языком, то разносящиеся по реанимационному отделению призывы быстро превратились не в просьбу о помощи, а просто в нестройный хор весьма далеких от совершенства звуков, режущих идеальный слух разыскиваемого ими объекта.

Доктор де Вильфор брезгливо поморщился: как посмели эти презренные смертные прервать его вечерний отдых, да еще столь наглым, бесцеремонным способом? Тристан

иронично усмехнулся, потянулся и одним резким, гибким движением легко вскочил с приютившей его кушетки. Опытным взглядом скоился на окно, которое закрывали жалюзи, и с радостью понял — опасные закатные полчаса только что миновали, солнце ушло за линию горизонта, и теперь ему уже не угрожают никто и ничто: ни глупые крикливые люди, ни их бесполезный бог. Ну а сама чародейка-ночь с ее вечными тайнами и порочно-сладостными удовольствиями отныне находится полностью в распоряжении Тристана, облекая его аурой недоступного для людей могущества. Он неторопливо, без лишней суеты, поправил воротничок своей шелковой рубашки цвета золотистой осенней листвы, а потом с небрежной элегантностью, присущей лишь истинному парижанину, фантазийно обмотал вокруг шеи тонкий шифоновый платок, заменяющий ему галстук и самым чудесным образом гармонирующий с его изумрудно-зелеными глазами. Затем мужчина накинул на плечи безупречно оглаженный, морозно похрустывающий белый халат и, бесшумно открыв дверь кабинета, вышел в коридор, думая сейчас только о вчерашнем звонке своей проживающей в Риме невесты — Элоизы Бафора...

При появлении ведущего хирурга реанимационного отделения его бестолково мечущийся персонал замолчал и вымостровано выстроился в две шеренги, подпирая спинами серые больничные стены. Тристан довольно усмехнулся и чуть заметно кивнул подчиненным, отдавая должное их дисциплинированности. Превыше всего на свете доктор де Вильфор ценил порядок и служебную субординацию, сознательно стараясь не выходить из скрупулезно культивируемого им образа педантичного, и даже сухого, в общении профессионала. Впрочем, созданный им имидж ничуть не выглядел ненатуральным, ведь Тристан и так являлся подлинным виртуозом своего любимого дела, получив уникальную возможность весьма долго практиковаться в выбранной профессии. Тщательно оберегаемым от людей секретом являлось лишь то, что срок его практики уже изрядно превысил не только все обычные по человеческим нормам мерки, но и вообще любой, хоть как-то укладывающийся в сознании период времени. К счастью, коллеги даже не догадывались ни о реальных размерах воистину гигантских познаний Тристана, касающихся области медицины, ни о его настоящем возрасте, что надежно уберегало от шока их несовершенные человеческие умы. К чести доктора де Вильфора, безупречно выглядящего как раз на декларируемые в его документах двадцать восемь лет, он никогда не стремился развеять слепые заблуждения окружающих его смертных созданий, ибо обладал весьма утонченным чувством юмора, отточенным веками и всеми пережитыми им сменами исторических эпох. На самом же деле, в пику ложному утверждению паспорта, шевалье де Вильфор готовился отпраздновать свой двухсот пятидесятый день рождения и намеревался прожить еще не одну тысячу лет, что в отношении Тристана отнюдь не выглядело чем-то излишне самонадеянным или неправдоподобным. Просто ему позволялось все и даже более того, ибо он был стригом, а посему собирался жить вечно.

— Месье доктор, вы меня помните? — Сразу же за дверью кабинета к Тристану взволнованно подскочил невысокий, одышливо отдувающийся мужчина, слишком упитанный и полнокровный для своих сорока лет. — Мы уже имели честь встречаться ранее!

Тристан дружелюбно кивнул, старательно изображая на лице некоторое замешательство, обычно присущее захваченным врасплох людям, хотя с первой же секунды безошибочно опознал в этом навязчивом просителе краковского мэра пана Мечислава Ольбрыхского.

— Помогите, — пан мэр умоляюще вцепился в рукав высокорослого Тристана, жалобно, снизу вверх заглядывая в его красивые зеленые глаза, — мой отец умирает!

— Успокойтесь и изложите все подробности вашей проблемы! — ровно произнес стригой, искусно скрывая овладевшее им презрение. «Если бы у пана Ольбрыхского имелся хвост, как у ждущей подачки собаки, то он бы точно им завилял!» — насмешливо подумал Тристан, внешне сохраняя все тот же искренний вид сердечной участливости. — Уверю вас, за пару секунд никто не умрет, а вот неверно изложенные факты способны изрядно повлиять

на точность моего диагноза.

Следуя мудрому совету врача, мэр глубоко вздохнул и заговорил уже куда более ровным голосом:

— Извините меня, шевадье, я перенервничал! Сами понимаете — семейные узы, они крепче всего... — Тут он беспомощно развел пухлыми руками, словно призывая врача в свидетели неоспоримой актуальности своего утверждения.

Тристан кивнул снова, сам безмерно удивляясь как своему воистину ангельскому терпению (что в устах стригоя звучало почище самой скабрёзной ругани), так и абсолютно беспрецедентному идиотизму мэра. О нет, злейшими врагами человеческой расы являются отнюдь не стригои, а их собственная предрасположенность к глупой панике и излишняя эмоциональность.

— В общем, он шел со службы и на него наехал какой-то юнец на мотоцикле! — возбужденно закончил пан Мечислав. — Поговаривают даже, будто это был вампир, один из тех отороженных кровососов, недавно якобы появившихся в городе, хотя толком о них пока еще ничего не известно.

«Ну да, — мысленно хмыкнул Тристан, — конечно, неизвестно! А вот когда станет достоверно известно, то вы уже ничего не сможете с нами сделать...»

— Его сбили, — плачущим голосом закончил мэр, — и освященный крест не помог, и сутана не охранила...

— Как, ваш батюшка — священник? — с опозданием дошло до стригоя. — Я не ошибаюсь? — Он сверлил человека испытующим взглядом, снова вспомнив странный звонок Элоизы.

— Каноник! — с гордостью признался мэр. — Наипреданнейший слуга Господа нашего Иисуса Христа. Служит в крупнейшем краковском аббатстве...

«Интересно, — подметил Тристан, стараясь не морщиться при имени Бога. — Возможно, это судьба привела ко мне достопочтенного пана мэра, или, — он благоговейно вздохнул, — воля Темного Отца, с детства уготовившего мне совершенно особую долю».

Уловив глубокий вздох доктора, мэр принял его за знак сочувствия и затормозил де Вильфора еще усерднее.

— Он находится в приемной. Заклинаю вас Господом — (на этих словах Тристан едва удержался от глумливого смеха), — осмотрите его как можно скорее!

— Хорошо, — согласился врач, стремительно шагая по коридору и увлекая за собой неповоротливого мэра. — Пусть пациента доставят в третью операционную. Пригласите ко мне анестезиолога и ассистентов, — он раздавал команды настолько уверенно и четко, что мэр, всецело осознавший профессионализм этого иностранного хирурга, отступил и почти упал на поставленный у стены диванчик, безмолвно возблагодарив Иисуса, приведшего его отца в столь надежные руки.

Возможно, этот французский красавчик-доктор и вправду способен творить те чудеса, которые ему приписывают...

А Тристан взволнованно вошел в операционную и, обрабатывая свои руки раствором отличного антисептика, в который раз изумился превратностям судьбы, умело подталкивающим нас как к вратам рая, так и в наполненные смрадным жупелом¹⁵ котлы ада. Впрочем, к последнему из перечисленных испытаний Тристану было уже не привыкать. Да и кто, кстати, сказал, будто ад — это плохо?

Матушка Тристана, ныне покойная госпожа Онорина де Вильфор, в девичестве мадмуазель Баншан, происходила из скромной семьи бедного стряпчего,¹⁶ проживающего в

¹⁵ В христианских религиозных представлениях горящая смола и сера, якобы уготованные для попадающих в ад грешников.

¹⁶ Судейский чиновник.

предместье Блуа. Умудрившись кое-как наскрести нужную сумму денег, ее родители сумели пристроить дочь в столичный монастырь святой Клементины, где бесприданница получила неплохое образование, ставшее с той поры, вкупе с изящными манерами и очаровательной внешностью, ее единственным капиталом и надеждой на успешное будущее. Пребывая в монастыре, юная Онорина познакомилась с благородной Франсуазой де Ранкур, племянницей блистающего при королевском дворе маркиза де Рамбуйе, девицей, превосходящей всех прочих монастырских воспитанниц как по части богатства, так и по части родовитости. Одна беда — несчастная Франсуаза не могла похвастаться внешней красотой, получив от природы сутулую спину, непомерно длинный нос, нечистую кожу и жидкие волосы.

Некрасивая богачка и премиленькая, но неимущая мадмуазель Баншан вскоре сделались самыми что ни на есть закадычными подругами, связав себя страшной клятвой в дружбе до гробовой доски. Забегая вперед, можно констатировать, что сия неосторожная клятва не принесла обеим девицам ничего хорошего! О, если бы только наивные девушки знали, насколько ревниво относится госпожа судьба к подобным неосмотрительным обещаниям, зачастую идущим вразрез с ее коварными кознями и замыслами. Увы, так произошло и на сей раз.

Образцово завершив курс монастырского обучения, Онорина Баншан воспользовалась любезным приглашением подруги и приехала погостить в ее родовое поместье, расположенное на берегу певучей Луары. Как известно, летний сельский отдых способен стать непреодолимым испытанием для таких вот неискушенных сердец, как нельзя лучше располагая их к сантиментам, романтике и скоропалительно протекающей влюбленности. Не миновала чаша сия и двух молодых подруг, мгновенно перечеркнув существующую между ними привязанность и превратив ее в самую жгучую ненависть, по насмешке злого рока продлившуюся как раз до обещанного срока, а точнее до смерти. И, пожалуй, в мире найдется всего лишь одна весома причина, способная разрушить бескорыстную дружбу двух молоденьких девиц, — красавец юноша, одновременно приглянувшийся им обеим.

Ему не было еще и двух полных лет, а ей не исполнилось и пяти дней от роду, когда их родители заключили взаимовыгодное соглашение, гласившее: по достижении восемнадцати лет виконт Ральф де Вильфор, младший сын графа де Шуазель, должен жениться на мадмуазель Франсуазе де Ранкур. Тем самым предполагалось еще более упрочить состояние и общественное положение обоих достославных семейств. И именно летом 1762 года виконт Ральф достиг совершеннолетия, а Франсуазе и Онорине исполнилось по шестнадцати лет, а значит, подруги вошли в возраст как нельзя лучше подходящий для замужества. И надо же было такому случиться, чтобы как раз в оное лето все они и встретились в поместье маркиза де Рамбуйе, попав под пьянящее очарование жаркого июля, медвяно благоухающих луговых трав, серебристых вод Луары и роковой несчастной любви. Но ведь от судьбы не уйдешь, не так ли?

Не повстречай он тем летом юную Онорину Баншан, высокопорядочный и честный виконт Ральф, возможно, и смирился бы со временем с уготованной ему участью, имеющей облик безобразной Франсуазы де Ранкур, и даже начал бы выказывать жене если не любовь, то хотя бы уважение и симпатию. Дворянин до мозга костей, юный виконт весьма высоко ставил честь своего славного рода и обладал немалой долей тщеславия, весьма шедшего к его статной фигуре, густым каштановым кудрям и повадкам молодого бога. А впрочем, он и в самом деле являлся богом, или, во всяком случае, казался таковым малютке Баншан, совсем потерявшей голову от непобедимого сочетания идеальной мужской красоты и идеализированного мужского самомнения.

Но следует признать: бездонные голубые глаза, белокурые локоны и тоненькая как тростинка фигурка мадмуазель Онорины до такой степени затмили невзрачный образ его богоданной суженой, что виконт де Вильфор в свою очередь практически до беспамятства влюбился в сию очаровательную простолодинку. Отвергнутая и брошенная им Франсуаза плакала и молилась, призывая божью кару на голову своей недавней подруги,

превратившейся теперь в ненавистную соперницу и разлучницу. Поправ гордыню, маркиз де Рамбуйе самолично валялся в ногах у Онорины, умоляя ее отступить и забыть виконта, но, увы, и его мольбы тоже пропали втуне: девушка не согласилась. Напуганные важными манерами графа де Шуазель, родные мадмуазель Баншан также уговаривали ее отказаться от столь неравного брака, пророча всевозможные несчастья и взывая к здравому рассудку невесты. Но куда там, ранее робкая и смиренная Онорина вдруг разительно переменялась, из беленькой овечки обратившись в свирепую серую волчицу, готовую до последнего вздоха бороться за ниспосланного ей возлюбленного. Да и спрашивается, чего такого плохого, порочного или осуждаемого она совершила?

Никого не убила и не ограбила, а просто собралась выйти замуж за страстно любящего ее красавца Ральфа, намереваясь стать ему верной и благодарной женой. Чего уж тут душой кривить: любая девушка на ее месте поступила бы точно так же, подвернись ей аналогичная возможность! А что касается Франсуазы, так, ей-богу, согласитесь: та хочет иметь слишком много сразу — и мужа, и богатство, а это уже несправедливо. Нет, есть Бог на небесах, точно есть, если уж он вдруг так расщедрился, и одарил бедную бесприданницу таким завидным женихом! А Франсуаза пусть не плачет и утешится своим богатством, ведь за оное можно купить не одного, а целых трех мужей оптом! Так рассуждала глупенькая Онорина, стараясь заглушить нет-нет, да и прорывающийся голос своей совести и забывая извечную как мир истину: на чужом несчастье своего счастья не построишь!

В ночь перед свадьбой, как издревле водилось в обычае у девушек тех мест, пошла Онорина к старухе ла Вуазьен, пользующейся дурной славой колдуньи и предсказательницы, чтобы поворожить и узнать про свою будущую судьбу.

— Ой, почему-то не видно ничего — похоже, совсем я слепая стала... — притворно ныла старая ведьма, отталкивая протянутое ей золото. — Но за виконта не ходи, слышишь? Темно там, ой как те-э-эмно-о-о...

— Да чего ж там темного-то? — недоверчиво выспрашивала Онорина, через плечо колдуньи заглядывая в корытце с заговоренной водой. — Вон вода-то ведь ясная какая, ровно божья слеза! Небось за Франсуазу хлопчешь? А ну-ка признавайся, старая греховодница, сколько она тебе заплатила?

Но в ответ ла Вуазьен лишь печально покачала нечесаной головой в засаленном чепце:

— Что тебе, девушка, ясно, то для сведущего человека — отчетливые знаки черной судьбы. Скажу уж все открыто, раз настаиваешь: если выйдешь замуж за виконта, то и мужа твоего схоронят преждевременно, и дите Тьма у тебя отберет, и сама сгинешь без покаяния. Верь мне, девушка, моя вода не врет!

— Дура твоя вода! — гневно закричала Онорина и опрокинула корытце на пол. — Не убоюсь твоего запугивания, все равно пойду я за Ральфушку, не отговорите, моя на то воля, не ваша!

Старая ведьма опасливо оглянулась на старинную икону с мрачным ликом и торопливо накинула на разлитую воду чистую простыню.

— То не наша, то Божья воля, — сурово сказала она, мелко и часто крестясь негодуяще трясущейся рукой. — Прогневала ты Господа, девушка! Ступай домой, да помни: предупредили тебя...

Все произошло в точности так, как и предсказала колдунья. Правду ли вещала ла Вуазьен или нет, кто же знает, да только через год родился у четы де Вильфор сын-первенец: страшный, скукоженный и хворый. Роды проходили тяжело, дали осложнения и, по мнению повитух, лишили молодую женщину возможности иметь других детей. Онорина долго болела, ссохлась и подурнела, но все-таки выжила и встала на ноги. Муж к ней охладел, и она затаила на него страшную обиду, мечтая об отмщении.

Тем временем дитя четы де Вильфор нарекли Тристаном и спешно, пока не преставился, крестили; но состриженные у мальчика волосики потонули в церковной купели,

что означало: Бог дал, Бог скоро и приберет... Уж как только не выхаживала госпожа де Вильфор своего ненаглядного сыночка — и наговорами, и козьим молоком, грымсом с сон-травой, и примазками, и притирками, но ему становилось все хуже, и опытный, привезенный из Парижа доктор вынес страшный приговор: мальчик не жилец на этом свете. Ночами несчастная мать металась по замку: то молилась, то царапала в лютой злобе лик Спасителя на иконе... Ну никак не могла она смириться с мыслью о том, что должна отдать свою единственную кровиночку непонятному и равнодушному Богу, который, видать, отвлекся на иные дела и решил не тратить на Онорину времени или же просто наказывает ее неведомо за какие злодеяния... А в чем состоят ее проступки? Неужто лишь в том, что полюбила красавца Ральфа и венчалась с ним по христианскому закону? Ха, да если так считать, то сколько же тогда таких же виноватых по земле ходит? Ой, люди добрые, как же ей теперь жить, за что же злыдень Бог карает ее столь жестоко?

Когда Тристану исполнилось пять лет, а со здоровьем у него к тому времени стало совсем плохо, госпожа де Вильфор вспомнила о слухах, касающихся якобы проживающего на болотах чародея Жилья, сына уже умершей ныне ведьмы ла Вуазьен. Поговаривали, будто оный Жиль обладал темной силой, не в пример больше материной, которая, дескать, прижила его вовсе не от человека, а от черного болотного демона. И тогда многострадальная Онорина поняла, что лишь нечистая тварь и способна дать ей защиту от божьего гнева, а ее сыночку — жизнь. Не раздумывая долго, в тот же вечер понесла она своего хворенького ребенка в одно заброшенное аббатство, находившееся за ближайшим болотом. Аббатство то считалось заброшенным уже лет пятьдесят, а то и поболее, вид имело неприятный и запущенный, а посреди его разваленной часовни, прямо с амвона, вымахала здоровенная осина. Про оную осину рассказывали всякие дурные истории, но рубить ее боялись, потому как тем, кто осмелился ее обидеть, — осина, дескать, мстила...

Мать несла Тристана на спине, а он сонно таращился на клонящееся к закату солнце и испуганно вертел головенкой — ветки деревьев цеплялись за его волосы, царапали лицо, будто ведьмы с лешими тянули корявые руки и звали его к себе. Вдруг заросли ракиты зашумели, расступились, и из них появился сам колдун — сгорбленный, одетый в звериные шкуры мужчина, припадочно трясущий длинной седой бородой. Под кустистыми бровями болотного анахорета гипнотизирующе светились красные угли маленьких, глубоко посаженных глазок. Тристан чуть не умер со страху, а госпожа де Вильфор глухо вскрикнула и обреченно зарыдала, понимая, что обратного пути назад у нее уже нет.

— Пришла! — то ли вопрошая, то ли утверждая, насмешливо прокричал колдун.

— Пришла, господин Жиль! — смиренно подтвердила Онорина. — Не откажи в милости, помоги!

От проклятого аббатства остались только невысокие руины стен да скособочившаяся часовенка на пригорке с мертвенно сияющим в лунном свете куполом. Невдалеке кто-то гулко захохотал, завыл нечеловеческим голосом.

— Знаю, в чем твоя беда, — отвечивал колдун. — Прогневила ты Бога и не вняла советам моей покойной матери. Но явилось мне знамение темное прошлой ночью, а посему помогу я тебе, коли цену, мною запрошенную, заплатишь, не поскупишься...

Онорина жертвенно и утвердительно кивнула, пылко прижимая к себе горячее от лихорадки тельце сына.

— Не бойтесь... — покровительственно улыбнулся отшельник. — А ты, отроче, слезай-ка с материной спины, помолись на четыре стороны да отбей семь поклонов покаянных...

В той стороне, где слышался хохот, раздался разочарованный стон, и все разом стихло...

Колдун велел Онорине не подходить вплотную к часовне и ждать у ограды, а Тристану приказал подползти к висевшей на той самой осине трухлявой иконе Божьей Матери, перевернутой вверх ногами.

— Совсем я слаб стал, близится мой смертный час... — непонятно кому пожаловался

Жиль и дал Тристану выпить какого-то вонючего отвара. В голове у мальчика прояснилось, страх исчез. Колдун одобрительно фыркнул, довольно потер ладони и закружился вокруг осины, шепча слова отговора:

— Стану я раба божьего Тристана благословлять, пойду, перекрестясь, из двери в дверь, из ворот в ворота, во чисто поле. В чистом поле стоит престол, на престоле Мать Честная — Святая Богородица, держит острый меч. Подсоби, помоги рабу божьему Тристану от укоров, от призоров, от ночных переполохов, от шепоты, от ломоты, от сухоты, от двенадцати родимцев я его отговариваю — от белого, от черемного, от червового, от лиха одноглазого, от змея двузубого — спаси, Богородица! Аминь!

Но мальчик продолжал не шевелясь сидеть в траве. Колдун задумчиво почесал в затылке и пошел в обратном направлении, выпевая совсем другие слова:

— Стану я раба отвергнутого Тристана благословлять, пойду, перекрестясь, из двери в дверь, из ворот в ворота, во чисто поле. В чистом поле стоит престол, на престоле Мать Черная — Госпожа Демонов, держит острый меч. Подсоби, помоги рабу отвергнутому Тристану от укоров, от призеров, от ночных переполохов, от шепоты, от ломоты, от сухоты, от двенадцати родимцев я его отговариваю — от белого, от черемного, от червового, от лиха одноглазого, от змея двузубого — спаси, Госпожа Демонов! Аффазайл!

— А-а-а! — вдруг истошно закричал мальчик, чувствуя нестерпимую боль во всем теле. Из его глаз и ушей закапала кровь, ноги подкосились, и он упал у амвона, корчась в конвульсиях...

— Нет на оном отроке милости ни Божьей, ни демоновой! — растерянно взвыл колдун. — Остается единственный выход: он должен принадлежать Тьме и вечному бессмертию во Смерти!

— Спасите его, господин Жиль! — взхлеб рыдала Онорина. — Я все отдам за жизнь сына!

— Дар! — требовательно приказал колдун, выжидающе протягивая руку, и госпожа де Вильфор тут же положила в нее бесценное бриллиантовое кольцо, на протяжении многих поколений по наследству передающееся в роду ее мужа. Отшельник повесил дар на осину, но Тристан вопил пуще прежнего.

— Подари дереву живую кровь! Иначе не спасешь своего сына! — повелел колдун. — Отдашь ли жизнь мужа за жизнь мальчика?

— Отдам! — не раздумывая ни минуты, согласилась Онорина, чувствуя, как радостно забилося ее обиженное на Ральфа сердце. — Забирай!

Осина прожорливо взмахнула ветками, а вой Тристана стал чуть слабее...

— Мало одной жизни, — нахмурился колдун, — дари еще чью-нибудь...

И тут случилось неожиданное. Из кустов ракиты выскочила перемазанная в грязи Франсуаза де Ранкур, чьи неестественно расширенные глаза горели безумным огнем. Ее платье превратилось в лохмотья, а всклокоченные волосы стали белы как снег. А руке сумасшедшей поблескивал обнаженный кинжал.

— Я тебя выследила, чертова ведьма! — истерично взвизгнула Франсуаза. — Ты погубила моего Ральфа, так умри за это! — Ее кинжал вонзился в грудь Онорины.

Госпожа де Вильфор зарычала, будто голодная волчица, и зубами вцепилась в горло бывшей подруги. Две женщины, тела которых переплелись в неразрывном смертельном объятии, сделали пару нетвердых шагов, оступились, попали в трясину и начали тонуть, так и не отпуская друг друга...

Тристан ощутил, что мучающая его боль исчезла без следа, и, пошатываясь от слабости, поднялся на ноги...

— Плохо мне, помираю я, — шептал колдун, спиной сползая по стволу осины и безразлично взирая на болотную жижу, сытно чавкнувшую над телами поглощенных ею женщин. — Плохо мне, сынок, помоги. Возьми меня за руку...

Тристан шокировано помотал головой и отступил на пару шагов. Колдун лежал под осиной и слабо шарил в траве, словно что-то искал...

— Дай руку, мальчик, — хрипел он. — Видишь же — мается моя душа, никак из тела не выходит...

Из рассказываемых матушкой сказок Тристан прекрасно знал, что перед смертью каждому колдуну требуется передать кому-то свою черную силу, удерживающую его в мире живых, и поэтому понимал: ему нужно без оглядки бежать из этого страшного места. Но, будто подчиняясь чьему-то судьбоносному тычку в спину, мальчик безвольно подошел к Жилю и кончиками пальцев прикоснулся к его судорожно сжатому кулаку. Колдун шумно вздохнул, дернулся и затих, некрасиво отвалив челюсть, а новоявленный преемник его талантов испытал внезапный энергетический укол, пронзивший его ладонь. Мальчик изумленно взглянул на свою руку и увидел небольшое черное пятно, медленно исчезающее с его ладони — так, словно переданная колдуном сила впивалась в кожу Тристана, проникая все глубже в его тело и затаиваясь где-то внутри, чуть ниже сердца. Он испуганно прислушался к себе, но не обнаружил ничего необычного, только непривычное доселе физическое здоровье, ясность мыслей и остроту всех чувств. И именно это последнее открытие повергло малыша в трепет, заставив сделать шаг, другой... А потом Тристан опрометью бросился прочь, убегая вон из аббатства — скорее в лес, на тропу. Деревья стеной вставали у него на пути, не отпуская на свободу; луна погасла, а кто-то невидимый опять начал хохотать, и сквозь эти жуткие звуки, сквозь нарастающий ликующий гул неся за ним, не умолкая, чей-то злорадный голос:

— Запомни, Тристан, теперь ты принадлежишь Тьме!

С тех самых пор Тристан уже никогда ничем не болел, а, наоборот, чудно расцвел и похорошел. Его воспитал дед — граф де Шуазель, потому что в ту же злополучную ночь, когда мать юного шевалье де Вильфор бесследно сгинула на болоте, куда вроде бы отправилась за травами для сына, господин Ральф сорвался с обрыва и погиб. Так Тристан унаследовал все состояние своей семьи, получил дар покойного колдуна и вступил на страшную стезю черного воина, против собственной воли уготованную ему силами Тьмы.

Тристан заботливо поправил гофрированную трубку, врезанную в дыхательное горло старого священника еще в машине «скорой помощи», и испытующе заглянул в его бессмысленно приоткрытые глаза, вкладывая в свой взгляд всю доступную ему гипнотическую силу.

«Не вздумай умереть! — мысленно приказал стригой. — Заруби себе на носу, ты нужен мне живым. Ненадолго, но все-таки нужен!»

Старик мучительно застонал, видимо обостренной интуицией умирающего частично прочитав, а частично угадав эгоистичные мысли стригоя. Пунктир его пульса, усиленный электронным зуммером, зачастил и начал сбиваться. Ответить Тристану он не смог, потому что его горло и грудь сейчас оказались не способны дышать (это за него проделывал серый ящик подключенного к пациенту прибора) и практически ему не принадлежали.

— Конец? — угрюмо спросил высокий тощий реаниматолог.

Но де Вильфор упрямо мотнул головой, не желая уступать смерти столь ценную добычу, предназначенную только ему, и никому больше.

— Какой протромбин? — поинтересовался он.

— Семьдесят, — сугубо по-деловому ответила медсестра.

— Сколько не сворачивается?

— Десять минут.

— Ждем еще пять и начинаем операцию, — хирург оценивающе поджал губы. — Кровь бурая и пенистая, а не чисто-алая, значит, смешанная, пополам с мышечной. Брюшную стенку пальпировали?

— Сделали даже лапароцентез, — услужливо откликнулся ассистент, — но в брюшной полости ничего интересного не нашли. Кишки целы...

— Это безнадега, — язвительно хмыкнул реаниматолог, самозабвенно ревновавший свою операционную бригаду к этому пижонистому доктору-французу, — он умрет...

— Сам ты безнадега, — ехидно парировал Тристан, — причем во всех отношениях. — Де Вильфор с детства ненавидел представителей своего пола, ибо они всегда являлись соперниками: пытались отнять у него игрушки, а позднее — влияние, деньги и женщин.

Соперник стушевался и замолчал.

— Какое давление? — Тристан снова склонился над стариком, улавливая исходящие от него эманации страха перед надвигающимся небытием. Стригой иронично ухмыльнулся, привычно пряча свою улыбку от людей. «Вот так всегда и случается в мире смертных, — резонно подумал он, — служители Бога лицемерят, воспевая милости своего покровителя. А на самом деле они сами мало веруют в рай и отнюдь не торопятся на встречу со своим создателем. И после этого они еще смеют осуждать нас...»

— Сто шестьдесят, — сообщила медсестра.

— На таком фоне можно быстро прооперировать, — вынес вердикт Тристан. — Введите ему кондрикол.

Синяя стерилизующая лампа под потолком. Металлическое звяканье биксов, оголодалое шипение отсосов, равнодушное гудение наркозного аппарата. И узкий операционный стол, неуловимо напоминающим распятие... Стол с ремнями и педалями, с винтами, чтобы поставить тело вертикально, если понадобится. Если к этому приговорят. Орудие пытки и последнее средство спасения...

«Как они умещаются на этом столе? — отстраненно подивился Тристан, но ответ пришел сам собой. — Тот, кто не умещается, тот...»

Ярко вспыхнули неоновые лампы, и синее вмиг стало белым. Тьма на время отступила, прячась за широкие плечи стригоя и уступая ему свою добычу.

— Это аорта! — уверенно заявил доктор, склоняясь над распластанным телом старика. — Ставьте ранорасширители и найдите мне зонд потолще. Сейчас мы этого падре так замечательно почистим и заштопаем, что он у нас через два дня стопку водки запросит и шлюху с улицы...

А все присутствующие в операционной люди тут же расслабились и засмеялись грубой шутке ведущего хирурга, поверив в его умение и понимая — сегодня здесь никто не умрет.

Тристан нашел сильно порванную бедренную мышцу и пробитую брюшную аорту, зашил их, а потом прижег электрокоагулятором все поврежденные мелкие сосудики, почти опьянев от сладкого запаха свежей крови. А затем он лично проводил до палаты каталку, увозившую спасенного им священника. Уже переложенный на кровать, старик вдруг пришел в себя и благодарно улыбнулся стоящему возле него врачу.

— Сын мой, это вы меня оперировали?

— Да. — Тристан вежливо поклонился, — обещаю, вы выздоровеете...

— Спасибо тебе, сын мой, — прочувствованно всхлипнул священник. — Знай, ты только что спас не только меня, но и весь наш несчастный мир!

— Как это? — удивился стригой, не смея верить своей нежданной удаче. — Поясните, я вас не понимаю!

— Меня зовут отец Ольгерд, — чопорно представился старик. — И в качестве признательности за мое спасение я открою вам великую тайну. Я служу каноником в Мариацком костеле. Да, да, именно в том самом, где находится старинный резной алтарь Божьей Матери, созданный в XIV веке великим Вито Ствошем, по легенде происходившим из рода спасшегося от казни рыцаря-тамплиера. А в правом крыле одного алтаря спрятан один из предметов священного «Божьего Завета»...

И Тристан тут же низко склонил голову, якобы благоговая перед доверием своего пациента, а на самом деле скрывая торжествующую улыбку, ужасно обезобразившую его красивое лицо. Теперь он точно знал: Тьма избрала его на роль своего первейшего рыцаря, поручив совершить невероятное! Ах да, и просьба Элоизы тоже будет исполнена...

Тристан де Вильфор вышел из больницы ровно в девять, именно в тот безобидный час, когда утро уже полностью вступило в свои законные права, не представляя для стригоя ни

малейшей опасности. Тридцать рассветных минут он, как обычно, провел в своем плотно зашторенном кабинете, отлеживаясь на спасительной кушетке. Вампирская зараза еще только начинала расплзаться по территории Польши, а поэтому странные привычки иностранного врача не вызывали у персонала госпиталя слишком бурного любопытства, являясь для них не более чем оригинальным чудачеством заезжего мизантропа. Кажется, люди решили, будто симпатичный виртуоз-хирург принадлежит к одной из магометанских религиозных общин, чьи строгие правила предписывают ему неукоснительное совершение молитвенного намаза, в том числе на закате и на рассвете. Сам же Тристан ничуть не стремился развеять оное, чрезвычайно удобное для него заблуждение окружающих его смертных, в глубине души безмерно потешаясь над их вопиющим невежеством. Да, француз-мусульманин — это по нынешним сумбурным временам может и посчитаться нормальным, но коренной француз, а к тому же еще и дворянин, должен являться только стопроцентным католиком. Ну или стригоем, конечно...

Тристан неторопливо шел по каменной набережной, обрамляющей ленивую Вислу, подняв воротник своего кашемирового пальто и негодуя на крупный мокрый снег, угрожающий испортить форму его щегольской фетровой шляпы. По реке плыли куски грязного льда, разломанного недавней оттепелью, температура влажного воздуха болталась в районе минус трех градусов, а резкий, порывистый северо-западный ветер нес массу тошнотворных миазмов, всегда присущих густонаселенным человеческим городам. Увлечшись собственными раздумьями, де Вильфор неосторожно вступил в лужу. В ботинках немедленно омерзительно захлюпало...

«Какие же все-таки никчемные существа эти людишки! — поморщился педантичный стригой, придиричиво рассматривая носок своей обуви, неприятно поразивший его чуть-чуть отклеившейся подошвой. — Они даже приличные туфли не способны пошить... Они не понимают, что можно привыкнуть к чему угодно, кроме подлости ближнего, мокрых ног и заложенного от простуды носа...»

Внезапно начавшийся обильный снегопад нарушил плавный ход его мыслей, заставив нехорошим словом помянуть всю ангельскую братию, по его мнению всецело повинную в столь мерзкой погоде, и ускорить шаги.

За прошедшие двести с лишним лет Тристан как-то незаметно растерял большую часть идей и целей, наполнявших его существование видимостью кипучей деятельности. Прежний юношеский пыл и жажда жизни улетучились, и теперь он гниющим бревном сплавлялся по реке времени, вяло размышляя, куда его вынесет течением. Впрочем, ответ на оный вопрос не сильно его беспокоил, ибо чаще всего стригоем было все равно. В его жизни не хватало чего-то настоящего, искреннего... Возможно, любви?

А снег все падал и падал, затейливо кружась, косо ложась на парапеты набережной и собираясь там в имеющие неправильную форму кучки. Снег — полноправный хозяин этого сырого, промозглого, чуждого французскому врачу города. Красный круг низко висящего солнца, тусклый и блеклый, подкрашивал багрянцем серые пласты туч. Ржавая вода застыла на черных провалах уличных канализационных решеток, образовав кривую пародию на зеркало. Тристан шел домой, собираясь немного поразмыслить на досуге и выработать тактику своего последующего поведения. В общем-то, ему досталась весьма неплохая двухкомнатная квартирка, находящаяся в близости к автобусной остановке. А если не полениться и пройти пешком, то за десять минут можно добраться до станции метро, возле которой, по старому польскому обычаю, расположился стихийный мини-рынок. Пешие прогулки стригой любил, а вот гостиницы недолюбливал, находя их излишне шумными и опасными. Поэтому он и присмотрел себе оную тихую квартирку, избавившись от кучи проблем разом. Никто не лез в его личную жизнь, не досаждал вниманием и не знал его адреса, потому что Тристан специально умалчал о месторасположении своего убежища, предпочитая сообщаться с больницей посредством сотового телефона. Но сейчас он почти бегом проследовал к метро, спасаясь от разбушевавшейся стихии. Окинув взглядом истинного философа примыкающую к подземке небольшую площадь, хирург мимоходом

оценил грубоватый колорит столпившихся под клеенчатым навесом бабулек, разложивших на картонных коробках свой немудреный товар: семечки и сигареты. Обозрел громогласных торговек сморщенными пирожками и беляшами, издававшими стойкий запах собачатины, а также фасад угрюмой забегаловки, в которой толпился неопрятный безработный люд, потягивая кислое, беззастенчиво разбавленное водой пиво. Он миновал свору ярких, проворных, словно сороки, цыганок, укутанных в пуховые шали, но испуганно шарахнувшихся при приближении стригоя.

Видимо, эти примитивные поклонницы древних богов были восприимчивее других людей и интуитивно чувствовали его истинную природу. Он снисходительно осмотрел цветочные и продуктовые павильоны, где всюду орудовали носатые кавказцы и обиженные на жизнь провинциалы, и проигнорировал лотки, заваленные новейшей аудио- и видеопродукцией, оперативно украденной и некачественно растиражированной предприимчивыми русскими пиратами. Право же, эти люди с их мелкими низменными заботами и такими же мелкими идеалами совершенно не стоили его внимания. Тристан до глубины своей двухвековой души презирал этот бестолковый человеческий мир, казалось так и кричавший во всеуслышание: «Мы пища, мы всего лишь пища». Да, для него люди стали только пищей. Вместилищем вкусной крови, и ничем иным...

Тристан совсем уже собирался спуститься на станцию метрополитена, как вдруг заметил большой рекламный плакат, прикрепленный к фонарному столбу и сейчас наполовину заметенный слоем липкого снега. Впрочем, зоркий глаз стригоя все равно позволил ему в деталях рассмотреть изображенную на рекламе картинку. На дощатом щите красовалась полуобнаженная девица, чей безразмерный бюст буквально выпирал из крохотного, величиной с два спичечных коробка, бюстгальтера. От плаката так и веяло дешевой вульгарностью, но Тристана заинтересовали отнюдь не силиконовые прелести глупо улыбавшейся блондинки, способные вызвать у него только тошноту. Нет, он будто зачарованный уставился на помещенную под девицей надпись, пророчески гласившую: «То, чего хочет женщина, лучше дайте ей сами, а не то она возьмет это сама!»

Губы Тристана изогнулись в удивленно-восхищенной улыбке, потому что, в отличие от совершенно бездарной рекламы нижнего белья, помещенный под девицей талантливый слоган не только полностью соответствовал объективной действительности, но и идеально отражал теперешнее положение стригоя, поразив его в самое сердце. Нынешнее размеренное существование этого уравновешенного мужчины, всецело посвятившего себя науке, внезапно оказалось нарушено нахальным вмешательством некоей дерзкой особы, подвергшей смущению его рациональный разум и растревожившей его холодную душу. Она действовала сугубо по своей личной инициативе, даже не поинтересовавшись согласием Тристана. Она бесцеремонно напомнила ему о том, что он является ее собственностью, и притом звалась отнюдь не судьбой, а носила куда более благозвучное, но вместе с тем и приземленное имя. О да, ее следовало называть всесильной, ибо она владела магией, пользовалась покровительством Темного Отца, распоряжалась народами, стихиями и числилась закадычной подружкой самой смерти. Тристан мог по справедливости гордиться своим безупречным происхождением, до мозга костей являясь дворянином и аристократом, и, следовательно, с женщинами он не воевал. И посему, получив исходящий от женщины приказ, он не запротестовал, а просто подчинился. И, кроме того, как и каждый истинный француз, он частенько повторял одну красивую фразу, уместную в любой ситуации. «Шерше ля фам!» — вот так звучит излюбленная французская поговорка, актуальная всегда и везде. И Тристан не ошибался, потому как этой роковой особой, взявшей на себя труд по изменению привычного уклада его жизни, стала уникальная женщина — молодая стригойская повелительница Андреа дель-Васто.

Тристан растерянно нахмурился, начисто позабыв о своих промокших ботинках, испорченной шляпе и волглom от снега пальто.

«Интересно, и почему же мужчины так сильно боятся женщин? — вертелось у него в голове. — А что может сделать мне женщина? Ну настроение, например, испортит, ну лишит

спокойствия... — Его губы растянулись в циничной ухмылке. — Ну жизнь ломает... Так и всего-то! Да разве это повод?..»

Но его осторожный рассудок тут же яростно взбунтовался против столь примитивного вывода, нудным речитативом выпевая три бесконечно повторяющихся слова: «Ты не прав, ты не прав, ты не прав...»

Глава 6

Ночь опустилась на землю внезапно и стремительно, словно невидимый сценарист выдернул витой шелковый шнур, удерживающий черный небесный занавес, и затенил горизонт, провозглашая: «Да придет тьма!» И тьма пришла!

Причем тьма изначальная и неотвратимая, куда большая и страшная, чем та, к которой издревле привыкли наивные и доверчивые люди, умудряющиеся находить в ночном времени суток нечто романтическое.

«Дурачье! — презрительно думал Тристан, просовывая руки в рукава любимого кожаного плаща и повязывая голову черным шелковым платком, дабы защитить волосы от так и непрекращающегося снегопада. — Их влечет очарование порока, воспетого всякими инфантильными сибаритами: де Садом, Эдгаром По, Байроном, Лавкрафтом. А ведь людям следовало бы осторожнее обращаться со своими дегенеративными мечтами, помня о том, что иногда они имеют неприятное свойство сбываться...» — Он закрепил в петлях, изнутри специально пришитых к полам его плаща, пару боевых серпов, привезенных им с острова Тонга, и удовлетворенно хмыкнул. Длиннополый кожаный плащ конечно же не самое подходящее одеяние для опасной ночной вылазки: в нем неудобно бегать, он путается в ногах и хлещет по лодыжкам, но зато сие изобретение человеческих кутюрье помогает удачно замаскировать смертоносные клинки, скрывая их от любопытных взоров. Увы, волшебная эпоха рыцарства и куртуазности, позволяющая дворянам всегда носить при себе шпаги и рапиры, давно миновала, а огнестрельным оружием Тристан пренебрегал, не без основания считая его излишне шумным и плебейским. Будучи весьма неплохим фехтовальщиком, он долгое время предпочитал тяжелый короткий корд, но лишь до тех пор, пока не познакомился в одной из своих поездок с низкорослым и щуплым филиппинцем, приобщившим его к совершенно незнакомому боевому искусству, в основе коего лежало виртуозное владение обоюдоострыми боевыми серпами. Тристан оказался весьма способным учеником, по достоинству оценившим сие экзотическое оружие. Он немало постраниковал по миру, увлекаясь исследованиями в области фармакологии и генетики, привозя из своих поездок редчайшие яды, малоизвестные людям растения и различные ископаемые минералы. Он многое повидал и уже ничему не удивлялся, общался с сотнями людей, изучая их обычаи, традиции и привычки. Он прочел тысячи книг, в совершенстве овладев итальянским, английским, немецким и русским языками. Надеясь изобрести идеальный заменитель крови, избавивший бы его сородичей от необходимости охотиться за людьми, де Вильфор посетил девственные леса Амазонки, отважно жил среди каннибалов острова Борнео, а также скитался в чащах Суматры. И неоднократно случалось так, что именно мастерское владение боевыми серпами спасало ему жизнь, помогая избежать котлов кровожадных пигмеев и жертвенных алтарей жрецов культа вуду. А уж те-то, будьте уверены, способны спроводить в царство теней кого угодно, даже практически бессмертного стригоя. Нет, Тристан никогда не страдал избытком гуманизма и не радел о благополучии столь презируемой им человеческой расы. Скорее наоборот, он предпочел бы разом истребить их всех, избавившись таким образом от самых опасных врагов своего племени. Но до тех пор пока его изыскания в области гематологии не увенчались успехом, ему приходилось терпеть их назойливое присутствие, в душе не испытывая к людям ничего, кроме презрения и снисходительного, почти глумливого пренебрежения. Он понимал: в мире все подчинено сложным законам взаимосвязи, и люди тоже зачем-то нужны. Хотя зачем? Неужели лишь для того, чтобы творить зло, совершать глупости и погрязать в грехах? Впрочем, ему ли загружать свой ум

чужими проблемами, ведь пришедшие в ресторан люди тоже не обременяют себя размышлениями о желаниях и личных предпочтениях поданного им на обед омара, не так ли?

Итак, Тристан торопился. Причиной тому стало благоприятное стечение сопутствующих друг другу обстоятельств, выразившееся в звонке от Элоизы, а также в удачно приложившемся к нему откровении спасенного падре, в свою очередь неосмотрительно раскрывшего тому тайну Мариацкого костела, выступающего в качестве хранилища неких артефактных предметов, являющихся столпами христианской религии. К тому же интуиция подсказывала Тристану, что следует поспешить, если он, конечно, намеревается в точности выполнить указания своей великой госпожи, будь она неладна!

Ругнувшись в сердцах, стригой окинул прощальным взглядом свое уединенное жилище и вышел на улицу, даже не потрудившись запереть дверь квартиры. А к чему совершать лишние движения, если сюда он больше не вернется? Личные вещи, в частности столь дорогие для него книги, Тристан заблаговременно отправил на железнодорожный вокзал, с трудом сумев забронировать купе в вагоне отбывающего до Парижа состава. В Кракове становилось беспокойно, но местные власти пока что бездействовали, предпочитая выжидать и приглядываться. В Европе творилось нечто невообразимое. Телевизионные новости пестрели репортажами о погрязшей в гражданской войне Италии, ибо мировая общественность напрочь отказывалась поверить в разрастающиеся как снежный ком фантастические слухи о какой-то страшной эпидемии, которая превращает нормальных людей в кровожадных чудовищ, называемых то вампирами, то зомби, то стригоями. Сообщение между государствами нарушилось, чему способствовала отвратительная погода и всеобъемлющая паника, по своей разрушительности превосходящая любую войну. Европе угрожали холод и голод. Россия закрыла свои границы, предпочтя вариться в собственном соку, но доходящие оттуда обрывки информации не несли ничего утешительного, повергая в шок и ужас. Америка словно сошла с ума, в корне изменив всю внутреннюю политику, и, кажется, наоборот, начала охоту не за вампирами, а за обычными людьми. В общем, в мире происходило черт знает что! Поэтому Тристан решил не тратить времени даром, торопясь добраться хотя бы до Парижа, ибо подозревал, что через пару дней железнодорожное движение между Польшей и Францией прекратится полностью на годы, а возможно, даже на десятилетия. Воздухоплавание тоже не вариант, ибо погода в последние дни стоит совсем не летная. Но сумеет он только появиться в предместье Блуа, на своей родине (где ныне, не иначе как по шутке судьбы, располагается секретная база стригоев), как Андреа сразу же пришлет за ним свой личный вертолет, ведь дождь и снег вовсе не помеха для того, кого защищает милость Темного Повелителя. Как ни крути, но синьорина дель-Васто все-таки гениальный организатор и руководитель, умеющий добиваться желанной для нее цели, и не приходится сомневаться в том, что порученная де Вильфору миссия призвана лишь усилить ее могущество, сделав стригойское войско абсолютно неуязвимым и непобедимым. А это значит, что теперь все, и в том числе благополучное будущее стригойского племени, зависит именно от него, Тристана.

На улице не было ни души. Стрелки его наручных часов показывали два часа пополудни. Спящие дома Кракова выглядели неопрятными темными тушами, лишь кое-где подсвеченными одиночными огоньками бодрствующих окон. Город затаился и ждал, сам не ведая чего. Тристан быстрым шагом пересек несколько улиц и вышел на площадь, окружающую величественный Мариацкий костел. Несколько секунд он настороженно рассматривал внушительное строение в готическом стиле, искусно оттененное синими и красными электрическими лампочками, придававшими старинным стенам налет мрачной инфернальности. Стригой в очередной раз подивился безудержности человеческой гордыни, стараясь понять, что хотели сказать своим потомкам древние архитекторы, возведшие сей костел. Таилось ли в нем зло, порожденное самой черной магией Средних веков, или же здесь преобладали высшие умозрительные построения, присущие лишь божественным знаниям? Ведь недаром считалось, будто костел строили наследники легендарных

тамплиеров, сумевших спастись от насланной на них казни. Тристан уже неоднократно посещал здание храма, не в силах противостоять некоему порочному любопытству и ощущая себя слабым мотыльком, летящим на свет губительного огня. Костел восхищал и отталкивал одновременно. Все люди, которых он встречал тут, казалось, не имели физической оболочки и походили скорее на бестелесных фантомов, чем на живых созданий. Стригою нравилось воображать, будто перед его взором представляли не реальные существа из плоти и крови, а никому не нужные, праздные тени-комедианты, ждущие поднятия навечно опущенного занавеса.

Тристан взбежал по ступеням крыльца, пересек паперть, дрожащей от возбуждения рукой толкнул створку никогда не закрывающихся врат и вступил внутрь костела. Главный молитвенный зал пустовал. Стригой медленно шел вдоль рядов побитых молью кресел, чуть слышно поскрипывая новыми, еще не разношенными сапогами. Его ироничный взор небрежно скользил по пустым хорам, по золоченому бордюру амвона, словно намекая: «Тонкой пылью забвения покрылся красный бархат праздника, который никогда больше не наступит...» Люди справедливо заплатились за свои грехи. Их вера в Господа ослабела, а туда, откуда уходит духовный свет, всегда приходят тьма, смерть и разрушение. Внезапно, почти приблизившись к главной святыне костела — вырезанному из дуба алтарю, он заметил фигуру крупного мужчины, облаченного в неряшливую коричневую рясу, выдающую его принадлежность к ордену, основанному святым Игнатием Лойолой.¹⁷ Иезуит, сгорбившись, нервно копошился у самого основания старинного раритета. От неожиданности стригой отшатнулся и неосторожно задел краем отягощенного серпами плаща за высокий серебряный светец. Раздался негромкий стук. Монах настороженно обернулся, и его сердито прищуренные глаза встретились с зелеными, гневно пылающими очами стригоя...

В одно мгновение Тристан выхватил свои серпы и кровожадно оскалится. Толстый иезуит с достоинством поднялся с колен, сжимая в руках увесистый дорожный посох и еще какой-то пергаментный, пожелтевший от старости листок. Стригою хватило мимолетного взгляда, чтобы оценить неоспоримую древность его находки, а поэтому он сложил губы в насмешливую ухмылку и предложил:

— Монах, отдай мне это, и тогда обещаю — ты умрешь быстро и безболезненно!

Вместо ответа священник размашисто осенил де Вильфора размашистым крестным знаменем. Ощувив горячую волну чистой энергии, ошпарившей его, словно порция метко выплеснутого кипятка, Тристан болезненно зашипел и отодвинулся на пару шагов.

— Не к лицу мне, отцу Янушу Мареше, отступать перед богопротивными тварями! — ультимативно отчеканил иезуит. — Со мной сила Господа, да и своей личной силушкой, — он поудобнее перехватил свой посох, изрядно смахивающий на дубинку, — меня Господь не обделил.

— Нарушаешь ты ваши заповеди, старик! — презрительно хохотнул Тристан, грациозными движениями обеих кистей синхронно прокручивая в воздухе предостерегающе сверкнувшие серпы. — Разве не учит ваш Бог: если тебя ударили по левой щеке, то подставь для удара правую?

— Истину глаголешь, адское отродье, — подтверждающе кивнул отец Мареше. — Ибо если тебя ударили по левой щеке, то подставь правую — и тогда выбитая челюсть успешно встанет на место. Не желаешь попробовать христианского милосердия? — Он выразительно хлопнул посохом по своей лопатообразной ладони.

Тристан задумчиво прищурился, начиная понимать, что этого упертого фанатика не удастся запугать, а стычка с ним станет делом отнюдь не простым, и вероятнее всего — довольно рискованным.

— Хочешь доказать мне, что умеешь не только молиться, но и драться? — недоверчиво спросил он, с оттенком уважения косясь на массивную фигуру не обиженного ростом и

¹⁷ Испанский монах, основатель ордена иезуитов.

дородностью иезуита. — Не верю. Ваш Христос проповедовал миролюбие, любил песни и застолья, поэтому и главным человеческим раритетом стала его Чаша. Вы, люди, — никчемная грязь под нашими ногами, ибо умеете лишь жрать да спать.

— Погубит ваше племя заносчивость и гордыня, ой, погубит! — осуждающе покачал головой отец Мареше. — Не потому ли вы наши догмы хааете, что сами поклоняетесь козлу и целуете его в непотребные места в разгар своих шабашей? — И непонятно, чего больше присутствовало в этих словах: насмешки или неподдельного сочувствия.

Взбешенный стригой громко заскрежетал зубами:

— Между Небом и Адом некогда был заключен нерушимый договор, — холодно сообщил он. — И четко в нем прописывались сферы влияния, права и полномочия обеих сторон. Но потом тот, кто называет себя Сыном Божиим, нарушил наши законы. Он не только сам воскрес, но время от времени, по настроению, оживляет несколько трупов — ради развлечения или для личных потребностей. Например, Лазаря или Иону. И я знаю, почему он так поступает: ради своей собственной славы! Чтобы его считали бессмертным Богом! Чтобы падали ниц перед его изображением! Не это ли есть гордыня?

Отец Мареше весело рассмеялся:

— А еще говорят, будто вампиры не боятся смерти! Похоже, именно ее вы и боитесь больше всего на свете. Глупы вы и несчастливы, а все оттого, что не стареете.

— А старость-то тут при чем? — неподдельно изумился Тристан, невольно увлекшийся этим странным философским диспутом, разгоревшимся между двумя собеседниками, в любой момент способными превратиться в бьющихся не на жизнь, а на смерть противников.

— С возрастом люди не становятся счастливее, — снисходительно пояснил иезуит, — они просто опускают планку своих требований. Появляются ясность духа и терпимость, основанные на умении откровенно сознаваться в своих неудачах. А вы, якобы бессмертные существа, не желаете признавать совершенные вами ошибки. Вы хотите добиться всего и сразу, а получаете ничего и, — тут он лукаво подмигнул, — постепенно. Смертным даровано счастье прощать и быть прощенными, а вы — бессмертные, никогда не постигнете истинного смысла прощения. И в оном заключается высшая справедливость.

Тристан озадаченно нахмурился. В его самодостаточном и великолепно организованном мозгу зародилась крамольная и мятежная мысль: а ну как старик прав, и, лишившись человечности, стригой вместе с нею утратили и основное преимущество живого рассудка — способность признавать свои ошибки. Ведь только признанную ошибку можно исправить, а значит, перейти на новый виток поступательного созидательного процесса. А тот, кто ничего не созидает, обрекает себя на регрессию и вымирание.

— Однажды вы осознаете, сколь многого лишились, приобретя бессмертие, — наставлял иезуит. — Вы стали слабы и зависимы от плоти, вы лишились свободы и возможности выбора, ведь смерть — это и есть выбор своего пути, ибо она принадлежит только нам!

Тристан изумленно попятился, целиком и полностью признавая резонность рассуждений отца Мареше.

— Ишь ты, понял! — довольно улыбнулся монах, немало изумленный ментальными талантами стригоя. — Ну, раз понял, то убирайся-ка ты отсюда подобра-поздорову, я тебя не трону.

— Нет! — неожиданно вскричал де Вильфор, уязвленный внезапно открывшейся ему нелицеприятной истиной, а потому намеревающийся перечеркнуть ее любым, доступным ему способом. — Все это ложь. Но из уважения к твоей смелости я предлагаю тебе неприкосновенность в обмен на найденный здесь документ. Признайся, таковой у тебя имеется?

— Да, документ есть, — устало вздохнул отец Мареше, понимая, что его надежда разойтись миром и избежать кровопролития не оправдалась, — но только он не по твою честь.

— Тогда ты умрешь, — безапелляционно пообещал стригой и картинно взмахнул

серпами, — сейчас, на этом самом месте.

Иезуит вздохнул повторно, чуть согнул ноги в коленях и выставил вперед выпуклый шишковатый лоб, становясь похожим на старого, покрытого шрамами быка, осознающего всю безысходность своего последнего боя, но вместе с тем намеревающегося выстоять в нем до конца. Каким бы он ни был.

Однако иезуит сумел удивить Тристана повторно, потому что прежде чем стригой успел атаковать, отец Мареше сгруппировался как опытный игрок в американский футбол, выдвинул вперед правое плечо и резко бросился на противника, намереваясь сбить его с ног. Стригой мягко отпрыгнул в сторону, но его подвели новые сапоги, чересчур туго сжимающие пятки и посему-вызывающие некий дискомфорт, ведущий к онемению лодыжек. Его правая ступня неловко подвернулась, и стригоя повело не туда, куда хотелось, подставив точно под замах направленного на него посоха. В последний миг перед столкновением он чудом увернулся и упал на колени. Ажурное распятие, венчающее набалдашник иезуитского посоха, со свистом пронеслось мимо виска Тристана, сорвав узкий лоскуток кожи. И тогда стригой озверел! Как, его, непревзойденного бойца, обладающего воистину кошачьей грацией, чуть не достал какой-то старый священник? Нонсенс! Де Вильфор молнией взвился с колен и выполнил почти танцевальное па, перекрестным взмахом серпов собираясь взять в клещи морщинистую шею отважного иезуита. Отец Мареше успел подставить свой посох. Металл с грохотом столкнулся с металлом, высекая сноп искр. И тогда произошло нечто ужасное. Тусклый серебряный крест на посохе священника не выдержал соударения с лезвиями серпов и сломался, издав звук, напомнивший жалобный тоненький плач. Отец Мареше вздрогнул и ослабил бдительность, напуганный столь очевидным знамением. Торжествующий стригой, не преминувший воспользоваться упущением монаха, ловко развернулся на носке правой ноги и ударил священника рукоятью одного из своих серпов, попав точно по шейной артерии. У отца Мареше потемнело в глазах, он покачулся и выронил посох. Судорожно хватая воздух широко раскрытым ртом, он еще успел парировать следующий выпад стригоя, приняв лезвие его страшного оружия на свою раскрытую ладонь. На пол упали два отрубленных пальца, но иезуит даже не вскрикнул. Брови Тристана изумленно поползли вверх. Мужество старого священника внушало ему смешанное с благоговением уважение, вызывая желание побыстрее покончить с отважным противником и не мучить его попусту. Но, вопреки своему непредсказуемому душевному порыву, Тристан отчаянно нуждался в информации...

Пригнувшись, стригой беспощадно подсек старика под коленями, ускорив его падение. Отец Мареше грузно рухнул перед алтарем, заливая пол костела потоками крови. Его наполненные мукой глаза безмолвно взирали на вырезанное в дереве изображение Божьей Матери, словно вопрошая: за что мне все это? Тристан коленом надавил на грудь беспомощно распростертого старика, сжимая пальцами его кадык. Странно, но он не чувствовал радости от этой победы, ощущая смутное недовольство собой и доставшимся ему поручением. И тогда в глубине его души возникло чувство протеста против власти Андреа, принудившей его совершить столь грязную работу. Да, Тристан не любил людей и привык видеть в них лишь свою пищу, но сейчас он четко понимал, что убивает одного из лучших представителей человеческой расы, и невольно скорбел о неэффективном разбазаривании столь ценного материала. Он не желал пить кровь поверженного им соперника. Будь на то его воля и имей он возможность выбирать, Тристан предпочел бы льстить себя мечтой, что его предки походили на этого вот упрямого старика, не уступая ему ни силой воли, ни принципиальностью. И именно в этот момент Тристан впервые пожалел о том, что безвозвратно утратил право называться человеком!

Иезуит тихонько застонал, испытывая ужасную боль.

— Говори! — коротко приказал Тристан, слегка ослабляя нажим. — Где находятся предметы из «Божьего Завета?» Как их найти?

— Здесь ничего нет, — глухо просипел истекающий кровью монах. — В алтаре

хранилась всего лишь копия текста призывающей ангелов молитвы, но ты опоздал: я уже отвез свиток в Ватикан и передал в руки папы.

— А оригинал, — жадно спросил Тристан, впиваясь когтями в адамово яблоко отца Мареше, — что с ним случилось?

Пытаемый человек засучил изуродованными ногами, на его губах закрубились белые пузыри пены, делая иезуита похожим на эпилептика.

— Тебе они недоступны, потому что прикоснуться к артефактам из «Божьего Завета» могут лишь его истинные Хранители, да еще эрайи — ангелы смерти. Все прочие нахалы немедленно будут испепелены — на месте ниспосланной Господом молнией!

Тристан содрогнулся от ужаса, но не отступился.

— Тогда мы доберемся до этих хваленых Хранителей и заставим их подчиниться нашей воле.

— Не выйдет, ибо они не сдаются! — торжествующе прокричал иезуит, и его красные из-за полопавшихся капилляров глаза зажглись торжествующим огнем. — Да гори ты в геенне огненной, тварь! — Последним усилием он поднял трехпалую руку, засунул себе в рот совсем позабытый стригоем листок пергамента и тяжело дернул горлом, глотая свою находку.

— Нет! — протестующе закричал Тристан, пытаясь силой разжать челюсти монаха. — Старик, ты не оставил мне выбора...

Блеснул занесенный над пленником серп, и отрубленная голова отца Мареше покатилась по бархатной ковровой дорожке, не утратив своего величественно-отстраненного выражения. Она остановилась точно у постамент алтаря и замерла, не сводя со стригоя обличающего взора остекленевших глаз.

— Тьма! — громко выругался Тристан, примеряясь серпом к чреву мертвого священника. — Как же я не люблю оперировать в столь антисанитарных условиях...

Острое лезвие рассекло рясу и вошло в плоть, испарывая ее ничуть не хуже хирургического скальпеля. Доктор поморщился, уже не испытывая гордости за свое отточенное столетиями искусство. Он брезгливо отодвинул вбок слой подкожного жира и препарировал пищевод, а затем засунул руку внутрь только что вскрытого тела и кончиками пальцев извлек перемазанный в крови и слюне пергаментный листок. Торопливо вытер его об рясу покойного иезуита и поднес к своим глазам. К счастью, Тристан в совершенстве владел несколькими языками, давно привыкнув разбираться в архаичных текстах средневековых алхимических трактатов, а устаревший польский и вообще почитал своим излюбленным коньком.

— Колоссально! — стригой восхищенно присвистнул, несколько раз подряд просмотрев содержание лаконичной записки. — Воистину, этот уникальный документ стоит потраченных на него усилий! — Он бережно опустил пергамент к себе в карман и спешно покинул костел, мысленно пожелав убиенному им монаху получить отпевание, достойное погребение, заупокойную молитву и все прочие церковные обряды, причитающиеся ему по сану и личным качествам. Нет, отточенным чутьем опытного убийцы Тристан осознавал — труп убитого им монаха нужно немедленно убрать из костела, а еще лучше разрубить на мелкие кусочки и сжечь, потому что враги подобного уровня опасны даже после смерти. Но, отметая доводы рассудка, в его голове вертелась навязчивая и исключительно назойливая мысль, напоминающая о том, что все совершенные грехи рано и поздно придется искупать. А убийство в Господнем храме, бесспорно, относится к числу самых тяжких и омерзительных преступлений, не спускаемых с рук даже избранным Детям Тьмы. Но так или иначе, а сожалеть о содеянном он не намерен, ибо сейчас наступает отнюдь не самое подходящее время для покаяний, ведь раздобытый им документ требовалось немедленно доставить в римскую резиденцию госпожи, потому что было бы глупо недооценивать его значимость и то влияние, которое способны оказать на историю всего мира несколько начертанных на нем строк. Вот так всегда и случается: кажется, пустяк, всего-то пара десятков слов и одна рыжекудрая девушка, имеющая к ним самое непосредственное

отношение, а между тем именно им суждено стать той решающей силой, которая определит ближайшее будущее всей стрigoйской расы. Да чего уж преуменьшать, и всей планеты в целом.

Уже очутившись в уютном вагоне поезда, Тристан поймал себя на ощущении какой-то смутной тревоги, скорее всего не имеющей под собой ни конкретной причины, ни серьезного обоснования. И все-таки. Раньше он мало прислушивался к гуманным эмоциям, считая их постыдным атавизмом своего человеческого прошлого. Парадокс, но, став бессмертным, шевалье перестал осознавать себя счастливым. Прежние острота восприятия и удовольствие от мелочей бытия ушли безвозвратно, уступив место сухой логике, прагматичности и душевной неприкаянности. Он обрел вечность, но утратил будущее. Жизнь, по которой он семенил бродячим псом, была собачьей в прошлом, являлась таковой в настоящем, и у него не имелось ни малейшей надежды, что завтра она в чем-то принципиально изменится. Это простое существование вечно нуждающейся в крови плоти, жестокое и примитивное, давно уже перестало его удовлетворять. Но он не видел иного пути.

Немного поразмыслив, стрigoй понял: ему не дают покоя противоестественные, словно бы до сих пор наблюдающие за ним глаза мертвого иезуита, какими они запомнились ему там, в костеле. Но стоит ли заморачиваться на подобных пустяках? Де Вильфор тревожно нахмурился, сетуя на собственную опрометчивость. Он спохватился слишком поздно, пеняя себе за неуместный порыв раскаяния. Кого он пожалел — человека? А разве люди, много разглагольствующие о милосердии и гуманизме, когда-то пощадили его самого?! По красивому лицу Тристана скользнула тень сардонической ухмылки. Нет, он ничего не забыл, он прекрасно помнит то холодное зимнее утро, тюремный подвал, пыточный станок, цепи и острые ножи в руках палачей... День, когда его убили! Зря, ох зря поддался он фальшивым эмоциям и не разрезал на мелкие кусочки тело убиенного им монаха, ибо интуиция подсказывала — тот и мертвый излишне опасен! Но теперь за окном проплывали заваленные снегом поля, и сожалеть о проявленной слабости было уже поздно. Умиротворив себя столь здоровыми аргументами, стрigoй откинул голову на спинку дивана и задремал, пребывая в уверенности: миссия выполнена безупречно, и его абсолютно не в чем упрекнуть.

Но, если бы он немного задержался, выходя из костела, если бы он только оглянулся назад, то его отдых не был бы настолько безмятежным, а совесть — чистой, словно новорожденное дитя. Тристан переоценил свои силы, наплевав на возможность подстраховаться и просто оглянуться. А ведь хотелось же, хотелось! Как говорят неотесанные поляки, ему стало просто «в лом». О, за долгие годы жизни он научился различать банальную лень — состояние, когда видишь необходимость что-то делать, но не хочешь; и «в лом» — когда что-то хочется, но не видишь необходимости это делать. Да и к тому же мы все иногда совершаем глупости, обходящиеся нам намного дороже, чем ошибки и просчеты. А посему Тристану еще только предстояло заплатить за проявленную им халатность, ведь он не знал главного: едва лишь за стригоем захлопнулась дверь оскверненного кровопролитием костела, как рука, казалось бы, несомненно мертвого отца Мареше потянулась к карману рясы и извлекла из него старенький дешевый сотовый телефон. Возможно, действия усопшего храбреца направлял какой-то высший промысел, но его неживые пальцы вдруг резво забегали по кнопкам, набирая короткое сообщение и направляя его некоему далекому адресату. Верному другу, находящемуся в Ватикане...

Взлетно-посадочную полосу частного римского аэродрома укутывало толстое снеговое покрывало. Синие сигнальные маячки уподобились болотным гнилушкам, хаотично разбросанным по белому савану мертвеца и весьма неубедительно имитирующим иллюзию безопасности. Но Тристан им не верил. Он поморгал, отгоняя унылые мысли, плотнее завернулся в свой енотовый полушубок и изучающе скосил глаза, вглядываясь в причудливо разрисованное изморозью стекло иллюминатора. Вертолет накренился, закладывая крутой вираж и начиная снижаться.

— Хотелось бы мне знать, почему они не расчистили площадку? — холодно поинтересовался де Вильфор ничего не выражающим голосом, адресуя эту требовательную фразу спине сидящего перед ним пилота. Крохотный четырехместный спортивный вертолет качало и швыряло из стороны в сторону, словно плывущую по волнам щепку. Тристан понимал, что не погибнет даже в том случае, если хрупкий летательный аппарат разобьется вдребезги, но все равно никак не мог отделаться от глупого подсознательного страха. Пилот-стригой обернулся и покровительственно улыбнулся, блеснув клыками:

— Не волнуйтесь, синьор, я вожу саму повелительницу! А с подобной метелью не справится ни один бульдозер. Но я посажу вас бережно, словно коробку с яйцами! — он гортанно расхохотался, развеселившись от собственной шутки.

Де Вильфор кисло улыбнулся, надеясь, что профессиональные навыки этого неотесанного грубияна-итальяшки намного превосходят его отвратительное чувство юмора.

Утлую конструкцию из пластмассы и алюминия ощутило тряхнуло. Искусственная птичка на мгновение задумчиво зависла между двух рядов синих огней, а затем решительно клюнула носом и благополучно приземлилась, немедленно утонув в наметенном непогодой сугробе. Тристан пребольно стукнулся подбородком о собственное колено и наступил на приткнутый в ногах саквояж, но в целом ничуть не пострадал. Он удивленно пожал руку польщено ослабившемуся пилоту и, отстегнув ремень, боком выбрался из тесной кабины. Провалившись в снег почти по колено, француз изумленно всматривался в приближающуюся к нему высокую и тонкую женскую фигуру, казалось легко парящую над непрочным снежным покрытием аэродрома. Он прекрасно знал об умеющих летать ангелах, но сегодня не сомневался: он видит перед собой отнюдь не посланницу человеческого Бога, а кого-то другого. Почему же она не вязнет в сугробах? Его потрясенно расширившиеся зрачки неотрывно следили за ней, одетой в прелестную шубку из бесценной серебристой шиншиллы, дивились ее буйным черным локонам и ярко-синим очам. Девушка подошла ближе, и тогда, ощутив исходящую от нее энергетику, Тристан понял: еще никогда за все двести с лишним лет своей жизни он не встречал никого, наделенного столь мощными магическими способностями. Он осознал, насколько велика ее близость к Темному Отцу, и затрепетал, впервые очутившись перед своей повелительницей.

— Госпожа! — Тристан галантно опустил на колено, верноподданнически склоняя голову. — Моя госпожа!

— С прибытием, шевалье де Вильфор! — Андреа милостиво взмахнула рукой, приветствуя Тристана. — Я слышала о вас много хорошего.

Бледные щеки Тристана окрасил слабый румянец, ибо он почувствовал себя польщенным.

— Моя госпожа, — торопливо заговорил он, боясь запутаться в изрядно подзабытых итальянских словах и мысленно коря себя за то, что неосмотрительно пренебрегал практиковаться во владении этим певучим языком, — я привез важные новости...

— Потом, без лишних ушей! — Приказ прозвучал у него в голове, намекая на присутствие пилота и уничижительно хлестнув по нервам. Де Вильфор испуганно прижал пальцы к вискам, совершенно обескураженный чудовищной силой ее ментального воздействия. Заметив владеющую мужчиной растерянность, Андреа довольно усмехнулась и повторила уже мягче, щадя его мозговые рецепторы: — Все потом, ваши новости подождут.

— Но почему? — удивился Тристан, намеревавшийся рассказать ей о записке, извлеченной из тела мертвого монаха.

— Потому что я срочно нуждаюсь в вашей помощи, — пояснила госпожа, подхватывая доктора под локоть и деспотично увлекая за собой. — Мне рекомендовали вас, описывая как непревзойденного гематолога, способного творить настоящие чудеса!

Румянец Тристана стал чуточку ярче.

— А я, — вкрадчиво добавила Андреа, лаская мужчину гипнотизирующим взором своих огромных очей, — хочу предложить вам чрезвычайно необычную пациентку, нуждающуюся именно в чуде.

— Какую пациентку? — ошеломленно бормотал Тристан, очарованный напором и красотой своей повелительницы. — Человека?

«Нет!» — насмешливым движением ресниц показала Андреа.

— Стригоя? — шокировано вскричал врач. — Но наша раса не болеет!

— Мою сестру! — мурлыкнула синьорина дель-Васто, наслаждаясь неприкрытой оторопью, нарисованной на худощавом умном лице приезжего хирурга. — Шевалье, вы должны, нет, вы просто обязаны ее спасти!

Боль рассказывала мне о любви. Впав в одурманивающую полудрему, я благосклонно прислушивалась к ее коварному шепоту, соглашаясь с приводимыми доводами. Любовь дороже всего в мире, она первопричина многого и суть всему. Кто-то может подумать, будто люди борются за богатство, власть и признание, но на самом деле это не так. Мы все боремся лишь за любовь, за возможность любить и быть любимыми. Но внезапно в мое сознание проникла еще одна сторонняя сила, толкующая совсем об ином. «Мужчины — зло!» — доверительно подсказывал мне кто-то, обладающий маняще-журчащим голосом, а память услужливо подбрасывала в мой мозг образ тоненькой темноволосой девчушки, собственнически обнимающей меня за талию и выкрикивающей: «Не забудь о том, что мы сестры!» Кажется, мы с ней виделись несколько раз в детстве, нет, не росли вместе, а именно встречались. В том богатом трехэтажном особняке, наполненном антикварными вещами, который являлся нашим родным домом. Нашим! Значит, мы и в самом деле были сестрами. «Мужчины — зло!» — вдалбливала сейчас в мою ослабевшую от боли голову эта цветущая красавица с внешностью падшего ангела, в редкие мгновения просветления заботливо склоняющаяся над моим удобным ложем. А еще я точно знала: враги заточили меня в каменный гроб, но она, моя сестра, спасла меня и теперь бережно выхаживала те жалкие останки, которые назывались ранее моим телом. Жаль только, что я напрочь позабыла о том, как они выглядят и именуются, эти проклятые враги!.. Как печально, что память меня покинула! Зато моя сестра здесь, и она не собирается меня покидать. Прикосновение ее холодных пальцев дарило облегчение, а голос успокаивал душу, давая понять, что я не одинока в этом страшном мире, наполненном мукой и скорбью. Раздираемая противоречивыми эмоциями, я пыталась прислушаться к ним обоим — к боли и голосу сестры, недоумевая: «Как такое возможно, если любовь к мужчине несет в себе зло?»

— Вспомни! — приказывала сестра, бережно обтирая мой обугленный лоб. — Вспомни того мужчину, который похотливо воспользовался твоим телом, обманул твоё доверие, поправил твою любовь. Он тебя разлюбил. Он предал и оскорбил тебя, забрал способности и защиту, а затем ушел и бросил. Найди его и убей. Обещаешь?

— Обещаю! — послушно ответила я, осознавая всю нерушимость принесенной клятвы. — Обещаю, ему не жить. Мой бывший возлюбленный сполна заплатит за свои грехи.

— Хорошо! — довольно выдохнула моя сестра. — Ты стала настоящей стригойкой, — и тут же поправилась: — Вернее, станешь ею сейчас...

Нечто жидкое и обжигающе холодное полилось ко мне в рот. Я рефлекторно глотнула, ощущая, как отступают боль и жар, а сердце умирляет свой бешеный ритм и начинает биться медленно, еще медленнее, невероятно медленно... Все функции моего организма практически замирают, делая меня как бы не живой, но вместе с тем и не мертвой. Отныне боль уже не имеет надо мной никакой власти, а поэтому она сдается и исчезает, напоследок предупреждая уколов меня в самую глубину сердца и вскричав: «Не смей отказываться от своей любви!» В какой-то миг мне показалось, что вот сейчас я точно не выдержу накала чувств и сойду с ума. Но льющаяся на губы жидкость постепенно убивала все человеческое, превращая меня в бездушное холодное создание, уподобив высеченной из льда статуе. В моем сознании вспыхивает и мгновенно потухает образ высокого мускулистого мужчины, иронично поглаживающего свою на лысо обритую голову. Да, полагаю, я знала его в той, прошлой жизни, но теперь мне предстоит пойти по новой, абсолютно другой дороге. По

дороге, ведущей в спасительную и такую надежную Тьму. А от страстной привязанности к тому мужчине останется лишь тающая на языке горечь, схожая с ароматом скоропалительно увядшего цветка, и сожаление об утерянной любви, по которой я так скучаю. О нет, я не отступлюсь от своей любви, я просто позволю ей уснуть навечно, заточив в оставленный мною каменный гроб. И тогда слезы высохнут, воспоминания потускнеют, а любовь уйдет...

Уйдет ли?

Наверно, я сошла с ума!
Я за себя не отвечаю...
Но точно знаю я сама —
Я по тебе до слез скучаю.

Как бесконечен этот день,
А ночь его длинней стократно.
Гоню из сердца горя тень,
Но та, шипя, ползет обратно.

Крадется тихо, будто вор,
Меня от сладкой дремы будит
И шепчет, словно приговор:
«А он тебя совсем не любит!

Усвоить четко ты должна,
Что не жена и не невеста!
Ему ты вовсе не нужна,
Ты для него пустое место!

Он далеко, в других краях,
А там найдутся те, кто краше!
Ведь жизнь уже втоптала в прах
И стон любви, и счастье ваше!

Напрасно Бога не гневи,
Не льсти себя мечтой заветной,
С надрывом сердце не томи
Страданьем страсти безответной».

Но я угрозы не боюсь
И грубых слов не замечаю.
Я за любовь свою борюсь,
Я по тебе до слез скучаю...

Но так или иначе, а решение уже принято, и обратного пути нет. Я не поддамся слабости, я отвергаю любовь. Я избавлюсь от никчемной обузы чувств и стану сильной, неотзывчивой, несокрушимой. Равнодушие и невозмутимость — именно они делают нас счастливыми. А тех, кто нас любит и, хуже того, навязывает нам свою беспокойную любовь, нужно убивать. Причем лучше делать это сразу, как только заметишь бездумно-преданный собачий взгляд, неотрывно следящий за твоим лицом, эти умильно сложенные домиком брови и рот арочкой, эту дурацкую манеру бродить за тобой по пятам и постоянно держать тебя в поле своего зрения. Разумеется, жалко убивать настолько милое существо и, кажется, будто пока не за что. Но необходимо сделать это именно сейчас, иначе станет слишком поздно. Потому что он, любящий, в итоге обнаглеет окончательно: выроет неподалеку

теплую затхлую норку, из которой примется неотрывно наблюдать за тобой, а потом предпримет следующий шаг. Он начнет наступать, слегка подталкивая и даже подтаскивая тебя к своей норке, чтобы ты просто заглянул, только одним глазком посмотрел, как там у него все замечательно. Ну да, уютненько... Всегда тепло, есть еда и мягкая постель, множество занятных безделушек, каждую из которых он готов подарить тебе. Ну да, мило... Хотя и несколько душновато. О нет, он не давит на тебя, он предлагает. И вот по истечении нескольких месяцев, ближе к зиме, тебе уже начинает казаться, что тесная норка — это даже хорошо, это даже удобно, когда все устроено и ниоткуда не дует. Возможно, в этом году ты устоишь и, кое-как перезимовав в сугробе, встретишь весну свободным, ну или почти свободным, потому как между лопаток у тебя поселилось неискоренимое ощущение присутствия жгучей красной точки — оптического прицела его любящего взгляда. А затем ты привыкнешь к придуманным для тебя ритуалам и согласишься иногда ему звонить. И даже убедишь себя в том, что это нужно не только ему, но и тебе тоже: хотя бы изредка отвечать на его эсэмески, есть его стряпню если не ежедневно, то хотя бы раз в неделю... Спать с ним, ну хотя бы раз в десять дней... Потому что он рядом, страдает и любит. Потому что ты себе внушила, что у него в долгу. Потому что приходит неизбежное чувство вины, и тебе уже кажется, что ты губишь, его жизнь, безответственно и эгоистично пользуясь теплом его сердца и ничего не давая взамен. А однажды, когда твой вечер выдастся особенно одиноким, ты придешь к нему без звонка и останешься навсегда... Ну сознайся, ведь тебе же приятно увидеть, как его лицо озаряется счастливой улыбкой лишь оттого, что ты рядом. Чувствуешь себя волшебницей? Нужно ли пояснять, как это закончится? Нужно ли говорить о том, что его объятия станут все теснее, а твое личное пространство уменьшится до мизера, его просьбы превратятся в требования, а улыбка на его лице сменится самодовольной капризно-раздражительной гримасой. Не жди наступления этого кошмара, убей его сейчас! А потом, когда останешься одна — свободная и независимая, загляни в бездонный шкаф своей памяти и достань из-под вороха белья пожелтевшую от старости, помятую фотографию того единственного, кому ты хотела отдать всю свою жизнь, того, кто умел делать тебя счастливой, того, от кого невозможно было отвести глаз.

Того, кто однажды тоже тебя убил...

Глава 7

В окно безбожно дуло, хоть затыкай щели в рамах, хоть не затыкай.

— Анафема! — сердито бормотнул отец Григорий, громоздко переворачиваясь на жалобно скрипнувшей под его гигантским весом кровати и подставляя сквозняку другой, не настолько замерзший бок. В самодельной буржуйке постреливали остатки венского стула, экспроприированного из противоположной брошенной квартиры, а на заваленном объедками столе призывно поблескивала пятилитровая бутылка отличного вина, случайно найденная в, казалось бы, пустой бакалейной лавчонке. Отцу Григорию повезло, впрочем, как обычно, ибо он обладал уникальным, выявленным еще во времена Афганской кампании чутьем на обнаружение всяческих тщательно припрятанных заначек.

«Христос меня любит!» — с ничем неистребимой уверенностью напомнил себе отец Григорий, прикрывая озябшие ноги подолом рясы, вручную сшитой из зеленой бархатной портьеры. Нет, в соседней квартире, конечно, имелись и другие шторы, веселенького синего оттенка, но он предпочел именно зеленую, красиво контрастирующую с его обрюзгшими щеками землистого цвета и багровым носом заядлого алкоголика. К тому же отцу Григорию безмерно льстил тот факт, что, согласно мнению соседей, зеленый бархат делал его похожим на какого-то незнакомого ему Шрека, с которым священника сравнивали все кому не лень.

Осознав, что уснуть повторно уже не удастся, Григорий с ворчанием сел среди развороченных тряпок и, приблизив толстую, словно окорок, руку к раскрытой дверке печурки, всмотрелся в мутный циферблат наручных часов. Четыре часа утра...

— Анафема! — повторно по привычке ругнулся священник, имея в виду протяжный,

заунывный вой, доносящийся с улицы и ставший причиной его незапланированного столь раннего пробуждения.

«И чего, спрашивается, римляне настолько боятся этих бледных тварей, частенько шастающих по подворотням? — Отец Григорий недоуменно пожал богатырскими плечами и с блаженным рычанием поскреб свою широкую, густо заросшую рыжеватой шерстью грудь. — Они хоть и живучее нас будут, но тоже под Господом ходят. К тому же воюя с кровососами, люди рискуют отнюдь не своей жизнью, а только ее продолжительностью...» Он вспомнил, как вчера неосторожно обозвал торгующую в лавочке продавщицу «кровопийцей», чем вызвал дикую панику среди топчущихся у прилавка итальяшек, и лукаво ухмыльнулся. Вот ведь дураки, прости их Христос! А затем нехотя поднялся с кровати, вышел в прихожую и пытливо всмотрелся в прислоненное к стене зеркало — мутное и растрескавшееся.

Из глубины посеребренного с изнаночной стороны стекла на него с не меньшим интересом воззрилось круглое, типично русское лицо с немного отвисшими щеками, мощным, заросшим жесткой рыжей бородой подбородком и крупным носом картошкой, испещренным частой сеткой багровых полопавшихся капилляров. Серые, глубоко посаженные глаза упрямо шурились из-под кустистых бровей, а выше лба, прорезанного тремя глубокими морщинами, начиналась густящая грива русо-седых волос, непокорно спадающих на плечи и делающих отца Григория похожим на малость постаревшего, но все еще крепкого и свирепого льва. Объемистый торс пожилого священника прикрывала порядком заношенная черная футболка с изображенными посередине скрещенными серпом и молотом и многозначительным девизом: «Коси и забивай!» Наряд священника дополняли теплые ватные штаны и валенки с галошами совершенно невероятного размера. В привешенных к поясу ножнах красовался здоровенный десантный тесак, вдоль рукояти которого вилась полустершаяся памятная надпись: «Сержанту Григорию Агееву в память о Кандагаре. 1989 г.». Двойник сказочного орка деловито сгреб с кровати зеленую рясу, в ночное время заменяющую ему одеяло, и натянул ее поверх футболки, скрывая от любопытных глаз свой давнишний армейский раритет, напоминающий ему о беспокойных молодых годах и лихом военном прошлом. Да и не к лицу ему, благообразному православному батюшке, выставлять напоказ столь мирские атрибуты, идущие в вопиющий разрез с его духовным саном. Скороговоркой бубня «Отче наш», отец Григорий вздел на шею большой серебряный крест, усыпанный настоящими рубинами, а на средний палец правой руки — потемневший серебряный же перстень. За оба оных предмета, передававшихся в роду Агеевых на протяжении многих веков, ему предлагали немалые деньги, но Григорий отказался, свято блюдя завет отцов и храня верность некоему нерушимому обету, добровольно принятому им еще в молодости. Ведь согласно семейной легенде, крест и перстень могли перейти лишь от отца к старшему сыну, они несли в себе ангельскую благодать и к тому же принадлежали некогда блаженному старцу Григорию Распутину, приходящемуся бывшему сержанту Агееву законным прадедом. Впрочем, его даже называли именно в честь столь легендарной исторической личности, оказавшей роковое влияние как на судьбу всего царства Российского, так и на загадочный агеевский род. Не секрет, что в предназначении обоих оных предметов крылась превеликая тайна, и приведшая отца Григория не абы куда-нибудь еще, а в сам Ватикан.

Системы центрального отопления и водоснабжения не работали в городе уже очень давно. Немногочисленные уцелевшие жители перебивались собственными силами, кто как умел. Опыт отца Григория, научившего своих соседей нехитрым премудростям неблагоустроенной жизни, оказался совершенно бесценным, сразу принес ему неоспоримый авторитет и всеобщее уважение. А теперь этот мощный, высокорослый русский мужик запросто командовал несколькими близлежащими улицами, внушая спокойствие людям и непонятный ужас стригоям, старающимся избегать столкновений с провинциальным православным священником, так неуместно смотрящимся на фоне старинной католической архитектуры. Отец Григорий подозревал, что проклятые кровососы

чувствуют божью силу, струящуюся из его креста и перстня, а посему без опаски бродил по самым темным переулкам, понемножку мародерствуя и подкармливая своих менее удачливых знакомцев. Сам он постепенно привыкал к этому тяжелому существованию, утешаясь вполне справедливым наблюдением: «Вчера было плохо, сегодня плохо, завтра точно лучше не станет. Похоже, ситуация стабилизируется». А ничем непоколебимый русский пофигизм с уверенностью подсказывал: «Жить можно везде, где есть крыша над головой, выпивка и закуска». Ну и к тому же в мире ежедневно происходит столько всевозможных потрясений, что когда-нибудь все собой утрясется! А как же иначе-то?

Привешенный на стену рукомойник замерз. Отец Григорий безрезультатно подергал его за латунный сосок, наплевательски махнул рукой и, сугубо для приличия пожурькав ладонями свое заспанное лицо, присел к столу, с сомнением приглядываясь к бутылки с вином.

«Выпить или не выпить? — мучительно размышлял он, хмуро косясь на утыканное тряпьем окно. На дворе было темно, словно на чердаке у Господа, а выпитая до заутрени рюмка всегда считалась на Руси страшным грехом; но, тщательно взвесив все «за» и «против», Агеев махнул рукой еще раз, нацедил полный стакан благоухающей мускатом жидкости и выхлестал ее всю, не забыв педантично перекрестить рот и пуп. По телу немедленно разлилось живительное тепло, а на душе посветлело.

Это только дилетанты полагают, будто пьянство — дело обыденное и незамысловатое: наливай да пей. А на самом деле за внешне непритязательным процессом скрывается целая технология. Учтите: бутылку требуется открыть, налить из нее в стакан или рюмку (не пролив ни капли), а затем поднять, выдохнуть, крикнуть, выпить, вдохнуть и закусить. Куда уж там до нас, русских, каким-то хилым японцам с их бессмысленной чайной церемонией. А ведь если разобраться, то пристрастие русских к алкоголю объясняется крайне просто — суровым климатом их страны. И даже в тот день, когда на дворе стоит замечательная погода, то климат все равно остается суровым. Но это там, в России, а здесь... Отец Григорий снова посмотрел в окно и осуждающе покачал давно нечесаной гривой. На улице пуржило. Колочий снег угрожающе стучал в стекло, словно просил впустить его внутрь. А впускать как раз и не следовало. Однажды отец Григорий уже поддался на журчащие из-за двери уговоры и, чуть приоткрыв бронированную створку, позволил войти в свою квартиру тоненькой бледной девочке, рыдающей и умоляющей о кусочке хлеба. Но, очутившись внутри его берлоги, малютка незамедлительно выщерила огромные клыки и танком поперла на ошеломленного священника, едва не вцепившись тому в горло. Григорий вовремя опомнился и, выхватив тесак, одним мастерским ударом почти снес твари голову, а затем его долго выворачивало в углу коридора, заставляя давиться слезами и рвотными массами. Так произошла его первая встреча с постепенно оккупировавшими Рим стригоями. С тех самых пор отец Григорий запил пуще прежнего, придя к мудрому выводу: суровая и неприглядная реальность этого превратившегося в ад мира есть всего лишь неприятная иллюзия, вызванная отсутствием алкоголя в крови. Впрочем, ужасаясь собственной закоренелой греховности, он каждый вечер давал себе обещание бросить пить и даже честно пытался это проделать. Да вот только утром стабильно понимал, что опять не добросил...

Отец Григорий налил себе второй стакан вина, выпил его залпом и привычно занюхал заплесневелым сухарем. А вслед за тем он обреченно навалился на угол засаленного стола и погрузился в безрадостную думу о своем нелегком житье-бытье. И как тут не думать, если в пятьдесят с гаком лет начинаешь отчетливо понимать, что молодость, этот вечный конфликт здоровья с моралью, ушла безвозвратно, жизнь не удалась, но попытку-то уже засчитали. Причем засчитали впустую и не иначе как по ошибке...

Все мы рано или поздно приходим к Богу, просто каждый в свое, назначенное кем-то свыше время и строго индивидуальным путем. Не миновала доля сия и отца Григория, в прежнем мирском прошлом прозывавшегося Гришкой Агеевым, — лихого рубаху-парня, первого красавца на деревне и отставного сержанта десантных войск, именуемых в народе

«голубыми беретами». Будущий священник родился более чем полвека назад в некоей отдаленной деревушке Мухомортовке, расположенной в рязанской глубинке и насчитывающей к тому времени двадцать дворов да от силы человек пятьдесят жителей. Сколько же их осталось точно — не знал никто, ибо несколько мужиков регулярно пропадали в лесу, окопавшись там в крохотной землянке и увлеченно занимаясь изготовлением самогона. Дед Силантий вот уже пару лет не слезал с печи, а бабка Кузьминична — карга неопределенного возраста, по слухам стопроцентная стерва и ведьма, умудрялась появляться сразу в нескольких местах одновременно, неоднократно спутав государственных переписчиков населения, в последний раз наведывавшихся в Мухомортовку еще, кажись, при царе Горохе.

Цивилизация так и не дошла до этих забытых богом мест, застопорившись от них километрах в двухстах. В Мухомортовке слухом не слыхивали про сотовые телефоны и гамбургеры, прекрасно обходились без холодильников, курили крепчайший самосад и пекли вкуснящий домашний хлеб. По вечерам все гуртом ходили в дом фельдшера Шмакова, чтобы посмотреть единственный на все деревню телевизор, и частенько сидели без электричества, подающего с чудовищными перебоями. Молодежи в Мухомортовке осталось раз-два и обчелся: ну разве что самая молодая и красивая баба — тридцатипятилетняя Меланья (гордо именуемая себя Мальвиной); заезжий, да так и осевший в деревне фольклорист Дим Димыч — плюгавый и очкастый дегустатор местного самогона, библиотекарь Соломонов — мужик себе на уме, а также младшенький агеевский парень — Гришка. Вставали здесь с первыми петухами, спать ложились рано, держали по десять соток огородов с картошкой, морковкой и свеклой, а за мукой, спичками, керосином и помадой для Мальвины ездили в ближайший городок Старожилово, выбираясь туда не часто и с превеликой неохотой. А в общем-то, говоря откровенно, жили вполне спокойно: сытно, размеренно и мирно. Каких-либо инцидентов в Мухомортовке почти не случалось, ну разве что крайне редко. Впервые нечто похожее на беду приключилось той приснопамятной зимой, когда полоумный Матвейка прочитал утешенную у библиотекаря «Камасутру», а потом дважды принародно послал Кузьминичну на нефритовый жезл и трижды — в пещеру лотоса. Да еще вторично, когда Гришка Агеев, младший сын деревенского батюшки Аристарха, отказался поступать в Рязанскую духовную семинарию и, сбежав из дома, записался в армию.

С трудом, но переварившая таки безбожную «Камасутру» на сей раз Мухомортовка всколыхнулась и загудела, потрясенная до глубины своей древней души. Как, последний наследник легендарного агеевского рода осмелился отвергнуть уготованную ему ношу и не принял наследие предков?

Да быть того не может! Ой, видно совсем глуп еще Григорий Аристархович, молод да глуп, если не понимает: как ни юли, а судьбу свою не переделаешь; куда ни беги, но от участи своей не уйдешь; чего ни выдумывай, а промысла небесного не изменишь. Веришь ты в Бога или не веришь — значения не имеет. Главное, что Бог верит в тебя! А коли так, то к чему тогда Господа понапрасну гневить, ходить вокруг да около и лишнюю суету творить?

Так уж повелось истари, что в роду Агеевых все мужчины добровольно принимали духовный сан и посвящали себя служению Господу, свято блюдя завет далеких предков: пуще зеницы ока беречь серебряный крест и прилагающийся к нему перстень, облакающий своего носителя званием Привратника. Да вот только какие такие врата предстояло открыть однажды очередному Привратнику — не ведал никто, но слухи об избранности агеевского рода испокон веков ходили по Мухомортовке, придавая этой семье немалую загадочность и обеспечивая всеобщее уважение. А еще поговаривали, будто свершение завета произойдет только тогда, когда в семье родится не один, а два сына, после чего на мир падет смертная тень и наступят суровые времена испытаний, пройти через которые можно лишь с помощью веры. Врала те слухи али нет — пока не известно, но действительно: сколько бы детей ни рождалось в этом роду — все они оказывались девками, ибо мальчик-наследник всегда был лишь один, наделенный отличительными фамильными чертами: ростом, осанкой и

дородностью. Да еще тем знаменитым взглядом пронзительных серых глаз, которые некогда загипнотизировали последнюю российскую императрицу. Все агеевские мужики отличались неимоверной могучностью и выносливостью, доживая лет до ста, а то и поболее. Недаром замучились проклятые вороги с их легендарным предком — Гришкой Распутиным: и ядом того изводя, и из револьвера в него стреляя, и в прорубь опуская. И невдомек им было до его высокого предназначения, отлично известного самому старцу. А Распутин, видать, судьбу свою предчувствовал, ибо за несколько дней до расправы над собой снял он крест и перстень, да и отдал их сыну Дмитрию с наказом передать будущему отпрыску и сберечь для того, кто вторым родится. Так все оно и случилось...

Родной отец строптивого Гришки Агеева состоял в чине иерея, а в просторечье деревенского батюшки, и являлся единокровным внуком старца Распутина. Дмитрий Григорьевич сберег-таки наследие предков и, будучи арестованным НКВД, а затем в начале 1930 года сосланным в Сибирь, умудрился сбежать из колонии-поселения да бесследно затеряться в глухой рязанской глубинке. В Мухомортовке он принял рукоположение, отстроил часовенку, женился на местной девушке, но вскорости умер, ибо здоровье беглеца оказалось изрядно подорвано всеми перенесенными мытарствами. Его единственный сын Аристарх пошел по стопам родителя и тоже состоял в чине иерея, служа в своем родном приходе. По примеру мужчин своего рода он обзавелся домом и семьей, намереваясь преданно хранить тайну креста и перстня да смиренно дожидаться появления наследника. И все бы ничего, но вот только размеренный ход событий вдруг непредвиденно споткнулся, выбиваясь из наезженной колеи бытия и выкидывая крутое коленце, ибо дальше началось нечто совершенно необычное.

Первенец Аристарха, нареченный Андреем, неожиданно скончался почти сразу же после рождения, прожив всего-то пять дней. Мухомортовский иерей растерянно молился у себя в часовне, безмерно напуганный столь внезапным разрывом семейного предначертания. О нет, он прекрасно помнил древнее предсказание, пророчащее страшные события, должны совпасть с появлением второго сына, но еще больше опасался батюшка Аристарх угасания своего рода и отсутствия будущего хранителя креста и перстня. Бил он челом перед иконами, прекрасно понимая, что и без сына плохо роду придется, и со вторым сыном тоже нехорошо. Про подобные неразрешимые жизненные затыки мудрые мухомортовцы говорят: «Куда ни кинь — везде клин». А что делать? Только молиться. И отец Аристарх молился. Но, как водится, Господу завсегда виднее, кому чего положено, и посему ровно через год мольбы иерея Агеева были услышаны, а в его семье появился второй младенец — Григорий.

С самого молодого возраста Гриша разительно отличался от прочих жителей дремучей Мухомортовки. Резвый и неусидчивый, каким и положено расти любому мальчишке, он вместе с тем обладал чрезвычайно развитым и самобытным умом, буквально на лету схватывая любую науку. Батюшка Аристарх сам занимался с сыном, раньше чем читать научив того некоему странному гимну, устно передающемуся в их роду. Что именно означает это мрачноватое песнопение — не ведал никто, но она традиция соблюдалась свято, и каждый агеевский сын твердо помнил его наизусть, так, что аж от зубов отскакивало. Неплохо закончив десять классов Старожиловского интерната, юноша напрочь отказался поступать в духовную семинарию, повергнув в уныние своего набожного отца. Презрев резонные уговоры Аристарха, высмеяв легенду о хранимых в семье раритетах и эгоистично проигнорировав слезы матушки, Григорий пошел в армию, попав в «десантуру» и выслужившись вскоре до чина сержанта. Возвращаться домой он не собирался, суровыми армейскими буднями не тяготился ничуть, а потому особо отличился в Афганской кампании, будучи удостоенным нескольких боевых наград. Никого не посвящая в свою заветную мечту, Григорий имел неплохие шансы достичь желаемого и стать даже полковником, но судьба распорядилась иначе, имея на отступника свои, известные лишь ей одной виды.

Стоял пыльный и душный декабрь 1989 года. Тут, в Афганистане, снег такая же редкость, как чистая питьевая вода, сострадание и милосердие. В этих краях всегда жарко

днем и холодно ночью, нет ничего, кроме камня и песка, не ценится быстротечность жизни и не уважается таинство смерти. Здесь ты поневоле начинаешь понимать: только очень благополучные люди могут позволить себе любить зиму, ведь у обездоленных и лишенных крова бродяг любимое время года — лето. Так до какой же степени пошлости зажралось несчастное человечество, если полюбило войны и не боится уже ничего, даже последней ядерной зимы...

Участвуя в освобождении города Кандагар, сержант Агеев получил тяжелое осколочное ранение в брюшную полость и попал в госпиталь, находясь в крайне тяжелом, а вернее практически безнадежном состоянии.

— Не жилец, — констатировал оперировавший его хирург, бессильно разводя мозолистыми руками. — У нас обезболивающее закончилось еще неделю назад, бинтов нет, санитаров не хватает. Скоро вообще всех раненых одной уринотерапией лечить придется. Ну не Бог я, поймите, не Бог... — торопливо отвернулся и ушел по заставленному носилками коридору, развевая лапами грязного халата. Лейтенант Васька Шепель, командир, а по совместительству ближайший друг приговоренного к смерти сержанта, лишь сердито сплюнул вслед эскулапу и, недобрым словом поминая всех слабаков-докторов, силой разжал судорожно стиснутые зубы находящегося в глубоком обмороке Григория, приоткрыл ему рот и всыпал туда щедрую порцию отличной местной дури, резонно рассудив так: «Уж если товарищ и умрет, то приятно и безболезненно...»

Атеизм — самая жестокая из религий. Она оставляет человека наедине с самим собой и не дает надежды на продолжение ментального развития. Она отвращает человека от духовного устремления и закликает на плотском. Нынешний путь человечества — это атеизм.

«Наверное, я святой, — отстраненно думал сержант Агеев, ощущая усталость и тупую, отступившую на второй план боль. — Кто же еще может скорбеть обо всем человечестве, когда у самого все тело — сплошной сгусток огня и муки. А еще — предсмертный холод. Но разве у человечества не все, как у меня? Или у меня, как у него? Да какая в принципе разница! — Он понимал, что умирает и сейчас немного сожалел об отвергнутом им Боге, начиная осознавать истинную суть доводов отца, когда-то выслушанных им, но так и не услышанных. И вот, не умея общаться с Господом, не умея обращаться к нему, Григорий завел бессловесный разговор со всем человечеством, как будто это могло что-то изменить. Будто его этому учили. — Почему мне досталась такая участь? — спрашивал он неизвестно у кого. — За что ввергло меня, слабого и беспомощного, в пучину земных страданий? Меня знобит в предчувствии страшных зим. Меня мучает нехорошее предчувствие. На меня дует вселенский ветер из разверзающегося под ногами ада. Он въелся в меня до костей, тот губительный холод операционного стола, на котором меня вылущивали, словно стручок гороха... Как же это страшно — пройти крещение операционным столом. Но разве боль не очищает, подготавливая нас к... Хм, к чему же?»

И вот тогда он, атеист и безбожник, интуитивно вернулся к тому, в кого не верил до настоящего момента, вознося произвольно-придуманную молитву.

«Боже милосердный, — мысленно взывал Григорий, — зачем тебе, в светлый день Рождества твоего, моя смерть? Да, признаю — грешен, но разреши мне жить, прости, Всевеликий, оставь и дальше мучиться на этом твоём прекрасном ужасном белом свете!»

А затем он ощутил чудное благоухание мирры и ладана и почти увидел чей-то полупрозрачный милостивый лик, взошедший над ним подобно полной луне в окне армейского госпиталя. И в сплошном холоде небытия, уже сковавшем онемевшие члены, пронеслось благоухающее дуновение дыхания, скользнувшее по его волосам. Два теплых местечка на щеке: след от слез и след дыхания. Как быстро они остывают...

Той же ночью приснился Григорию сон, удивительно яркий и образный. Будто озарилась вдруг светом темная, провонявшая болью и смертью палата, и появились в ней три белокрылых ангела, облаченные в сияющие одежды. Приблизились они к кровати

умирающего сержанта и заговорили:

— Слушай, парень, ты совсем дурак, или как, если решил самостоятельно от судьбы Привратника отказаться? — недоуменно спросил самый красивый из небесной троицы, нежнолицый и златокудрый.

— Ури! — укоризненно приструнил болтуна второй ангел, пряча снисходительную улыбку. — Так он же молился, значит, прозрел...

— Как же, прозрел, держи карман шире! — недоверчиво насупился третий, дюжий и черноволосый. — Если дурак поступил умно, то не удивляйтесь. Ну ошибся человек, с кем не случается...

Блондин тоненько заржал.

— Вы — настоящие? — ошалело брякнул Григорий, сиюсь приподняться на койке, но у него ничего не получилось.

— А то! — язвительно гоготнул брюнет и больно ущипнул Агеева за щеку. — Убедился?

Григорий глупо хлопал ресницами да беззвучно разевал рот, временно утратив дар речи и боясь поверить собственным глазам.

— Бога не существует! — наконец сумел выдать он, справившись с шоком. — Правда, один наш новобранец видел черта, но только после двух литров неочищенной чачи...

Смешливый блондин хлопнул себя ладонями по ляжкам и закатился пуще прежнего. Черноволосый возмущенно возвел очи к потолку, негодуя на неверие доходяги-пациента.

— С католиками намного проще, чем с вами, православными! — укоризненно повел крылом второй ангел. — У них как: «Британка обнаружила лик Иисуса на жвачке, австралиец узрел лик Христа на сковороде, — он в точности спародировал тягучие интонации телевизионного диктора. — Американец увидел Господа в пятне от соуса, шотландец нашел фигуру Спасителя, проступившую на деревянной двери туалета». Спрашивается, почему у них человек, увидевший подобное, считается нормальным, а средства массовой информации во всеуслышание кричат о получении знака свыше, а у русских если мужик увидел маленьких и миленьких чертиков, то, значит, «белая горячка»?

Григорий не выдержал и улыбнулся, присоединяясь к откровенно веселящемуся блондину.

— Получается, черти тоже реальны? — с подначкой спросил он, надеясь получить откровенный ответ.

Его собеседник лукаво улыбнулся.

— Сам все увидишь! — многозначительно пообещал он. — Ты только согласишься...

— На что? — насторожился умирающий. — Вы хотите купить мою душу?

— Не-э-э, такими фокусами у нас только Темный Отец занимается! — брезгливо сморщился дюжий брюнет. — А мы всего лишь в армию вербуем, благо тебе к подобному не привыкать.

— И стрелять придется? — продолжил выпытывать всю подноготную сержант Агеев.

Вся троица сумрачно кивнула, а блондинчик картинно поклонился и с неповторимыми голосовыми модуляциями изрек нечто непонятное, звучащее как «а-ля гер, ком а-ля гер».

Григорий задумался. За окном чуть посветлело.

— Поторопись, — без каких-либо эмоций посоветовал брюнет. — Твой срок — до рассвета.

— А что должно произойти утром? — поинтересовался сержант, обильно потев от подсознательного ужаса.

— На рассвете ты умрешь! — холодно отчеканил шатен. — Конечно, если не согласишься вступить в ряды божьего войска.

— В случае мой вербовки вы гарантируете мне бессмертие? — деловито предположил Григорий, сам дурея от выдаваемого им бреда.

— Ну ты, братец, и жук! — одобрительно фыркнул черноволосый. — Сразу видно —

наш кадр. Кстати, меня Самуилом зовут.

— Уриэль. Гавриил, — церемонно представились два других ангела.

— Те самые? — обмер Агеев, вспоминая проповеди отца.

Крылатые братья скромно отмолчались.

— Поспеси, — напомнил Гавриил, указывая на тонкую розовую полосу, медленно разгорающуюся над линией горизонта. — Через пять минут ты умрешь...

— Да согласен я, согласен! — нервно заорал Григорий, злясь от настолько неприкрытого шантажа. — Черт с вами. Чего делать-то нужно?

Услышав упоминание нечистого, ангелы сердито поморщились, но смолчали.

— Девушке одной помочь, — коротко пояснил Уриэль, — воительнице, избранной Господом для защиты, а возможно, и спасения нашего мира.

— Баба — избранная? — повторно обалдел Григорий. — Ну дела-а-а!..

Блондинистый небожитель проказливо оскалился.

— Да ты, никак, совсем в женщинах не разбираешься? — предположил он. — Помни, дружище, что бы ты ни дал женщине, она всегда сделает из этого нечто большее и лучшее. Дашь семя — родит ребенка, дашь квартиру — обустроит уютный дом, принесешь ей продукты — она приготовит из них вкусную еду. Женщины все приумножают и развивают. Но упаси тебя Господи сделать ей хотя бы одну маленькую пакость, ибо в таком случае она так тебе в душу нага...

— Ури, — категорично оборвал его Самуил, — заткнись. Никого не интересуют подробности твоей личной жизни!

Уриэль прикусил язык и виновато склонил покрасневшее лицо.

Солнце важно выплыло из-за иззубренных взрывами гор, заливая палату ярким победоносным светом.

— Нам пора, — тихонько произнес вежливый Гавриил, — жди знамения, еще увидимся.

— Стойте, — заполошно закричал новобранец, наблюдая за тающими, будто дымка, фигурами ангелов, — а с чего мне начинать-то? Неужто придется принять сан, стать попом, молиться, соблюдать пост?..

Вместо ожидаемого им инструктажа Гавриил лишь благосклонно кивнул и прощально взмахнул рукой.

— Братцы, а вы в курсе, что скоро великим постом будут называть подборку фотографий в Интернете? — донесся до Григория звенящий от возбуждения голос Уриэля.

— Тихо ты, балбес! — укоризненно приструнил его солидный бас Самуила. — Разве забыл: Интернета еще нет, он появится лет через пять — десять...

На Григория навалилась странная сонливость, и он погрузился в долгий сон без сновидений. Проснулся он лишь под вечер. Терзавшая его лихорадка спала, а гнойный шов на животе очистился и начал заживать. Смерть отступила, спасовав перед Божьей благодатью. Врачи недоуменно пожимали плечами, не находя объективного объяснения столь чудесному исцелению. Пару недель спустя выйдя из лазарета, Григорий распил сто грамм с другом — лейтенантом Шепелем и в доверительной беседе изложил ему все загадочные факты своего скоропалительного выздоровления. На лице лейтенанта немедленно расплылась широкая озорная улыбка, и он в свою очередь рассказал Григорию о целительном воздействии патентованного афганского наркотика, и ставшего, по его мнению, источником столь потрясающих видений. Но Агеев мудро воздержался от споров, оставшись при своем мнении. Месяцем позже он демобилизовался из армии и вернулся домой, где порадовал отца внезапным решением провести некоторое время в монастыре. После очищения и постов Григорий закончил семинарию, стал иереем и принял родной приход, истово исполняя обязанности верного божьего слуги.

Так миновало немало лет. Воспоминания о встрече с ангелами потускнели, а сам Григорий постарел и погрузнел. Время является лучшим лекарем, но притом — всегда остается самым плохим косметологом. Волосы иерея Григория Агеева поседел, а лицо

покрылось сеткой морщин. Он вел размеренный образ жизни, иногда злоупотребляя алкоголем, но во всем прочем ощущая себя вполне здоровым и готовым к обещанным ему битвам. Но между тем годы все шли и шли мимо, не торопясь удовлетворять его ожидания. Отец Григорий так и не женился, немного сожалея о том, что на нем прервется знаменитый род хранителей креста и перстня, а сами раритеты останутся без следующего владельца. Возможно, причиной его добровольного celibата стала та напороченная ангелами воительница и внушившая деревенскому священнику смутное недоверие ко всему женскому полу. И посему отец Григорий почти совсем уже утратил веру в предначертанное ему будущее, начиная склоняться к версии лейтенанта Шепеля — дескать, привиделись ему те крылатые братья в наркотическом бреде, как вдруг судьба преподнесла ему неожиданный дар. Три года назад из Рязанской епархии ему переслали официальное письменное приглашение в Ватикан на имя иерея Агеева, подписанное самим папой римским. К сему прилагались билеты на самолет и документы финансовой аккредитации, а также согласие владыки на его поездку. Слегка шокированный и недоумевающий отец Григорий отправился к церковному начальству за благословением. Вот таким образом, второпях собравшись, отец Григорий и попал в Рим...

Впечатления тех дней навсегда врезались в его память.

Весна 2010 года пока еще не торопилась полностью вступить в свои права, радуя Ватикан первыми робкими оттепелями. Но сегодня солнышко светило вовсю, бережно касаясь стен изящных палаццо, благоговейно обласкивая стройные фигуры ангелов, украшающих площадь перед собором Святого Петра, и придавая им видимость жизни.

Несколько взволнованный торжественностью момента отец Григорий медленно двигался в колонне делегатов, шествующих по площади. Слева от него шел еврейский раввин, справа — лютеранский пастор из Америки. Все они обменивались доброжелательными взглядами, раскланивались и буквально источали дружелюбие, невзирая на языковые барьеры. Отец Григорий почти еще не понимал итальянского, но уже научился обходиться улыбками и жестами. Папа Бонифаций организовал беспрецедентную акцию, пригласив в Ватикан представителей различных религий и конфессий, дабы заявить всему миру: Бог един, просто он носит множество имен. Заполнивший площадь народ восторженно рукоплескал появившемуся на балконе понтифику, благословляющему коленопреклоненную толпу. Люди дивились вычурному наряду зулусского шамана, зычному басу русского диакона, оранжевым рубахам-сокэн смиренных тибетских монахов. И пышность всеобщего ликования удачно скрывала одну существенную деталь, впрочем не ускользнувшую от бдительного ока отца Григория: озабоченное лицо самого преемника апостола Петра и морщинки изнеможения, собравшиеся вокруг его добрых, мудрых глаз.

Вечером того же дня состоялся торжественный прием, организованный в Климентинском зале Ватиканского дворца. Отца Григория подвели к креслу, в котором восседал наместник Бога на земле, приветливо кивнувший очередному гостю. Тот низко поклонился, из необъяснимой неловкости прикрывая ладонью свой тяжелый, вызывающе роскошный крест, и без того привлекающий множество взоров и весьма мало подходящий к его скромному облачению.

— Иерей Григорий Добродеев, село Медведково Тульской области! — громко зачитал папский секретарь, дотошливо сверяясь с длинным списком гостей.

— Неправда ваша, — прогудел отец Григорий. — Иерей Григорий Агеев я есмь! Деревня Мухомортовка Рязанской губернии!

Золотистые брови его святейшества изумленно поползли вверх.

— Агеев? — недоверчиво переспросил он. — Как, зачем нам Агеев?

— Агеев у нас и так много! — язвительно хмыкнул въедливый секретарь.

Отец Григорий воинственно насутился, готовый до последнего вздоха защищать свою честь и достоинство. Прикрываемый им крест как живой выскочил у него из-под ладони и, попав в лучик проникающего через оконный витраж света, заиграл всеми цветами радуги,

пустив солнечного зайчика прямо в глаза папы. Бонифаций склонился в кресле, поближе всматриваясь в крест, потрясенно охнул и схватился за сердце...

— Ваше Святейшество, вам плохо? — Папская свита испуганно бросилась к растерянному пастырю, но Бонифаций мгновенно овладел своими эмоциями, категоричным жестом руки отказался от помощи и согнутым пальцем поманил к себе остолбеневшего на месте отца Григория. Агеев перекрестился для храбрости и, дерзко вступив на красную ковровую дорожку, приблизился к креслу папы. Зал замер, затаив дыхание и наблюдая за вопиющим нарушением церемонии, расписанной до малейшей детали, до шага, до последнего поклона...

Бонифаций перевернул крест, висящий на шее православного иерея, и чуть шевеля губами, беззвучно прочитал несколько слов, начертанных на его обратной стороне.

— Вы знаете, что обозначает эта надпись? — спросил он шепотом на чистейшем русском.

— Нет, — честно ответил Агеев, справившись с минутным замешательством и вспомнив, что папа поляк по происхождению, а значит, вполне способен владеть русским языком. — Я показывал его специалистам, но никто не сумел перевести эту надпись, хоть некоторые лингвисты и идентифицировали ее французские корни...

— Архаичный лангедокский диалект... — задумчиво бормотнул папа. — Вот, значит, как оно сложилось, и сейчас я вижу самый старый знак эрайи из всех известных мне до сего момента. Вот, значит, оно как...

— Эрайи? — не понял Агеев.

Бонифаций поднял на Григория заметно посветлевший взор.

— Так вы ничего не знаете о своем предназначении?

— Ангелы мне являлись, — скованно ответил иерей, стесняясь и сомневаясь в том, что ему поверят, — и призвали меня в воинство Божье. Так и жду с тех пор, когда придется за Господа постоять...

— Ясно, — кивнул папа. — Значит, то вовсе не ошибка вкралась в наше приглашение, а определился промысел Господень. Мы-то ведь приглашали Григория Добродеева, а приехали вы...

Тут отец Григорий с готовностью продемонстрировал свои документы и письмо с приглашением в Ватикан. Бонифаций с интересом изучил собственную подпись, четко выведенную под фамилией Агеева, и признал ее подлинной. Его прежде нахмуренный лоб немного разгладился, принимая отстраненно-благодостное выражение.

— Верую в то, что Иисус от нас не отвернулся! — облегченно вздохнул он.

— Прикажете его прогнать? — тотчас встрял ушлый секретарь, небрежным кивком головы указывая на ошеломленного всем происходящим Агеева.

— Нет! — поспешно вскрикнул папа, нервно вздрагивая. — Ни в коем случае! Поселить в хорошую квартиру, причем бессрочно, выдать денег на питание. Уж коли ангелы чего-то ждут от этого иерея, то и нам потерпеть не зазорно.

— Как же так?.. — судорожно сглотнул отец Григорий. — А домой-то когда?..

— Считайте себя нашим гостем! — чересчур радушно всплеснул ладонями его святейшество. — Поживите у нас в Риме, отдохните. Мы еще встретимся.

— Это приказ! — жестко отчеканил секретарь, доверительно наклоняясь к уху едва раскрывшего рот иерея. — Не вздумайте отказаться. Да о подобной милости лишь мечтают!

Отец Григорий намеревался протестовать, но снова встретился глазами с папой и передумал, ибо читалось во взгляде Бонифация нечто такое, что сразу словами и не опишешь: надежда, восторг, уважение. А удостоиться такого внимания со стороны верховного понтифика — это и правда дорогого стоит!

Таким вот неожиданным образом отец Григорий и поселился в симпатичной квартирке, находящейся в принадлежащем Ватикане районе, да ничтоже сумняшась повел беззаботную и праздную жизнь, с охотой посещая церкви и соборы, не испытывая какого-либо стеснения в средствах и наслаждаясь вполне безоблачным существованием. Но, увы, так продолжалось

недолго. Вскоре в городе появились стригои, в Риме воцарился хаос, а затем началась настоящая война. Отцу Григорию перестали выдавать деньги и отказали в аудиенции у папы. Ватикан затворил ворота, укрывшись от наступающей со всех сторон Тьмы. Аэропорты и вокзалы не работали, город превратился в ловушку, в коей вампиры без стеснения охотились на людей, а по утрам на улицах находили обескровленные человеческие трупы. Все городские коммуникации быстро вышли из строя, с продовольствием и питьевой водой становилось все хуже, а люди в панике забивались в подвалы, превращаясь в озлобленных испуганных крыс. Отец Григорий выживал, как мог, прекрасно понимая, что о нем забыли...

Ополовинив бутылку с вином, отец Григорий наконец-то осознал, как сильно он устал. Ему приелось прятаться по углам и ждать неизвестно чего. Осточертело копать в помойке и мерзнуть по ночам, задолбало шарахаться от собственной тени и затыкать нос на вонючей, залитой нечистотами лестнице подъезда. Надоело терпеть несправедливость жизни. Впрочем, его нынешнее прозябание и жизнью-то называть стыдно, так — маета одна. А значит, терять ему нечего! Уж коли обещанное знамение не идет к нему навстречу, то остается последнее: самому пойти вперед, напролом, да взять за рога свою непокорную судьбу!

За окном немного посветлело. Мутный, какой-то грязный рассвет нехотя расплзался за заклеенным бумажными полосками стеклом, такой же безрадостный и безнадежный, как сама жизнь. Уже несколько дней на улице стояли особенно злые морозы, а колючая вьюга в безумном вальсе кружила по дворам, расшвыривая обжигающий снег так яростно, что за три метра уже ничего не было видно. Отец Григорий надел на себя все имеющиеся в его распоряжении теплые вещи, до самого горла застегнул телогрейку, скрывая крест, прихватил недопитое вино и вышел на улицу, даже не закрыв за собой дверь квартиры. А к чему совершать лишние движения, если в оной берлоге даже красть нечего? Внутренний голос подсказывал: сюда он больше не вернется. Изредка прихлебывая из бутылки, иерей наобум брел по обледенелой мостовой, неустойчиво покачиваясь и пьяно икая. Прорезиненные валенки скользили ничуть не хуже конькобежных ботинок, а ветер завывал на тысячу голосов да с остервенением бросался на человека, заставляя того морщиться и отворачиваться. Снег неустанно сыпал с неба, словно вываливался из прохудившегося насквозь решета, предательски скрывая опасный лед. Вскоре Агеев замерз, ибо согревающее действие алкоголя не выдержало напора штормовой стихии и почти уже сошло на нет. Его решимость куда-то испарилась, очень хотелось домой, в Мухомортовку, ну или хотя бы обратно в квартиру, на свою лежанку, к чадающей буржуйке. Народу на улице почти не было, лишь несколько тощих силуэтов неопределенного пола, закутанных в рванье, осторожно пробирались вдоль стен домов, занятые поисками пищи. Внезапно в самом центре проезжей части показалась высокая мужская фигура, одетая в добротный, отлично выдубленный овчинный полушубок и целенаправленно шагающая наперерез снегу и ветру. Отец Григорий изумленно замедлил шаг, замороженный стремительностью походки странного незнакомца, а также крайней решительностью, написанной на его остроскулом лице с упрямо сжатыми губами. Голову мужчины прикрывала черная вязаная шапочка, в расстегнутом вороте дубленки поблескивала тяжелая серебряная цепь, обвивающая шею, а на его плече висел массивный автомат неизвестной иереем модели, выглядящий на редкость устрашающе. Незнакомец стремительно и очень близко прошел мимо отца Григория, так что пьяный священник не удержался на ногах и звучно шлепнулся на пятую точку, окатив мужчину щедрым ливнем, состоящим из осколков вдребезги разбившейся бутылки и остатков недопитого вина.

— Анафема! — комично-плачущим басом произнес отец Григорий, сожалея о пропавшем вине, но незнакомец принял его реплику на свой счет и чуть притормозил, наградив алкоголика презрительным взглядом.

— Свинья! — выразительно припечатал он по-русски. — Пьяная свинья! — После чего развернулся на каблуках и зашагал дальше.

— Помоги! — простонал иерей, неуклюже взясь на скользком льду и чувствуя острую боль в вывихнутой лодыжке. — Сходи за доктором...

— Еще чего, — небрежно бросил нахал, следуя своей дорогой. — Свиным доктора не положены!

— Ну тогда за вет... — жалобно продолжил чуть приподнявшийся отец Григорий и снова упал, на сей раз вниз носом, не успев закончить начатую фразу.

Услышав его слова, перешедшие в нечленораздельную ругань, незнакомец неожиданно замер будто вкопанный, а затем повернулся к иерею, изрядно напугав того своими выпученными глазами и потрясенно отвисшей нижней челюстью.

— А ну-ка повтори! — ультимативно потребовал он хриплым от возбуждения голосом.

— Если я свинья, то хоть за вет... — послушно повторил приподнявшийся на одно колено иерей Агеев, но опять поскользнулся и очутился на стылой земле. Почему-то ему никак не давалось это простое словосочетание. Слово, может, и не воробей, но если не дать ему вылететь, то оно будет летать внутри и гадить, гадить, гадить... — Тьфу, прости Господи, за ветеринаром тогда сходи! — иерей наконец-то изрек желаемое и расплылся в довольной улыбке.

Но вместо ожидаемой помощи незнакомец вдруг бурно расхохотался, а затем подхватил иерея под мышки и сжал в своих железных объятиях. Отец Григорий расслабленно подчинялся, позволяя трясти и тормозить свое вялое от вина тела, сочтя встреченного им мужчину буйно помешанным безумцем. Впрочем, чему тут удивляться? Да, пожалуй, нечему, ведь в столь сумбурное время, как нынешнее, все нормальные люди сидят по домам, на улицу не высовываются и приключений на свои головы не ищут.

Глава 8

Глаза — они казались необычными и, пожалуй, даже не совсем нормальными. Интуитивно я подметила их аномальность, хотя совершенно не помнила, какими должны быть заурядные человеческие глаза. Скорее всего, спокойными и маловыразительными, а возможно, пустыми, но уж точно не такими вот, ибо в этих зеленых, будто изумруд, очах плескалось так много эмоций, что мне не хватало слов для их описания. Узкий, щелевидный, какой-то хищный зрачок, обрамленный багровыми точками-искрами, разбросанными по зеленой радужке... Эти глаза выглядели так, словно в них брызнули чьей-то кровью. Глаза, опущенные густыми черными ресницами и отражающие целую гамму сложных чувств: изумление, постижение, неумную жажду жизни. Выше них располагались два ровных полукружья черных бровей, словно два мазка туши на драгоценном китайском шелке. Худые впалые щеки не окрашивает и слабый намек на румянец, более того, они наделены безупречно идеальной белизной, а на прозрачной фарфоровой, будто светящейся изнутри коже разбросано немного золотистых веснушек. Губы бледные, слегка розоватые, но безупречной формы и чувственно полные. Точеный носик с горбинкой. Я изучающе провожу рукой по голове этого все еще не узнанного мною создания, отражающегося в огромном трюмо, и довольно хмыкаю, ибо наталкиваюсь пальцами на короткий ежик мягких волнистых, красиво подстриженных волос рыже-бронзового цвета. Прикосновение к волосам доставляет мне чувственное удовольствие. Такие короткие стрижки носят только мужчины. Откуда-то из памяти всплывают некоторые определения и критерии красоты, позволяющие мне объективно оценить внешность незнакомого создания: волосы, глаза, нос. А еще я всецело уверена, что вижу в зеркале не мужчину, но именно девушку, потому что незнакомка обладает двумя крохотными бугорками груди, слегка приподнимающими ее рубашку. Кроме рубашки из светло-серого шелка девушка одета в черные кожаные штаны, приталенную курточку из того же материала и черные лаковые сапоги с раструбами выше колен. Ее тонкую талию обвивает широкий пояс с воткнутыми под него парными клинками: катаной и вакидзаси. Весь облик оной незнакомки производит почти шокирующее впечатление, наталкивая на мысль о присущей ей дерзости и стопроцентной уверенности в

себе, а стройная фигурка сильно смахивает на мальчишескую. Да еще эта короткая прическа. Хотя нет, у мальчишек не встретишь таких соблазнительно-округлых бедер, длинных ног и пикантных выпуклостей под рубашкой. Девушка осторожно приподнимает свою верхнюю губу и с любопытством ощупывает небольшие, аккуратные, но весьма острые клыки... Весьма неожиданная деталь облика, но они мне нравятся!

— Так это и есть я? — ошеломленно произношу я, не отрывая пытливого взгляда от своего отражения в зеркале.

— Это — ты! — Две крепкие ладони участливо ложатся мне на плечи. Неслышно вошедший в комнату мужчина стоит у меня за спиной, поверх моей макушки глядя в то же самое зеркало, и подбадривает меня уверенными интонациями своего музыкального голоса. Наши взгляды встречаются, и наши отражения одновременно улыбаются. — Ты себя узнала? — мягко спрашивает он, чуть усиливая нажим пальцев.

— Нет, совсем не узнала! — Я отрицательно качаю головой, любуясь его яркой красотой. — Но я — миленькая...

— Очень миленькая! — убежденно восклицает он и, нежно обхватив меня за плечи, поворачивает лицом к себе. — Красивая, опасная, настоящий цветок Смерти.

— Я ничего о себе не помню! — кокетливо жалуясь я, польщенная вниманием такого красавца. — Даже своего имени...

— Не беда, — он нежно привлекает меня к себе на грудь и целует в лоб, — не форсируй события. Все восстановится постепенно: воспоминания, силы, чувства. А пока нужно просто радоваться твоему выздоровлению, избавлению от боли...

— О да, боль я помню! — Я вздрагиваю всем телом, мысленно вновь очутившись в том ужасном гробу, где все мое существование сводилось всего лишь к двум понятиям: боль и терпение. — Но ведь она прошла и уже не вернется?

— Никогда! — торжественно обещает мужчина, нежно баюкая меня в своих объятиях. — Клянусь. Хотя не исключено, что вскоре тебе придется познать мучения совсем иного рода, такие, по сравнению с которыми все прежние испытания покажутся всего лишь незначительными неудобствами.

— Почему? — пылко вопрошаю я, поднимая лицо. — И почему ты так печешься о моем благополучии?

— Почему? — Его прекрасное чело озадаченно хмурится, и он ловко уходит от ответа на первый вопрос. — Ну, скорее всего, из-за того, что в твоих жилах течет моя кровь, и теперь я ощущаю себя новым Пигмалионом, создавшим свою Галатею!

— Твоя кровь? — Я смутно вспоминаю холодную струйку жидкости, льющейся мне в горло, несущую с собой чудную невозмутимость, отстраненность от мира и осознание собственной избранности — такой, которая дается лишь высшим существам. Не людям!

— Мы — не люди?! — запоздало доходит до меня. — Но кто же мы есть?

Он хмыкает, вкладывая в этот, казалось бы, бесхитростный звук, целый набор эмоций: и гордость, и высокомерие, и тщательно скрываемое застарелое страдание.

— Мы — стригои! Пастыри человеческого стада, призванные для свершения чаяний и надежд Темного Отца. Ты умирала, но, будучи досконально осведомленным об особенных свойствах нашего организма, я вылечил тебя своей кровью, налитой в священный Атопор — Чашу вечной жизни. Отныне ты стала одной из нас!..

Я тяжело сглотнула, почти физически ощущая вкус его слов, и задумчиво прикусила губу. Мне требовалось время, чтобы переварить и принять все услышанное. Мужчина понимающе улыбнулся. Он наклонился, сочувственно заглянул мне в глаза — в его взгляде тусклыми бликами отражалась легкая печаль, затем по-отечески чмокнул меня в лоб и распрямился. Кажется, он действительно за меня переживал.

— Но почему ты дал мне именно свою, а не чью-нибудь еще кровь? — недоумеваю я.

— Чем старше наша кровь, тем она сильнее, — охотно поясняет мужчина. — Так уж получилось, что среди всех стригоев, находящихся сегодня в палатке Фарнезина, именно я самый старый по человеческим меркам, ибо мой возраст составляет почти двести пятьдесят

лет. Моя кровь вернула тебя к жизни, теперь мы с тобой связаны на века.

— Мы... — задумчиво повторяю я, пробуя на вкус это непривычное слово, — мы!

Он довольно кивает.

— Меня зовут шевалье Тристан де Вильфор, — представляется он и, отпустив меня, чуть отступает назад, склоняясь в галантном поклоне. — Я родился во Франции в 1764 году.

— А я так и не вспомнила свое имя! — жалобно вздыхаю я. — Кем же я являюсь?

— Ты... — Он мечтательно склоняет голову набок, лаская меня взглядом. — Я уже готов поверить в то, что ты не человек и не стригойка, а моя обретшая плоть греза, кою я ждал так много лет.

Но я лишь конфузливо прикрываюсь ладонью, смущенная его комплиментами, и звонко смеюсь...

«Она! Это точно она! — мысленно твердил Тристан, восторженно пожирая глазами весь облик удивительной девушки и стремясь запомнить его до последней мелочи, до черточки, до веснушки на щеке. — Высокая, стройная, прекрасная, словно роза. Ее блестящие волосы острижены так коротко, что видно, какой совершенной формы у нее голова и какая длинная шея. Чтобы носить такую прическу, — подумал он, — нужно быть очень смелой и уверенной в себе!»

— Но я не помню своего имени! — настойчиво напоминаю я. — Наверное, моя репутация запятнана чем-то весьма нехорошим, раз уж оно настолько непрочно хранилось у меня в памяти...

— Ничего подобного, сестренка. — Дверь бесшумно приоткрывается, и на пороге комнаты появляется высокая, стройная черноволосая девушка, очень похожая на меня. Она делает несколько решительных шагов и торопливо заключает меня в свои пылкие объятия. Несколько секунд я молчу, уткнувшись лицом в ее плечо и чувствуя слезы облегчения, которые струятся из моих глаз и обильно смачивают оборку роскошного платья моей сестры. — Ну почему ты плачешь, родная? — Брюнетка обеспокоенно гладит меня по затылку, вытирает мои щеки и широко улыбается. — Успокойся, ведь все худшее уже позади!

— Это от радости! — искренне поясняю я, ибо вспоминаю — это ее заботливый голос обещал спасение, это ее озабоченное лицо склонялось над скорбным ложем, вырывая мои душу и плоть из беспощадных объятий боли. Это она — самая близкая и родная, моя сестра!

— Меня зовут Андреа! — тактично напоминает сестра. — Мы обе принадлежим к славному роду дель-Васто, маркизов де Салуццо. Я старшая в нашей семье — повелительница стригоев, ты младшая — наш лучший боец...

— И меня зовут? — жадно вопрошаю я.

— Санта Инферно!¹⁸ — торжественно провозглашает Андреа. — Ты — наше сокровище, самая стойкая и непобедимая воительница народа стригоев!

— Санта, значит, — смущенно кашляет Тристан. — Ага, точно, мы все так тебя и называем!

Я чутко прислушивалась к своему внутреннему голосу, отчего-то напрочь отказывающемуся принимать мое имя. Санта? Странно... Вроде бы, хоть я точно и не уверена, раньше меня звали как-то иначе? Или нет? Увы, но я не помню.

— Дорогая! — Андреа мягко, но настойчиво потянула меня за руку, подвела к глубокому креслу и заставила опуститься на его удобные подушки. Затем она властно сжала пальцами мои виски, вынуждая меня смотреть ей прямо в глаза. — Ты в чем-то сомневаешься? — В центре зрачков повелительницы стригоев стремительно закручивались кровавые протуберанцы, увлекая меня в омут бездумного подчинения. В моем мозгу звучал ее настойчивый голос, выпевая на манер заклинания: «Ты — моя, а я — твоя. Наш путь неразделим. Помни об этом, помни всегда!» Я ответно улыбнулась и точно так же

¹⁸ Адская святая.

прикоснулась к вискам сестры, отвечая готовностью без колебания служить своему народу и повиноваться ей, моей госпоже. Андреа удовлетворенно вздохнула, уголки ее нежных губ ликующе приподнялись так, словно она праздновала некую великую, понятную лишь одной ей победу.

Тристан внимательно наблюдал за манипуляциями синьорины дель-Васто, сидя напротив нас, а пальцы его сложенных на коленях рук непроизвольно подергивались, выдавая обуревавшие мужчину чувства. Кажется, он злился! Но почему? Этого я не знала.

— Замечательно, а теперь побеседуем, — негромко произнесла Андреа, непринужденно поднимаясь, подбирая свои пышные юбки и располагаясь на невысоком диване. Ее царственная осанка сразу давала понять — кто есть кто, не разрешая забывать: мы все являемся ее подданными, и наш удел — безропотно слушаться свою повелительницу. Впрочем, я и не возражала — ведь она спасла меня от смерти; Тристан, кажется, тоже, ну хотя бы внешне он сохранял безупречно невозмутимый вид. Вот только эти его предательские пальцы...

— Санта, — позвала сестра, отвлекая меня от интересного психоанализа, — милая моя, расскажи нам, пожалуйста, что ты помнишь из своей прошлой жизни?

— Немного! — я растерянно пожала плечами. — Я смутно помню каменный гроб, свои бесконечные мучения и ускользающую от меня суть происходящего, а потом появилась ты и спасла меня от одиночества, ужаса и мрака. Я так благодарна тебе, сестрица! Я люблю тебя больше всех на свете и никогда не предаю. Скажи, чем я могу отплатить тебе за твою доброту и ласку?

Андреа немного покраснела, ничуть не скрывая счастливой улыбки, появившейся у нее на губах. В тишине постепенно погружающейся в сумрак комнаты я неожиданно услышала, как внезапно щелкнули суставы пальцев Тристана, настолько сильно он их сжал. Да что же это с ним такое происходит?

— Твои раны оказались настолько чудовищны, что привели к тотальной амнезии, — печальным голосом констатировала Андреа. — Позволь, я коротко поведаю тебе хронологию минувших событий.

Я обрадованно кивнула.

— Итак, — спокойно начала повелительница, тщательно подбирая нужные слова, — этот мир принадлежит людям. Многие сотни лет назад они узнали о появлении детей Темного Отца, называвшихся стригоями, и сразу начали нас преследовать. Почему? — предвосхитила она мой невысказанный вопрос. — Люди — хищники, ибо убивают животных и питаются их мясом. Мы же, в свою очередь, пьем человеческую кровь и за счет этого поддерживаем бессмертие, дарованное нам нашим создателем. Мы почти всесильны, но помни: полчаса на закате и рассвете, связанные с восходом и заходом солнца, смертельно опасны для всех вас, кроме меня. Люди поклоняются своему Богу — Иисусу Христу, — было заметно, какие неприятные ощущения причиняет ей это имя, — а мы — Люциферу, Темному Отцу и властелину, некогда свергнутому с неба. О, именно он должен был править всем и всеми, но Иисус обманом завладел властью, а Люцифера изгнал в ад. И тогда наш Отец создал нас, стригоев, призванных восстановить справедливость и спасти поруганного падшего ангела. С тем пор мы ждали подходящего момента и медленно копили силы. Как ни старались люди, они не смогли полностью истребить наш род, и тогда им пришлось заключить с нами Соглашение о перемирии, соблюдавшееся целых двести лет. Но недавно, четыре года назад, один из преданных не Иисусу, а нам людей сумел прочитать «Евангелие от Сатаны», украденное у нас и скрытое в подвалах Ватикана, пророчащее появление девы-воительницы, способной найти ключи от ада и рая и призвать в земной мир главного эмиссара бездны — демона Себастиана. И тогда сам Люцифер сможет покинуть ад, а на земле наступит его царствие.

Затаив дыхание, мы с Тристаном восхищенно внимали повествованию нашей повелительницы...

— Ты уже нашла Грааль — первый ключ от рая и ада, а у меня имеются еще два —

Атонор и хрустальный Анх. Но наши враги захватили тебя и заточили в каменный гроб.

К счастью, ты куда-то успела спрятать Чашу человеческого бога. Тебе противостояли приспешники Иисуса: предавший нас оборотень Конрад, фанатик Симон де Монфор и три ангела. Крылатых мы захватили — они заточены в темнице этого палаццо и никогда уж не выйдут из нее на волю, а вервольф перешел на сторону людей и сражается теперь против нас...

Конрад! Это благозвучное имя немедленно аукнулось в моей душе, вызвав целый шквал противоречивых эмоций. Конрад... Я вспомнила: он нанес мне оскорбление и причинил ужасную боль, он использовал меня для насыщения своей похоти, а потом обманул и бросил. Именно из-за него я и очутилась в том каменном склепе, до сих пор пугающем меня до дрожи. О, это чудовище, эта тварь, этот Конрад! Клянусь, я найду его и убью!»

— Да, ты не ошибаешься! — поддакнула Андреа, внимательно наблюдавшая за моим лицом и догадавшаяся о том, что я сейчас испытываю. — Именно он лишил тебя защиты Темного Отца и сделал уязвимой для божьих приспешников. Он — причина и источник всех твоих бед, милая сестра!

Я гневно заскрежетала клыками.

— Приказывай, повелительница! Научи меня, как правильно отомстить нашим врагам, как разбить их войско и призвать демона Себастиана.

— Умница! — восторженно мурлыкнула Андреа. — Какая же ты умница, сестричка! Ты должна вспомнить, куда спрятала Грааль, и тогда мы устроим людям такой апокалипсис, что мало не покажется! — Она откинулась на спинку дивана и зловеще расхохоталась. — Убей Конрада, убей всех, кто встанет у тебя на пути! Убей их ради меня и во славу Темного Отца!

Я торжественно положила руку на грудь и склонила голову перед своей повелительницей, будто давала обет послушания и стойкости:

— Клянусь в точности исполнить твой приказ!

Тристан загнанно смотрел на нас расширенными глазами и трагически молчал. Что его беспокоило? Этого я не знала.

— Замечательно! — Андреа нежно погладила меня по волосам, принимая мой зарок, а потом сняла со своих плеч черный шелковый платок и повязала им мою голову, словно она была дамой моего сердца, а я — ее верным рыцарем. — Признаюсь, я и не сомневалась в твой преданности нашим интересам, дорогая! — одобрительно улыбнулась она. — Ты вспомнила, куда спрятала Грааль?

— Нет! — Я отчаянно пыталась вспомнить, но бездонный провал, поглотивший все мои мысли, никак не желал затягиваться. — Пока нет!

— Ничего страшного, — утешила меня сестра, обнимая и целуя. — Твои силы восстановятся, а память прояснится. Пойдемте со мной, шевалье. — Она командно взмахнула рукой, приглашая Тристана следовать за собой. — Моя сестра еще слаба, ей требуется отдых. Завтра мы соберем большой совет и обсудим план наших дальнейших действий. А пока, — она жестом указала на кровать и на стол, сервированный для легкого ужина на одну персону, — ни о чем не беспокойся, дорогая, ибо ты — дома! — Андреа изящно вдела свою руку под локоть де Вильфора и повела его прочь из комнаты. — До завтра, Санта.

Дверь за ними закрылась.

Я неподвижно сидела в кресле, размышляя и наблюдая за игрой язычков пламени, бьющихся в мраморных недрах большого камина. Судьба похожа на зажженную свечу, на огонь, ведь она то вспыхивает событиями, то снова немного притухает, испытывая недостаток в топливе. Если не хочешь стать робкими углями, жалким огарком, мертвой золой — беспрестанно подпитывай свою судьбу, подбрасывая ей ежедневные поступки, свершения, замыслы. Возможно, ты перестараться и истощишься, сгорев до срока, но при этом вспыхнешь столь ярко, что от устроенного тобой пожара отделяться летучие искры,

способные воспламенить многих находящихся рядом с тобой людей, но пока еще не осмеливающихся стать самостоятельным огнем. Дерзны — и зарево твоего огня осветит весь мир, а рожденное тобой тепло согреет твоих любимых. А после такого не страшно и потухнуть, довольствуясь осознанием, что ты пылал не зря...

На столе я обнаружила вазу с желтыми грушами, блюдо с жареной курицей, графин с вином и высокий хрустальный бокал, наполненный алой, еще теплой кровью.

«Человеческая! — поняла я, заинтригованно прихлебывая непривычный напиток. — Ум-м-м, как вкусно!» — На языке будто расцвел экзотический, прежде невиданный мною цветок, даря наслаждение всем органам сразу. Я смаковала солоновато-сладковатый вкус, упивалась запахом, схожим с ароматом морской воды, и буквально купалась в невероятном приливе энергии, доселе мне неведомом. Так вот что такое кровь, так вот что значит быть стригоем... О да, Тристан прав, лучшей доли и пожелать невозможно!

Опустошив бокал, я поняла, что с непривычки выпила слишком большую порцию крови и теперь изнемогаю под бременем сытой сонливости. Мои веки отяжелели и смыкались сами собой. Скромность не позволила мне принять помощь слуг, поэтому я разделась сама, пьяно покачиваясь и зевая. Мне отвели огромные покои, в самом центре которых возвышалось монументальное ложе с балдахин, напоминающее катафалк. На заплетаящихся ногах я взобралась по его ступеням, сложила свои клинки в изголовье кровати, невольно подметив, как обыденно берусь за их рукояти, как привычно вынимаю из ножен. Все это могло свидетельствовать лишь об одном: моя сестра не врала — в прошлом я и правда была воином, предельно сросшимся со своим оружием и да автоматизма отточившим привитые в бою рефлекс. И да, разве я хоть немного усомнилась в словах своей любимой повелительницы? Нет, ничуть!

Уже опустив голову на подушку, я мысленно ахнула, поймав себя на внезапно пришедшем озарении! Интересно, почему имя Иисус не вызывает у меня такого же отторжения, как у Андреа и Тристана? Почему в моем мозгу всплывают какие-то нехарактерные для стригоев определения и термины, явно связанные с поклонением не Темному Отцу, а человеческому Богу? Почему я не воспринимаю его как своего врага? А ведь должна же, должна!.. Черт, похоже, первое, что мне следует сделать, так это разобраться в своей жизни: минувшей, настоящей, будущей. Понять, чего или кого во мне больше — человека или стригоя? Почему я не умерла, ради какой цели я выжила? Мне придется узнать, кто на самом деле виноват в возникшем противостоянии, кто есть добро, а кто — зло... А еще я хочу — о, как же я хочу отомстить Конраду!

Я погрузилась в сон, и последние мои чаяния, надежды, мечты и колебания оформились в горячечные строки, существующие внутри меня, а также вне меня, помимо меня...

На что похожа жизнь людей?
Та, над которой мы смеемся.
Хотя нередко задаемся
Проблемой поиска идей,
Но — без решений остаемся.

Зачем приходим в этот мир
Ранимыми, но часто злыми,
К чужой беде глухонемыми,
А белоснежный божий клир
Пятнаем просьбами пустыми.

Зачем уныло дни влачим,
Чтоб ночи скоротать грехами,
Да лечь, укрывшись под крестами,

Забыв, что дух не излечим
Ни покаяньем, ни стихами.

Зачем детей на свет плодим,
Поправ исконную науку —
Мол, рождены они на муку,
Мы в их лице не победим
Ни лень, ни тупость и ни скуку.

Зачем иных людей гноим
Под спудом зависти и гнева,
В дома несем всю грязь из хлева,
Богам враждебным, не своим,
Слагаем гимны без припева.

А есть ли смысл в судьбе такой —
Безрадостной, суровой, страшной,
Где не поднять суглинок пашней,
Где верх мечтанья — лишь покой
От смерти глупой, бесшабашной?

Какой ты станешь, жизнь моя?
Ведь я, сквозь мерзости наносы
Пропев свой стих сладкоголосый,
Ворвусь в безбрежность бытия,
Найду ответ на все вопросы...

На улице висела серая, снежная хмарь, завистливо заглядывающая в окна теплого, залитого электрическим светом палаццо Фарнезина. Андреа дель-Васто — повелительница стригоев — уверенно стучала каблучками своих щегольских туфелек, переходя из холла в гостиную, из зимнего сада в столовую, продвигаясь все дальше и решительно увлекая за собой озадаченного, пребывающего в растерянности Тристана. Наконец она начальственно впихнула его в интимный полумрак своей личной опочивальни и, толкнув мужчину в грудь, почти уронила на огромное, застеленное меховым покрывалом ложе. Подбитый под колени краем этого сексодрома, сделанного из мореного дуба, слоновой кости и перламутра, де Вильфор неловко упал на спину, вдыхая запах ее духов — тяжелых, агрессивных, мускусных. Это запах затягивал и подчинял, впрочем, как и сама Андреа.

Тем временем повелительница ловко выдернула гребень, удерживающий ее прическу, и, встряхнув головой, рассыпала по плечам волну густых черных, будто вороново крыло, локонов, укрывших ее до пояса. Дернув за шнурок корсета, она сбросила на пол шуршащее платье и небрежно вышагнула из вороха дорогой материи, оставшись в одной лишь тонкой, полупрозрачной, ничего не скрывающей сорочке. Ее гибкое тело призывно просвечивало сквозь муслин, завораживая спелыми вишнями напряженных сосков и темным треугольником волос, виднеющимся внизу живота...

— Разве я не прекрасна? — требовательно спросила она, приближаясь к беспомощно распластанному на мехах Тристану и игриво проводя пальцем по его губам. — Разве я не желанна? — Каждый из ее точеных пальчиков завершала алая капля маникюра.

У загнанного в тупик де Вильфора немедленно пересохло во рту, ибо он понял недвусмысленный намек своей госпожи. Андреа смотрела на него таким красноречивым изголодавшимся взглядом, словно собиралась съесть или, по крайней мере, укусить.

— Уже долгих три года, с тех пор как погиб мой незабвенный Рауль, у меня не было мужчины! — кокетливо пожаловалась Андреа, пылко прикикая к Тристану и заискивающе

засматривая ему в глаза. — А ночи здесь так холодны, длинны и одиноки... О, на меня заглядываются многие достойные воины, — в ее голосе промелькнули кокетливые нотки, — могучий Мак-Наккер, неустрашимый командир моей охраны Жан Лагаскур, наш лучший разведчик Раньер, но ни один из них, слышишь, ни один, — ее ногти сладострастно впились в его плечи, причиняя боль даже сквозь рубашку, — не сравнится с тобой, мой Тристан...

— Но Элоиза, — попытался оправдаться де Вильфор, тщетно силясь стряхнуть прилипшую к нему, будто пиявка, девушку и взывая к ее благоразумию, — она же моя невеста...

— Ну и что? — непритворно изумилась Андреа, перекатываясь на спину и утягивая его за собой. Тристан принужденно завис над возбужденной стригойкой, всеми фибрами своего тела ощущая исходящее от нее желание. — Разве французы не пользуются заслуженной репутацией ветреников и ловеласов? — Она дразнила его пикантными голосовыми модуляциями, прижимаясь высокой грудью и призывно приоткрывая пухлые, сочные, алые губы. — Да и какое значение имеют притязания какой-то скромной горничной?

Тристан осуждающе нахмурился, отстраняясь и укоризненно качая головой:

— Госпожа, а вы хоть когда-нибудь учитываете интересы своих подданных? Зачем вы так жестоко обманули несчастную пленницу каменного гроба, рассказав ей совершенно лживую историю о ее миссии и целях стригоев? И кто она такая на самом деле?

— Она? Санта, моя сестра!

Тристан явственно слышал фальшь, звучащую в бархатистом голосе повелительницы.

— Не пытайтесь меня обмануть! — импульсивно воскликнул он. — До проведенного мною обряда эта девушка являлась человеком, а возможно, — он неуютно поежился, вспоминая светлое тепло, распространяющееся от его бессмертной пациентки, — даже ангелом!

— Серафимом! — невозмутимо поправила Андреа. — Но я не вру, она и вправду моя сестра. Раньше она звалась Селестиной и воспитывалась в некоем католическом монастыре, где стала экзорцисткой...

— Экзорцистка?! — ахнул потрясенный шевалье, ощущая, как у него голова идет кругом от невероятных откровений сегодняшнего вечера. — Самый злейший наш враг! Во имя нашего Отца, поведайте мне, какие неисповедимые пути судьбы смогли свести воедино серафима и вас — повелительницу стригоев?

— О, — будто упоминая о чем-то весьма незначительном, стригойка демонстративно вздохнула, изображая скуку, — это длинная и довольно печальная история. Она тебя утомит, давай поговорим о моем прошлом как-нибудь потом, в другой раз... Неважно, кем была Селестина, важно, кем она стала. Я решила сделать ее одной из нас, и сделала.

— Зачем? — настойчиво повторил Тристан.

— Зачем? — Андреа мстительно улыбнулась. — Я не устояла перед соблазном воспользоваться подвернувшейся возможностью и спустить мою сестрицу с небес на землю. Она всегда была до того разумной и высоконравственной, что мне с детства хотелось влить в нее бутылку коньяку и посмотреть, что из этого получится.

— Личная месть! — понял Тристан, а его красивое лицо исказила гадливая гримаса. «Ну почему женщины так вероломны?» — подумал он.

— Ты забываешь, милый мой! — сухо ответила Андреа, приподнимаясь на локте и глядя на мужчину иронично прищуренными глазами. — У нее просто нет выбора. Санта может встать на нашу сторону, или... — Стригойка мстительно рассмеялась: — Нет, никаких или!.. Санта должна считать себя моей сестрой и найти Грааль, попутно истребив всех наших врагов. Зачем ей знать горькую правду, коли от нее нет никакого прока? К тому же покажи мне кого-нибудь, кто всегда говорит только правду, и я покажу тебе того, кого все ненавидят... Как ни вульгарно это прозвучит, но я, пусть и косвенно, но все-таки желаю ей добра!

— Я знал, что вы умны и расчетливы, — негодуя парировал Тристан, еще больше отодвигаясь от своей повелительницы, — но, увы, не догадывался о том, как вы

бессердечны! Вас никогда совесть не мучает?

— Совесть? — небрежно отмахнулась девушка. — Да она же просто фикция, которую придумали злые люди для того, чтобы эта гадкая штука не давала спокойно жить добрым! А я живу по своим правилам, не принимая во внимание нормы человеческой морали.

— Если мы всегда станем поступать так, что совести не за что будет нас грызть, то когда-нибудь она просто умрет с голоду! — вполголоса пробормотал Тристан, обращаясь сам к себе, но Андреа расслышала его печальную сентенцию и глумливо расхохоталась.

— Ну и пусть умирает! — равнодушно заявила она. — Уж по ней-то я точно траура не объявлю.

— Он был прав. — Тристан печально вздохнул, словно беседовал с невидимым оппонентом, — мы не способны видеть истину, не умеем прощать, а значит, у нас нет будущего.

— Кто это — он? — с интересом спросила Андреа, пытаясь подавить недовольное рычание, рвущееся у нее из горла. — Дорогой, уверяю тебя, всю эту спорную философию можно отложить на потом, на утро. А сейчас, — она эротично облизнула губы, показав раздвоенный как у змеи язык, — вернись в мою постель...

— Вы недальновидны, — с сожалением признал мужчина, — вы не стратег. Вы даже не хотите знать, какие новости я вам привез. А ведь ради этой информации я убил одного очень хорошего человека.

— С каких это пор люди стали для нас хорошими? — Ее долго сдерживаемый гнев выплеснулся наружу и сейчас грозил затопить все вокруг. — Ты ведешь себя не как стригой!..

— Не проявляю жестокости и похоти? — Тристан отважно усмехнулся ей в лицо. — Не пресмыкаюсь перед вами? Но вы же всего лишь глупая женщина, да к тому же еще тиран и деспот, ведущий наш народ к поражению и гибели!

— Что? — Андреа широко распахнула свои прекрасные синие глаза и звонко расхохоталась. — Как же ты наивен! Уверяю тебя — ты ошибаешься. Сейчас я докажу, что умею быть нежной и любящей...

— На вашей стороне власть и сила! — с горечью бросил он. — Но как вы сможете вынудить меня полюбить вас? Любовь не признает приказов...

— Уверен? — Андреа язвительно хмыкнула, сдабривая свой вопрос самой бессовестной на свете улыбкой. — У меня есть ум — инструмент для правильного применения силы. Но сейчас я прошу в последний раз — полюби меня добровольно.

— Нет! — Тристан галантно поцеловал ее пальцы, а затем встал с кровати и поклонился. — Утверждают, будто для того, чтобы заняться любовью, женщине нужна причина, а мужчине — место. Но я протестую, ибо это не так! Признаюсь, я не люблю свою невесту, но не желаю играть роль вашей игрушки для постельных утех. Я мужчина, и у меня есть чувство собственного достоинства. А вы же, госпожа моя, бесспорно умеете внушать страх, уважение, даже благоговение, но никак не страсть или любовь. Спокойной ночи! — Он вежливо поклонился еще раз, а потом, мягко отступив к выходу из спальни, взялся за дверную ручку и уже потянул на себя изукрашенную резьбой створку, намереваясь уйти...

Гневно сузившимися глазами Андреа следила за его высокой стройной фигурой, за изящной поступью длинных ног, за мускулами, перекатывающимися под шелковой белой рубашкой. Она еще сомневалась, нужен ли ей этот строптивый красавец? Он ни капельки не похож на ручного, поддающегося дрессировке самца, способного безропотно смириться с навязанной ему ролью. А если он взбунтуется и причинит ей лишние хлопоты? Увы, женщины не всегда понимают, чего хотят от мужчины, но всегда хотят этого по полной программе. Тристан так непредсказуем, так ненадежен и опасен, но притом вызывающе хорош — почти ангельски хорош! Нет, решено: она его не отпустит! Как смеет он, мужчина, противиться чувствам своей госпожи?

— Стой! — решительно приказала она, мобилизуя все свои магические способности и вкладывая их в это емкое, хлесткое слово. — Иди сюда, ко мне! — Андреа понимала: самый

лучший для женщины способ успокоиться — это взять себя в крепкие мужские руки...

Зрочки Тристана затуманились. Он пробовал не подчиниться, но ноги сами против воли понесли его обратно к ложу, а его собственные руки принялись торопливо снимать имеющуюся на нем одежду, повинувшись огненному взгляду всемогущей госпожи.

— Люби меня! — приказала Андреа, принимая соблазнительную позу. — Люби страстно и самозабвенно!

И, будучи не в силах противостоять воздействию ее магии, он любил...

Тристан почти не запомнил подробностей этой бурной ночи. Он двигался, будто находящаяся в полусне сомнамбула, попавшая в плен темных чар. Андреа в полной мере применила всю власть, дарованную ей Темным Отцом, направив ее на удовлетворение своей прихоти. Его губы распухли и болели, истерзанные подневольными поцелуями. Их влажные от испарины тела неоднократно соединялись в единое целое, причудливо сплетаясь на смятых простынях, сливаясь в безудержном порыве ее страсти. Его спину перечеркнули десятки глубоких царапин, а на горле зияли ранки от укусов, ибо, поддавшись безумному порыву, она пила его кровь. Но, ощущая себя униженным, истерзанным и использованным, Тристан не смог отделаться от некоего чудного видения, волшебным сном присутствующего в его распаленном магией уме. И в этой сладкой грезе ему явилась совсем другая девушка, отнюдь не та, которую он нынче держал в своих объятиях, а иная, отличающаяся от Андреа, будто свет от тьмы, — тоненькая, зеленоглазая и рыжеволосая, по-мальчишечьи коротко остриженная, но такая женственная, такая преданная и чистая, что если бы Тристан еще верил в человеческого Бога, то назвал бы свое видение ангелом. Она врачевала его израненную насилием душу и вселяла непоколебимую веру в лучшую долю. Она стала для Тристана идеалом недостижимой нравственной чистоты и квинтэссенцией взаимной плотской любви. Почти желая умереть, оплеванный, изнасилованный и частично сломленный, он понимал, что единственным, кто удерживает его в этом несовершенном мире, остается лишь она. Он создал ее заново, воскресил, поднял из пепла и дал ей вторую возможность изменить свою судьбу. А поэтому в благодарность за свое спасение она просто обязана изменить участь своего создателя, спасти его попорченную, изломанную гордость, исцелить его душу, напоить тело из источника своей чистоты. Она — его последняя надежда! И зовут ее Санта! Санта Инферно...

Утром Андреа ушла из спальни рано, едва лишь миновал рассвет, высокомерно оставляя наконец-то пришедшего в себя Тристана, сгорающего от стыда и бессильной ярости. Спрашивается, что мог он противопоставить магической мощи своей повелительницы, он — игрушка, приневоленный любовник, раб для утех? Завернувшись в лохмотья изорванной рубашки, де Вильфор отстраненно смотрел в окно, опершись лбом о холодную пластиковую раму, немного остужающую его непривычно горячий лоб. О, как мечтал он очутиться сейчас там, вон за той затянутой колючей проволокой линией ограждений, подставляя освященным пулям врага свое тело, столь позорно предавшее своего хозяина. Он — дворянин, аристократ — стал утехой для развратной женщины, нимало не интересующейся его душевными переживаниями, но возжелавшей его плоть. Кто он теперь? Не человек, но и не стригой тоже — бесправное ничто или никто, утратившее право уважать себя как личность! И в этот самый миг он снова вспомнил слова отца Мареше и мучительно пожалел о том, что утратил возможность жить в нормальном мире и называться человеком. Вечность неизбежно стирает мелочность скоротечного земного бытия, обостряя то, что нетленно: достоинство, взаимное уважение, честь. А минувшей ночью его лишили и этого последнего достояния. Да лучше бы он умер!

Хотя нет, он не прав — ведь у него еще осталась любовь, а вернее попытка, шанс ее обретения. И посему, прижавшись щекой к гладкому оконному стеклу, он беззвучно повторял имя, значившее для него теперь больше, чем спасение души, зубрил свою новую молитву, слагал спасительное заклинание: «Санта, Санта!» А произносимые им слова сливались в строки, становясь песней:

Слышишь — сердце реже бьется,
Замирая от стыда.
Не навек любовь дается,
А всего лишь на года.

Видишь — снегом небо сеет,
Заметая города.
Сердце все прощать умеет,
Но, увы, не навсегда.

Чуешь, жизнь стянулась в точку —
Откровение небес.
Уложи всю мудрость в строчку,
Хочешь — с рифмой, хочешь — без.

Посмотри, не стало света —
Мир скатился в темноту,
Нынче мы лишь для ответа
Вновь шагаем за черту.

Кроме нас, никто не сможет
Не обжечься об огонь,
Если совесть сердце гложет —
Не гони ее, не тронь.

Если больно, то не бойся,
Если ранят, не беги,
О любимом беспокойся —
А себя не береги.

Но запомни: не дается
Нам потерянное вновь,
Ведь бессмертной остается
В мире лишь одна любовь.

Не цепляйся за мгновенья,
Отрекись от суеты,
Не считай сердец биенья,
Не срывай зазря цветы.

Слышишь — ветер хороводит.
Видишь — блики на крови.
Так оно к нам и приходит —
Обретение любви...

— Господин де Вильфор? — Дверь робко приоткрылась, и в спальню заглянуло заспанное лицо слуги. — Повелительница призывает вас на совет и шлет вам дары!

Иронично посмеиваясь над самим собой, Тристан надел поданные ему одежды, шикарные, сплошь расшитые жемчугами и изумрудами. Вот, значит, как, теперь она желает наряжать его и баловать дорогими подачками, словно угодившую собачонку, порадовавшую ее успешно выполненными командами: «Ко мне, Тристан! Лежать, Тристан! Стоять,

Тристан!» Вот, значит, как оно сложилось-то! Но нет, он не смирится и не позволит ей и дальше его унижать...

Де Вильфор гордо шагал по коридору, надменно поглядывая на раболепно жмущихся к стенам и вопросительно поглядывающих на него стригоев. А впереди него катилась весть, передаваемая из уст в уста и предваряющая появление Тристана: «Вот идет ее новый фаворит!»

Тристан мучительно напрягал память, вдруг вспомнив произвольно перепутанные обрывки туманных подробностей своего далекого детства, доселе старательно им игнорируемые. В них присутствовало что-то страшное, тайное, могучее — некая дремавшая до поры до времени сила, способная изменить многое как в судьбе самого стригоя, так и в будущем всего мира. Просто, как и Санта, он тоже должен вспомнить, осознать и принять то, что предлагает ему равнодушный фатум, справедливо воздающий по заслугам каждому из нас.

«Ничего! — думал де Вильфор, конвульсивно сжимая клыки и выдавливая приветливую улыбку. — Ничего, я вытерплю все, и даже это. Я притворюсь покорным, затаюсь до нужного момента, скрою свою ненависть к ней, растоптавшей мою гордость, поправшей мою готовность называться ее другом и соратником. Ты еще пожалеешь о том, как обошлась со мной, повелительница! Да, ты оказался прав, мой мертвый враг, прозорливый иезуит Мареше, ставший для меня пророком и наставником. Теперь я знаю: там, где правит любовь, нет желания властвовать, а там, где господствует власть, нет места для истинной любви. Власть — иллюзия, ибо она представляет собой всего лишь блеклую тень, суррогат, фальшивую имитацию настоящей любви. Мы никогда не бываем такими слабыми, такими открытыми для страданий, как в период обретения любви. Но при этом мы никогда не ощущаем себя настолько сильными, ибо, только полюбив по-настоящему, мы становимся людьми. Ты ошибся лишь в единственном выводе, отец Мареше, утверждая, будто у человека имеется в наличии только одно достояние, принадлежащее лишь ему, — смерть. Нет, у каждого человека есть две вещи, которые принадлежат только ему: смерть и любовь.

У человека, но никак не у стригоя.

Глава 9

Прожив не одну сотню лет, Конрад научился понимать главное: вся наша повседневность базируется отнюдь не на сухой академической логике, а на произвольном стечении обстоятельств, на многочисленных совпадениях, случайностях и приметах. Порой откровенно глупых, а иногда и того хлеще — смешных до абсурда. Недаром же говорится: «Человек предполагает, а Бог располагает». Вот и получается, что мы не являемся полноценными хозяевами своих судеб, а зачастую просто слепо следуем по пути высшего предначертания, определившего наш жизненный путь еще задолго до момента рождения хрупких физических оболочек. Душа не умирает — оный постулат вервольф никогда не подвергал ни малейшему остракизму, — она просто переходит из формы в форму, из тела в тело. И возможно, уровень каждой ее последующей реинкарнации определяется теми действиями, кои она содеяла, пребывая в своей предыдущей ипостаси. Возраст же человека — духовный, а не физический — измеряется не годами, а совершенными им поступками. Поэтому в каком-то смысле Конрад все еще оставался ребенком — капризным, непредсказуемым и склонным к импровизациям. Впрочем, таким же, как и все мы.

Итак, проснувшись на заметном сугробах кладбище этрусков, оборотень несколько мгновений пытался собрать воедино свои разрозненные мысли и воспоминания, изрядно смахивающие на ядреный похмельный бред. Спустя минут десять, умывшись пригоршней снега и придя в себя, Конрад вспомнил все, осознал масштабность поставленных перед ним целей и приуныл. Он был готов незамедлительно отправиться куда угодно, хоть в ад, хоть в рай, хоть к черту на кулички; добыть все сокровища мира, включая ключи и кресты, даже

ввязаться в борьбу за артефакты «Божьего Завета», но убить Селестину... Нет, на такое он явно не способен. Как мог он дать столь безумное обещание? Да лучше бы он умер! А еще эта малоубедительная история с обещанным третьим эраией, якобы должным произнести роковой пароль «завет» — она и вообще ни в какие ворота не лезет. Может, у братьев архангелов мозги немного того-с, ну набекрень сместились или шифер поехал? Во всяком случае, уж кто-кто, а милашка Уриэль никогда не внушал Конраду особого доверия, производя впечатление крайне ненадежного персонажа. Да и как прикажете верить тому, кто в ответ на реплику: «Водка — яд, знание — сила, а женщины — слабость», — корчит умное лицо и пафосно изрекает: «То-то погляжу, как приму яду, то меня сразу же так слабит, что никакая сила не помогает!..» Да такому прохиндею однозначно верить нельзя, это уже без вариантов!

Идей не было. Нет, не то чтобы каких-то определенных, а вообще никаких. В голове плескался вялый кисель, образовавшийся из разжиженных непосильным ментальным напряжением мозгов. Выше, над головой, тоскливо выл ветер, пытаюсь сбить с ног и прижать к заснеженному асфальту. Атмосфера давно уже сошла с ума, вытворяя то, что ей заблагорассудится. Вервольф бездумно шатался по городу, вяло оглядываясь по сторонам и абсолютно не соображая, куда идет. В переулке валялся высохший и смерзшийся мужской труп. На нем красовался почти чистый костюм-тройка, и это аккуратное одеяние совершенно не вязалось с синюшным лицом в ссадинах. Похоже, покойника выбросили из окна ближайшего дома, и он лежал здесь уже несколько дней. Редкие прохожие равнодушно обтекали труп стороной, бросая мимолетные взгляды, ибо вид смерти стал привычным и не удивлял никого.

Безучастно обойдя щеголеватого мертвеца, Конрад бесцельно затопал по пустынной мостовой, мысленно прикидывая шанс набрести на искомого эраию и угорая над собственной наивностью. Ага, так прямо у нас ангелы смерти на дороге пачками и валяются, по примеру мертвецов — только подбирай да коллекционируй. Короче, насвистели ему треклятые братцы-тунейдцы крылатые в наивно развешанные уши про нужную встречу с третьим воином Господа, как пить дать насвистели. Окончательно разочаровавшись во всем мире и в первую очередь в самом себе, Конрад невольно начал вспоминать все известные ему приметы, пытаюсь хоть как-то подогнать их под сложившуюся ситуацию. И надо признать, вспомнил он немало.

— Рассыпалась соль — к ссоре, — задумчиво бубнил рыцарь, полностью отключившись от окружающей действительности. — Рассыпался сахар, хм-м-м, по аналогии — к миру, значит. Рассыпался кокаин — к феерическим ощущениям и фантасмагорическим видениям, это стопроцентно, ибо пробовали, знаем. Упала вилка — какая-то тля незваная в гости придет. Упала ложка — хм-м-м, скорее всего у кого-то руки из задницы растут. Упал член — все, никто никуда не спешит, туши свет, суши весла. Упало мыло — хм-м-м, лучше бы упало все остальное, точно жди неприятностей. Ласточки низко летают — будет дождь. Коровы низко летают — рассыпался кокаин. Треснуло зеркало — к беде. Треснула резинка от трусов — к большому стыду, ну или к маленькому, это уж кому что Бог дал. Треснул презерватив — лучше бы треснуло зеркало. Чешется нос — к пьянке. Чешется в паху — к доктору. Чешется задница — к приключениям... Черт, почему это у меня все к нижним полушариям головного мозга сводится-то, а?..

И в этот самый момент он вдруг чуть не столкнулся с высоким, дородным мужиком, не менее уныло, чем Конрад, ковыляющим по улице навстречу вервольфу с увесистой полупустой бутылкой вина в огромной лапище. Едва успев уклониться от оной пьяно покачивающейся туши, похмельный, а посему не шибко расторопный и миролюбивый сейчас фон Майер стремительно прошел мимо незнакомого чудака, едва не задев его. Пьяный придурок не удержался на ногах и звучно шлепнулся на пятую точку, окатив Конрада щедрым ливнем, состоящим из осколков вдребезги разбившейся бутылки и остатков недопитого вина.

— Анафема! — комично-плачущим басом по-русски произнес здоровяк, наверняка

сожалея о зазря пропавшем вине; но пребывающий не в лучшем расположении духа вервольф тут же отнес его реплику на свой счет и чуть притормозил, наградив алкоголика презрительным взглядом.

— Свинья! — выразительно припечатал он на том же языке. — Пьяная свинья! — После чего развернулся на каблуках и стоически зашагал дальше.

— Помоги! — простонал незнакомец, неуклюже возясь на скользком льду и чувствуя острую боль в вывихнутой лодыжке. — Сходи за доктором...

— Еще чего, — небрежно бросил Конрад, следуя своей дорогой. — Свиньям доктора не положены!

— Ну тогда за вет... — жалобно продолжил чуть приподнявшийся неудачник и снова упал, на сей раз вниз носом, не успев закончить начатую фразу.

Услышав его слова, перешедшие в нечленораздельную ругань, фон Майер неожиданно замер, будто вкопанный, а затем повернулся к странному мужчине, изрядно напугав того своими выпученными глазами и потрясенно отвисшей нижней челюстью.

— А ну-ка, повтори! — ультимативно потребовал он хриплым от возбуждения голосом.

— Если я свинья, то хоть за вет... — послушно повторил приподнявшийся на одно колено прохожий, но опять поскользнулся и очутился на стылой земле. Почему-то ему никак не давалась эта простая фраза. — Тьфу, прости господи, за ветеринаром тогда сходи!

Конрад вдруг бурно расхохотался, а затем подхватил незнакомца под мышки и сжал в своих железных объятиях. Он его все-таки встретил, того самого третьего эрайю. Да и с таким трудом вспоминаемые им приметы все ж таки не подвели,годились! Нещадно тормошимый Конрадом эрайя расслабленно подчинялся, позволяя трясти и тискать свое вялое от вина тела, похоже сочтя встреченного им мужчину буйно помешанным безумцем. Впрочем, чему тут удивляться? Да, пожалуй, нечему, ведь в столь сумбурное время, как нынешнее, все нормальные люди сидят по домам, на улицу не высовываются, и приключений на свои головы, а вернее на задницы, не ищут.

— Ты где это зело борзо в русском поднаторел, чадо мое? — пораженно осведомился отец Григорий, вырываясь из крепких объятий нахального незнакомца. — На нашего, чай, ликом-то не шибко похож...

— Да вот довелось как-то у вас в России погостить, до сих пор забыть не могу, — скрытно улыбнулся Конрад, наклонился, ощупал травмированную ногу пожилого здоровяка, а затем с натугой подпер его плечом и беспощадно дернул за лодыжку. Иерей Агеев басовито взревел, будто поднятый из берлоги медведь, а затем с облегчением вздохнул и уверенно наступил на искусно вправленную конечность.

— Надо же, — ребячливо обрадовался он, — и не болит уже совсем, анафема такая!

— Ох и здоров же ты, мужик. — Самопровозглашенный лекарь шумно перевел дух и насмешливо пихнул своего пациента кулаком в пузо. — Поди, никак не меньше двух центнеров весишь?

— Обижаешь, чадо, два с гаком! — важно приосанился иерей. — К тому же у меня дома признают только один показатель здоровья: можно пить и нельзя пить!

— Самое большое заблуждение человечества состоит в том, что Россию считают пьющей страной, — с делано серьезным видом сообщил оборотень. — На самом деле это не так, ибо по последним данным Россия за год выпивает гораздо меньше, чем те же Америка, Германия, Австралия, Канада и Китай... — тут он выдержал эффектную паузу, — вместе взятые!

— Ну да, не просто пьющие мы, — согласно прогудел иерей, — а сильно пьющие! Зато честные и толерантные!

Конрад лукаво подмигнул и протянул священнику свою широкую, приветливо раскрытую ладонь:

— Вот даже как? Ну тогда будем знакомы, отче. Я — рыцарь Конрад фон Майер, вервольф и, милостью Божьей, эрайя — ангел смерти! Родился в 1286 году от Рождества

Христова в Лотарингии, затем стал монахом-тамплиером, чудом избег пленения и с тех пор скитаюсь по земле никому не нужный и всеми презираемый.

— Ишь ты, рыцарь он, значит! — иерей окинул заинтересованным взглядом статную фигуру Конрада и одобрительно крикнул. — В Тампльской башне, значит, жил. Видывал знаменитые крепости Средневековья...

— И даже пробовал! — шально ухмыльнулся оборотень. — Красное бургундское вино, белое — шампанское...

— Вервольф? — Иерей скептически поскреб свою седую гриву. — Волкодлак по-нашему. А ты, чадо, часом, не родней ли приходишься тем кровососам, которые по ночам нынче в Риме шастать повадились?

— Нет, — сконфуженно покраснел рыцарь. — Я кровь не люблю, только пиво...

— Пиво! — иерей скорбно вздохнул и почесал кончик своего сильно зудящего многозначительно красного носа. — Ить кто ж его не любит-то?! — Вопрос явно не нуждался в ответе, но поскольку выпивки не намечалось, то вера отца Григория в народные приметы сильно поколебалась. Тогда, не придумав ничего лучше, он пожал руку Конрада и в свою очередь представился:

— Агеев я, Григорий, по батюшке — Аристархович.

— По батюшке? — не понял рыцарь.

— Обычай у нас такой имеется, — пояснил иерей, печально отпिनывая в сторону бутылочные осколки. — Когда тебя по батюшке величают — это хорошо, а вот когда по матушке... — он снова крикнул и глухо кашлянул: — Выпить бы не мешало, рыцарь...

— Можно и выпить, — согласился Конрад, — только это ведь опять приключений искать на свои... — он иронично усмехнулся, — головы.

— В деле поиска приключений главную роль играет отнюдь не голова, — с пониманием подтвердил догадливый священник. — А с другой стороны, наши головы, много ли они стоят?

Скорее всего, оный вопрос тоже носил риторический характер, но вместо ответа Конрад ловко запустил пальцы в вырез причудливого одеяния отца Григория и вытянул скрытый под его рясой крест.

— Великий приор Карл де Молэ, привратник Белого братства, экзорцист и воин Господень! — легко перевел он и ошеломленно присвистнул. — Видимо, много стоят, ибо довелось мне как-то воочию видеть господина Карла, хороший он был человек. Значит, неспроста мы с тобой, отче, еще живы и здоровы...

— Вот еще что к кресту прилагается. — Отец Григорий продемонстрировал свой перстень. — Только где находятся те врата, которые я открыть должен, никому не ведомо...

— Если кто о них и знает что-то конкретное, то лишь Селестина! — убежденно произнес вервольф, показывая два хранимых им креста — нормальный и потемневший. — Трое нас, ангелов смерти: я, ты, отче, и девушка. Да вот, к несчастью, попала она в лапы стригоев...

— Дева-воительница? — озарено охнул иерей. — Это ее крест столь страшно помутился? Слушай, чадо, уж не о ней ли мне архангелы говорили?

— О ком же еще! — убежденно кивнул Конрад. — Не иначе, как о ней. А мне они слово назвали, по которому я тебя опознать должен.

— Свершилось! — благоговейно провозгласил отец Григорий, воздевая руки к серому небу. — Определилось наше предназначение, и, следовательно, настало время вступить в битву с адскими тварями и защитить земное царство Господа нашего.

— Легко сказать, вступить. — Конрад немного растерянно поправил ремень своего ружья. — А с чего начать, у кого совета спросить, если вокруг твари одни...

— Они не одни, — поморщился иерей, — их много. А уж коли мы в наставлении нуждаемся, то, значит, придется нам надежного наставника и пастыря искать...

— Точно, — мгновенно приободрившийся вервольф похвально похлопал Агеева по плечу, — соображаешь, отче! Есть у нас такой пастырь...

— Папа Бонифаций! — подхватил иерей. — Вот только как мы в его апартаменты проберемся, если они охраной окружены да забаррикадированы намертво?

— Проберемся, — уверенно пообещал Конрад, — наше дело правое, победа будет за нами. — Он залихватски присвистнул и бодро зашагал по улице, направляясь в сторону площади. — Крепись, отче, нас еще героями назовут!

— Лишь бы не посмертно, — негромко пробубнил отец Григорий, поспешая следом за резвым оборотнем. Но Конрад все-таки услышал эту фразу и мысленно с нею согласился, хотя никогда прежде не задумывался о возможности умереть. Ведь пусть он и не человек, однако тоже не бессмертен. На какое-то короткое мгновение в его душе поднялась липкая волна страха, быстро сметенная привычной насмешливой философией. Ибо жизнь, как ты ее ни обхаживай и ни задабривай, всегда остается настоящей стервой и поэтому, по принципу вредных баб, дается нам с превеликой неохотой и всего лишь единожды!

Каждому из нас знакома ситуация, когда жить по-старому уже невыносимо: когда ты готов ломать и крушить все привычное и устоявшееся, опасаясь, что оно утянет тебя в пучину бытового омута. Когда ты духовно уже предрасположен к тому, чтобы терять друзей и знакомых, лишь бы только не видеть и не слышать все то, из-за чего пришлось настолько круто поменять свои убеждения и принципы. Прошлое давит и душит, и вот тогда ты принимаешь решение сознательно все переиначить: поменять работу и переехать в другой город, предав отчее гнездо ради какой-то призрачной надежды, тогда ты готов лишиться места безопасной лежки и дислокации, чтобы свободно плыть по неизведанному фарватеру. Дни кажутся безысходными, а ночи темными, страшными и бесконечными, ибо ничто так не портит жизнь человека, как он сам: совершенные им ошибки и глупости, тяжкое осознание, что за все придется платить. О нет, не бойся, подобные периоды никогда не длятся слишком долго. Со временем все успокаивается, проблемы рассасываются, а плохое забывается, и в твоей жизни снова наступают штиль и благодать. Но не стоит расслабляться и забывать о том, что земля круглая, а история развивается по спирали. Обстоятельства порой складываются так, что приходится возвращаться назад, в собственное прошлое, и тут твой внутренний голос впадает в противоречие с самим собой и начинает раздвоено вопить, словно пара психов, перебивающих друг друга. Первый доказывает: «Все неудачи остались там, позади; они исправлены или искуплены, а сейчас в твоей жизни наступил виток обновления, и ты должен использовать его на всю катушку». Но второй пугает: «Куда ты прешь, простофиля, тебе все равно не дадут жить по-новому, тебя задавят старые проблемы (они же люди)». И посему, положи руку на сердце, хочется признать: мы слишком многое оставляем в прошлом — то, к чему нам не хочется возвращаться. Но, увы, боязнь того, что оно, это страшное прошлое, снова вернется, не дает людям жить спокойно, нависая подобно дамоклову мечу. Каждый день уподобляется последнему — предшествующему лютой казни. Умом мы понимаем: нужно жить реальным настоящим, не позволяя печальному прошлому портить наше светлое будущее. Но легко ли абстрагироваться от собственных страхов и очиститься от груза былых ошибок? И поэтому мы практически ежедневно стоим на перепутье у указательного камня, помеченного двумя надписями: «старые страхи» и «новые возможности» — и не знаем, как нам следует поступить...

Нынешняя ситуация, в которой очутился Конрад фон Майер, идеально попадала под определение «перепутье». Пару-тройку месяцев назад рыцарь почти уже успокоился, наивно полагая, что выбрал праведную стезю служения Господу, окончательно пришел к Богу, а его душа очистилась от низменных желаний. Его прежняя бурная жизнь с заказными убийствами ради денег, пьянками и прочими загулами бесповоротно осталась в прошлом. Он больше не погрязнет в случайных половых связях, ибо обрел истинную любовь, а его совесть уже не омрачится никакими проступками и последующими раскаяниями. И вот все его благие намерения разбились вдребезги. Совершенные ошибки настигли беглеца, уже считавшего себя недостижимым, и теперь властно зывали к его совести, глумясь над утерянной любовью, несбывшимися надеждами и нереализованными мечтами. Конрад осознал, как

сильно испортил он не только свое несчастное существование, но и жизнь любимой им девушки, насильно вырвав ее из царства света и погрузив в вечную тьму. Увы, Селестина перешла на сторону стригоев, и произошло это не само собой, а всецело по вине его, Конрада. Неумолимое прошлое нагнало вервольфа, принуждая убить не себя — преступника и грешника, а ее — чистую, доверчивую, ни в чем не повинную. Данная архангелам клятва сковывала его надежнее цепи, связывала крепче любой веревки. Конрад пообещал убить Селестину, а значит, это неотвратимо! Ничего уже не изменить, ведь невозможно взять назад неосторожно произнесенные слова или исправить содеянное тобой зло. Он должен ее убить! Но как тогда он сможет жить дальше, без нее, после нее? Без любви, после любви...

Большая часть дня уже миновала, прежде чем Конрад и отец Григорий сумели управиться со своими разговорами, а также преодолели внушительное расстояние, отделяющее их от площади перед собором Святого Петра. Стрелки наручного хронометра вервольфа показывали всего лишь четыре часа пополудни, а солнце уже начинало заметно клониться к закату, и, похоже, до наступления ночи оставалось совсем немного времени. Конрад изрядно сожалел о непродуктивно потраченном и относительно безопасном периоде суток, ибо зимние дни в Италии и без того коротки, а теперь, с наступлением Эры зла, они почти ничем не отличаются от сумерек, тая в себе огромное количество весьма неприятных сюрпризов. Быстрым шагом пересекая практически обезлюдившие улицы города, оборотень с тоской вспоминал, каким веселым местом был Рим еще совсем недавно, всего-то два-три года назад. А сегодня им повстречалось не более шести прохожих, испуганно шарахнувшихся при приближении странной парочки — высокого, сурово нахмуренного мужчины и дородного священника с гривой длинных, свободно ниспадающих на плечи полуседых волос. Несколько раз их останавливали до зубов вооруженные патрули папской гвардии и отпускали, удовлетворенные видом специального жетона, предъявляемого им Конрадом. Такие знаки выдавались лишь разведчикам, выходящим за переднюю линию обороны и добывающим ценные сведения, а потому никто не посмел задерживать бойца, очевидно возвращающегося с очередного секретного задания. Что же касается отца Григория, то сияющий на груди серебряный крест и благословляющие жесты, которые он щедро раздавал во все стороны, служили наилучшим пропуском и стопроцентным свидетельством его человеческой сущности.

— Хорошо в Риме ориентируешься? — деловито спросил размашисто шагающий оборотень.

Отец Григорий неуверенно пожал-плечами:

— Да не очень...

— А я вечно мотался из города в город, — доверительно сообщил Конрад. — Вернулся в Рим, а его не узнать... Деньги обесценились, продукты пропали. Ну тогда я и вступил в ряды последних защитников Ватикана...

— Месяцев семь назад вдруг дико подорожали продукты и алкоголь, проституток расплодилось море... — принялся рассказывать иерей. — Потом начался обмен: всё меняли на виски и наркотики. А проститутки исчезли, видимо, потому, что женщины и без того начали вести себя, это... — он осуждающе кашлянул, — излишне свободно. Но деньги еще ходили, в основном доллары.

— А как тебя в Рим занесло? — перебил вервольф.

— Пригласили, — гордо выпятил грудь иерей. — Да и посмотреть хотелось на здешние красоты. Я всегда мечтал в Ватикане побывать. Потом, конечно, захотел обратно домой попасть, но вдруг — раз, и не стало ничего уже: самолеты не летают, поезда не едут, машин нет.

— А ты как думал? — ухмыльнулся Конрад. — Привык, чтобы тебя возили на своем горбу?

— Так за деньги же! — немножко обиделся отец Григорий.

— Да на черта они теперь кому-то сдались, эти фуфловые деньги? — презрительно

расхохотался фон Майер. — Вот, смотри, у меня их полно, а поди купи на них что-нибудь дельное... — Он на ходу засунул руку в карман своей куртки и вынул пачку стодолларовых купюр. Разорвал стягивающую их резинку и резко подбросил деньги вверх. Зеленые бумажки веером разлетелись по заснеженному переулку, а ветер тут же подхватил эти необычные, щедро подаренные ему игрушки и с ревом унес вдаль.

— Картинки, — иронично фыркнул Конрад, — открытки поздравительные они теперь, а не деньги. «Сто лет Бенджамину Франклину» называются!

Отец Григорий обалдело покосился на него через плечо:

— А как же эти, натурально-товарные отношения? Неужели совсем себя исчерпали?

— Вот наши новые деньги, единственно полезные среди нынешнего бардака! — Оборотень выразительно похлопал себя по кобуре с пистолетом. — Понятно, отче?

Агеев уныло кивнул. Некоторое время они шли молча, настороженно зыря по сторонам. Продвигаясь вперед, Конрад и иерей Агеев оставили позади себя засыпанные снегом улицы и обветшалые, разграбленные дома, производящие крайне удручающее впечатление своими выбитыми окнами и обшарпанными стенами. Многочисленные городские лестницы зияли разрушенными ступенями, словно измученный войной Рим бессильно разинул рот, заходясь в безмолвном крике отчаяния и демонстрируя частичную потерю зубов, выбитых свирепыми захватчиками. Одному лишь Богу ведомо, возродится ли когда-нибудь в полной мере эта прекрасная столица, эта жемчужина древней Италии, вернет ли свой изначальный, ухоженный вид. Исполненный самых мрачных предчувствий Конрад решительно пер вперед, скорбно морщась от окружающей его картины всеобщего запустения и разрухи. Он не питал радужных надежд относительно ожидающего их будущего и почти уже утратил веру в спасение. Он отлично понимал: начать жизнь с нуля — легко, гораздо труднее вывести ее из минуса.

Кроме знаменитого собора Святого Петра, основной достопримечательностью Ватикана по праву считается гигантский Апостольский дворец — исконная резиденция всех пап. Величественный комплекс, состоящий из двадцати палаццо, двухсот лестниц и двенадцати тысяч комнат, он выстроен в форме неправильного четырехугольника, тянущегося с юга на север в косом направлении от соборной площади. Дворец разбит на три части, соединенные между собой двумя поперечными галереями: знаменитой Библиотечной — площадкой для публичного проведения шумных богословских диспутов и чудесной аркой Браччио Нуово, обычно обсаженной тысячами цветущих растений, разливающих божественное благоухание. Южная часть резиденции является самой старой, именно там на третьем этаже находятся личные апартаменты самого понтифика, а на четвертом размещается помпезный Климентинский зал, предназначенный для приемов и официальных церемоний. Апостольский дворец — это не только жилые комнаты, рабочие кабинеты и библиотеки, но также и один из богатейших мировых музеев, хранящий такие сокровища, как легендарная Сикстинская капелла или станцы Рафаэля — четыре сравнительно небольшие комнаты, расписанные великим мастером и его учениками. Воистину на всей земле, а возможно, и на небесах не сыщешь второго такого же места, где настолько гармонично соединяются реальные деяния людей и их духовные устремления, призванные приблизить человека к Богу. Каждому хоть раз посетившему Апостольский дворец, кажется, что на его волшебных стенах лежит печать зримого присутствия нашего Господа, осенившего благодатью своих сыновей и дочерей, даровавшего им ум, знания и силу. И вот теперь, теперь...

«Теперь этот дворец уже не выглядит таким прекрасным и завораживающим! — с горечью подумал Конрад, стоя на соборной площади, усеянной искореженными фрагментами разрушенных статуй. — Проклятые стригои с их постоянными артобстрелами...» Он осторожно обошел присыпанного снегом мраморного ангела с обломанными крыльями, беспомощно лежащего на боку и вззирающего на вервольфа исполненными печали очами. Конрад невольно содрогнулся всем телом и поспешно отвернулся, настолько живыми и страдающими показались ему эти мертвые, незрячие глаза.

Словно сама совесть глянула на оборотня из глубины его собственной, истерзанной раскаянием души...

— Ужасное зрелище! — грустно произнес отец Григорий, крестясь на посеревший купол собора. — Мое сердце кровавыми слезами обливается, гляючи на все это безобразие.

Конрад согласно кивнул, бдительно прищуриваясь на тень, мелькнувшую на фоне прежде золоченных пластин, покрывающих крышу. Он моргнул, но тень исчезла, будто ее и не было. Может, зрение его подводит или ему почудилось?

— И что дальше делать предлагаешь, чадо? — спросил иерей, придирчиво рассматривая фасад дворца с забитыми досками окнами, щедро обмотанный колючей проволокой до высоты первого этажа. — Как мы внутрь попадем, ежели это теперь какой-то бастион неприступный. — Он указал на дула крупнокалиберных зенитных установок, которыми топорщилась плоская часть кровли. — Как бы нас за лазутчиков не приняли да не обстреляли, не ровён час...

— Последний встреченный нами караул рассказал, что во дворец никого не впускают, только тех, кто знает ежедневно меняющийся дежурный пароль. Но нам подобная роскошь не грозит, а посему. — Конрад хмыкнул и описал пальцем легкомысленный круг, красноречиво очерчивая среднюю часть здания, — придется нам вот там, над колоннами, на крышу взобраться, а уж с нее опускаться по западному флигелю на третий этаж, туда, где находятся личные покои папы и где, полагаю, скрывается он сам...

— А можем, покричим? — хрипло предложил отец Григорий, ничуть не воодушевленный открывающейся перед ним перспективой форсированно освоить искусство скалолазания, а вернее, стенолазания. — Они высунутся и...

— И что? — язвительно переспросил Конрад, недоверчиво приподнимая бровь. — Трап незванным гостям подадут или лифт за нами пришлют?

— Ну... — сконфуженно промямлил растерявшийся иерей, — лестницу веревочную из окна опустят!

Рыцарь фон Майер недобро рассмеялся, многозначительно поглаживая приклад своего ружья:

— Ладно, если нам на голову выльют содержимое ночного горшка. А если пулями приголубят?

Отец Григорий виновато прикусил палец и замолчал, признавая свою полнейшую несостоятельность в данном вопросе. Тогда вервольф вытащил из-за пояса толстые, подшитые кожаными лоскутами перчатки, натянул их на руки и, молодецки поплевав на защищенные таким образом ладони, полез на первый этаж дворца, ловко отодвинув в сторону опасную «колючку» и мастерски цепляясь за многочисленные выбоины в стене здания. Ругаясь вполголоса и поминутно призывая анафему на головы всех стригоев без исключения, отец Григорий нехотя последовал за ним...

— Упаду! — тихонько причитал иерей, норовя поймать вервольфа за ногу. — Упаду же, чадо!

— Молись, отче, — сдавленно прорычал берегущий дыхание Конрад, — и тогда Господь тебя спасет.

— Сверзнусь вниз, вот те крест! — никак не унимался паникер в рясе. — А Божьей помощи можно до морковкина заговенья ждать...

— Кошунствуешь, отче, — наставительно попенял упрямый оборотень, выискивая очередную опору для руки и подтягиваясь. — И на кой ляд ты тогда со мной связался, а?

— Бес попутал! — убежденно просипел иерей, суетливо елозя пузом по холодному камню. — Верил, что помогу тебе в великом деле...

— Некоторым людям, прежде чем помогать, следовало бы для начала научиться не мешать, — глубокомысленно изрек Конрад, издевательски вытягивая свою щиколотку из цепкого захвата священника. — Отче, может, у нас у каждого свой путь?

— Общий чадо, общий! — елейно увещевал иерей, снова хватаясь за своего

спутника. — Токмо не отпихивай меня, ради Христа, ить упаду же...

Вот так, переругиваясь и споря, они почти уже достигли крыши дворца, как вдруг из-за угла здания вывернула давешняя тощая серая тень, уже виденная Конрадом прежде на куполе собора и, непринужденно галопируя по стене, словно по горизонтальной поверхности, помчалась к путешественникам.

— А это еще кто такой? — изумился вервольф, ненадежно зависая на одной руке, а второй вытаскивая нож из укрепленных на поясе ножен.

— Свят, свят! — испуганно лепетал отец Григорий, отчетливо стуча зубами на манер испанских кастаньет.

Тень надвинулась еще больше, оказавшись огромной собакой, чья усеянная острыми клыками пасть кровожадно щерилась, чуя близость практически беспомощных жертв.

— Собака-вампир! — не сразу опознал рыцарь, ошалело качая головой.

— Дыг-дыг-дыг! — музыкально проклацал челюстями иерей.

— Я таких прежде и не встречал, — недоуменно продолжил оборотень. — Кто же ее оборотил... — но договорить он не успел, потому что тварь неожиданно прыгнула прямо на него, взвившись в чудовищном скачке, недоступном ее обычным сородичам. Конрад громко вскрикнул и взмахнул ножом, одновременно максимально плотно прижимаясь к стене. Его клинок успешно пробороздил поджарый живот собаки, пролетевшей над вервольфом и приземлившейся чуть ниже него на декоративный выступ каменной кладки, расположенный рядом с головой иерея.

— Дави ее, гниду! — импульсивно заорал Конрад, обращаясь к растерявшемуся отцу Григорию.

— Окстись, чадо, ить я же пацифист! — возмутился Агеев.

— Ну и дурак, — обличающе заклеил Конрад. — Кому нужны мертвые пацифисты?

Между тем собака извернулась в воздухе, оттолкнулась задними лапами от стены и щелкнула зубами в каком-то сантиметре от уха иерея. С утробным рыком, позабыв как о шаткости своего положения, так и о твердости моральных принципов, отец Григорий схватился за крест, висящий у него на шее, и от души шарахнул им тварь, угодив ей точно промеж глаз. Собака жалобно заскулила, отползая назад и заливаясь темной, омерзительно смердящей кровью. Не сумев восстановить утерянное равновесие, отец Григорий сорвался со стены дворца и полетел вниз, душераздирающе воя, словно пикирующий бомбардировщик.

— Вот черт! — прокомментировал Конрад, следя взглядом за падающим священником. — Сейчас точно убьется...

Но, вопреки предчувствиям оборотня, иерей не убит. Он удачно приземлился головой в мягкий сугроб, воткнувшись в него по пояс, комично дрыгая обутыми в валенки ногами.

— Слава богу! — облегченно выдохнул Конрад, всерьез опасаящийся за судьбу третьего эрайи. Он ловко сместился вниз, преследуя истекающую кровью собаку, практически ослепшую и контуженную. Одним ловким ударом мощного охотничьего ножа он перерубил ее массивную шею, и тело твари рухнуло вниз, запутавшись в колючей проволоке. Рыцарь ужом соскользнул на землю и, понатужившись, вытащил из сугроба оглушенного падением иерея, ухватив того за затрепавший подол рясы.

— Жив, отче? — Он насмешливо похлопал Агеева по щеке, приводя напарника в сознание. — Понравилось летать?

— Нет, — буркнул иерей, открывая глаза. — Я ведь, чадо, пока летел, чего только Богу не посулил, если выживу: и пить бросить, и спортом начать заниматься, и ругаться перестать...

— Ну и чего? — выжидающе осведомился вервольф, сдерживая подкатывающий смех — до того обиженным выглядело сейчас щекастое лицо болтливого иерея. — Выполнишь обещания-то свои, значит?

— Тьфу, стыдобища-то какая несусветная! — сердито сплюнул отец Григорий, поднимаясь со снега. — Ить лететь-то мне всего пять минут пришлось, а сколько за это

время глупостей непотребных в голову пришло — сразу и не сосчитаешь...

На крыше Апостольского дворца не обнаружилось ни единого человека охраны. Наивный отец Григорий ребячливо радовался столь благоприятному для них обстоятельству, но куда более опытный в вопросах военной стратегии и тактики Конрад огорчился, понимая, что все это свидетельствует о том, что последний оплот христианской религии полностью исчерпал все свои человеческие ресурсы, испытывая острый дефицит в преданных ему бойцах. Мир в том своем состоянии, в каком он существовал до и после Рождества Христова, практически исчез, стремительно скатываясь в бездну мрака, кровопролития и смерти. Эра зла почти достигла своего апогея, бесповоротно перечеркнув период царствования человечества. Начиналась эпоха стригоев.

Среди сваленного на кровле хлама вервольф без труда отыскал моток прочной веревки и, привязав ее к станине неподъемного зенитного орудия, первым спустился вниз, на уровень третьего этажа. Ногами выбив прикрывающие окно доски, а заодно и само грязное стекло, он птичкой влетел в одно из помещений личных покоев его святейшества Бонифация. Затем рыцарь фон Майер помог влезть внутрь дворца неотступно следующему за ним иерею и, ничуть не прячась, открыто пошел из комнаты в комнату, изумляясь открывающемуся перед ним зрелищу упадка и отчаяния. В пыльном углу насквозь замороженного чулана он обнаружил беспорядочно сваленные полотна великого живописца Леонардо да Винчи, покрытые серебристыми разводами изморози, а на полу крохотной кладовки — бесценную церковную утварь, некогда привезенную из Иерусалима отважными паладинами-крестonosцами. Здесь, в апартаментах последнего из пап, перемешалось все: знаменитые картины, оцененные в миллионы долларов, и поношенные войлочные туфли, золотые византийские вазы и пустые винные бутылки. Этакого бедлама Конрад не видывал никогда и даже не смел представить себе ничего подобного. Ему казалось, что он попал в отстойник человеческой цивилизации, судорожно пытающейся спасти свои самые легендарные творения и грошовые, но столь дорогие сердцу мелочи. В мире образовалась тотальная неразбериха, произвольно смотавшая в общий клубок судьбы тысяч людей, обреченных на мучительную гибель. Тут заканчивалась земная власть и уже не имела значения физическая сила. Отныне спасти этот гибнущий мир мог только Господь Бог или же три его эраи, наиглавнейшая из которых выступала в настоящий момент на стороне Тьмы. И Конраду оставалось последнее: уповать на чудо, да еще не сдаваться и не отступать перед лицом грядущей опасности, приближение которой он ощущал всеми фибрами своего закаленного в боях организма. Он понимал: на мир надвигается нечто страшное — некое черное первородное зло, способное мгновенно ликвидировать все прежние достижения людей и уничтожить их возможные будущие деяния. Но способен ли он бороться со столь чудовищным противником? Этого Конрад не ведал, но интуитивно догадывался, что узнает в самые ближайшие дни...

Обследовав с десяток пустых покоев, миновав просторные апартаменты с устоявшимся запахом плесени и забвения, вервольф и иерей с трепетом вступили на порог Климентинского зала и толкнули тяжелые дверные створки. Резные дубовые филенки хоть и скрипнули протестующе от их прикосновения, но все-таки поддались напору и нехотя растворились. Взору Конрада предстали огромные холодные палаты, едва освещаемые бледными лучами света, падающими наискось сквозь громадные цветные витражи под потолком. Неприязнь к этому месту вервольф почувствовал сразу же, буквально с первого взгляда. Наверное, когда-то раньше Климентинский зал подавлял своей роскошью и величием, но, увы, его лучшие дни остались в прошлом. Сейчас это сосредоточие христианской веры представляло собой весьма жалкое зрелище, запущенное и отвратительное. В центре грандиозного помещения возвышался папский трон в форме резного мраморного кресла, на котором восседал худой, как скелет, замотанный в шубу старик, а к его ногам преданно прижималось несколько изможденных человеческих фигур.

Немощный старик, в котором Конрад к своему бесконечному ужасу опознал папу

Бонифация, судорожно обнимал толстую, переплетенную в алую кожу книгу. Поначалу вервольф решил, что понтифик мертв, но, приглядевшись, различил тонкий белесый дымок дыхания, слабо кутившийся над его губами. Кончик носа и скулы папы начинали белеть, на бровях и ресницах скопился иней, глаза слезились, он весь ссутулился и мелко дрожал. Однако следовало признать: этот замерший в кресле полутруп выглядел истинным аристократом, а на его лице лежала печать самого высокого происхождения. Стук подкованных железом каблучков оборотня нарушил могильную тишину просторного чертога. Бонифаций робко приоткрыл правый глаз, затем левый и растерянно заморгал.

— Кто ты, — чуть слышно прошелестел его голос, — храбрец или безумец, осмелившийся посетить нашу скромную обитель?

— Я капитан Конрад фон Майер, — четко отпартовал вервольф, — командир «Новых тамплиеров».

— Я слышал о вас. — Бонифаций благосклонно кивнул. — Вы успешно держали линию обороны, прославились героическими подвигами и прочими богоугодными деяниями...

— Ваше Святейшество, когда вы ели в последний раз? — требовательно осведомился вервольф, внимательно приглядываясь к острым скулам и ввалившимся глазам великого понтифика.

— Не помню, — откровенно ответил Бонифаций, слабо шевеля костлявыми пальцами. — Мои друзья согревали меня своими телами, но я уже очень давно не слышал от них ни слова, ни звука...

— Друзья? — Конрад тронул за плечо одну из фигур, прижимающихся к ногам папы, но вместо ответа она заскрипела, словно сухое полено, и кулем повалилась на пол. — Их трое, но, — он потормошил двух других стариков, — все они мертвы. Скончались от холода и истощения...

— Адриен Бонини, Джакомо Кательдини, Валерио ди Серето, — скорбно перечислял Бонифаций, — последние воины Христовы, да покойтесь вы с миром, друзья!

— И вовсе они не последние! — с негодованием воскликнул до глубины души обиженный отец Григорий, пока Конрад перетаскивал в угол зала тела усопших и укрывал их сорванным со стены гобеленом. — А чем мы хуже ваших кардиналов? Мы с Конрадом тоже готовы служить Вашему Святейшеству!

— Зачем мне? — Понтифик равнодушно улыбнулся. — Мой жизненный путь закончен. Послужите Иисусу или хотя бы той, которую называют Дочерью Господней!

— Селестине? — потрясенно переспросил Конрад, закончивший свою скорбную работу. — Вы говорите о Селестине дель-Васто?

— Да! — Лицо Бонифация оживилось, а его глаза налились живым блеском. — А по какому праву вы о ней спрашиваете, командир?

— А почему вы о ней упомянули, Ваше Святейшество? — не остался в долгу Конрад.

— Почему?

— Да, почему?

— Потому что я являюсь ее родным, биологическим отцом! — не выдержав этой пытки загадками, честно признался Бонифаций. — А значит, я имею на Селестину законное право, в отличие от вас!

— Да-а-а? — возмутился Конрад. — Подумаешь, отец! Зато я прихожусь ей мужем!

— Что?

— Кем?

Две пары мужских глаз взбешенно уставились друг на друга, пристально, в упор разглядывая нежданного соперника и желая тому незамедлительно сдохнуть на этом самом месте...

Глава 10

«Дурные вести всегда приходят к нам очень тихо», — как-то написал знаменитый японский прозаик Харуки Мураками. Честно говоря, следует признать, в тот момент из-под его пера вышла совершенно идиотская фраза — одна из тех, которую, прочитав однажды, запоминаешь на всю жизнь. Запоминаешь именно потому, что она нелепа и бессмысленна. Дурные вести не могут приходить к нам очень тихо, ибо они всегда возвещают о своем появлении громким криком отчаяния...

Но великий понтифик все-таки сумел сдержаться и не закричал, хотя, честно говоря, до сего момента он не переставал надеяться на лучшее, ожидая какой-нибудь иной, куда более благой вести. А получил... Вот тебе и благая весть!.. Он впился ногтями в свои ладони и выдавил кривую страдальческую улыбку.

— Так, значит, ты и есть тот самый оборотень, который лишил мою девочку Божьей защиты! — уныло констатировал Бонифаций, обреченно поникая в кресле. — Да ты хоть сам-то понимаешь, что натворил?

Конрад покаянно потупился:

— Сейчас понимаю...

— Сейча-а-ас, — язвительно протянул папа, — а чем же ты раньше-то думал?

Конрад виновато засопел, ясное дело не испытывая особого желания уточнять, чем именно.

— Эх, дурень, похоть и гормоны — это еще нелюбовь! — печально продолжил понтифик. — Ты же всех нас погубил...

— Почему? — несмело прошептал вервольф, чувствуя себя так, будто добровольно согласился подвергнуться аутодафе.

Папа посмотрел на непутевого рыцаря так уничижительно, словно перед ним находился законченный идиот.

— Потому что я совсем недавно выяснил некие тайные подробности происхождения нашей семьи. Оказывается, что нашим пращуром являлся не кто иной, как брат Иисуса — Иосия, коему пришлось стать первым хранителем артефактов «Божьего Завета». И именно Селестине предназначалось принять на свои хрупкие девичьи плечи всю тяжесть завещанной Господом ноши. А ты отвратил ее от Бога, глупый сын мой. Кто же теперь спасет мир от гибели?

Вервольф озадаченно прикусил нижнюю губу, и ощущение боли помогло ему упорядочить свои сильно перепутавшиеся мысли.

— А где сейчас находятся раритеты Господа? — вкрадчиво спросил он, вспомнив все подробности поручения, данного ему архангелами.

— Я с детства дружил с неким весьма достойным человеком по имени отец Януш Мареше, — размеренным голосом рассказывал папа. — Согласно открывшейся мне информации я попросил его разыскать копию одного из предметов «Завета», хранящихся в Кракове. Точно не знаю, что именно приключилось с отважным иезуитом, но полагаю, что он трагически погиб, ибо не так давно я получил от него короткую эсэмэску вот такого содержания. — Бонифаций закрыл глаза, напряг память и процитировал: «Бич» остался в Чейте, а «Перст» и молитва-зов находятся в Часовне смерти под защитой Белой конгрегации. Подпись: Павел Надашди — Бафора — Мошковецкий». И в конце, — тут он горестно вздохнул, — еще пара слов: «Прощай, друг». Видимо, проклятые стригои все-таки выследили отца Мареше и убили.

— Но известно ли им о «Божьем Завете»? — обеспокоенно спросил почтительно молчавший до этой минуты отец Григорий.

— Не знаю, — папа неопределенно пожал плечами. — Я так надеялся, что моя дочь вернется и отправится в Чейт, дабы отыскать древние артефакты.

— Она не вернется, — едва слышно произнес Конрад. — Она уже никогда к вам не вернется...

— Почему? — Несчастный Бонифаций вытянул тощую шею, впиваясь в оборотня умоляющим взором панически расширившихся зрачков. — Заклинаю тебя всем, чем угодно,

расскажи мне о ней, если, конечно, ты и в самом деле знаешь нечто важное!

— Селестина перешла на сторону стригоев, — с надрывом выкрикнул Конрад, срывая со своей шеи два креста и бросая их на пол к ногам понтифика. — А произошло это несчастье целиком и полностью по моей вине. Но это еще не все, ибо ко мне явились архангелы и вынудили меня принести страшную клятву... — Он захрипел от избытка кручины, судорожно хватаясь за горло.

— Какое обещание ты им дал? — с замиранием сердца пролепетал Бонифаций, мучимый ужасным предчувствием.

— Я дал зарок убить Селестину, ибо теперь она способна растворить врата ада и погубить весь мир! — дрожащим шепотом признался вервольф, опасаясь яростных проклятий со стороны Бонифация.

Но вместо ожидаемой реакции многострадальный понтифик вдруг обморочно обмяк в своем кресле и, закатив глаза, лишился чувств.

Конрад бережно похлопал Бонифация по щеке, а после того как старик слабо застонал, подобрал валяющийся на полу стакан и, налив в него немного воды из своей походной фляжки, поднес его к губам полумертвого от горя старика. Его святейшество пил воду, вздрагивая и обливаясь, лихорадочно стуча зубами о край стакана и пугливо взирая на фон Майера как на явившегося ему палача. А потом он тихонько заплакал, сотрясаясь всем телом, свернувшись в кресле рыдающим комком непереносимой душевной боли. Конрад растерянно ходил по залу: слева направо, взад и вперед, перемещаясь совершенно безотчетно, как в тумане, будто он находился в некоем неизвестном краю. Ему было страшно остановиться, но в то же время он не смел остановиться, ибо боялся провалиться в бездонную пропасть собственной совести, настолько оглушительным показался ему этот непредумышленный удар, нанесенный беспомощному умирающему старику. Наблюдая иной раз по телевизору за боксерами на ринге, Конрад, сопереживая неудачнику, задумывался над тем, что испытывает боец, одним ударом отброшенный в нокаут, что творится с ним в ту минуту, сбитым с ног, озирающимся вокруг так, будто он прилетел с другой планеты. Теперь он знал, как это бывает. Теперь он понимал, что окружающий мир, оставаясь на месте, рушится в самом человеке, внутри него: в кровотоках, сбитых с путей своих, гудящих в голове, как стоки дождя на улице, в черном овраге мышления, размываемом этими бешеными потоками, в заикленности мыслей и в их хаосе. Он долго ходил, бесцельно и тяжело, а его мысли, угнетенные бедой, метались в том бездонном овраге, в развалинах былого самосознания, еще полчаса назад являвшегося для Конрада фундаментом его «я», той тождественной данностью, которая определяла его личность. Теперь все это разом опрокинулось, оказавшись выжжено негативной силой совершенных им злодеяний, вытоптано метаниями людей, сбитых им с толку. Он физически ощущал свою вытоптанность и сожженность. Его тело горело огнем. Такого прилюдного крушения всех своих надежд и чаяний он не испытывал ни разу в жизни. И как-то сразу возник вопрос: что же делать дальше? Оставалось или подчиниться этой фатальной глупости, демонстративно поправшей его «я» на глазах у всех, а значит, пустить себе пулю в лоб, не находя иного выхода из сложившегося положения, так думалось фон Майеру в тот час. Либо же собраться с силами и сознательно двинуться навстречу решающей схватке, веря в то, во что неизменно верится смелым людям во все времена, а особенно в моменты поражения: в конечное торжество справедливости, истины, правды, и тому есть еще немало имен. Никогда ранее он не предполагал, что однажды настанет такой день и час, когда ему придется сказать себе жестко и недвусмысленно: быть или не быть, жизнь или смерть! И тогда он решился.

— Ваше Святейшество, — проникновенно позвал Конрад, подходя к Бонифацию и участливо беря того за руку, — прошу вас, простите меня и благословите на дело всей моей жизни. Я постараюсь исправить невольно совершенное мною зло. Я отправлюсь в Чейт и найду предметы «Божьего Завета». Я спасу мир от гибели.

— А если ты встретишь Селестину, — трагическим шепотом осведомился папа, — то

ты ее убьешь?

— Не знаю! — обессиленно зарычал Конрад, буквально разрываясь от терзавших его сердце и душу противоречивых чувств, мечась между долгом и любовью. — Не вынуждайте меня врать вам в лицо. Могу пообещать только одно: я никогда не выступлю против нее первым!

— Спасибо и на этом, сын мой! — проникновенным тоном поблагодарил понтифик, утирая мокрые от слез глаза. Его голос неожиданно обрел часть прежней торжественности и величия. — Но помни: дороже честного слова может стоять только уже выполненное обещание!

Конрад сумрачно покосился на въедливого собеседника, безмолвно проклиная свою порядочность. «Любовь прекрасна в теории и мучительна на практике! — промелькнуло у него в голове. — Вот только далеко не все способны успешно выбраться из этих практических передраг».

Удовлетворенный столь разительной переменой в настроении вервольфа, папа тонко улыбнулся и благодарно погладил его по руке.

— Тогда выслушай меня внимательно; возможно, я смогу поведать то, что пригодится тебе впоследствии... — предложил он.

— Советы нужны лишь тогда, когда их просят! — несговорчиво буркнул фон Майер, но при этом он покорно уселся на ступеньку папского трона, приготовившись слушать и запоминать...

— Когда ты молод, то многие вещи воспринимаются как нечто естественное, само собой разумеющееся, — такими словами папа Бонифаций начал свой рассказ. — В незрелом возрасте ты попросту еще не умеешь контролировать причинно-следственные связи, и не следишь за логикой событий. Молодые живут настоящим, почти не вспоминая прошлого и не задумываясь о будущем. Я тоже, — он с раскаянием вздохнул, — был точно таким же.

Отец Григорий, сосредоточенно внимающий исповеди его святейшества, понимающе кивнул, мысленно соглашаясь с приводимыми доводами, а Конрад быстро наклонился к своим сапогам, усиленно делая вид, будто рассматривает измазанный грязью каблук. Да, нелегко принимать объективную правду и осознавать собственные ошибки. Но чем раньше мы осознаем допущенные нами просчеты, тем вероятнее возможность их исправить. «Покаяться мы всегда успеем, а вот согрешить — можем и опоздать», — любил частенько поговаривать Конрад еще каких-то четыре года назад. Но ныне он осознал, как фатально ошибался.

— Итак, я рос вполне обычным мальчишкой. В возрасте пяти лет меня определили в приют при католическом монастыре. Мой отец скончался так рано, что я его совсем не запомнил, а матушка самолично отдала меня на воспитание монахам в силу своего затрудненного материального положения, не оставив мне никакого наследства, кроме честного имени и звучной фамилии. Впрочем, я никогда ее не осуждал, ведь в послевоенной Польше царили голод и разруха, а в монастыре мне предоставили» возможность получить вполне приличное образование. Проявляя усердие, послушание и интерес к богословию, я быстро поднимался по карьерной лестнице, начав с должности простого каноника в городке Катовице и дослужившись вскоре до звания епископа Веронского. Мне всегда сопутствовали успех и удача, на которые я не обращал ни малейшего внимания, самоуверенно приписывая свои достижения только собственным заслугам и талантам: скромности, набожности, искренности. Когда мне исполнилось восемнадцать, меня посетил пожилой итальянский монах-иоаннит, предложивший тайно вступить в запрещенную Белую конгрегацию. Признаюсь откровенно, в тот день мое сердце билось намного сильнее, чем прежде, польщенное оказанной честью. Я слышал различные сплетни и домыслы, касающиеся сего странного ордена, но весьма мало верил в их правдивость. Поговаривали, будто Белое братство функционировало чуть ли не с первых дней возникновения христианской церкви и всегда занималось воспитанием воинов, способных оберегать тайное наследие Иисуса

Христа. Сейчас я знаю, что все это оказалось правдой, а я был замечен ими отнюдь не случайно.

— Их еще называют Братством смерти, — с любопытством перебил Конрад, — почему?

— Девиз Белой конгрегации гласит: «Обрести жизнь можно только пройдя через смерть», — с готовностью пояснил Бонифаций. — Увы, я так и не постиг смысла сего странного изречения. Но разве Господь не удостоился именно подобной участи? Полагаю, что в наши дни орден сильно захирел, а возможно, и вообще исчез, прекратив свое существование. Во всяком случае, я уже очень давно не встречал никого из своих тайных братьев. Я знаю, что главнейшим сокровищем Белой конгрегации считается Часовня смерти, скрывающая величайшие секреты, но так и не удостоился возможности ее посетить.

— И где она находится? — жадно спросил вервольф.

Но вместо ответа Бонифаций разочарованно вздохнул.

— Я так надеялся, что Селестина сможет найти эту часовню...

Конрад сильно стиснул челюсти, ощущая перекатывающиеся на ней желваки. «Ничего она уже не найдет, и все по моей вине! — назойливо вертелось у него в голове. — Эх...»

— Иоаннит передал мне крест, сделанный специально для меня. Тогда я верил, что все члены ордена носят подобные распятия, но недавно отказался от подобной ложной теории, — вещал папа. — Оказалось, что одновременно может существовать только три креста, дарованных избранным эрайям...

— Вот он, ваш крест! — Оборотень подал ему поименованный предмет.

— Да. — Понтифик ностальгически повертел в пальцах знакомую вещь. — Позднее я вернул его ордену, ибо считал себя закоренелым грешником, не достойным состоять в конгрегации.

— Это произошло после рождения Селестины? — прозорливо уточнил отец Григорий.

Папа густо покраснел:

— Да! Хотя и свершилось сие событие по воле Господа, но грех всегда грех, путь даже и невольный.

— Но откуда сама Селестина взяла вот это? — подивился Конрад, показывая Бонифацию второй крест, забытый у него девушкой, ныне темный и тусклый.

— «Великий приор Джулио Винченце», — с придыханием прочитал понтифик. — О, Господи! — шокировано вскричал он. — Да ведь этот крест принадлежал знаменитому столпу ордена, иезуиту фра Винченце, спроектировавшему аббатство ди Стаффарда. Как он попал в руки моей дочки?

— Сел обмолвилась, будто нашла его на заброшенном подземном кладбище, спасаясь из подожженного стригоями монастыря, — сообщил Конрад. — Ваш крест передал мне некий отец Бонаventura, а этот достался Селестине.

— Но, согласно легенде братства, воинов-эрай должно быть обязательно трое, — сокрушался папа. — Где же находится сейчас третий небесный боец и как его звать? Ведь только, собравшись все вместе, вы сможете спасти мир от гибели!

— Кх-м, а чего меня звать-то? Я сам пришел! — смущенно кашлянул отец Григорий.

— Кто, где? — потрясенно проблеял Бонифаций.

— Да туточки я, собственной персоной, так сказать!

Папа изумленно приоткрыл рот, а Конрад весело рассмеялся, восхищенный неподдельной непосредственностью православного священника.

— Точно. — Понтифик придиричиво осмотрел третий, незамедлительно предъявленный ему крест. — Всему виной мой проклятый склероз! Недавно я пытался вспомнить, что же такое важное ассоциировалось в моей памяти с Россией, но так и не успел разобраться со своими мыслями. Вы и есть тот самый иерей, который якобы по ошибке попал к нам в Ватикан. Теперь я вас узнал. Я видел ваш крест и осознал неслучайность нашей встречи, но, увы, быстро запамятовал обо всем, поглощенный навалившимися на нас проблемами.

Отец Григорий учтиво поклонился.

— Карл де Молэ происходил из семьи Иосии, брата Господа. Именно он является моим давним предком. Так, значит, наш русский гость еще и привратник? — допытывался понтифик.

Не обременяя себя объяснениями, иерей Агеев показал папе носимое им кольцо.

— Кажется, его титул и обязанности почему-то достались мне, а не вам. Полагаю, мои предки тоже имели отношение к семье нашего Господа.

— Привратник чего? — подробно выводил любознательный вервольф.

Папа и иерей сконфуженно переглянулись.

— Мы не знаем! — дружным хором ответствовали они.

Конрад разочарованно чертыхнулся и сердито сплюнул на пол.

— Ваше Святейшество, вы упомянули, будто совсем недавно раскрыли тайну своего происхождения, — напомнил отец Григорий. — Как и откуда вы узнали обо всем?

— Вот. — Бонифаций патетично возложил руку на переплет книги, покоящейся у него на коленях, — я прочитал обо всем в ней! — На его лице отразилась смесь отвращения и благоговения. — Это Сангрема, «Книга крови», чудовищная летопись всего стригойского рода. Мне завещал ее покойный Гонторде Пюи, патриарх темных, отец знаменитого вампира Влада Дракулы.

— Вампиры знали о вашем родстве с Иисусом? — ужаснулся Конрад.

— Подозреваю, что Гонтор, мой возлюбленный и дорогой враг, уж точно владел оными тайными сведениями, — поддакнул Бонифаций. — Очевидно, Белая конгрегация тоже находилась в курсе всех драматических жизненных перипетий членов нашей семьи, поэтому они и пригласили меня вступить в свои ряды.

— А кто еще мог владеть информацией о вашей семье? — настойчиво допытывался неугомонный Конрад.

Папа задумчиво возвел глаза к грязному потолку зала, тщетно напрягая свою ослабленную голодом и страданиями память.

— Не знаю, — нерешительно признался он после некоторого раздумья. — И даже предположить не могу.

— Но на сегодняшний день главой стригоев является Андреа, — вслух рассуждал вервольф. — Значит, магистр де Пюи погиб?

— Да, — с сожалением вздохнул папа. — Благороднейший и честнейший был человек, хоть и стригой. Кстати, он завещал мне стать новым летописцем «Книги крови»... Но, увы, — понтифик болезненно дернул кадыком, — силы мои на исходе, а дни сочтены. Я — умираю. Впрочем, такая же участь постигает всякого последующего ее обладателя, ибо проклятая книга вытягивает жизни из каждого своего хозяина. А теперь я пребываю в растерянности и не...

— Вам нужно кому-то передать «Книгу крови»! — догадался Конрад. — Но кому же?

— Ее страницы не может писать обычный человек! — горестным эхом откликнулся Бонифаций. — Я должен был вручить книгу Селестине, хоть и догадываюсь, что этим самым поступком сознательно подписал бы ее смертный приговор...

И тут Конрад внезапно понял, что ему представился уникальный, возможно единственный способ искупить совершенные им грехи. Он может заменить Селестину и стать очередным хранителем «Книги крови»! При этом он отлично помнил о предостережении архангелов, загодя предупредивших его о фатальных последствиях последней, третьей ошибки. Он лишил любимую Божьей защиты — это первая ошибка, не успел спасти ее из гроба — вторая. И вот сейчас он принимал то, что никогда ему не предназначалось! Он готовился совершить свою третью, роковую ошибку! Конрад добровольно всходил на эшафот, подставляясь под удар неумолимой судьбы. Да, подставляясь, но при этом отводя удар от Селестины. Так чего же тут сомневаться? Он снял шапку, удивив обоих святых отцов своим начисто выбритым черепом и, смущенно комкая ее в кулаке, торжественно преклонил колено перед тронем понтифика.

— Ваше Святейшество, — просто сказал Конрад, вызываящим жестом простирая руку

и поднимая книгу, лежащую на коленях Бонифация, — я тоже не являюсь человеком и посему как никто иной подхожу для этой работы. Вы позволите мне стать новым летописцем «Книги крови»?

Следует упомянуть, что Конраду всегда была присуща некая странная, даже мистическая способность, а точнее умение властвовать над людьми, подчиняя их своей воле, и он никогда не стеснялся ее применять на всех без исключения, даже на самых близких. Вполне возможно, что это была и не власть вовсе, а просто живой ум и поразительной силы интуиция, которая позволяла ему предугадывать то, что человек сделает в ближайшее время, и успешно диктовать ему свои правила.

Папа потрясенно хлопнул ресницами, не находя подходящих для отказа слов.

— Да! — пролепетал он.

Отец Григорий взирал на Конрада с безграничным уважением, а сам фон Майер ощутил, как иголки страшного холода вдруг пронзили его пальцы, касающиеся переплета книги, и начали продвигаться по всему телу прямо к сердцу, словно Сангрема вцепилась в него мертвой бульдожьей хваткой и уже не собиралась отпускать ни за что и никогда, вплоть до самой его смерти.

— Сын мой, не думай, будто я оставлю тебя на произвол судьбы и жертвенно брошу на растерзание стригоям, — многозначительно произнес Бонифаций, предупреждающе подняв указательный палец. — Знай, в лагере врагов уже несколько лет работает один безоговорочно преданный нам человек, с риском для жизни следящий за кознями вампиров и готовящийся нанести им удар, которого они не ожидают. Прими вот это, — понтифик снял со своей руки витой серебряный браслет, украшенный начальными строками пятнадцатого псалма «Сохрани мя, Господи, яко на Тя уповах», и надел его на запястье вервольфа. — Он привезен из Палестины нашими паладинами-тамплиерами и по преданию откован именно из тех сребреников, которые Иуда Искарот получил от первосвященника Каифы за предательство Иисуса. Храни его, а в нужный момент передай тому, кому он и предназначен.

— Кому? — не сообразил оборотень.

— Браслет сам укажет тебе на своего настоящего хозяина! — сказал папа. — По сему знаку наш тайный друг опознает в вас своих соратников и поможет всем, чем сможет.

— Спасибо! — проникновенно промолвил Конрад, целуя слабые пальцы понтифика. — Простите меня за Селестину, святейший отец.

— Бог простит, — сердечно улыбнулся Бонифаций, — а я не держу на тебя зла, ибо верую в промысел Господень.

— Промысел? — непритворно вознегодовал Конрад. — В чем же он заключается? Неужели в том, чтобы моя любимая девушка стала пешкой в чужой игре? Оглянитесь вокруг — мир рушится. Умирают люди, а мертвые встают из могил. Твари свободно бродят по улицам нашего города, а на землю опустилась вечная зима. И в этом заключается замысел Господа?

— Неисповедимы пути Господни! — благолепно вздохнул папа. — И не нам осуждать его решения.

— В мире пробудилось давно дремавшее лихо, терпеливо ждавшее своего урочного часа, — рассудительно произнес отец Григорий. — А когда лихо просыпается — наступает, как известно, пора лихолетья.

— Правильно, — согласно кивнул понтифик. — Мы называем теперешний период Эрой зла. Пришло время наших испытаний.

— Значит, мы искупаем сейчас все совершенные нами грехи? — ужаснулся фон Майер, наконец-то ухвативший самую суть их рассуждений.

— Да, именно так, а еще грехи наших отцов и дедов, — уверенно подтвердил Бонифаций. — Мир стоит на перепутье между двумя дорогами: тьмой и светом, и лишь от нас зависит, кто победит в этом противостоянии и какое будущее нас ждет.

— Значит, придется повоевать... — задумчиво протянул иерей Григорий, поглаживая

свой крест, снова занявший место у него на шее.

— Так ты же пацифист! — с подколкой напомнил Конрад.

— Точно. — Отец Григорий согласно крикнул. — Но при случае могу так отпацифиздить, что мало не покажется.

— Мы все умрем? — Оборотень требовательно посмотрел на Бонифация, ожидая внятного и конкретного ответа.

Но папа лишь печально улыбнулся.

— Ясно. — В глазах рыцаря зажегся нехороший упрямый огонек. — Краткость жизни — сестра таланта, — не удержался он и со смаком вернул свое любимое изречение. — Жаль только, что мои самые заветные мечты так и не сбудутся...

— Когда исполнились все мои мечты, я понял, как же счастлив был раньше! — наставительно высказался понтифик. — Не погрязай в суете и мелочности, сын мой.

— А я всегда руководствовался принципом: не переживай о многом — и ты переживешь многих, — признался отец Григорий. — Но нынче готов умереть за осуществление своей последней мечты.

— Это какой еще? — с подозрением спросил Конрад.

— Хочу перед кончиной узреть Часовню смерти и те врата, Привратником коих я называюсь, — торжественно проговорил священник. — А ты?

— Самые смелые мои мечты уже сбылись, значит, настало время для несмелых. — Конрад скупно улыбнулся.

Однако папа и отец Григорий смотрели на него непонимающе.

— Ну поскольку Селестины мне теперь уж точно не видать как своих ушей, — хмуро отшутился оборотень, — то хочу хорошую драку, романтическую гибель под луной и журнал «Плейбой» с пробниками...

Отец Григорий басовито расхохотался:

— Эко знатно ты загнул, дружище! Меня аж завидки взяли.

— А чего? — задиристо откликнулся вервольф. — Помирать, так с музыкой! Причем я знаю, в каком конкретном месте смогу получить все тридцать три опасности и приключения разом, ведь нам все равно придется туда отправиться.

— В Чейт! — догадливо рыкнул иерей, гулко хлопая себя по объемистому животу. — Вот анафема-то!

— Именно туда! — довольно подтвердил оборотень. — За «Бичом»!

— А как же мы туда доберемся?

— На вертолете!

— И где мы его раздобудем?

— Положись на меня, уж я-то знаю — где! — Конрад повернулся к временно позабытому ими Бонифацию. — Ваше Святейшество, благословите нас на опасное путешествие.

Но папа никак не отреагировал на его просьбу. Глаза понтифика оказались закрытыми, он расслабленно откинулся на спинку своего кресла, а по его лицу разлилась синюшная бледность.

— Умер! — горестно констатировал Конрад, не нащупав биение пульса на шее уставшего от жизни старика. — Не вынес тягот Эры зла... Эх, жалость-то какая, примите его, райские кущи!

— Упокой Господи его праведную душу! — напевно поддержал отец Григорий.

Конрад подобрал валяющийся в углу рюкзак и упаковал в него «Книгу крови». А затем тихонько вышел из зала, не осмеливаясь нарушать покой усопшего Бонифация и увлекая за собой отца Григория, тихонько читающего погребальную молитву. Оборотень понимал — большинство людей счастливы ровно настолько, насколько они сами позволяют себе быть счастливыми. Да вот только пессимист подозревает трудности в любой возможности, а оптимист в каждой трудности видит возможность обрести свою личную толику счастья. Но, с другой стороны, сам он не заслуживает никаких поблажек судьбы, ибо счастье есть не что

иное, как удовольствие без раскаяния, а его вина доказана и осознана. Причем велика она настолько, что ее никаким раскаянием не искупить! Но к чему падать духом, ведь даже законченным злодеям не отказано в праве бороться за себя, биться за искупление и спасение пусть не тела, но своей души. Он пока еще жив, а значит, грустить и сдаваться еще рано! Глаза вервольфа настороженно взирали на мрачную картину окружающего мира, отражая его внутреннюю решимость выполнить взятые на себя обязательства. Он понимал, что должен попасть в замок Чейт, но добраться туда возможно только с помощью вертолета. А еще он был точно уверен в том, что во всем Риме ныне существует только одно-единственное место, где имеются в наличии эти самые искомые вертолеты — на главной вражеской базе. На аэродроме возле палаццо Фарнезина. У стригоев. У Андреа. У Селестины...

Романтиками называют людей, категорически не желающих смириться с унылостью и серостью окружающего мира. Наверное, я тоже принадлежу к оной исчезающей породе поэтов и мечтателей, ибо сегодня, глядя за окно, мне хотелось немедленно взять в руки кисточку и палитру, чтобы хоть немного подцветить эту расстилающуюся снаружи однообразную белую мерзость.

«Нет, это что — и есть мир?.. — Я озадаченно закинула ногу на ногу и снова недоверчиво уставилась в окно, изумляясь и негодуя одновременно. — Неужели мне придется жить здесь до смерти? В таком вот гадком месте? А если учесть то, что говорил Тристан о нашем бессмертии, то все мое последующее существование должно превратиться в беспредельную череду скучных и монотонных дней, способных запросто свести с ума кого угодно, даже вечного, мудрого и спокойного стригоя. И на кой черт, спрашивается, мне нужна вот такая, бесконечная жизнь?..» Меня мучило ощущение обманутости, подобное тому, которое испытываешь, развернув красивый фантик, под которым обнаруживаешь не конфету, а скатанную в шарик бумажку-пустышку. Складывалось впечатление, будто мне подбросили фальшивку, заменив цветную фотографию на блеклый черно-белый негатив. А за окном с бесцветного неба все так же непрерывно сыпал белый снег, замечая черные развалины домов... Похоже, у здешней природы действительно нет плохой погоды, потому что есть только ужасная и отвратительная! А ведь каким-то потаенным органом чувств я помнила: небо должно быть не серым, а голубым, земля не белой, а зеленой, покрытой нежной травкой. А я сама бегу по уводящей на холм тропинке, одетая отнюдь не в толстую куртку на меху, а в футболку и шортики... На этом внятные воспоминания обрывались, превращаясь в путаную мешанину разрозненных образов. Я видела деревянную чашу, в которой почему-то отражались мои широко распахнутые глаза; какую-то дюжину девицу с длинными светлыми косами, угрюмого тощего старика, склоняющегося к моему уху и шепчущего: «Вспомни, вспомни...»

— Санта, ты что-нибудь вспомнила? — мелодичный голос сестры вырвал меня из плена тягостных воспоминаний. Я тут же приняла корректную позу, благонаравно сложила руки на коленях, стараясь выглядеть как можно приличнее, и отрицательно помотала головой.

— Нет! — опечалено вздохнула я, виновато глядя в прекрасное лицо Андреа. — Прости, сестричка, мне очень жаль.

— Ничего. — Красавица добродушно взмахнула рукой и подбадривающе улыбнулась. — Еще вспомнишь, после того как... — Но договорить она не успела, потому что входная дверь отворилась и в комнату вступили еще трое участников нашего совета.

Первый из них оказался человеком. Человек? Я напряглась, впитывая исходящий от него запах. О, теперь я отлично знала, в чем состоит разница между человеком и стригоем. Люди пахнут как пища: призывно, одурманивающе и чуть сладковато, будто свежeproлитая кровь. Именно поэтому мы не способны устоять перед своей жадой и испытываем непреодолимую тягу к убийству человека. Это заложено в наших инстинктах, это намного сильнее любой воли и выдержки. Ведь жаждущего крови стригоя практически ничем

невозможно остановить, ну разве что освященным оружием. Андреа успела о многом мне рассказать, заботливо уберегая от возможных неприятностей и конфузов. Да и, говоря откровенно, я уже сама начинала получать немалое удовольствие от своего нынешнего состояния: потрясающей ловкости, обострившихся рефлексов и реакций, поистине неистощимого ресурса энергии. Вот только если бы не эти противные рассветные и закатные полчаса, вынудившие меня спрятаться под кровать и бороться с омерзительной тошнотой и паникой, схожей с состоянием клаустрофобии. Два смертельных полчаса, которых боятся все стригои, кроме моей сестры. Кстати, сами стригои пахнут абсолютно по-особенному: горьковатой морозной свежестью, нейтральной и стерильной. И в этом нет ничего удивительного, ведь мы стоим в стороне от всех прочих существ — как живых, так и мертвых, находясь в совершенно иной плоскости бытия: мы не живые и не мертвые. Мы не стареем, и нас очень трудно убить, мы не боимся и ничего не боимся. Короче, мы — это мы. И этим все сказано.

— Санта, дорогая, познакомься с кардиналом Анастасио ди Баллестро, — мягко произнесла Андреа, так укоризненно качая головой, словно она намекала на мою неуместную рассеянность. — И учти: он неприкосновенен, ибо является нашим союзником!

Я ошеломленно уставилась на высокого мужчину в красной сутане, обращающего на себя внимание резким диссонансом сильной, еще находящейся в отличной форме фигуры и совершенно седыми волосами. Его умные пронизательные глаза, окруженные черными тенями забот и все накапливающейся усталости, посмотрели на меня с пугливым недоумением. Так, как будто...

— Вы знали меня в прошлом, монсеньор? — напрямую спросила я, обращаясь к мужчине.

Но вместо того чтобы удовлетворить мое любопытство, ди Баллестро вопросительно покосился на Андреа. Уголки ее губ нервно дернулись...

— Возможно, синьорина Санта, все возможно, — дипломатично усмехнулся кардинал. — В наше сумбурное время уже не упомнишь всех событий прошлой жизни. — Он церемонно поклонился и манерно опустил в отведенное ему кресло. Я растерянно хмыкнула, отдавая дань уважения его хитрости и таланту лицедея. Кажется, кардинал ди Баллестро является весьма крепким орешком, и с наскоку его не раскусишь! И конечно же такое харизматичное лицо, умело прикрытое наносной маской равнодушия, просто обязано скрывать какую-то интересную тайну! О, кованные сундуки чужих судеб — они всегда громоздки и тяжелы. Чтобы их поднять и раскрыть, нужна стальная сила воли и огромный запас ответственности. Меня это пугало, и поэтому я решила отложить на потом задачу проникновения в запертую на сто замков душу кардинала. Похоже, к ней требовалось подобрать совершенно уникальную отмычку...

Второй в комнату вошла ничем не примечательная каштановокудрая девица, с видом побитой собачонки оглядывающаяся на следовавшего за ней мужчину, не уделявшего этой откровенно заискивающей перед ним милашке ни малейшего внимания. Но, увидев именно эту третью личность, я импульсивно просияла радостной улыбкой, ибо последним участником нашего совета был мой дорогой спаситель — Тристан де Вильфор.

Невзирая на свой вызывающе роскошный наряд, Тристан казался измученным и внутренне напряженным, словно его сжигало с трудом сдерживаемое нервическое возбуждение. Андреа смотрела на него с нежностью и какой-то животной жадностью, но я сразу же подметила гримасу неприязни, исказившую красивые губы шевалье, лишь только он понял, что удостоился особого интереса со стороны нашей повелительницы. Тристан небрежно уселся на предложенное ему место, избегая смотреть как на Андреа, так и на чуть ли не плачущую каштановокудрую малютку. Он опирался плечами о спинку кресла, расслабленно вытянув вперед скрещенные в лодыжках ноги. Немногие способны комфортно чувствовать себя в такой неестественной позе, но Тристан — мог. Он обладал стройным и гибким телом и, как мне показалось, привык полагаться скорее на свои ловкость и проворство, чем на грубую физическую силу. Его тонкое, почти ангельское лицо обрамляли

пышные черные локоны, а светло-изумрудные глаза сонно прижмуривались, скрывая разгорающийся в них лихорадочный блеск. Похоже, мужчина чего-то ждал. Я задумчиво морщила лоб, совершенно запутавшись в своих наблюдениях. И каким же безмерным оказалось мое удивление, когда я заметила, что, притворяясь безмятежным и даже чуть апатичным, кардинал ди Баллестро непрерывно исподтишка следит за всеми нами, как будто мы не всеильные стригои, а всего лишь глупые мыши, неосторожно приближающиеся к расставленной на нас ловушке. Между тем Андреа ничуть не беспокоилась, даря умильные взгляды одному лишь Тристану и вздыхая так глубоко, что драгоценное кольцо со звоном колебалось на ее высокой груди.

Черт, да что же здесь происходит? Не найдя ответа на свой вопрос, я приготовилась внимательно наблюдать за развитием событий, надеясь постепенно проникнуть в тайны всех присутствующих. «Умные говорят, а мудрые слушают». Не знаю почему, но я была на сто процентов уверена в справедливости сего утверждения. А посему говорить много сама я не собиралась ни в коем случае, намереваясь следовать простому, но чрезвычайно полезному правилу: «чем меньше слов ты произносишь, тем больше зубов сохраняешь у себя во рту». Ну или клыков, что в моем случае звучит более уместно.

— Я собрала вас всех здесь, дабы вы помогли мне выработать совместный план наших дальнейших действий! — такими словами Андреа открыла созданный ею совет, вольготно расположившись на диване, занимающем центр обширной комнаты. Ее строгое черное платье, уложенные в жемчужную сетку волосы и кольцо из крупных сапфиров как нельзя лучше подчеркивали торжественность момента, настраивая нас на серьезный лад. Объективно оценив пышность наряда повелительницы, я с легкой завистью скосила глаза на свое непритязательное обмундирование, состоящее из легкой кожаной курточки, таких же брюк да высоких сапог, и мысленно ругнулась. Оказывается, поспешно откликнувшись на призыв посланного за мной слуги, я случайно надела футболку наизнанку. Кроваво-красные буквы, аляповато начертанные на груди тонкого трикотажного изделия, сейчас ярко просвечивали сквозь серую ткань, кардинально поменяв смысл. Ничего себе, как легко, оказывается, можно изменить суть всего: слова, принципа и даже жизни, если расположить его (ее) задом наперед.

На моей футболке написано «LIVE», но стоило только надеть ее шиворот-навыворот, как получился «EVIL». «Жизнь» превратилась в «ад»... Интересно, сие маленькое происшествие следует считать случайностью или нет? Это же самое соображение касалось и еще одного явления — кое-чего совершенно необычного и интересного, обнаруженного мною нынче утром и теперь сильно занимавшего мое воображение, мешая сосредоточиться на теме затеянного сестрицей совещания. Этим загадочным кое-чем оказалась намотанная на рукоять моей катаны тоненькая, едва различимая серебристая ниточка, больше всего напоминающая несколько волосков тополиного пуха или волокон паутины. Как я ни билась, но так и не смогла отделить это от меча. Хм, хотелось бы мне знать, что же это такое, для чего оно предназначено и каким образом попало на мой кэн? Но серебристая ниточка настолько плотно прилипла к кожаной цукаито — оболочке рукояти меча, словно ее туда приклеили, и держалась намертво. Отчаявшись разрешить оную шараду, я решила отложить это на потом. А пока...

— Враги не сдаются, — продолжила сестра, одаривая меня укоризненным прищуром и требуя максимальной концентрации внимания, — они стоят насмерть! Признаюсь откровенно, мне надоела эта мышьяная возня, я уже устала от затянувшейся войны...

— А зачем ты с ними церемонишься? — удивленно перебила я. — Слушай, а не пора ли разбомбить их при помощи самолетов, к чертово... кх-м, к такой-то матери!

— Что? — Андреа аж возмущенно подпрыгнула на диване, нещадно сминая длинный шлейф своего платья, а ее губки упрямо сжались. — Санта, и как ты только смогла додуматься до подобной глупости? Разбомбить Апостольский дворец и собор Святого Петра?

— Ага! — Я ликующе кивнула, весьма довольная своим предложением. — Дешево и сердито, хрясть и готово, полетят клочки по закоулочкам!

— Дурочка ты, Санта! — снисходительно хохотнул развеселившийся Тристан. — Да Андреа скорее удавится, чем пожертвует какой-нибудь картиной или вазой из папской берлоги!

— Да-а-а? — не поняла я. — С чего бы это вдруг?

— Убей меня серафим! — гневно возопила сестрица, картинно заламывая руки, будто инженеру на сцене. — Вот наказание, меня окружают одни идиоты и олигофренки! Разбомбить Ватикан с его сокровищами, легендарными произведениями искусства и редчайшими книгами! Какой жуткий вандализм!

Я покаянно шмыгнула носом, признавая справедливость адресованных мне эпитетов. Ну что уж тут поделаешь, если я не отношусь к числу любителей всяких там золотых супниц, эмалевых ночных горшков и заумных богословских трактатов, упакованных в футляры с алмазами. Эх, темнота я некультурная!

— Нужно изобрести какой-то иной, более изящный способ истребить людей, — спокойно посоветовал кардинал ди Баллестро, поразив меня своим неприкрытым цинизмом. — Яд, газ, мор, эпидемию...

— Правильно! — согласно прищелкнула пальцами повелительница. — Кстати, у меня возникла примерно такая же идея. Элоиза, расскажи нам о «Божьем Завете»!

Затаив дыхание, мы слушали долгий рассказ симпатичной каштановокудрой девушки. Я восхищенно присвистнула, буквально завороженная масштабностью деяний и замыслов человеческого Бога. Хотя, кажется, фокусник Дэвид Копперфилд тоже умел ходить по воде?..

— Если я правильно тебя поняла. — Андреа взволнованно поправила выбившийся из прически локон, — то обладатель артефактов из «Завета» способен править миром, спасая или истребляя целые народы?

Элоиза скромнехонько кивнула.

— Значит, так, мне непременно нужны эти цацки! — категорично заявила повелительница. — И как можно скорее. Тристан, — ее голос смягчился и потеплел, — помнится, мы просили тебя разузнать о судьбе свитка с призывающей ангелов молитвой — первой частью «Завета», хранящейся в Кракове. К какому результату привели твои изыскания?

— Вспомнили и обо мне наконец-то! — язвительно фыркнул де Вильфор. — Поздравляю, и году не прошло!

— Не ерничай! — властно окоротила повелительница. — Предупреждаю, я не потерплю критики в свой адрес. Итак...

— Свиток хранился в Мариакском костеле, — покорно отрапортовал приструненный Тристан. — Хранился! — весомо подчеркнул он, опережая ликующий возглас своей госпожи. — К несчастью, его забрали оттуда еще до меня, причем он попал в руки служителей Иисуса, и теперь нам впору ожидать от них всяческих неприятностей.

— Растяпа! — гневно скрипнула клыками Андреа.

Тристан мгновенно сбледнул с лица, оскорбленный ее неосторожной репликой. Я заметила желваки, яростно перекатывающиеся по его нижней челюсти, и в уме поругала свою недалекновидную сестру, неприятно удивленная ее несдержанностью. М-да-а-а, повелительнице положено вести себя куда умнее и дипломатичнее. Впрочем, она чрезвычайно хороша собой, а при столь блистательной внешности женщина уже не может быть ни умной, ни доброй.

— В костеле я встретил некоего смелого монаха, — как ни в чем не бывало продолжил шевалье, справившись со своими эмоциями, — который нашел еще один раритетный документ весьма интересного содержания.

— И ты, конечно, сумел его добыть? — с придыханием спросила Элоиза.

— Конечно, — сохраняя непроницаемое выражение лица, подтвердил стригой. — Хотя

для этого мне и пришлось провести довольно неприятную манипуляцию. — Он делано небрежно скривил губы, очевидно усилием воли отметая прочь сильнейшие угрызения совести. Я с любопытством наблюдала за мужчиной, заинтригованная его душевными порывами.

— Ах, ты настоящий герой! — восторженно лепетала Элоиза, молитвенно складывая руки и пожирая де Вильфора жадным взором экзальтированно горящих глаз. — Надеюсь, теперь ничто не сможет помешать нашей свадьбе, ведь вспомни, ты уже пять лет считаешься моим женихом! — Она вопросительно повернулась к оторопело замершей повелительнице. — Вы позволите нам сочетаться браком перед алтарем Темного Отца?

«Тристан — жених Элоизы?!» — От этой внезапной новости мне стало не по себе. Я почувствовала себя так, будто у меня отобрали весь мир: неприятным холодом ныло где-то внутри, за грудиной, словно я съела целую пачку валидола. Хотя следует признать, мужчинам всегда нравятся вот такие куколки-милашки, как наша Элоиза, — с ногами от ушей, бюстом третьего размера и мозгами набекрень.

— Э-э-э... — растерянно мямлила Андреа. — Все так не к месту, не до свадеб сейчас...

— Элоиза, — жестко произнес шевалье, холодно глядя на невесту, — мы не сможем быть вместе. Прости, но мне нужно думать о судьбе нашего народа, а не о личном счастье. И к тому же меня ждет научная работа, я еще не завершил свои эксперименты по созданию искусственной крови...

— Но возможно, позднее... — с робкой надеждой упрасивала несчастная девушка, но Тристан лишь сердито отстранился от ее призывно раскрытых объятий и упрямо сжал губы.

— Я слишком люблю медицину и не люблю тебя, Элоиза. Мой ум должен оставаться рациональным и беспристрастным, не замутненным никакими эмоциями. Я посвящу свою жизнь высшим идеям и никогда не женюсь!

Отвергнутая девушка побелела как мел. Ее красивые глаза затуманились от горя и наполнились слезами отчаяния. Она низко опустила голову, бездумно качая ею в такт словам Тристана, а мне казалось, что она ощупывает подбородком свою грудь, силясь отыскать на ней затянувшуюся петлю виселицы.

Тристан замолчал.

— Молодец! — нашла Андреа, похвалив то ли его отказ от невесты, то ли фанатизм исследователя. — И?..

— Вот сия бумага! — Тристан достал из кармана своего камзола изрядно потрепанный пергаментный листок и подал его повелительнице. — Я неоднократно пытался доложить вам о ней, но вы меня не слушали. И зря...

Не снизойдя до оправданий, Андреа кончиками пальцев небрежно взяла записку и быстро пробежалась по ней глазами. Ее зрачки медленно расширились, заполняя всю радужку, а на лице отразилась бурная смена эмоций: недоумение, понимание, вскоре переросшие в нескрываемый восторг.

— Темный Отец! — торжествуя славилась она. — О, теперь я верую в твою особую благосклонность. Вот так везение...

— А священник из костела сказал, что прикасаться к подлинным артефактам из «Божьего Завета» могут лишь его Хранители, — добавил Тристан. — Так что нам не просто повезло...

— Не смешно! — возмутилась я, окончательно утрачивая терпение. — Такое ощущение, будто вы ведете некий интимный разговор, понятный лишь вам двоим...

Андреа наклонилась вперед и успокаивающе нежно провела рукой по моему плечу — так оглаживают бесценную, чрезвычайно важную и нужную собственность.

— Я сейчас все тебе объясню, Санта! — обещающе проворковала она. — Мы теперь знаем, где находятся предметы из «Завета». Подлинник молитвы и «Перст Господа» принадлежат Белой конгрегации, и поэтому нам придется их искать долго и тщательно. Но зато «Бич Божий» по-прежнему обретается в замке Чейт, расположенном в предгорье Карпат. Его последней Хранительницей была Эржебет Бафора, и поныне замурованная в

подземелье своего поместья. Она никогда не являлась стригойкой по происхождению, но все равно стала одной из нас. Санта, милая моя, ты должна немедленно отбыть в Чейт, найти там госпожу Эржебет и забрать у нее «Бич»!..

— В Чейт? — оторопела я. — Отправиться в Чейт? Но почему я?

— А потому. — Андреа высокомерно оглядела всех присутствующих и победно улыбнулась, — что только ты способна прикоснуться к артефактам человеческого Бога...

— Ик! — обалдела я. — С какой это вдруг стати?

— Ты, бесценная моя сестра, — торжественно сообщила Андреа, — являешься родной дочерью не абы кого, а самого Збышека Мошковецкого, потомка Иосии. А из доставленного Тристаном документа следует, что твой отец происходит из рода Бафора. После бегства из Чейта сын госпожи Эржебет — Павел, унесший с собой часть «Завета», женился на шляхтянке, осел в Польше и сменил фамилию. Ты, дорогая моя, приходишься дальней родней самому человеческому Богу и носишь титул последней истинной Хранительницы «Божьего Завета». И значит, теперь мы можем овладеть оными артефактами и управлять людьми по своему разумению, как пастухи — стадом овец! — она плотоядно оскалилась. — Победа будет за нами!

Я растерянно хлопала ресницами, шокированная столь внезапным поворотом событий.

Андреа злорадно хохотала, откинувшись на спинку дивана и довольно потирая руки. На бледном челе Тристана промелькнула тень искреннего сожаления и печали. Но сильнее всего поразило меня безмерное, всепоглощающее отчаяние, плещущееся в темных глазах монсеньора Анастасио ди Баллестро.

«Что это с ним такое? — недоумевала я, наблюдая за неконтролируемыми судорогами, пробегающими по впалым щекам кардинала. — Ему, похоже, стало жалко людей? С чего бы вдруг?...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Оторвали Нату лапу,
Чтобы девушек не лапал,
Потому что ангел очень
Сексуально озабочен! —

издевательским тоном выпалила Оливия. — Знаешь, где я твою любовь видела? В... — Она сложила губы трубочкой и издала многозначительный свист, намекая на некое специфическое, но всем известное место. — Ясно?

— Когда Бог решил наказать мужчину, — ехидно отозвался Натаниэль, — то вытащил у него ребро и клонировал женщину. А потом он успокоился и сказал: «Хватит, пожалуй, ибо душу она у него и сама вытянет!»

Ариэлла звонко рассмеялась, как обычно, безмерно восхищенная остроумием своего возлюбленного, но Оливия лишь раздосадованно пожевала губами, вынужденная признать очевидную правоту ангела.

— А ты поумнел, — нехотя сообщила она так, будто делала ему огромное одолжение. — Раньше ты обычно глупости всякие молол, а теперь иногда и вполне здравые мысли выдаешь.

— Вот видишь, — издевательски «утешил» ее собеседник, — получается, заключение пошло нам на пользу: ты похудела, я поумнел. Судя по результатам, мы практически в санатории пребываем, а не в каземате.

— В гробу я видела такую пользу! — с кислой миной пробурчала Оливия. — Да я

согласна растолстеть втрое пуще прежнего, лишь бы только отсюда поскорее выбраться!

— Ловлю тебя на слове! — лукаво прищурился ангел. — Обещай, что перестанешь доставать нас своим нытьем насчет диет, и мы выйдем на свободу уже сегодня...

— Правда? — изумленно пискнула Ариэлла. — Но разве это возможно?

— Бреешь! — хамовато усомнилась далеко не столь доверчивая Оливия. — Беру свои слова обратно. Ты нисколько не поумнел, а, похоже, окончательно сбрендил.

— А между тем наше спасение зависит лишь от тебя, Лив, — вовсю развлекался Натаниэль, посмеиваясь с наигранно безразличным видом. — Но, впрочем, если ты ленишься мозгами пошевелить, то как хочешь. Просидим здесь еще лет пятьсот. Зато прикинь, сколько килограммов лишнего веса ты еще сбросишь?!

— Лишнего? — почти со слезами взывала валькирия, жалостливо разглядывая свои отошавшие, мосластые коленки. — Это для кого он лишний-то, интересно?

— Вот тебе и искомая аберрация¹⁹ прорезалась! — насмешливо прищурился Нат. — Ведь еще недавно ты утверждала, что полнота — это плохо!

— Беру свои слова обратно! — повторно выпалила воительница, немного сбита с толку запутанной философией юноши. — Нат, ну не выпендривайся, рассказывай, что ты там придумал.

Но ангел лишь саркастически посвистывал, подняв глаза к грязному потолку их страшного узилища и успешно изображая легкомысленного дурачка.

— Ну не сбрендил, не сбрендил! — извиняющимся тоном признала измученная его спектаклем ангелица. — Нат, ну не будь сволочью, вытащи же нас отсюда.

— Запросто! — мило улыбнулся Нат. — Оливия, прошу тебя, дорогая, плюнь на все...

— Чего? — опешила валькирия, уже готовая услышать изощренный план побега. — Эй, предупреждаю в последний раз, — с угрозой процедила она, — не разрушай мои нервные клетки, ибо в них живут мои нервные тигры...

Но вместо ответа Натаниэль лишь иронично пожал плечами, звякнув тяжеленными кандалами, и действительно плюнул, метко попав на железное кольцо, охватывающее его запястье. Металл зашипел, словно облитый кислотой, и на нем тут же появилось огромное пятно-ржавчины, начавшее стремительно разрастаться. Спустя пару минут Натаниэль освободил свою правую руку, выдернув из стены огромный гвоздь, вбитый в его ладонь, и занялся левой. Металл с тихим шорохом сыпался на пол, превращаясь в коричневую труху. Обе ангелицы ошарашенно вытаращились на юношу, но затем спохватились и последовали его примеру. Догадка Натаниэля, спровоцированная откровениями Оливии, оказалась верной: против ангельской слюны не смогли устоять ни кожаные, отлично выдубленные ремни, ни железные цепи, усиленные стригойской магией. Через какие-то полчаса лихая троица ангелов покинула свои места, на которых провела целых три года. Со вздохом облегчения Оливия разминала свои затекшие от неподвижности мышцы, с радостью наблюдая за стремительно затягивающимися ранами, уродующими ее ладони. Ее заметно похудевшее лицо исказила кровожадная гримаса.

— Ну я вам сейчас устрою, твари! — Она оценивающе ощупала дверь и навалилась на нее плечом. — Неуправляемый разгул стихии под названием жратва!

— Лив. — Натаниэль крикнул и точно так же налег на толстенные дубовые доски, — а ты ничего не путаешь? Ну с названием стихии. Их ведь только четыре существует.

— Пять: воздух, земля, вода, огонь и жратва! — уверенно выдохнула валькирия. — Потому что когда я жру, то нахожусь в своей стихии. Эх!.. — Дверь, выдавленная совместным усилием Оливии и Натаниэля, с грохотом обрушилась в коридор, а следом за нею из каземата вывалились грязные, оборванные, голодные и злые как черти ангелы.

Не тратя более ни секунды, валькирия вихрем рванула вперед по подземелью. Первым, что попало ей на пути, стал пластиковый стол, уставленный грязными стаканами, за

¹⁹ Абберрация — ложный, ошибочный взгляд на какую-то проблему.

которым враскорячку обмерла пара обалдевших от неожиданности стригоев. Недолго думая, воительница схватила первую попавшуюся посудину, поднесла к носу, принялась — и разочарованно взревела.

— Кровь, — гневно констатировала она, — человеческая! — Стакан с хрустом врезался в грудь ословевшего от безделья стригоя, мешком свалившегося с табуретки, ибо осколки стекла вошли ему точно в сердце. — Упыри! — Оливия мстительно подхватила второго вампира, пожилого и напуганного до заикания, умело пережимая его гортань. — Где находится наше оружие?

Полузадушенный стригой сдавленно забекал, беспомощно болтая руками и ногами, словно насаженная на булавку муха.

— Там? — Валькирия ткнула пальцем в потолок, подразумевая расположенный выше этаж.

Стригой согласно прикрыл глаза.

— Спасибо! — хохотнула воительница, легко отрывая ему голову и небрежно отбрасывая прочь обезглавленное тело. — За мной! — Она пинком вышибла непрочную дверь и стремглав рванула вверх по лестнице.

Преодолев два пролета каменных ступеней, они налетели на парочку лениво подремывающих часовых, не ожидающих никакой беды. Легко разделившись с растерявшимися горе-войками, ангелы очутились на первом этаже палаццо Фарнезина, где им тут же несказанно повезло, ибо, пробежав по короткому служебному переходу, они попали к дверям арсенала, запертого на массивный кодовый замок. Но что значат металл, микросхемы и черная магия против сокрушительной силы ангельской слюны?

— Золотце мое! — любовно ворковала Оливия, бережно поглаживая рукоять своей личной «беретты», изъятая ею с полки стригойского арсенала. — Соскучилась небось по мамочке?

Ангел оценивающе покачал на ладони автомат итальянского производства, на глаз прикидывая его огневые возможности.

— Слабоват...

— Бери, — посоветовала валькирия. — Дареному танку в дуло не заглядывают!

Натаниэль снисходительно усмехался, наблюдая за девушками. Ариэлла, уже успевшая облачиться в комбинезон защитного цвета, жилет-разгрузку с многочисленными карманами и вязаную шапочку, шустро шнуровала высокие ботинки-берцы, не забывая бдительно поглядывать на лежащий под рукой автомат. Полностью экипированная Оливия распахивала по карманам запасные пистолетные обоймы, стараясь руганью заглушить громкое бурчание своего пустого желудка.

— Уходим! — Нат призывно взмахнул автоматом, забрасывая на спину битком набитый рюкзак с боезапасом и прикидывая, что больше ему не унести. — Прорываемся наружу из здания и отступаем в сторону папской резиденции.

— Фигушки! — возмущенно возразила Оливия. — Пока не поедем, я отсюда не уйду.

— Рисковать жизнью ради еды? — удивилась Ариэлла. — Глупо!

— Заткнись, тихушница, пломбы выпадут! — сердито насупилась валькирия.

— Опасно! — подтвердил Нат, намеренно игнорируя хамскую реплику ангелицы. — К тому же по дороге в рай кормить не обещали, — мстительно добавил он, явно наслаждаясь своим черным юмором.

— А мне по фигу! — язвительно хмыкнула валькирия. — Не спорю, после нашего каземата что угодно раем покажется, а не только свобода, но за эти три года заточения я поняла настоящий смысл жизни: он состоит в жратве. Ела, ем и буду есть! А насчет риска... — Она белозубо оскалилась. — Все равно рано или поздно мы все умрем. Но подыхать голодной я не согласна категорически.

Натаниэль обреченно махнул рукой, понимая, что валькирию не переупрямишь, и крадучись вышел из арсенала, жестом приказав девушкам понижее натянуть на лицо шапочки, тем самым рассчитывая хоть как-то замаскироваться, чтобы не быть узванными.

Пока дерзких беглецов здорово выручала наглость проведенной ими операции и образцовая стремительность натиска. Очевидно, что устраненные ими караульные не успели поднять тревогу, и поэтому факт их побега до сих пор оставался не разглашенным. Но было бы глупо и в дальнейшем полагаться на подобное везение. Все трое понимали, что счет идет на минуты, вскоре их исчезновение обнаружат, и тогда им придется сражаться со всем гарнизоном палатки, отнюдь не маленьким и отлично вооруженным.

Положившись на свою интуицию, Натаниэль свернул в боковой коридор, толкнул створки раздвижной двери — и едва не скончался на месте, опьяненный волной хлынувших оттуда аппетитных запахов. Судя по божественному благоуханию, просачивающемуся из облицованного кафельной плиткой отсека, там находилась кухня. Опережая ангела, Оливия очертя голову рванулась вперед и, даже не потрудившись притормозить, на всех парах вломилась в обширное помещение, заставленное десятком плит, на которых булькали и шипели бесчисленные кастрюли, кастрюльки и сковородки. С ходу хапнув со стола батон колбасы, она с урчанием вгрызлась в его ароматную сердцевину.

Заметив три вооруженные фигуры, толкущиеся в кухне повара — не стригои, как сразу понял ангел, а пленные люди — растерянно замерли, подняв руки в извечном жесте подчинения превосходству грубой силы.

— Эй, господа, — вежливо произнес Натаниэль, доходчиво поводя дулом автомата, — что вы можете предложить нам на обед?

Оливия с бешеной скоростью уминала колбасу вместе с оболочкой, Ариэлла же держала в обеих руках по пирогу, от которых умудрялась откусывать практически одновременно.

— Пощадите, мы вам не враги! — понеслось со всех сторон.

— Можем предложить телячьи мозги, куриные грудки, свиные ножки, — испуганно пролепетал толстый мужчина в белом фартуке, чей отвисший подбородок трясся словно студень. — Не сомневайтесь, все отменного качества, ведь раньше я работал шеф-поваром в ресторане «Венеция»!

— О-о-о, недаром я всегда говорила, что друг познается в еде! — невнятно прочавкала Оливия.

— Вы лично меня не интересуете, я спрашиваю, что у вас в меню! — иронично фыркнул ангел, после чего повар растерялся окончательно.

— Складывай жратву сюда, — пришла ему на помощь валькирия, бросившая оторопевшему мужчине вытащенный из стола пакет. — А вы, — она выразительно указала пальцем на остальных людей, — сматывайтесь живо отсюда, дурни. Сейчас здесь начнется настоящий бедлам, и поэтому вы получили неплохой шанс под шумок сбежать из стригойской кабалы. Понятно?

Повторять дважды ей не пришлось. Осознавшие ситуацию люди с криками ломанулись в заднюю дверь. Торжествующе поблескивающий глазами шеф-повар спешно набивал мешок, пихая в него все вперемешку: ломти хлеба, куски сыра, приличные шматы копченого сала и мясной запеканки. Оливия для стимула с намеком поигрывала ножом — дескать, «вкус свободы лучше всего ощущается после еды!». Внезапно ненадежную тишину кухни пререзала короткая автоматная очередь, вслед которой прозвучал чей-то грубый голос, ультимативно выкрикнувший из коридора:

— Ангелы, сдавайтесь, и тогда вы сохраните свои жизни!

Троица как по команде бросилась на пол, дружно прячась за разделочные столы, причем Оливия тащила за собой мешок с едой, с коим не рассталась бы ни за какие сокровища мира.

— Ну вот, — укоризненно произнес Нат, сердито глядя на даже сейчас непрерывно жующуюся валькирию, — вляпались мы по уши! Теперь нам точно хана...

— Черт бы побрал этих стригоев! — с ненавистью шипел Конрад, чуть приподнявшись над заснеженным бетонным блоком — остатком разбомбленного дома и с помощью бинокля

внимательно рассматривая подступы к палаццо Фарнезина. — С ума они там, что ли, все посходили? — Он в сердцах добавил еще пару куда более крепких словечек и раздосадованно отложил оптическое устройство, разочаровавшись в своих логических способностях. — Ничего не понимаю! Почему они там все носятся как оглашенные?

— Подвинься, чадо! — Отец Григорий навалился на укрытие всем весом своего мощного тела, подхватил бинокль и приставил его к глазам. Несколько минут он задумчиво шевелил губами, выстукивая толстыми пальцами сбивчивую дробь по обшарпанному корпусу прибора, а затем слабо пожал массивными плечами, извиняясь за отсутствие идей. — Похоже на панику! — неуверенно произнес он, намекая на стригоев, внезапно оставивших вверенные им посты и со всех ног бегущих к зданию своей главной резиденции. — Видимо, у них там какой-то форс-мажор приключился.

— Ага, сошествие ангелов с небес! — язвительно хмыкнул вервольф, правой рукой освобождая из кобуры свой верный «люгер», а второй извлекая из-за пояса огромный охотничий нож. При этом он даже не догадывался, насколько близкой к истине оказалась его случайная шутка. — Или пожар, хрен их разберешь. Но, как гласит древняя китайская мудрость: «Одна картина заменяет тысячу слов». Поэтому предлагаю под шумок подобраться поближе к вампирскому гнезду, посмотреть на него, так сказать «а-ля натурель», и заодно проверить, чего они там так мечутся, будто кошки перед сраньем. А попутно еще и узнаем, можно ли у кровососов вертолетом разжиться. — Он ловко выскользнул из-за укрытия и, пригибаясь к земле, короткими перебежками направился к палаццо, изумляя иерея нестандартной логикой, нечеловеческой гибкостью и потрясающей скоростью движений. К своему величайшему стыду, отец Григорий, выслушавший на своем веку немало исповедей и посему мнящий себя неплохим знатоком людских душ, совершенно не понимал этого непредсказуемого, противоречивого вервольфа. Смех смехом, но, кажется, ему оставалось утешаться последней и довольно спорной истиной: «По волосам можно определить характер человека. Чего же ожидать от лысого?..»

— Опасно сие, ох и опасно! — предупредил Агеев, ползком лавируя между каменными обломками разрушенных зданий, но вервольф демонстративно проигнорировал его опасливые рассуждения, небрежным взмахом руки отменяя вполне обоснованное замечание священника. — А русские еще говорят: «Тот же самый эффект по замене слов дает один хороший удар в морду!» — с прерывистым дыханием проговорил отец Григорий, догоняя Конрада. — Наш-то способ не в пример действеннее!

Фон Майер ответил одобрительным оскалом.

Подобравшись поближе к величественному беломраморному зданию, вервольф и иерей с удивлением слышали треск многоствольной перестрелки, доносящейся из глубины палаццо. Судя по всему, там шла настоящая война.

— Обалдеть можно. — Конрад отважно выглянул из-за бордюра замерзшего фонтана, метким выстрелом из своего пистолета снимая глупо подставившегося часового, нерешительно переминающегося с ноги на ногу и поглядывающего в сторону стеклянной двери западного крыла палаццо. — Даю на отсечение палец — очевидно, в логово Андреа забрался кто-то весьма опасный, устроивший ей маленький сюрпризец. Впрочем, нам это только на руку! — Он не допускающим возражений жестом приказал отцу Григорию следовать за собой, вскочил с колен и, уже не скрываясь, бегом помчался вдоль длинной галереи первого этажа, торопясь обогнуть здание и поскорее убраться с открытого, хорошо простреливаемого места. Пыхтя и кашляя, дородный священник старался не отстать от резвого оборотня, на ходу проклиная такие исконные черты непостижимого русского характера, как авантюризм и солнечная беззаботность (расцениваемая некоторыми иностранцами как легкая отмороженность), вечно подстрекающие его очертя голову ввязываться во всяческие неприятности. Правда, следовало констатировать: до сих пор он всегда выпутывался из передраг без каких-либо существенных потерь, но сейчас все оборачивалось совершенно иначе. Всю свою сознательную жизнь отец Григорий пребывал в непоколебимой уверенности, что приятная неожиданность заведомо лучше ожидаемой

неприятности, но сегодняшняя действительность не оставляла ему выбора, закручивая в стремительном вихре ожидаемых бед и проблем, и точно вскоре не заставивших себя ждать. Причем приближающиеся беды имели вполне конкретную форму, приняв облик двух вооруженных автоматами стригоев, внезапно выскочивших наперерез запыхавшемуся иерею. Отец Григорий резко затормозил, эффектно пропахав валенками пушистый мягкий снежок, но все-таки не сумел полностью погасить скорость и смачно впечатался в первого из вампиров, судя по перекошенному лицу, напуганного не меньше священника. Сплетясь в тесном объятии, сладкая парочка рухнула в сугроб. Второй кровосос громогласно взвыл как тревожная сирена и пальнул наугад, чуть не задев своего напарника. Пули засвистели вокруг замершего от ужаса отца Григория, неловко обнимающегося с немного дезориентированным стригоем, без сомнения получившим серьезное сотрясение мозга от столкновения со столь дюжим противником. Привлеченные шумом, к неожиданно образовавшемуся затору бежали еще несколько защитников палаццо, лишая Конрада едва достигнутого преимущества в неожиданности и численности.

— Ну вот, — укоризненно произнес оборотень, сердито глядя на барахтающегося в снегу иерея, — вляпались мы по уши! Теперь нам точно хана...

— Сдавайтесь, — ультимативным тоном предложил облаченный во все черное стригой, заглянувший в кухню. — Меня зовут Жан Лагаскур, я занимаю пост начальника личной охраны повелительности и гарантирую вам полную неприкосновенность, если вы немедленно сложите оружие и выйдете с поднятыми руками.

— Да хоть худую! — запальчиво вякнула Ариэлла и сама обомлела от собственной смелости.

— Размечтался! — с ненавистью процедил Натаниэль, плечом прикрывая стусевавшуюся подругу. — Так я вам и поверил.

Оливия согласно хмыкнула и беспардонно выстрелила в голову парламентаря, мелькающую в дверном проеме, чем нагло нарушила этикет ведения переговоров. Она ни в кого не попала, но с той стороны донесся возмущенный многоголосый вой, подкрепленный небольшим жестяным цилиндром, ответно влетевшим в помещение кухни и с грохотом покотившимся по полу. За цилиндром струился шлейф из густого, молочно-белого, вонючего тумана.

— Дымовая шашка, — выкрикнул Нат, прикрывая нос и рот рукавом своей куртки. — Они намереваются выкурить нас отсюда будто крыс. Нужно уходить...

— Куда? — несговорчиво рычала Оливия, отползая в глубь кухни и волоча за собой пакет с провиантом.

— Туда! — Ангел лаконично махнул рукой в направлении никелированных моек для посуды, размещенных у противоположной стены. — Видишь дверь, через которую сбежали наши повара? Полагаю, там начинаются какие-то подсобки. Двигай туда, а дальше разберемся...

Валькирия одобрительно кивнула и, натужно кашляя, дисциплинированно скрылась в заполняющей комнату мари. Нат подхватил валяющееся на полу полотенце, стремительно сунул его под оставшийся незакрытым кран с водой, извергающий тугую холодную струю, а затем подал этот импровизированный фильтр подруге, утирающей слезящиеся от дыма глаза.

— Станет легче! — коротко пояснил он, жестом подсказывая Ариэлле прижать к лицу мокрую ткань и дышать через нее. Девушка немедленно воспользовалась предложенной помощью.

Стараясь ступать бесшумно, они в быстром темпе отходили к задней двери, следуя за опередившей их Оливией. Белый туман прорезали красные лучики оптических прицелов — это защитники палаццо тоже вступили в задымленную зону, вынужденные двигаться не менее осторожно, чем ангелы, дабы не попасть под пули отлично стреляющих беглецов. Нат торопливо ускорил шаг, ведя за собой спотыкающуюся девушку, плохо ориентирующуюся из-за своего полотенца.

— Проклятье! — сердито прошипела Оливия, бестолково приплясывающая возле серой стальной двери. — Кажется, она и правда ведет в складской отсек, но убегающие придурки случайно захлопнули ее за собой, защелкнув замок. А дверь, зараза, оказалась на редкость прочной! Сейчас сюда подберутся стригои, и тогда не миновать нам повторной экскурсии в надоевший подземный каземат. Вот только полагаю, сбежать из него во второй раз будет намного труднее. Через пару минут нас спапают.

— Ну это мы еще посмотрим, — с угрозой пробурчал Нат, оглядываясь в поисках подходящего для взлома орудия. — Нужно просто выбить эту дверь и выбраться на свободу...

— Просто? Вот и займись! — насмешливо предложила валькирия, подавая ему огромный топор, применяемый для разрубания мясных туш. — И да пребудет с тобой сила!

— Ума, значит, ты мне не желаешь? — Ангел вставил лезвие топора между дверной створкой и косяком, надавливая на него как на рычаг. Дверь жалобно заскрежетала. — Знаешь, Лив, ты начала смутно напоминать мне кого-то знакомого: тощая, бледная, с косой...

Воительница возмущенно приоткрыла рот, собираясь ответить на очередную подколку ангела, но тут из тумана выскочили два стригоя в противогазах, изрядно смахивающие на огромных лупоглазых насекомых. Оливия вскинула руку, сжимающую рукоять ее любимой «беретты»...

— Не стрелять! — панически завопила Ариэлла, прыгая на подругу и протестуяще повисая у той на локте. — Тут пахнет не только дымом из шашки, но и бытовым газом. Повара забыли завернуть кран на плите. Выстрели — и все мы взлетим на воздух...

Стригой изумленно замерли, а Оливия заковыристо выругалась, недобрый словом помяная неосторожных поваров. Она быстро засунула пистолет обратно в кобуру и, злобно фыркнув, сорвала противогаз с ближайшего врага, одновременно сильно пнув его в пах.

— Если фортуна повернулась к тебе спиной, то дай ей пендель под зад! — цинично буркнула она.

Травмированный боец с воплем отлетел назад и с грохотом обрушился на кучу фарфоровых тарелок, утопая в осколках. Но второй вампир не растерялся, он выхватил нож и вразвалку пошел на ангелицу, угрожающе поигрывая острым лезвием. Нехорошо усмехнувшись, валькирия иронично поманила его пальцем и мягко переместилась влево, уходя с линии удара. Стригой, шокированный ее поведением, как зачарованный потянулся за нахалкой, но тут спрятавшаяся за ближайшим столом Ариэлла с невинным видом выставила ножку, не замеченную бойцом. Стригой опомнился, резко метнулся к Оливии, запнулся за ботинок Ариэллы и едва не рухнул на пол, подхваченный валькирией. Воительница сорвала с вампира противогаз, подтащила к плите и макнула головой в гигантскую кастрюлю, наполненную кипящим супом. Вой обваренного вояки взметнулся к потолку...

— Готово! — Нат метко метнул топор в очередного выскочившего из дыма нападающего, упавшего с раскроенным черепом. — Пошевеливайтесь! — Он рывком зашвырнул в распахнувшуюся дверь Ариэлла, впихнул туда же Оливию и захлопнул створку прямо перед носом добежавших до двери преследователей, заклинив ее засунутым в засов молотком для изготовления отбивных. — Бежим! — Он обвел ищущим взглядом заставленное корзинами и ящиками складское помещение, но не обнаружил никакого выхода. Похоже, ангелы попали в настоящую ловушку, очутившись под сомнительной защитой хлипкой двери, уже всю трещавшей под ударами их преследователей.

— Ну не могли же они взять и испариться! — отчаянно всхлипывала Ариэлла, сморкаясь в порядком замурзанное полотенце. — Я же сама видела, как люди убежали в эту самую дверь и уже не вернулись обратно.

— Померещилось тебе, — невнятно пробурчала Оливия, занятая сооружением огромного бутерброда, состоящего из внушительной хлебной горбушки, полкружка колбасы и здоровенного ломтя сала, — с голоду! — Она широко раскрыла рот, собираясь вгрызться в

желанное кушанье, но Нат ловко выхватил бутерброд у нее из пальцев и махом откусил добрую его половину.

— Сволочь! — с выражением охарактеризовала прожорливая воительница. — Садист! Вымогатель! Проглот! Чтоб у тебя под ногами разверзлись врата ада, чтоб тебя...

— Стоп! — ультимативно потребовал ангел. — А ну-ка, повтори!

— Сатрап! Изувер! — увлеченно принялась перечислять обрадованная его попустительством Оливия. — Ненасытная утроба...

— Сама такая! — буркнула обиженная за милого Ариэлла. — Ты — плохая! Чтоб ты сама в подземелья ада попала!

— И как же я сразу до этого не додумался, — озарено хлопнул себя ладонью по лбу Натаниэль и торжествующе рассмеялся. — Молодцы, девочки. Мы все туда попадем!

— Он спятил, — убежденно заявила Оливия, откусывая большущие куски от сырной головки и глотая их почти не жуя, — я давно это подозревала!

— Прикуси свой болтливый язык, — не слишком миролюбиво посоветовала Ариэлла, — а то я сама его тебе укорочу.

— Укорочу! Подземелье ада... короткий путь... — задумчиво проговорил Нат, невидяще глядя на своих драчливо нахохлившихся спутниц. — Все правильно, и как я сразу не догадался!

— Эй, это ты о чем? — с подозрением осведомилась валькирия, всерьез обеспокоенная умственным здоровьем ангела. — Не рехнулся ли, случаем, от пережитых потрясений?

— Люк, — спокойно пояснил Натаниэль, справедливо рассудивший, что сейчас не время обижаться или выяснять отношения, — ищите его на полу. Уверен, люди ушли как раз через него.

— Точно! — восторженно взвизгнула Ариэлла. — Нат, ты просто гений!

Оливия озадаченно хлопала ресницами, забыв закрыть рот, из которого вывалился непрожеванный кусок сыра, наповал сраженная как спасительной догадкой ангела, так и собственной несообразительностью. А затем, абсолютно не сговариваясь, они дружно бросились ворошить разбросанный по полу мусор, состоящий из одноразовой пластиковой посуды, оберточной бумаги и прочей ерунды.

Искомый люк нашелся сразу — в углу за стеллажом с консервными банками. Скорее всего, его использовали как канализационный сток для сброса пищевых отходов, но сейчас друзьям было не до брезгливости. Узкий и грязный, этот ржавый железный желоб уводил куда-то вниз, выглядел отвратительно, а пах и того хлеще, но по ширине оказался вполне способен вместить их всех, даже широкоплечего Натаниэля. Выбирать не приходилось, ведь недаром же говорят: строя воздушные замки надежды, нужно начинать с канализации. Юноша первым скользнул в темное жерло обнаруженного стока, гулко покатавшись по извилистой, громыхающей под его тяжестью трубе. Второй в путь отправилась нерешительная Ариэлла, настойчиво подпихиваемая нетерпеливой Оливией. Валькирия закрыла за собой крышку люка и стремглав покатилась вниз, успев услышать шум от падения слетевшей с петель двери склада, наконец-то выбитой озверевшими стригоями. Проваливаясь в темноту, она различила отдаленный звук мощного взрыва и витиевато выругалась, отлично понимая, что самые трудные испытания еще поджидают их впереди. Но к чему теперь сожаления, ведь разве они не догадывались, во что ввязываются?..

— Значит, я — плохая! — скептически фыркала она, кривясь от царящей в желобе вони. — Но если разобраться, в этом тоже есть свои приятные стороны, ибо хорошие девочки попадают на небеса, а плохие туда, куда сами захотят!

Способность принимать правильные решения приходит к нам с опытом, однако, к сожалению, опыт приобретается лишь тогда, когда мы принимаем заведомо неправильные решения. К чести вервольфа, он был отлично осведомлен об этом загадочном парадоксе человеческого мышления, но, увы, не успел воспользоваться ни уже накопленным опытом, ни логикой, ни здравым смыслом. Когда времени на размышления уже не остается,

приходится действовать наобум, подвергая себя риску и опасности. Конрад благородно отверг представившийся ему шанс отступить и не сбежал, оставив врагов разбираться с барахтающимся в снегу иереем. Вместо этого он злобно зарычал и молнией метнулся обратно, ударом кулака сметая стригоя, оказавшегося у него на пути. Выстрелом из пистолета, заряженного освященными пулями, он вдребезги разнес череп бойца, навалившегося на отца Григория и мешающего тому выбраться из глубокого сугроба. Откинув безвольное тело мертвого вампира, иерей поднялся, дрожащей ладонью утирая бледные, забрызганные кровью щеки.

— Анафема! — только и произнес он, сумев вложить в это короткое слово массу противоречивых оттенков.

Конрад довольно осклабился.

— Все предельно просто: или мы их пришьлем, или они нас, — он презрительно пихнул кончиком ботинка труп, картинно распростершийся у него под ногами, — уделают. Или пацифисты имеют что-то против? — Он бесшабашно уставился на иерея, нагло улыбаясь во весь рот.

— Боже упаси! — оптимистично перекрестился отец Григорий, все еще находящийся под впечатлением недавней расправы. — Красота и массовые расстрелы спасут мир.

Конрад раскрыл рот, намереваясь вернуть что-нибудь в тему, но тут до их слуха донесся шум от слаженного топота множества ног, синхронно ударяющих в мерзлую землю. И этот шум приближался...

— Бежим! — вервольф, не мешкая более, ультимативно сграбастал священника за рукав телогрейки и поволок за собой.

За несколько минут, демонстрируя завидную прыть и строча ногами чаще пары швейных машинок, они сумели обогнуть длинное крыло палаццо и выскочили на широкий внутренний двор, переоборудованный под миниатюрную вертолетную площадку. На частично размеченном асфальтированном прямоугольнике красовались четыре геликоптера: ремонтируемый, со снятым винтом; большой грузовой, обставленный штабелями каких-то ящиков и коробок; красивый как игрушка вороной вертолет «Черная акула», буквально заморозивший оборотня своими хищными очертаниями, и серебристо-зеленый военно-грузовой Ми-28.

— Берем черный! — мгновенно сделав правильный выбор, не предложил, а приказал фон Майер, бегом направляясь к вожаке летательному аппарату. — Он двухместный, скоростной и маневренный, мигом в Словению до Чейта долетим.

Возле вертолета он заметил невысокую женскую фигурку, заполошно метнувшуюся в сторону при их приближении. «Какого дьявола она там делала?» — немного отвлеченно удивился он, ибо испуганная им девушка выбралась откуда-то из-под днища «Акулы» и со всех ног бросилась прочь, в сторону дома, визжа на близкой к ультразвуку ноте. Вервольф поморщился, частично по причине заинтригованности, а частично от жуткого, ввинчивающегося в мозг звука, бьющего по барабанным перепонкам. Но размышлять было некогда, ибо за его спиной хрипло дышал запыхавшийся от бега священник, а из-за угла уже выскочили пять-шесть преследователей. Поэтому оборотень быстро выбросил из головы неуместные сейчас теории и, толкнув отца Григория за дощатый ящике каким-то грузом, метнул в преследователей выхваченную из подсумка гранату. От взрыва у него чуть не заложило уши, а глаза заслезились от яркой вспышки багрового пламени, взвившегося до уровня второго этажа палаццо. Из окон со звоном посыпались выбитые ударной волной стекла, где-то внутри здания басовито завывала запоздало сработавшая сигнализация. А потом все подозрительно быстро затихло, лишь потрескивал огонь, пожирающий загубленную деревянную тару.

— Благолепно-то как, — с чувством облегчения произнес выползший из-за ящика отец Григорий, по самые уши перемазанный маслянисто отблескивающей черной копотью. — Аж до умиления!

— Тихо, как в морге! — бодро уточнил вервольф, театрально отряхивая ладони от

несуществующей грязи. — Впрочем, не надейся, это долго не протянется. Пуля дура, а граната вообще идиотка, поэтому через пару секунд мы будем иметь сомнительное счастье наблюдать здесь всех стригов Рима!

— Даже так? — недоверчиво приподнял брови иерей, неописуемо комичный, ибо его всклокоченные волосы слиплись в два торчащих вверх колтуна, делая священника похожим на сказочного черта. — Вот анафема!

Конрад заразительно расхохотался, упиваясь этим, доселе еще не испытанным выбросом адреналина в кровь, запахом гари и мыслью, что Селестина находится где-то здесь, совсем рядом, в этом нарядном палаццо. Но эйфория продолжалась совсем недолго, ибо из задней двери палаццо вышел одетый в черную форму стригой и, успокаивающе подняв руки, двинулся прямо на Конрада.

— Эй, вервольф, — громко крикнул он, — помнишь меня? Я Жан Лагаскур, телохранитель повелительницы. Когда-то ты вполне по-дружески общался с некоторыми из моих бойцов. Так зачем же ты устроил нам настоящую бойню?

— Я? — дурачась, простецки переспросил оборотень. — Да ну, брось, какие могут быть разборки между настоящими друзьями? Так, пустяковые мелочи: слегка подбитый глазик, сломанный пальчик, легкая черепно-мозговая травмочка. — Он даже не пытался смягчить свои откровенно издевательские интонации.

— Сложи оружие, и я гарантирую тебе неприкосновенность. Госпожа желает поговорить с тобой. — В голосе Лагаскура прорезался металл.

— Первым здоровается тот, у кого слабее нервы, — доверительно сообщил оборотень, изящно отставляя правую ногу и принимая нарочито небрежную позу. — А ты разве не знал? Кстати, имей в виду, я никогда не считал тебя шибко умным или талантливым, Жан.

— Повелительница ждет! — стараясь не вспылить, сдержанным тоном напомнил стригой.

— А не о чем мне с ней балакать, — уничижительно усмехнулся Конрад. — Мне от нее ничего не нужно, и если она не станет мне препятствовать, то я в свою очередь обещаю не создавать ей дополнительных проблем. Потому что... — наострив уши, он прислушался к доносящейся из палаццо автоматной канонаде, — у нее и своих забот хватает! — В его голосе прозвучала нескрываемая издевка. — Логично?

Лагаскур не отвечал, очевидно переваривая услышанное.

— Рассказывают, будто Аристотель, когда придумал логику, на радостях велел заколоть сорок баранов и устроил пир. С тех пор бараны логику не любят! — продолжал упражняться в остроумии вервольф. — Ну так как, баран, ты со мной согласен?

— Ах ты сволочь! — возмущенно заорал Лагаскур, хватаясь за свой автомат и направляя его дуло в грудь дерзкому чужаку. — Ты еще смеешь ставить условия?

— Смею! — эхом откликнулся Конрад, поднимая зажатый в руке пистолет и наставляя его на противника. Его указательный палец выжидающе замер на спусковом крючке «люгера». — Мне искренне жаль вашу заигравшуюся в войну госпожу, а посему я готов уйти отсюда тихо и мирно, конечно, лишь в том случае, если вы отдадите мне один из своих вертолетов.

— Чего, вертолет? — растерянно переспросил стригой, ошеломленный подобной дерзостью. — Слушай, а гроб дубовый с золочеными ручками ты, случаем, не хочешь? Зачем тебе понадобился наш вертолет?

— Людей спасти! — торжественно отвечал поднявшийся из-за ящиков отец Григорий, смешной и ужасный одновременно. — Помилуй тебя Господь, чадо! — И он щедро осенил оторопело замершего стригоя размашистым крестным знаменем.

Лагаскур сердито зашипел, будто драчливый дворовый кот, облитый умиряющей струей кипятка, и проворно отпрыгнул назад.

— Ты, — обвиняюще процедил он, обращаясь к вервольфу, — ты что, и правда намереваешься спасти нескольких жалких людишек? Не верю! Ты ведь эгоист и одиночка. Какие там люди, если ты ради нас, твоих родичей, и то никогда даже пальцем не пошевелил!

— А вот в этом ты ошибаешься! — почти вежливо возразил Конрад и нажал на курок своего пистолета...

Глава 2

Жизнь так обидно коротка, что ты едва успеваешь ее испортить. Полагаю, именно этим мне и предстояло заняться в самое ближайшее время.

— Тебе придется отправиться в замок Чейт, — в который раз повторила сестра, вбивая в мою строптивую голову сей категоричный приказ. — И смотри, не вздумай там погибнуть. — Она шаловливо погрозила мне пальцем. — Учти, смерть не является весомым оправданием для невыполненного задания!

Я пессимистично шмыгнула носом.

— А если против меня выступит ОН. — Я голосом подчеркнула это короткое, но такое емкое «он», постаравшись вложить в свои интонации максимум ненависти. — Полагаю, он далеко не хилый мальчик и способен здорово затруднить мое продвижение к желанной цели.

— Не затруднит, не переживай, — с уверенностью успокоила меня Андреа. — Вот, я дам тебе это! — Она опустила пальцы за вырез своего платья и сняла цепочку с прикрепленным к ней кулоном, висевшую у нее на шее. — Амулет Луны! — Она торжественно передала мне простой серебряный диск, соединенный с такой же безыскусной, грубовато сработанной цепочкой. — Он способен защитить оборотня от происходящих с ним трансформаций, зависящих от цикла ночного светила, но также, при правильном обращении, может навсегда сделать его человеком или животным, закрепив в уже неизменяемом облике, и избавить от мучительных метаморфоз. Недаром наш вервольф давно гоняется за этим артефактом. Возьми амулет, он защитит тебя от гнева предателя Конрада.

Я недоверчиво повертела в руке простенький, тускло поблескивающий кругляшок, ничуть не похожий на могучий артефакт, но зато сильно напоминающий саму Луну — равнодушную, холодную, недоступную, а затем скептически хмыкнула и сунула подарок сестры к себе в карман. Проверим, чего он стоит на деле!

— Отлично! — довольно улыбнулась Андреа. — Ты полетишь на вертолете. Я дам тебе мой лучший вертолет «Черную акулу». Перелет не займет более восьми часов, так что перекуси, собери вещи и отправляйся в Словакию. И помни, Санта, — она интимно сжала мое запястье, болезненно впившись в кожу своими длинными ногтями, — мне во что бы то ни стало любой ценой нужно заполнить «Божий Завет».

— Не сомневайся, я добуду его для тебя! — послушно кивнула я. — Или погибну.

— Не погибнешь! — с внушающими интонациями произнесла повелительница. — Обещаю — у тебя все получится, и ты вернешься обратно к нам, сюда, целой и невредимой.

— Не думаю, что такое возможно! — вдруг дерзко возразил Тристан, ладонью откидывая назад гриву густых волос и пристально всматриваясь в глаза повелительницы. — Какими бы замечательными талантами ни обладала Санта, она все-таки в первую очередь слабая и хрупкая девушка, и ей совершенно не под силу в одиночку совершить навязываемый тобой подвиг!

— Она справится! — заносчиво выкрикнула Андреа, буквально замораживая мужчину ледяным взглядом синих глаз. — Справится там, где окажется несостоятельным целый отряд моих самых опытных бойцов, ибо она — лучшая!

— Не спорю, — понизив голос, вкрадчиво согласился Тристан. — Санта стоит сотни бойцов, но даже ей нужен преданный напарник, способный в нужный момент прикрыть спину или подать руку помощи.

— Хм! — озадачилась госпожа, ее прекрасное лицо смягчилось, в интонациях поубавилось спеси и раздражения. — Возможно, в твоих словах есть резон. Что ты предлагаешь?

— Я полечу с Сантой! — внятно отчеканил де Вильфор. — И это — не просьба!..

— Да-а-а? — вибрирующим от напряжения хрипом откликнулась Андреа. — С каких это пор ты начал отдавать мне приказы? Интересно, а что я получу взамен своего согласия?

— Когда я вернусь, — медленно выговаривал мужчина, не сводя гипнотизирующего взгляда с побледневшего лица повелительницы стригоев, — то обещаю без раздумий исполнять любые твои желания...

— Любые! — радостно выдохнула она, облегченно моргая. — Хорошо, я разрешаю тебе отправиться с Сантой.

Кардинал ди Баллестро молчал, задумчиво перебирая край своей мантии. Его сухошавые черты, полускрытые тенью от тяжелой портьеры, оставались бесстрастными, но тоненькая синяя жилка, вздувшаяся на беломраморном лбу прелата, выдавала владеющее им напряжение, искусно подавляемое и замаскированное. Я тоже безмолвствовала, ибо была бесстыдно и безмятежно счастлива. Подумать только, Тристан полетит вместе со мной! Да о подобном спутнике я и мечтать не смела! Андреа и де Вильфор не сводили друг с друга глаз, ведя немой, понятный лишь им диалог. И именно поэтому никто из них не обратил внимания на Элоизу, бесшумно поднявшуюся со своего места и незаметно покинувшую комнату. Чело девушки пересекала гневная морщинка, а горестно закушенные губы дрожали, но твердо сжатые кулаки вызвали подозрение, что она замыслила что-то недоброе. Я проводила ее недоуменным взором, решив немного повременить и не поднимать тревогу. Не знаю, какая печать замкнула в тот миг мои уста, приказав молчать, но как бы там ни было, я действовала безотчетно, ведомая не разумом, но инстинктом.

— Не стоит медлить! — Андреа встала с дивана, подошла к вделанному в стену сейфу, открыла его и подала мне миниатюрный легкий пистолет «глок», а Тристану — отличную винтовку. — Вот ваши деньги, вдруг да пригодятся, запасные обоймы к оружию, кобуры, ножи, фляжки с водой, рюкзаки с плитками шоколада, галетами и еще пластиковые контейнеры с кровью. — Судя по всему, она позаботилась о снаряжении заранее, проявив похвальную предусмотрительность. — Желаю вам удачи!

Мы с Тристаном неторопливо экипировались, тщательно застегнув все пряжки и бережно разложив по карманам и рюкзакам вышеперечисленные столь полезные в походе предметы. Неожиданно где-то на улице, очевидно во внутреннем дворе палаццо, громыхнул оглушительный взрыв. Здание покачнулось, из окон посыпались выбитые стекла, а в комнатах заунывно завывала сработавшая сигнализация. Кардинал ди Баллестро вымуштровано упал на пол и шустро заполз под стол. Я покачнулась, но устояла на ногах, схватившись за плечо Тристана. Андреа ахнула, провела ладонью по лбу и изумленно воззрилась на свои испачканные в крови пальцы. Видимо, ее порезал отлетевший от оконной рамы осколок.

— Убей меня серафим! — удивленно ругнулась она, между тем как ее рана затягивалась с невероятной скоростью. — Какого ангела тут происходит?

— Вторжение, — мгновенно сориентировался Тристан. — Думаю, на нас кто-то напал!

— Враги? — отмерла повелительница и заорала так, что у меня аж ветер по волосам прошелся. — Тревога! Поднять всю охрану! Куда же запропастился Лагаскур, рай его заberi?

— Наверное, он находится там! — Де Вильфор махнул рукой в сторону разверстого оконного проема, из которого тянуло жутким холодом. Снег беспрепятственно влетал в комнату и, тая, крупными каплями оседал на мебели и нашей одежде. С улицы донеслись звуки выстрелов.

— Это со стороны вертолетной площадки! — определила Андреа и еще более растерянно посмотрела на меня. — Не понимаю, кто осмелился ворваться в мой дом и как он смог попасть в...

Но я не дослушала ее причитаний. Выхватив из ножен катану, я выпрыгнула в окно и помчалась вдоль первого этажа палаццо, стремясь обогнуть угол и попасть во внутренний двор. За моей спиной раздавалась четкая дробь, выбиваемая каблуками догоняющего меня Тристана. Сердце радостно забилося, подстраиваясь под ритм его шагов.

«Мы вместе, теперь мы вместе, навсегда вместе!» — подумала я, резко свернула за угол, вылетела к сгрудившимся на площадке вертолетам и увидела...

Элоиза сходилась с ума от злости и ревности. Не спасало даже то, что она пока еще не разобралась, которая из сестер интересовала Тристана больше — Андреа или Санта, хотя, честно говоря, девушка и не собиралась углубляться в детали и подробности. Какая разница, ради кого ее бросили, если сам факт отступничества уже не подвергается сомнению. Итак, Тристан предпочел ей другую женщину, а возможно, даже их обеих. Холодная ярость закипала в груди Элоизы, грозя в любое мгновение выплеснуться наружу. Видит Темный Отец, она ничем не заслужила столь унижительной участи — пополнить собой ряды отвергнутых, всеми презираемых неудачниц. Происходя из древнего и знатного рода, Элоиза Бафора превыше всех благ мира ценила свою честь, безмерно почитала дворянское достоинство и требовала к себе уважительного отношения, соответствующего ее социальному статусу. И к тому же она занимала завидный пост личной камеристки повелительницы. Да, она служила всесильной госпоже, которая ее предала!

Элоиза мстительно стиснула кулаки, тихонько выбираясь из сумрачного кабинета Андреа. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Госпожа и неверный жених не сводили друг с друга заговорщицких взглядов, кардинал ди Баллестро вроде бы дремал, а рыжая Санта, похоже, думала о чем-то своем, потому что на ее худощавом лице мелькала тень какой-то отвлеченной полуидиотской улыбочки. К тому же воскресшая из мертвых сестрица госпожи изначально не произвела на Элоизу хоть сколько-нибудь благоприятного впечатления, она показалась ей очень странной особой. Скорее всего, весьма продолжительная болезнь, перенесенная совсем недавно, отнюдь не пошла Санте на пользу, необратимо нарушив ее умственные способности. Впрочем, ничего удивительного в том нет, ибо Элоиза прекрасно понимала, что никто из ее народа не способен пережить подобные трансформации. Ни один стригой, даже сама повелительница. Никто, кроме Санты, разумеется. А проистекающий из этих наблюдений вывод гласит: Санта не является полноценным членом их клана, она выродок, мутант, животное! И посему, не сочтя эту новоявленную стригойку опасным противником, Элоиза намеренно проигнорировала ее задумчивую улыбку и бесшумно выскользнула за дверь, мысленно убеждая себя в собственной безнаказанности. Мы всегда недооцениваем способности тех, кого ненавидим или презираем. Ее растоптанная любовь и раненая душа, истекающая черной кровью ревности, требовала немедленных ответных деяний. О, семья Бафора всегда славилась наличием в своих рядах многочисленной плеяды отважных воинов и хитроумных дам-интриганок, и теперь Элоизе жутко не терпелось пойти по их стопам. О, она могла пообещать, что приложит максимум усилий и станет их достойной наследницей! Она ни в коем случае не смирится с изменой ветреного лицемера-жениха, она ему отомстит. Нет, более того, она непременно покарает всех троих: сначала только Тристана и Санту, а затем обязательно доберется и до своей коварной госпожи. Она просто затаится, притворится наивной дурочкой и дождется подходящего для возмездия момента. Но все это станет делом будущего, а пока...

Элоиза бегом преодолела длинную анфиладу крикливо обставленных покоев и решительно распахнула стеклянную створку задней двери, выходящей во внутренний двор, превращенный в вертолетную площадку. На улице не было никого. Ветер с ревом набросился на свежую добычу, растрепав пышные волосы стригойки и оборачивая вокруг ног подол ее шелкового платья. Но что может изменить ветер, выступивший против воли и отчаяния бессмертного Дитя Тьмы?! Девушка поднесла ко лбу ладонь и, прикрыв глаза этим импровизированным козырьком, испытующе всмотрелась в самое сосредоточие разыгравшейся пурги. На площадке находилось несколько летательных аппаратов — изящных и вместе с тем воинственных птиц из металла, стекла и пластика. Возле колес большего из вертолетов высился небрежно сложенный штабель каких-то коробок и ящиков, очевидно брошенных в самом разгаре погрузочных работ. Элоиза сначала удивилась пустоте

двора, заподозрив неладное, но потом бурно обрадовалась, усмотрев в этом факте благоприятный промысел Тьмы, призванный способствовать осуществлению ее замыслов. Теперь-то ей уж точно никто не помешает, а значит, задуманная ею месть является справедливой и угодна Темному Отцу. Девушка растерянно оглянулась, а потом ликующе вскрикнула, обнаружив валяющийся на асфальте гвоздь — тонкий и острый, почти полностью засыпанный снегом. Она нагнулась, подняла орудие своего возмездия и радостно зажала его в кулаке. А затем стремительным шагом направилась к летательным машинам, обдумывая свои дальнейшие действия.

Она ничего не смыслила в вертолетах, но зато слышала, как Андреа пообещала Санте, что отдаст той лучший из них — «Черную акулу». Одного мимолетного взгляда на выстроившиеся в центре площадке геликоптеры оказалось достаточным — отвергнутая невеста сразу и безошибочно опознала искомый агрегат. Его вороненый обтекаемый корпус с хищными линиями и впрямь наводил на мысли о сравнении машины с кровожадной морской тварью, настолько быстрым и опасным выглядел вертолет. Ощувив смутную симпатию, Элоиза на секунду даже пожалела эту мощную машину, которую собиралась покалечить столь жестоко, но, мгновенно овладев своими эмоциями, девушка сердито встряхнула копной распутившихся от снега мокрых волос и категорично поднырнула под холодное брюхо геликоптера. Она чуть помедлила, примериваясь, а затем с нечеловеческой силой, стократно умноженной ревностью и обидой, вонзила гвоздь в обшивку обреченной на заклятие машины, пробив в ней узкое отверстие. Девушка поспешно вытянула острие обратно и с торжеством увидела, как из проделанной ею дырки начала медленно сочиться маслянистая вонючая жидкость. Элоиза нагнулась, подобрала комок вязкой, полусмерзшейся грязи и старательно замазала ею свежую пробоину.

— Вот так, — злорадно пробормотала она, — попробуйте теперь долететь до Чейта. Хотела бы я посмотреть, как у вас это получится! Вам не вернуться сюда... — она осеклась и панически обернулась, расслышав шум, создаваемый приближающимся к ней человеком. Неужели ее все-таки выследили и застигли на месте преступления? Но, к счастью для хитроумной злодейки, это оказались вовсе не охранники повелительницы, а некий чужой, облаченный в полувоенную форму мужчина, следом за которым шаткой рысью тяжело ковылял еще один смертный — запыхавшийся толстяк, на груди у коего поблескивал массивный серебряный крест. Похоже, на территорию палаццо проникли враги, а возвестить об их приближении первой — ну разве это не самый лучший способ для того, чтобы сыскать милость госпожи и отвести от себя малейшие подозрения в предательстве? И поэтому, буквально окрыленная столь блестящей идеей, Элоиза вихрем рванула к дому, размахивая руками и истошно крича во все горло.

Первым нырнув в люк канализационного стока, Натаниэль сразу же покатился вниз, едва успевая притормаживать ногами. Крепкими подошвами своих ботинок он чиркал по стенам вонючего тоннеля и старался не думать о том, во что непременно превратится его новая форма, позаимствованная в стригойском арсенале. Выстилающая желоб жесть оглушительно грохотала, но ангел все-таки расслышал смутную, отдаленную приличным расстоянием канонаду автоматной перестрелки, а затем и рокот достаточно мощного взрыва, показательно всколыхнувшего все здание.

— Какого демона тут происходит? — удивленно бормотнул он, всецело сосредоточенный на своих крыльях и старающийся как можно плотнее прижимать их к спине. Упаси бог, поломать хрупкие перья. К тому же Нат сильно переживал по поводу своих ослабленных бездеятельностью связок и сухожилий, сомневаясь, не разучился ли он летать за эти долгие три года, проведенные в подземном каземате. Крылья ангела — весьма хрупкая и капризная конструкция, нуждающаяся в бережном обращении и регулярных тренировках. Но, к его немалому изумлению, перья легко выдерживали соприкосновение с жестью, производя при этом странно-гулкий, совсем нехарактерный для них звук. Такой, какой издает нож, разрезающий консервную банку. Нат кое-как извернулся, скосил глаза за

свое плечо и шокировано вскрикнул... Нет, вовсе не потому, что увидел Ариэллу, испуганно зажмурившую глаза и дисциплинированно катящуюся за ним, а по причине многочисленных царапин, в изобилии избороздивших стены желоба. Судя по всему, их оставили его крылья, а точнее, покрывающие их перья. Неужели голод и мучения вызвали какие-то загадочные метаморфозы, незаметно произошедшие в его организме, и... Но додумать он не успел, потому что тоннель внезапно закончился, превратившись в круглое отверстие, из которого Ната вышвырнуло во внутренний двор палаццо.

Сначала у ангела возникло непонятное ощущение: он осознал себя парящим в невесомости слепцом, рывком выброшенным в состояние полета и ничего не видящим из-за мгновенного перехода от полумрака к свету. Выходная ширма канализационного стока, выполненная из полос прорезиненной ткани, раздвинулась, и ангел стремительно полетел вперед, словно выпущенное из пушки ядро. Его глаза резанул неяркий дневной свет, и отвыкший от свободы узник испытал резкий приступ головокружения, вызвавший кратковременную дезориентацию в пространстве. Он растерялся и громко заорал от неожиданности. И что, это — все, финал всему? Неужели это и есть смерть? Хотя нет, он тут же понял, что жив и летит по дуге в положении на четвереньках. И в этом же положении Натаниэль неловко приземлился на засыпанный снегом асфальт, носом и ладонями пропахав широкую рваную колею в сугробе. Мир тут же стал близким и доступным, вернувшись к нему в звуках и оглушительно пульсируя. Нат растерянно поднял взгляд — и заорал еще громче, на сей раз уже от дикого ужаса, потому что над ним, прочно расставив прикрытые непонятным одеянием ноги, стоял пожилой грузный черт и заливался жизнерадостным, утробным хохотом...

Лагаскур захрипел, кровь хлынула у него изо рта, и он замертво, будто подкошенный, рухнул на землю, ибо выпущенная Конрадом пуля попала ему прямо в сердце. Вервольф довольно усмехнулся и чуть не поплатился жизнью за свой триумф: совсем близко громыхнули выстрелы, взрыхлившие снег у него под ногами. Фон Майер чертыхнулся и поспешно отпрыгнул назад, укрывшись за сложенными возле вертолета ящиками. Из-за угла палаццо во двор, растянувшись цепочкой, вбегало несколько охранников, открывших по нему шквальный огонь. Конрад искал глазами отца Григория и выругался повторно, обнаружив того чуть в стороне, возле дальней стены здания. К бесконечному потрясению оборотня, вышеупомянутая стена вдруг разверзлась, и из нее рыбкой вылетела стройная мужская фигура, лицом вниз проехавшая по свежевывавшему снежку. Но, к невольному восторгу вервольфа, сюрпризы сегодняшнего, весьма богатого на события дня отнюдь не закончились на оном впечатляющем явлении, ибо на спине неудачливого летуна оборотень увидел самые настоящие крылья — мощные, отливающие аномальным стальным блеском.

— Ни фига себе торжественный выход на сцену, только звуков фанфар не хватает! — потрясенным шепотом произнес вервольф, не веря собственным глазам, ведь вместо перьев крылья ангела покрывали острые стальные лезвия. — Боевой ангел, не больше и не меньше, чтоб мне треснуть. И где — на дворе у стригов!.. Да какого демона тут происходит?

Ангел плюхнулся точно под ноги весело ржущего отца Григория, вскинул на того глаза и дико заорал, размахивая своими оперенными кинжалами крыльями и силясь взлететь над землей...

— Анафема, тьфу, ангел! — экзальтированно возопил совершенно обалдевший иерей, в свою очередь с размаху валясь на колени и скованно крестясь. — Распахнулись врата царства Божьего, выпустив из рая своих небесных воинов... — напевным речитативом выкрикнул он, протягивая руку к крылатому пришельцу. Но вместо того чтобы ответить на дружественный жест отца Григория, ангел вдруг резво пополз прочь, волоча за собой тяжелые крылья и трусливо оглядываясь через плечо.

— Черт, — сбивчиво лепетал божий защитник, — да это же самый настоящий черт! Чур меня, чур!

Отец Григорий только недоуменно бекнул и тяжело осел на свою упитанную пятую

точку, предобморочно держась за грудь растопыренной, мелко дрожащей ладонью...

...Нат растерянно поднял взгляд, на секунду поперхнулся паническим криком, а затем заблажил пуще прежнего. Выбираясь из стригойской темницы, он ожидал встретить кого угодно и не боялся практически ничего, но увидеть подобное!.. Нет, увольте, на такие ужасы он уж точно не подписывался, ибо над ним, издевательски расставив прикрытые непонятым одеянием ноги, стоял пожилой грузный черт и вдобавок заливался жизнерадостным утробным хохотом. Черт! Нет, Нату точно не померещилось, это и правда был черт: смешной и страшный в нелепой зеленой бархатной бабьей юбке, выглядывающей из-под замурзанной телогрейки, с нечесаной рыжей бородой, красномордый, пучеглазый, злорадно-веселый и рогатый.

— Анафема, тьфу, ангел! — экзальтированно возопил черт, падая на колени и гротескно крестясь. — Распахнулись врата царства Божьего, выпустив из рая своих небесных воинов, — напевным речитативом выкрикнул он, алчно протягивая руку по направлению к Нату и, похоже, намереваясь утащить того напрямиком в ад.

— Черт, — сбивчиво лепетал ангел, резво отползая прочь, — да это же самый настоящий черт! Чур меня, чур!

— Да какой же я тебе черт, чадо? — обиженно огрызнулся красномордый, шлепаясь на ягодицы, подхватывая пригоршню снега и обтирая свое разгоряченное лицо. Талая влага смочила его густые волосы, прижимая их к черепу, и Нату сразу же стало понятно: никакой это вовсе не черт, а просто пожилой священник, к тому же еще и православный. А если уж разбираться во всем досконально, то следует упомянуть, что дети Люцифера не осеняют себя знаком крестного знамения, да и распятие на груди уж точно не носят.

— Простите меня, отче, — вежливо извинился Натаниэль, поднимаясь с земли и помогая встать толстому священнику, — ошибочка вышла, обознался я с перепугу...

— С кем не бывает! — язвительно хмыкнул незаметно подошедший к ним Конрад, хватая обоих за рукава и утягивая обратно в снег. — Лежите и не дрыгайтесь, дураки, а то здесь постреливают.

— Я заметил! — недружелюбно отозвался ангел, одаривая вервольфа хмурым взглядом. Фон Майер на мгновение встретился с его глазами — холодными, голубыми, отмечая их безжалостное выражение. Так смотрят на бесполезную, никчемную муху, но отнюдь не на человека.

— На тебе нет благословения Господа! — категорично заявил ангел, весьма восприимчивый к исходящей от оборотня энергетической ауре. — Ты нечист!

— Да, помыться мне не помешает, — небрежно отозвался Конрад, демонстративно почесываясь. А затем он приподнялся на локтях и осторожно выглянул из-за ящиков, периферийным зрением тестируя состояние наружного пространства. Возле его виска немедленно свистнула пуля, заставив оборотня шустро убраться за свое импровизированное укрытие. Окружившие площадку стригои залегли по ее периметру, перекрывая все пути к отступлению.

«Вот теперь нам с отцом Григорием уж точно не удастся покинуть палатку как-то иначе, кроме как по воздуху», — с оттенком обреченности понял Конрад. И хотя он планировал именно такой способ отступления, это открытие его совсем не обрадовало, ибо посадка в вертолет под свинцовым градом обещала стать далеко не самым приятным развлечением.

— Ты оборотень, ты должен умереть! — возвышенно прогудел упрямый ангел, словно вынося смертный приговор. Кажется, появление оборотня временно отвлекло крылатого от мыслей о стригоях, напомнив божьему воину о его первейшем долге — уничтожить любую встречную нечисть. А особенно ту, которая находится в пределах досягаемости. — И потому, согласно воле Отца моего Иисуса Христа, я приговариваю тебя к казни, темная тварь! — Не обращая внимания на грозящую ему опасность, ангел поднялся во весь рост, а его крылья торжественно распахнулись и...

Увлеченный оной патетической сценой, иерей Агеев напрочь позабыл о приблизившихся к ним стригоях, с любопытством вытягивая шею и не сводя с архангела по-собачьи преданного взгляда. Грянул автоматный залп, но, угодив в распахнувшиеся крылья ангела, пули бессильно осыпались в снег, не причинив ни малейшего вреда никому.

— Ого! — многозначительно ухмыльнулся вервольф. — Круто!

— Анафема! — богохульно брякнул ошеломленный иерей.

— Мамочки! — Испуганный куда больше стрелков, ангел нервно дернулся, и с его крыльев тотчас же сорвалось несколько десятков острых лезвий, которые буквально изрешетили тела незадачливых стригоев. — Ой, извините, я не специально...

— Перед трупами извиняешься? — Конрад бестрепетно покинул укрытие, вальяжно прошелся между телами погибших врагов и небрежно попинал ближайшего к нему покойника. — Красивый жест, только учти, снайпер, им твои расшаркивания уже без надобности.

— Почему? — растерянн мигнул крылатый.

— Поздняк метаться, ты же их прибил всех на фиг.

— И что теперь мне делать? — робко спросил моментально присмиривший ангел.

— Что? — Вервольф саркастично осклабился. — Вливаться в ряды воинства божьего и резво чесать на передовую, мир от стригоев защищать!

— Не-э-эт, — оторопело отшатнулся несчастный Натаниэль, категорически не согласный с навязываемым ему образом народного героя. — Не хочу. Не пойду на передовую. Да я себе лучше ступни асфальтоукладчиком раздавлю!

— Дави, — снисходительно разрешил хитроумный Конрад. — Во флот призовут, еще и на ластах сэкономят.

— А я тогда до колен раздавлю! — не сдавался ангел.

— Валяй! Сделают горным егерем, они круглый год на лыжах ходят, — ржал оборотень.

— А я гвоздей наглотаюсь! — обреченно взвыл загнанный в угол Нат.

— Еще пластида добавь и детонатор к пупу присобачь, чтобы в шахиды записали! — закручивал гайки находчивый и безмерно «добрый» оборотень.

— Фиг, — вдруг спокойно заявил Нат, поняв, что его примитивно разводят, будто последнего лоха. — Никуда я не пойду: у меня белый билет имеется. Вернее, у меня две иждивенки на руках...

Услышав про «иждивенков», вервольф пытливо оглядел вертолетную площадку, только сейчас заметив двух девушек, следом за ангелом выбравшихся из люка в стене. Сердце его обрадованно екнуло и тут же разочарованно рухнуло вниз, провалившись почти до уровня пяток, ибо, увы, ни одна из них даже отдаленно не походила на Селестину. Первая, рослая блондинка с длинными косами, тощая и злая как смерть, торопливо шагала прямо к ним, а ее грязное, мрачно насупленное лицо не предвещало Конраду ничего хорошего. Вторая, очаровательная стройняшка с гривой серебристых кудрей, скромно переминалась чуть поодаль, видимо не решаясь вмешаться в напряженный мужской разговор.

— Твои фифы? — спросил Конрад у ангела, намекая на девушек.

Крылатый важно кивнул, но вервольф лишь многозначительно пошевелил бровями, будто соглашаясь: «И точно — иждивенки!»

— Не понравились? — удивился архангел.

— Валите-ка вы отсюда, мальчишки и девчонки, — с жалостью посоветовал оборотень, — причем побыстрее и подальше, пока вам тут попы не надрали...

— А ты вообще откуда свалился на наши головы, умный такой? — насмешливо протянула худая с косами девица, неприязненно разглядывая вервольфа. — Советы раздаешь, командуешь... А ты в курсе, что от тебя псиной несет? — Она демонстративно сморщила носик. — Ты-то зачем сюда забрался?

— Я девушку одну ищу, которая из-за меня кучу проблем огребла, — честно признался рыцарь и виновато вздохнул. — Экзорцистку. А звать меня Конрадом, и я вервольф.

— Ага-а-а! — с непонятной Конраду угрозой медленно протянула воинственная девица. — Так это ты, значит. Ну вот мы и встретились. Сел ему, значит, подавай. А больше тебе ничего не нужно, урод?

— Да вот кое-кто недавно гроб предлагал, — невпопад ответил изрядно оторопевший от подобного хамства оборотень. — А теперь в уроды без очереди записали. У вас тут все такие воспитанные?

— Ой-ой-ой, какие мы щепетильные! — вспыхнула девушка. — Да я, к твоему сведению, настолько вежливая, что когда посылаю человека на... — тут она беззастенчиво ввернула настолько ядреное словечко, что у Конрада аж уши от смущения покраснели, — то всегда потом перезваниваю и интересуюсь, как он туда добрался.

— А что вы против меня имеете?

— Имею? — Девица вытащила из-за пояса увесистый тесак и сейчас выразительно им поигрывала, умело перекидывая оружие из ладони в ладонь. — Да мы тебя самого запросто поймеем, — она мстительно гыкнула в лицо ошеломленного рыцаря и доходчиво пояснила: — За Сел!

— Так вы тоже ее ищите? — наконец-то дошло до попавшего в изрядный переплет оборотня. — Зачем?

— Затем! — гневно выдохнул юноша-ангел. — И учти, мы знаем, насколько сильно ты повинен в ее бедах, и поэтому если выяснится, что с ее головы упал хоть один волосок...

— Упал! — вдруг похоронным тоном сообщила девица с тесаком.

— Кто? — переспросил не понявший ее Конрад.

— Волос! — Она вытянула палец с жутким, черным, криво обломанным ногтем. — Причем все!..

Вся компания синхронно обернулась, вглядываясь в обозначенном девушкой направлении, и обнаружила коротко стриженную, сильно похудевшую Селестину, на всех парах несущуюся прямо на них...

Моим расширившимся от изумления глазам предстало невероятное зрелище. В центре взлетно-посадочной площадки находились пять абсолютно незнакомых мне человек, дружно замерших в самых нелепых позах. Главной и самой эффектной фигурой оной экспозиции, бесспорно, являлся высоченный блондин под два метра ростом, бестолково растопыривший широченные крылья, оперенные отнюдь не перьями, а острыми кинжалами, тускло поблескивающими в свете догорающих ящиков. Рядом с ним стояла не менее рослая девица стержневого вида, здорово смахивающая на смерть — тощая, мосластая, белобрысая, с двумя косами. В ее правой руке красовался обнаженный нож, а отвисшая нижняя челюсть и предельно выпученные глаза придавали воительнице на редкость комичный вид. Причем тарасилась она не на кого-либо еще, а конкретно на меня, да еще так старательно, что я почувствовала себя польщенной. К груде разбросанного багажа робко жалась вторая девушка — миленькая и зашуганная. Под сенью распахнутых крыльев колюще-режущего летуна я разглядела симпатичного темноглазого мужчину с радостно-просветленным лицом и грузного священника в зеленой сутане. Ничего себе компания! Вроде бы моя сестра их к себе в дом не приглашала, а значит, они и есть те самые чужаки, дерзко проникнувшие на территорию палатки и устроившие нам шумный переполох. Спрашивается, какого рожна им тут нужно? Они что, пришли нас убить? Ха-а-а, фигушки, так мы им это и позволили!

— Какого черта здесь происходит? — громко осведомилась я, ни к кому конкретно не обращаясь и угрожающе поводя кончиком выставленной вперед катаны. — Насколько мне известно, без приглашения только монголо-татарское иго приходит!

— Сел, это точно ты! — обрадованно завопила отмершая белобрысая дылда. — Узнаю твой острый язычок. Худобина ты моя ненаглядная!

Уж не знаю, кого она назвала этим странным именем «Сел», но мне немедленно захотелось высунуть свой язык и проверить, все ли с ним в порядке.

— Селестина, любовь моя, — задушевым баритоном поддержал темноглазый

красавец, — наконец-то я тебя нашел!

Я растерянно пожала плечами, сильно сомневаясь в адекватности участников этой незваной, разносортной компании. По моему мнению, так их всех можно хоть сейчас оптом в дурдом сдавать.

— Это они к кому обращаются? — тихонько спросила я у Тристана. — Ко мне или просто бредят и галлюцинируют?

Стригой буркнул что-то нечленораздельное.

— Ясно, — иронично отозвалась я. — Пусть я не доктор, но всегда подозревала, что сумасшествие передается воздушно-капельным путем. Не так ли?

— Нет, да, возможно... — хрипло выдал шевалье.

— Исчерпывающий диагноз! — с пониманием усмехнулась я. — Господа, — следующую фразу я адресовала нахальным чужакам, — не знаю, да и не хочу знать, какая именно надобность привела вас в мой дом, но предлагаю вам немедленно покинуть территорию палаццо и впредь не приближаться к ней на расстояние пушечного выстрела. Иначе я буду вынуждена начать вас убивать, причем для первого раза проделаю это на манер презентации — весело и интересно!

— Сел, да ты никак рехнулась! — печально констатировала белобрысая. — Опомнись, дорогая, это же я, Оливия! Неужели ты меня не узнаешь?

— А мне без разницы, Оливия ты там, Офелия или сам Гамлет! — вызывающе парировала я. — Второй раз предупреждать не стану, поэтому предлагаю, пока добрая: убирайся-ка ты отсюда.

— Сел, милая, не волнуйся, мы тебя спасем! — патетично предложил крылатый.

— Я бы послала вас куда подальше, — невежливо огрызнулась я, — но, судя по вашему потрепанному внешнему виду, вы как раз только что оттуда.

— Окстись девонька, ить мы же свои! — торжественным басом добавил священник.

— Свои все внутри, — смеялась я. — А других я не помню, не знаю и знать не хочу.

— Селестина, счастье мое, ну меня-то ты точно должна вспомнить, — принялся нежно уговаривать темноглазый. — Это же я, твой Конрад! Если бы ты только ведала, как долго я тебя искал, чтобы бережно, нежно...

— ...убить! — с выражением закончила за него я, прожигая своего врага ненавидящим взглядом. — Не утруждай себя ненужными излияниями, мерзавец, я и сама все о тебе знаю.

— Но откуда? — не поверил он. — Откуда?

Личные достоинства или недостатки наших врагов сильно ужесточают методы войны с ними. Не так ли? Честно говоря, я даже не ожидала, что мой погубитель окажется настолько обаятельным, причем, как назло, в его внешности не обнаружилось ни капли слащавости или высокомерия, по моему мнению непременно присущих каждому ловеласу и совратителю. Наоборот, Конрад отличался именно той суровой и совершенной красотой, которой обладали лишь античные боги древности, во все века считающиеся эталоном мужской привлекательности. Да, я с первого взгляда убедилась: Андреа мне не соврала, ибо я могла полюбить лишь вот такого: сильного, отважного, уверенного в себе мерзавца, безусловно только обманом или хитростью сумевшего завлечь меня в свою постель. При этом следовало признать: я инстинктивно чувствовала с ним какое-то странное, почти невозможное, ничем пока в принципе не подтвержденное родство. Он — человек моей породы. Как же все это сложно... Я запуталась в идентификации своих ощущений, отчего разозлилась еще больше. О нет, я отнюдь не наивная дурочка и поэтому прекрасно понимаю, что с годами планка женских мечтаний неуклонно понижается. Сначала все мы ждем принца на белом коне. Потом — на коне любой масти. Затем — пешего принца. После — любого пешехода, а некоторые дамы со временем согласны даже просто на коня... Но не на волка же! И вот от этих-то очевидных фактов в моей груди и запылало еще более жаркое пламя обиды, потушить которое могла только месть — самая справедливая плата за нанесенные мне оскорбления. А посему, намереваясь сполна рассчитаться за причиненные мне несчастья, я

крепче сжала в ладони рукоять своей катаны и шагнула вперед — прямо к нему...

А в этот же самый миг Конрад с восторгом следил за приближающейся к нему Селестиной, исподволь подмечая все метаморфозы, произошедшие с ее внешностью. Хорошенькая и прежде, нынче она сильно изменилась и повзрослела, превратившись в невероятно привлекательную молодую женщину. Худоба и короткая прическа сделали ее еще краше, невольно напояв вервольфу те небесные образы выдуманных им практически бесполок красавиц, которые он рисовал раньше, стремясь занять свои бесконечно однообразные дни. Теперь он знал точно — оные картины стали не просто плодом томящейся от безделья мужской натуры, грезящей об ангеле-хранителе, а разминкой, подготовкой к встрече с ней, интуитивным зовом его тоскующей души, стремящейся отыскать ее, предназначенную ему любовь, его Селестину!

Ее лицо с нежной бледной кожей представлялось ему овальным холстом. Господь, очевидно, находился в прекрасном расположении духа, когда создавал ее, и лишь поэтому он даровал ей такие чудесные зеленые глаза с продолговатым разрезом, опущенные густыми черными ресницами. А затем еще добавил янтарный нимб вокруг зрачков. У нее был изящный, идеально правильный носик с горбинкой и соблазнительные розовые губы, чуть блестящие, словно изысканно тронутые невесомым штришком перламутровой помады. На подбородке — едва приметная ямочка, как будто Создатель слегка дотронулся до него пальцем, одобряя свое творение. О, он клянется, что когда-нибудь непременно нарисует ее портрет. И обязательно во весь рост. О, это будет потрясающая картина. Конрад представил, как обнаженная Селестина лежит на ложе из розовых лепестков и ее волшебные глаза чарующе мерцают таящейся в них загадкой, а губы слегка изогнуты, словно она только что пробудилась ото сна и вспоминает пригрезившегося ей возлюбленного. Вспоминает его самого. Нет, не так! Ее глаза подернулись дымкой то ли размышлений, то ли воспоминаний, а на губах блуждает едва различимая улыбка, одна из тех, которые идут из глубины сердца, а поэтому такая улыбка могла быть отражением и тихого счастья, и невыносимой тоски, беспредельной веры или же полного смирения. Улыбка, понять или расшифровать которую невозможно... Конрад четко осознавал, что самая большая сила на свете — это любовь. Но всепоглощающая любовь редко становится чем-то простым. Как раз все ее противоречивые оттенки, все ее сложности и перипетии и превращают любовь в столь мощную силу, способную погубить слабых или возвысить сильных, в силу, сметающую все на своем пути. А страсть, ненависть, месть — это всего лишь различные стороны одного великого чувства, называемого священным словом «любовь».

Конрад хотел сказать обо всем этом приближающейся к нему Селестине, но не успел. Он уже раскрыл ей свои истосковавшиеся объятия, как вдруг она беспощадно взмахнула обнаженной катаной и, издав нечеловеческий рев, прыгнула на него, занося руку для смертельного удара. Словно в кошмарном сне, он взглянул на нее повнимательнее, и крик ужаса тут же застрял у него в горле. Селестина зависла в воздухе, и Конрад успел рассмотреть ее глаза — их цвет полностью изменился, из зеленого превратившись в кроваво-красный. Верхняя губка девушки приподнялась, обнажая небольшие, но весьма острые клыки. Оборотень остолбенел и онемел, не способный двинуть ни ногой, ни рукой, ибо от несущейся на него твари исходили волны жуткого холода, сковавшего его мускулы, заморозившего кровь в жилах и парализовавшего нервные рефлексy конечностей. Ход времени остановился, а влюбленный вервольф обреченно следил за падающим на его голову клинком, опускающимся все ниже и ниже...

Глава 3

Я больше не могла сдерживать овладевшую мной ярость, помешавшую мне и далее притворяться той расчетливо-хладнокровной особой, какой я так хотела казаться своему врагу, но какой, к своему величайшему сожалению, не являлась. Намереваясь покончить со

своим заклятым врагом первым же сильным ударом, и поэтому, обхватив рукоять катаны четырьмя пальцами правой руки, а пятым сильно упершись в гарду для создания опоры всей кисти, я стремительно прыгнула на обидчика. Воображение уже рисовало мне упоительную сцену, как, снесенная моим клинком, его отрубленная голова катится по земле, однако моим мечтам не было суждено сбыться.

Чуть зависнув над головой растерянно моргающего Конрада, я неожиданно ощутила мощный толчок в грудь, резко отбросивший меня назад. Беспомощно дрыгнув ногами, я отлетела метра на три и плашмя грянулась на твердый асфальт, чуть не вышибивший из меня дух. Зрение пропало, сменившись россыпью сине-белых искр. Не зря, видать, утверждают, будто небо в алмазах можно увидеть только после качественного удара о землю. На несколько последующих секунд я напрочь утратила способность дышать, корчась от невыносимой боли, прикусив нижнюю губу и сдавленно мыча. А затем я все-таки кое-как разжала свои судорожно стиснутые челюсти, и холодный воздух благотворной струей ворвался в мои сморщенные легкие, возвращая их к жизни. Господи, я снова дышала! Хрипела, свистела, захлебывалась и пускала пузыри из слюны. Когда я перестала трястись, из моих глаз хлынул поток неконтролируемых бесшумных слез. Они ласкали лицо и несли облегчение, стирая отголоски той страшной боли, которая медленно уходила из тела, оставляя после себя неприятный осадок обиды и разочарования. Что же это было?

— Что это было? — опираясь на услужливо поданную руку подбежавшего ко мне Тристана, неразборчиво выдавила я, пытаюсь вновь овладеть членораздельной речью. — Я даже и не подозревала о возможности такой боли. — Я уцепилась за плечо мужчины, с криком поднялась и с опаской посмотрела на виновато переминающегося поодаль оборотня. — Чем это ты меня шандарахнул, козел?

Вместо ответа он приподнял свою правую руку, показывая красующийся на его запястье браслет, испускающий ровное горячее багряное свечение.

— Я не специально, — извинился вервольф, — прости, это вышло само по себе. Я не собирался причинять тебе вред, ибо настоящие мужчины женщин не бьют.

— Ну да, ну да, — чересчур покладисто покивала я, — охотно верю. Вот только тут возникает одна маленькая неувязочка. По-моему, настоящий мужчина тот, с кем женщина не задает себе вопрос: «А не слишком ли быстро я ему дала?»

На скулах вервольфа, изрядно уязвленного моим предельно прозрачным намеком, перекатывались гневные желваки. Ага, значит, я его все-таки унизила! Похоже, наша ссора начала набирать новые обороты, и если ее сейчас кто-нибудь не замнет, то...

— Невероятно намоленная вещь, освященная, скорее всего, в соборе Святого Петра! — не предположил, а уверенно констатировал Тристан, заботливо обнимая меня за талию и поддерживая. — Санта, ты могла умереть...

— Санта? — тоскливо вздернула брови дылда, представившаяся мне именем Оливия. — Какая еще Санта?

— Санта Инферно, — с достоинством пояснила я, вприпрыжку ковыляя к единственному, чудом уцелевшему в пожаре ящику и с облегченным вздохом опускаясь на него. — Так меня зовут. Так что вы меня с кем-то путаете.

Крылатый юноша печально присвистнул.

— Значит, ты теперь Адская! — уныло скрипнула зубами Оливия. — Приплыли...

— Она стала вампиром? — испуганно ахнула вторая девушка.

— Ну и что? — ослепительно улыбнулся Тристан. — Все женщины — вампиры от рождения. Они же без зазрения совести сосут из мужчин кровь. Разница состоит лишь в том, что одни дамы проделывают это совершенно открыто, а другие — посредством бриллиантов, мехов или куда более прозаического: «Где ты шлялся до двух часов ночи, скотина?» Так кто тогда честнее?

Чужаки протестующе загалдели, призывно протягивая ко мне руки.

Я равнодушно пожала плечами, не понимая, чего они от меня хотят. Лично мне они были абсолютно безразличны, будто и вовсе не являлись разумными существами, а

представляли собой некие неодушевленные предметы или, еще того хлеще, просто пустое место. В данный момент меня интересовали совершенно другие вопросы...

— Откуда он у тебя? — Я с любопытством вытянула руку, указывая на треклятый защитный амулет, и Конрад тотчас с готовностью шагнул ко мне, но Тристан предостерегающе вскрикнул и встал между нами. Вервольф раздосадованно поморщился:

— Не хорохорься, стригой, я не хотел причинять Селестине никакого вреда. Да я скорее себе руку отрежу, чем хоть пальцем к ней прикоснусь, раз уж стал для нее настолько опасен.

— Дык прикасался уже, — язвительно подначила Оливия, — «пальцем»-то!

Отлично поняв ее намек, оборотень покаянно ударил себя кулаком в грудь и громко вскрикнул, словно слова ангелицы причинили ему страшную боль:

— Я уже признался в своей вине. Как же мне искупить содеянное? — Он забылся и опять попытался приблизиться ко мне.

Тристан выхватил из кобуры пистолет и угрожающе направил его дуло на не в меру эмоционального вервольфа, предлагая тому одуматься.

— Если ты делаешь глупости на каждом шагу, то лучше стой на месте! — с осуждением буркнула я. — Так где ты раздобыл эту занятную штуковину?

— Мне дал ее твой отец, папа Бонифаций! — по слогам отчеканил Конрад, с надеждой глядя мне в глаза. — Мы с иереем Григорием недавно удостоились беседы с ним (очевидно, он упомянул того самого священника в нелепой зеленой сутане, который все время отирался поблизости, буквально ни на шаг не отходя от вервольфа). — Возможно, тебе окажется не безразличным тот факт, что твой отец скончался у нас на руках... — При этих словах трое белокурых чужаков горестно вскрикнули, а на гладкое чело Тристана напозла тень озабоченности.

— Не понимаю, о чем ты толкуешь, — заносчиво отмахнулась я. — Ну умер и умер, одним человеком меньше. Скажи спасибо, что мы его не съели...

— Сел, да как же так? — оторопело закричал оборотень, осуждающе всплескивая руками. — Пойми, он был твоим родным отцом!

«Вот гад! — мысленно возмутилась я, одаривая приставучего нахала уничижительным взглядом. — Решил меня на вшивость проверить? Развел тут, понимаешь, сопли с сахаром...»

— А мне по фигу! — грубо отрезала я и добавила еще одно, на редкость скабрзное ругательство.

— Прежде чем начать критиковать родителей, задумайся, как у таких глупых людей, как они, мог родиться такой умный ребенок! — укоризненно изрек иерей.

Я почувствовала резкий укол стыда и, бравируя крепостью своей нервной системы, презрительно сплюнула ему под ноги.

— Ах ты, дура! — Конрад рванулся ко мне, замахиваясь сжатым кулаком и, похоже, намереваясь проучить за строптивость, но вдруг остановился, сдавленно охнул, скривился так, будто получил удар под дых, и поспешно отшатнулся. Его скулы побледнели до синевы, дыхание сбилось.

— Больно! — мучительно простонал он. — И я знаю, что такие ощущения способен доставить лишь один предмет...

У тебя есть амулет Луны? — оборотень смотрел на меня вопросительно.

Я лаконично кивнула, извлекла из-под рубашки серебряный медальон, висевший у меня на шее, и с вызовом продемонстрировала его Конраду.

— Мне его сестра подарила, дабы я смогла на равных противостоять твоей звериной силе и подлости.

— Забавное совпадение, — криво улыбнулся он. — Теперь ты не можешь убить меня, а я — тебя.

— Один — один, — надменно, словно делала ему огромное одолжение, согласилась я. — Пока у нас почетная ничья.

— Милая, — взмолился мой совратитель, — разве ты не понимаешь — это же знак свыше. Сама судьба оберегает нас друг от друга, будто говорит: мы не должны враждовать!

Но я лишь снова безучастно передернула плечами. Старания оборотня пропали втуне, ведь его откровения так и не нашли отклика в моем сердце. Я даже была склонна обвинить его в преднамеренной и тщательно продуманной лжи, ибо все мы находились на войне, а военную хитрость и смекалку еще никто не отменял. Черт, вот что мне нравится на войне, так это вседозволенность! Там никто и не пытается скрыть, что все правила и законы писаны сильными для слабых. А посему я могла поступать так, как считала правильным.

— Ври, да не завирайся! — с презрением ухмыльнулась я. — Зачем вы проникли в мой дом?

— Зачем? — Конрад нехорошо рассмеялся. — А ты знаешь... — И он предельно коротко изложил мне историю происхождения моего рода — от Иосии, через Карла де Молэ, до семейства Бафора и Збышека Мошковецкого.

— Ну и что? — почти безразлично фыркнула я. — Предлагаешь мне возгордиться или предков пожалеть за все совершенные ими глупости? Я, конечно, учту их ошибки, но давно уже знаю: глупые люди учатся на своих ошибках, а умные — на чужих...

— Значит, умные учатся у дураков! — резонно заявил оборотень.

Я осеклась, осознав его правоту.

— Мы пришли за тобой, Селестина! — проникновенно произнес крылатый юноша, выводя меня из ступора. — Вспомни же нас всех, умоляю тебя. Я — Натаниэль, а эти девушки, — он обнял обеих своих спутниц. — Оливия и Ариэлла, твои подруги. Мы — ангелы, а ты — экзорцистка. Ну, вспомни же нашу жизнь в монастыре, нападение стригоев, спасение святого Граа...

— Хватит! — вдруг требовательно оборвал его Тристан. — Ты слишком много болтаешь, ангел. А не вовремя преподнесенные сведения никогда не приносят никакой пользы.

— Не закрывай рот тому, кто открывает тебе глаза, — взбешенно прошипела Оливия. — А иначе, клянусь Господом, ты дорого заплатишь за свою дерзость.

— Давай, нападай! — с издевкой предложил ей Тристан. — Но учти, через пару минут Андреа стянет сюда добрую половину своей армии, и тогда вас не спасет даже папский амулет.

— Селестина, дорогая, — умоляюще позвала молчаливая Ариэлла, — пойдем с нами, мы тебя вылечим...

— Не говори глупости, Ариэлла! — приказал Натаниэль. — Сел нам, безусловно, нужна, но вампиризм лечится лишь колом в сердце.

— Ну и подружку ты себе выбрал, — иронично фыркнула я, мгновенно догадавшись о существующей между ними близости. — «Умная», аж завидки берут! Видели глазки, что покупали, теперь ешьте — хоть повылазьте!

— Будешь мне мозги промывать? — обиженно нахохлился ангел.

— Нет, меня твои личные проблемы не касаются. — Я отрицательно помотала все еще побаливающей головой. — Лучше спасайте свои шкуры, ибо Тристан прав: скоро вас окружат и задавят количеством, чтобы вы не смогли сбежать. А если мы с тобой встретимся еще раз, — я угрожающе прищурилась на Конрада, — то эта встреча окажется для тебя последней, обещаю.

— Непременно встретимся! — без особого энтузиазма, несколько раздраженно откликнулся вервольф. И было непонятно, то ли ему расхотелось встречаться, то ли он разочаровался в нашем общении. — Все может случиться в этом безумном мире. У меня есть пара фантазий на тему того, как и где мы способны встретиться, но я, пожалуй, оставлю их при себе: не осмелюсь тягаться с Господом Богом в изобретательности.

— Черт бы тебя побрал, фантазер! — желчно пожелала я в ответ.

— Не надейся, черт не дурак, он не станет со мной связываться! — самоуверенно рассмеялся Конрад.

Я зарычала и импульсивно сжала кулаки, пылая желанием снова на него наброситься. Но, к счастью, оное действие не состоялось, ибо накаленную донельзя ситуацию спас другой человек.

— А мы и не собирались сбегать из палатки, мы намереваемся из него улететь, — неожиданно встрял в наш разговор отец Григорий. — Нам нужен вертолет, дабы...

— Вы проникли в дом повелительницы стригоев ради того, чтобы угнать вертолет? — возмущенно заорала я, не веря собственным ушам и мгновенно забывая про свои непростые отношения с оборотнем. — Господи, да вы еще глупее, чем кажетесь на первый взгляд! Рисковать собой ради какого-то жалкого вертолета?

— Сначала выслушай меня до конца, чадо, а потом уже делай выводы, — спокойно произнес священник. — Мы полетим на нем в замок Чейт, ибо там находится то, ради обладания чем можно действительно отдать и жизнь, и душу.

— Иисусе, получается, они тоже знают о... — потрясенно выдохнула я, обращаясь к де Вильфору.

Мы с Тристаном ошеломленно переглянулись, настолько заикленные на своей общей мысли, что даже упустили из внимания мое свободное упоминание Господа, впрочем не оставшееся незамеченным враз приободрившимися ангелами.

— Значит, так, — гневно процедила я, адресуя свою очередную фразу этой абсолютно сбрендившей шайке, — никуда вы не полетите. Вернее, я сейчас не могу помешать вам угнать вертолет, но предупреждаю, что до своего последнего вздоха стану препятствовать вам попасть в замок Чейт, где покоится великая прародительница моего рода! Я сама отправляюсь в оное фамильное поместье, дабы вызволить ее из заточения...

— Мамочка! — схватившись за щеки, шокированным шепотом прошелестела побледневшая как мел Оливия. — Создатель, убереги нас всех от подобного несчастья. Сел, ты хоть сама-то понимаешь, о чем сейчас говоришь?!

— Меня зовут Санта! — с раздражением напомнила я. — А в замке Чейт заживо, — я интонацией подчеркнула это ключевое слово, — заживо замурована Эржебет Бафора, знаменитая дама самого благородного происхождения, приходящаяся мне дальним предком. И что тут такого жуткого?

— Да всего лишь то, что эту твою так называемую «знаменитую даму», — желчно пояснил Конрад, — также называют Елизаветой Батори, некогда приговоренной к столь жестокой казни по обвинению в вампиризме, а также за убийство многих сотен ни в чем не повинных женщин. Она пила их кровь, ты понимаешь это, Селестина? — Он заговорщицки понизил голос. — Зачем ты теперь цепляешься за родство с этой темной тварью?

Я спокойно смотрела в его сверкающие злостью глаза и улыбалась. Я знала: конфликт между нами назревает, и избежать его не получится, а поэтому сознательно шла на обострение оного противостояния. Хотя, конечно, и не лучшим для меня способом. Мое спокойствие вгоняло его в недоумение. Оно и понятно, ведь спокойствие — отличная маскировка, за нею совершенно не видно, какие козыри находятся на руках у противника.

— Ты забываешься, мерзавец! — Мои губы раздвинулись в победной улыбке. — Мне уже изрядно надоели ваши приставания и намеки. Я — родная сестра повелительницы, я — Санта Инферно! Заруби эту истину на своем наглом носу! — Я демонстративно оскалила клыки, глумясь над неподдельным горем, написанным у него на лице. — А значит, мы с тобой находимся по разные стороны баррикад!

— По одну... — со вздохом бесконечного терпения тихонько опротестовала Оливия, — просто ты пока еще этого не осознала, Сел!

Я в сердцах сплюнула себе под ноги, доведенная до белого каления их бесполезным упрямством.

— Посмотрим, — многозначительно пригрозила я, — кто окажется впереди. А пока... — Но тут меня прервал все нарастающий шум, создаваемый топотом множества обутых в тяжелые ботинки ног. Судя по всему, к нам приближались бойцы моей сестры.

Обладающий острым слухом вервольф насторожился.

— Все в вертолет! — не терпящим возражений тоном скомандовал он, указывая на вместительный транспортник Ми-28.— Уходим!

— Тристан, нам нужно во что бы то ни стало первыми добраться до Чейта, поэтому берем «Акулу», — негромко сказала я, взглядом следя за бегущими к вертолету врагами. — А возможно, я даже смогу их сбить...

Де Вильфор дисциплинированно кивнул, отлично понимая мои доводы и безоговорочно с ними соглашаясь.

Мы быстро преодолели несколько метров, отделяющих нас от вертолета, но уже возле самых его шасси я чуть не упала, наступив на небольшой, присыпанный снегом предмет. Я удивленно наклонилась и подняла толстый длинный гвоздь, черт знает каким путем попавший в это место. Не раздумывая, я автоматически сунула находку в карман своей куртки и ухватилась за страховочные поручни, расположенные на боку вертолета.

— Милая, ты умеешь пилотировать вертолет? — с деланным равнодушием спросил Тристан, подсаживая меня на лесенку, ведущую в кабину «Черной акулы».

Я усмехнулась, выхватила из кобуры пистолет и выстрелила в швартовочный трос, отсекая нашу летательную машину от стопорного, вмурованного в асфальтовое покрытие площадки кольца. Пинком отшвырнула лесенку и захлопнула дверку кабины.

— Надевай. — Я бросила ему на колени летный шлем с наушниками и автоматически заняла кресло первого пилота. — Сама не знаю откуда, но, кажется, умею! И хотелось бы мне не переборщить с самоуверенностью. — Я привычно пощелкала тумблерами и кнопками на панели управления, запуская оба двигателя. Перед моим внутренним взором мелькали обрывки смутных видений: я управляю летящим под самыми облаками вертолетом, а в стекло кабины проказливо стучится свободно парящий рядом Натаниэль и показывает мне дурашливо высунутый язык. Но где и когда это происходило?.. Я сердито дернула подбородком, отгоняя прочь непрошенные воспоминания, слишком похожие на правду...

— Пристегнись, нас немного потрясет, — приказала я, — времени у нас в обрез, поэтому взлетаем в боевом режиме, с места! — И максимально выжала на себя рычаг управления, прислушиваясь к надсадному вою бешено завращавшегося несущего винта, раскручивающегося на крыше вертолета. Земля за окном кабины стремительно уходила вниз.

— Что же там все-таки приключилось? — задумчиво прошептала я, подразумевая недавние драматические события, разыгравшиеся на посадочной площадке.

— Наши победили! — иронично прокомментировал услышавший меня Тристан. — Не хочу тебя огорчать, Санта, но, кажется, теперь вам с оборотнем будет почти нереально сложно убить друг друга.

— Наши — это которые? — Я жаждала срочного уточнения.

— А которые победили, те и есть наши! — вынес вердикт он, строго грозя мне пальцем. — И даже не сомневайся!

За бортом вертолета стемнело. Наш полет продолжался уже четыре часа и, судя по показаниям автопилота, мы преодолели не менее половины расстояния, отделяющего нас от замка Чейт. Я откровенно скучала, ибо моя предусмотрительная сестрица заранее ввела в компьютер вертолета координаты конечного пункта назначения, милосердно избавив нас от необходимости лететь по карте, выбирая правильный маршрут. Впрочем, не думаю, что это стало бы возможным, ибо темное небо плотно затянули свинцово-серые тучи, омерзительные и жирные на вид, без устали испражняющиеся мокрым снегом и крупным градом, немusыкально стучащим в обшивку «Акулы». Видимость снаружи свелась к нулю. Вот уж точно: не так хорошо там, где нас нет, как плохо там, где мы есть. Лучше и не скажешь. Так что пусть за меня пока поработает автопилот, а я отдохну. Я расслабленно откинулась на спинку кресла, со снисходительной улыбкой поглядывая на беззаботно похрапывающего рядом Тристана.

Кажется, он мне доверяет, а в меня его присутствие вселяет немалую долю уверенности

в собственных силах. Ну и кроме того, я почему-то точно уверена: случись что, и тогда этот красивый мужчина будет защищать меня до последней капли собственной крови. Он не спасует перед приближением опасности и окажет сопротивление любому врагу. Хм, а вдруг я погрязла в иллюзиях и сильно ошибаюсь насчет прекрасного де Вильфора? Ладно, проживем — увидим. Кстати, о врагах... Я хмуро уставилась в дисплей радиолокатора, на самой отдаленной линии периметра которого горела красная точка, неотступно следующая прямо за нами. Это враги, они не сдаются, они следят за нами и уверенно движутся нашим курсом. Я злобно прикусила губу и отключила автопилот, беря управление на себя. Хватит терпеть, сейчас я задам перцу этому выродку Конраду и его прилипчивым друзьям!

Я заложила крутой вираж, поворачивая назад, и кабину вертолета ощутимо тряхнуло. Тристан покачнулся в кресле, проснулся и поправил съехавший на нос летный шлем.

— Санта, не дури! — мягко упрекнул он. — Что ты задумала?

— Избавиться от ненужного хвоста, — сквозь зубы рыкнула я, напрягая зрение и всматриваясь в клубящийся перед кабиной туман. — Теперь я лечу прямо на них и как только засеку, то постараюсь сбить. — Я многозначительно тронула пальцем круглую красную кнопку, расположенную на правом рычаге. — Уверю тебя, я не промахнусь!

— Ты насмотрелась глупых боевиков, и поэтому тебя потянуло на авантюры! — сдержанно пожурил Тристан. — Не принимаешь во внимание тот факт, что они не станут потворствовать твоим сумасбродным выходкам и откроют ответный огонь. И тогда в небе заварится смертельная каша. Прошу, успокойся и вернись на прежний курс...

Я отрицательно помотала головой, не намеренная отказываться от своей идеи поквитаться с обидчиком.

— Упрямая девчонка! — рассерженно закричал выведенный из терпения де Вильфор, хватая меня за руку. — Не смей ввязываться в воздушный бой, я тебе запрещаю. Жаль, что я ничего не смыслю в управлении вертолетами, а не то я бы просто связал тебя и засунул в задний отсек...

Но, не дослушав оную занудную воспитательную тираду, я ловко вывернула свою кисть из его захвата и, печально поморщившись от неблагоприятности своего следующего поступка, сильно ударила Тристана локтем в лицо. Мужчина изумленно отшатнулся, хватаясь за разбитый нос и обиженно взирая на меня поверх окровавленных пальцев.

— Санта, какого ангела... — раздраженно начал он, но я внезапно предвкушающе оскалилась и сделала предупредительный жест, призывая своего попугайчика к молчанию. Среди облаков, буквально в паре десятков метров перед нами, я внезапно увидела габаритные огни огромного вертолета, движущегося по встречному маршруту.

— Это они! — мстительно выдохнула я и положила чуть дрогнувшую от волнения руку на гашетку крупнокалиберного пулемета...

Конрад уверенно вел вертолет нужным курсом, бдительно следя за показанием бортового радиолокатора, выдающего местоположение геликоптера Селестины. Бесспорно, та двигалась точно к заданной цели, зная координаты замка Чейт. Без нее Конрад за считанные секунды заблудится в застилающем небосвод тумане и... Нет, ему даже думать не хотелось о возможных последствиях такого полета, ибо, лишившись ведущей их машины, они будут вынуждены лететь вслепую, надеясь лишь на удачу. И поэтому вервольф неотступно следил за пульсирующей на дисплее точкой, являющейся сейчас его путеводной нитью. Его сердце разрывалось от отчаяния и растерянности, ведь он совершенно не понимал, как ему следует поступить в дальнейшем?

Трезвый рассудок оборотня внятно указывал ему на необходимость устранения Селестины, ставшей стригойкой и вступившей в ряды его врагов. К этому же решению оборотня подталкивала и его мятежная совесть, напоминая о данном им обещании. Но сердце, куда прикажете девать бунтующее сердце, поющее все ту же старую, ничем неистребимую, никак не заглушаемую любовную песню? Конрад напрочь отказывался признавать за Селестиной право на самостоятельные поступки и личное мнение, склонный

заподозрить скорее воздействие какой-то темной магии на такие перемены в подруге, чем иные чувства, основывающиеся на добровольности, принципиальности и идейной убежденности. Для него она была и оставалась просто маленькой девочкой, запутавшейся между добром и злом, остро нуждающейся в его опеке, поддержке и усмирении. Будь на то его воля, он немедленно связал бы любимую по рукам и ногам да засунул бы в задний отсек пилотируемого им вертолета. Да вот черт, вместо того чтобы послушно вернуться в его объятия, строптивая девчонка связалась с неподобающей ей компанией, научилась пить кровь, отрастила пару крайне сексапильных клыков, остригла свои роскошные волосы и сейчас летит к чертовой, а вернее своей прапрапрабабушке (что по сути и равняется вышеозвученному варианту), намереваясь ввязаться в очередные неприятности. И ладно бы в одиночку, так нет же, еще выбрав себе в напарники некоего умного и крайне симпатичного мужика, ввергнувшего Конрада в жгучую пучину ревности. Да с тех самых пор, как он ее знает, она ведь только тем и занимается, что беспрестанно ввязывается в потасовки, интриги и всевозможные заморочки. Драть ее некому! Нет, он категорически отказывался понимать эту сумасбродную девчонку, такую красивую, притягательную и желанную!..

Впрочем, на сей счет существует одна широко известная и весьма меткая фраза, гласящая: «Обсуждать женщину — интересно, осуждать — бессмысленно, а пытаться понять — бесполезно!» И Конрад до боли прикусил губу, негодуя на самого себя. Откуда же ему было знать, что в молодости мужчины безумно любят женщин, толком не понимая ни их характера, ни их образа мыслей. В зрелом возрасте они диаметрально пересматривают свою жизненную позицию, начиная понимать представительниц прекрасного пола намного лучше, но, увы, сил на любовь уже не остается. Вывод напрашивается сам собой: гармония для мужчин недостижима, ведь им приходится постоянно выбирать что-то одно — любить женщин или понимать их.

А между тем в заднем отсеке Ми-28, именно там, куда Конрад и мечтал засунуть непокорную Селестину, царил весьма непринужденная и даже веселая обстановка. Распотрошив прихваченный с собой мешок с припасами, ангелы соорудили импровизированный стол, лолая все подряд так, что аж за ушами пищало, и при этом радушно потчuya тоже изрядно проголодавшегося отца Григория. Удобно навалившись на покатыю стенку вертолета и гулко рыгая, довольный иерей комично рассказывал о своем посещении японского ресторана.

— Заказал я себе рис с приправами и двадцать минут усиленно работал палочками... — невнятно излагал иерей, прикрыв глаза от упоения, чавкая и силясь прожевать огромный ломоть желтого ноздреватого сыра.

— И как, понравилось? — вежливо поинтересовалась воспитанная Ариэлла.

— Нет! — Священник разочарованно мотнул седой гривой волос. — Не наелся, а только устал! Не понимаю я этих японских изысков, наша-то русская кухня куда лучше.

— А Селестина очень любит и роллы, и сасими, — печально вспомнила Оливия. — А вот пить она совсем не умеет. Помню, один раз смешала коньяк и шампанское, так потом жутко болела на следующее утро...

— Ну сейчас у нее, поди, совсем другие вкусы сформировались, — заговорщицки подмигнул Натаниэль, успевший приложиться к бутылке виски, обнаружившейся в поистине бездонном мешке с провиантом. — Полагаю, если после четвертой группы крови выпить первую, да еще с отрицательным резус-фактором, то потом неслабо башка болеть будет. Не понижай группу! — Он кивнул отцу Григорию, медитирующему над стаканом разбавленного водой спиртного, и снова надолго присосался к виски.

— Козел! — разъяренно обозвала друга валькирия, отбирая бутылку. — Я еще понимаю, когда пьют вино — ведь в нем скрыта истина. Но водку...

— Зато в водке — горькая правда! — пафосно изрек Нат.

— Дурак! — с неподдельной жалостью в голосе охарактеризовала валькирия, пряча виски к себе за спину. — Сопьешься и помрешь молодым!

— Водка губит народ, — убежденно провозгласил отец Григорий. — А отдельно взятому человеку она ничего не сделает. Девушка, верни нам бутылку...

— Нашел над кем шутить, над Селестиной!.. Убить тебя за это мало! — мстительно шипела валькирия.

— Лив, ты всегда такая стерва? — всерьез поинтересовался ангел, закусывая салом.

— Нет, — фыркнула воительница, — пять дней в месяц я еще хуже.

— Настоящая женщина должна напоминать увлекательный фильм ужасов, — добродушно пробасил иерей. — Чем больше места воображению, тем лучше!

Потрясенная этим весьма неоднозначным изречением, Оливия громко икнула и шокировано вытаращилась на доселе смирного и благоразумного священника.

— Вот поэтому тебя Уриэль и бросил, — наставительно произнесла Ариэлла, все еще не простившая подруге их регулярные перебранки в стригойской тюрьме. — Ибо кто же сможет жить с таким-то ужасом — вечно ругающейся и жрущей как слон женщиной?

— А вот и неправда, — защищалась Оливия. — Он сам вечно с поцелуями лез, хотел держать меня за талию...

— А ты держала его за идиота! — мстительно добавил Нат, все еще переживающий по поводу крушения личной жизни своего незабвенного шефа.

— У тебя и талии-то нет! — в тон ему подхватила Ариэлла.

— Ах вы, сепелявки, — вознегодовала Оливия. — Вы осмелились на меня вдвоем пасти разязвить?

— Ага, — дружно кивнули Нат и Ариэлла, — потому как нечего Селестину белой и пушистой выставять! Мы ведь предложили ей пойти с нами, но она выбрала стригоев. Она нас предала!

— У-У-У, злыдни жестокосердные, — обиженно протянула задетая за живое ангелица, — убить вас мало... Кто без греха, пусть первым бросит в нее камень! — пафосно процитировала она и довольно усмехнулась: — Что, съели?

Натаниэль и Ариэлла сконфуженно молчали, не находя достаточно весомых доводов в пользу своего мнения.

И в эту же секунду вертолет сильно тряхнуло. Продукты, разложенные на ящике с патронами, посыпались на пол, недопитая бутылка с жалобным звяканьем откатилась в сторону, разбрызгивая золотистый напиток. В двери отсека заглянул Конрад, напугав друзей своими выпученными глазами и посеревшей кожей лица.

— Нас обстреляли, — исчерпывающе сообщил он, предваряя все невысказанные вопросы. — Селестина хочет нас убить!

— Э-э-э... — ошеломленно выдавил озадаченный отец Григорий. — А тут недавно Оливия хотела...

— Я же не буквально! — выкрикнула растерявшаяся ангелица. — Я ведь не думала...

— А надо было думать! — поддел вредный ангел. — Накликала беду, клуша...

Оливия сокрушенно всплеснула руками, не зная, плакать ей или смеяться над этой суеверной репликой.

Мощный взрыв сотряс корпус вертолета. Конрад грязно выматерился и бросился обратно в кабину пилота, на бегу гневно ругая вредную возлюбленную, вынуждающую его принимать ответные, столь нежеланные для него меры...

Сильнее всего нас привязывает к жизни желание кого-нибудь убить. Габаритные огни Ми-28 четко просвечивали через сумрак окружающего нас тумана, и теперь я шла прямо на него — лоб в лоб, словно намеревалась протаранить. Сжав кулаки так, что у него аж костяшки пальцев побелели, Тристан напряженно всматривался в обзорное стекло кабины, а его губы сложились в неодобрительную гримасу. Но мне было наплевать! На всех: на напарника, на бушующую за бортом вертолета непогоду, на возможный провал операции и даже на свою вполне вероятную гибель. Я хотела отомстить. Чего греха таить, в моем страстном желании присутствовали и обида, и растоптанная гордость, и малая толика

искреннего сожаления о том, что Конрад, такой красивый и мужественный, теперь уж точно мне не достанется. Я последними словами проклинала капризную выходку судьбы, разведшую нас по разные стороны баррикад, ведь он, темная тварь, отныне перешел на сторону добра, тогда как я, кем бы я ни являлась от рождения, отныне и навсегда стала воином Тьмы. А обратного пути уже нет ни у него, ни у меня. Ну и как тут не поверишь в то, будто над нами смеются все и вся: обстоятельства, чувства, рок, мир и даже сама любовь. Да к тому же я начинала подозревать, что Андреа утаила от меня часть информации, касающейся нашего с ней общего прошлого, что подтверждалось и недавними событиями на аэродроме, и моими собственными обрывочными воспоминаниями. Я уже не сомневалась: до того как превратиться в стригойку, я была кем-то иным. Уж не знаю, кем точно, но стопроцентно не вампиром! И не стоит обвинять во всем Тристана, инициировавшего мою трансформацию, ведь он действовал из лучших побуждений и спасал мою жизнь!

Все эти соображения вихрем промелькнули у меня в голове, уложившись в какую-то долю секунды. О, конечно, я еще имела возможность передумать и свернуть в сторону, но, повинаясь завладевшему мною безрассудству, я нажала на гашетку пулемета, посылая в маячивший впереди вертолет ниточку искрящихся в темноте пуль... Но меня тут же постигло жесточайшее разочарование, ибо я промахнулась!

Все-таки я не могла похвастаться достаточными навыками ведения воздушного боя, и посему моя промашка была вполне объяснима. Витиевато выругавшись, я схватила за рычаги управления, сложным маневром отводя «Акулу» чуть в сторону, и выстрелила снова. Я помнила о том, что целиться прямо в кабину бесполезно, ибо она полностью бронирована, а ее плоско панельное остекление выдерживает попадание пуль крупного калибра, и поэтому метила в двигатель. Ура, на сей раз мои усилия увенчались успехом: я не промазала. Аккуратно поймала корпус вражеского вертолета в перекрестье системы наведения и плавно нажала на гашетку. По правому борту Ми-28 немедленно расцвел огромный огненный цветок...

— Я попала! — радостно закричала я, от избытка эмоций хлопая в ладоши. — Тристан, я в них попала!

Стригой неодобрительно покачал головой и немного расслабился, разжимая плотно стиснутые челюсти.

— Авантюристка! — хмуро буркнул он. — Сейчас они умрут, неужели тебе их совсем не жалко?

— Жалко? Ты говоришь мне о гуманизме? — не поверила я. — Странно слышать подобное от стригоя.

Тристан недовольно поморщился, словно наступал на горло собственным принципам.

— У меня нет ни малейшего основания называть себя добрым, — будто колеблясь, тягуче произнес он, — но гуманизм очень странная вещь. То есть с гуманизмом вроде бы все правильно — нужно любить живых существ и все такое. Но почему-то в разных ситуациях пресловутый гуманизм ведет себя совершенно непредсказуемо, а иногда и вовсе куда-то испаряется. Вот, например, возьмем простую истину: нельзя убивать людей. Казалось бы, все прозрачно и никто не возражает. Но, увы, я сталкивался и с другой позицией, когда вдруг выясняется, что отдельным личностям эту заповедь можно игнорировать. Стало быть, идея гуманизма гибка и изменчива, а мораль продается и покупается, меняется на власть и богатство?

Я молчала, недоуменно моргая и не понимая, к чему он клонит.

— Убивая людей, нельзя руководствоваться только примитивной местью, — продолжил Тристан, и голос его зазвенел от избытка едва сдерживаемых эмоций. — Не нужно слепо доверяться злости, нужно всего лишь пытаться восстановить утраченную справедливость. Лично я воспринимаю гуманизм как некий закон психического равновесия: на меня пытаются давить — я становлюсь тверже. Точно так же, как и в третьем законе Ньютона: если есть сила действия, то обязательно появится и сила противодействия. И я не голословен, ибо испытал все это на собственной шкуре. Я стал выше мести и, кажется, снова

научился прощать. А ты не думала о том, чтобы простить своего обидчика? Да, ты хотела отомстить Конраду, но справедливо ли губить его ни в чем не повинных спутников? А как же нормы морали, осуждающие излишнюю жестокость и мстительность?

Я виновато покраснела, осознав обоснованность его доводов.

— А что говорит твоя мораль относительно границы безнаказанности, перейдя которую можно творить любое насилие? — ехидно спросила я.

— Зачем творить? — По лицу Тристана пробежала судорога какой-то личной, пробудившейся в душе боли. — Почему?

— А люди и так все умрут, — доходчиво пояснила свою мысль я. — Это же элементарно, как дважды два. Значит, вывод напрашивается сам собой: можно убивать кого угодно, прикрываясь почти стопроцентной вероятностью наступления всеобщей скорой и неизбежной гибели. Оправдание для себя придумано! Следовательно, граница безнаказанности уже пройдена. Ясно? Кто кого теперь разоблачит и накажет? Никто!

— Это ты о ком? — непонимающе хлопнул ресницами стригой.

— В первую очередь об Андреа, — уточнила я. — А затем уже обо всех нас. О тебе, о себе... Ты — убивал. Я тоже только что убила и неизбежно убью еще. Убью того, кого захочу: любого, каждого...

— А кто ты вообще такая, чтобы решать за каждого: жить ему или умереть? — бурно возмутился Тристан. — Бог?

— Выходит, что Бог, — язвительно подначила я. — Ибо если Он есть, то почему Он мне это позволяет? Следовательно, я главное...

— Стоп! — искренне озадачился Тристан. — Но ведь если нас и вправду некому наказывать, то получается, что мы имеем возможность причинять любое зло любому человеку? На свое личное усмотрение! Но как же такое возможно? — Он выглядел потрясенным до глубины души. — Это же неправильно!

— А я о чем и говорю! — улыбнулась я, обрадованная его реакцией. — Вот чему учит вас Андреа... Справедливость, месть — для нее эти понятия не более чем пустые звуки. Она давно живет по своим принципам. Я мщу Конраду, а кому мстит моя сестра? Да никому!.. Понимаешь, она поступила иначе: она не отвергала всеобщую, уже устаревшую нравственность — она создала новую мораль, свою собственную. Этакое ментальное «ноу-хау» в ее кровавом исполнении. Она спокойно перешла грань безнаказанности. Она создает свой мир, свой народ, свою эпоху!

Брови Тристана задумчиво сошлись на переносице.

— Детей жалко, — вздохнул он.

— Чьих?

— Всех, — гуманно обобщил он. — Дети ни в чем не виноваты, ведь они еще не успели согрешить. А Андреа убивает и детей.

— И чего ты волнуешься? — Я намеренно состроила каменно-глумливую гримасу, намереваясь поглубже разбередить рану в его сердце, мною же и нанесенную. — Она рассуждает примерно так: «Дети — это будущие взрослые. Выросли бы и нагрешили. Считай, что взрослые сегодня получают по заслугам, а дети — авансом». И разницы для нее — никакой.

— Так нельзя, — гневно шептал Тристан, размышляя о чем-то своем. — Я ей не позволю... — Похоже, наш разговор запал ему в душу, нажав на какую-то болезненную точку.

— Вот и выходит, что мораль — это просто набор правил, которые сильные навязывают слабым, чтобы ими было легче управлять, потому что сильные тем правилам следовать не собираются! — подвела итог я, чувствуя свою вину за сбитый вертолет и пытаясь оправдаться. — Мораль — это колючая проволока вокруг храма псевдосвободы. Мораль — это яблоко этики, у которого цела только оболочка, а сердцевина уже давно изедена червями.

— Возможно, — задумчиво кивнул де Вильфор. — Если хочешь спорить о моральной

стороне своего поступка, то ты имеешь все основания прикрыться своими обязательствами, но твоей совести это не облегчит. О, я мог бы рассказать тебе одну чрезвычайно душеспасительную историю, отлично иллюстрирующую возникновение моих моральных принципов...

— Так расскажи! — встрепелась я, но тут мои слова прервал громкий сигнал тревоги, издаваемый цифровым уловителем колебаний. — Они нас атакуют! — возмущенно закричала я. — У них хватило сил и наглости ответить на мой удар!

— А чего ты ожидала? — многозначительно приподнял бровь мой напарник. — Думаешь, я зря распинаясь перед тобой, пространно вещая о балансе мести и справедливости?

Я злобно завизжала и схватилась за рычаги, бросая вертолет в крутое пике и пытаюсь уйти от настигающих нас пуль. Надсадно скрипели подшипники, а лопасти винта чуть не поломали свои стальные ребра, нехотя воспроизводя заданное мною движение. И все-таки я это сумела — ушла с линии выстрела, сломив сопротивление машины, еще никогда доселе не совершавшей подобных вычурных выражений.

— Молодец! — Тристан восхищенно похлопал меня по плечу. — А ты сильная девочка, умеешь противостоять каверзам судьбы!

— Ага! — Я счастливо хмыкнула, сдувая с носа каплю пота. — Смотри, они быстро сходят с продольной линии радара, что может обозначать лишь одно: их вертолет падает. А мы тем временем спокойно достигнем Чейта...

Но повторно взывший сигнал тревоги внезапно оборвал мое победное ликование. Замигали аварийные огни на панели управления «Акулы», оповещая о нарушении давления в правом двигателе, отказе гидравлики и резком снижении уровня горючего.

— Что за черт? — Я недоуменно уставилась на приборы. — Мы тоже падаем, но почему? Ведь нас-то не сбивали...

— Повреждение? — предположил Тристан, но я отрицательно покачала головой.

— Невозможно, ведь на момент взлета вертолет находился в идеальном состоянии... — Но тут я, совершенно, казалось бы, некстати, вспомнила злобное выражение лица Элоизы, старающейся незаметно выскользнуть из комнаты совещаний, и гвоздь, подобранный мною на взлетно-посадочной площадке. Вроде бы я его так и не выкинула... Я похлопала себя по карманам и вытащила злополучную железку: длинную, довольно толстую и чертовски острую. Понюхала кончик гвоздя и уловила исходящий от него слабый, едва ощутимый едкий запах керосина.

— Она пробила нам топливный бак, — сообщила я делано ровным голосом, — твоя проклятая невеста! Причем это была сознательная и целенаправленная диверсия!

— Элоиза? — Тристан восторженно рассмеялся. — Браво, ревнивица! Не ожидал подобного поступка от этой тихой малютки, но заметь — ее мстительное поведение тоже идеально укладывается в мою теорию.

— К дьяволу твои теории! — взбешенно заорала я. — Мы падаем!

Тристан ослепительно улыбнулся:

— Но ведь на вертолете есть парашюты?

— Хочу тебя поздравить, — иронично уведомила я, меряя его косым взглядом, — в боевых вертолетах парашюты надеваются до момента посадки. А мы так торопились, что даже не подумали это сделать. Значит, мы разобьемся...

— Да ну? — Тристан недоверчиво хмыкнул. — Практически бессмертные стригои? Санта, тебе не кажется, что это звучит как-то неправдоподобно? — Он подмигнул мне с самым беззаботным видом. — Гарантирую, с нами ничего не случится...

— Вот и проверим! — с сомнением проворчала я. — Если твои теории верны, то умирать нам еще рано...

— Или уже слишком поздно! — невозмутимо закончил он.

Все дальнейшее произошло очень быстро. Вертолет стремительно падал, а ветер выл за стеклом так пронзительно и страшно, что разительно напомнил мне старого одинокого

волка, который жалуется луне на свою невезучую судьбу. Иногда в промежутках между тучами мелькали скопления ярких звезд, со здоровым пофигизмом взирающие на разыгрывающуюся в небе трагедию. Я приложила максимум усилий, стараясь притворяться смелой и отважной, не выказывая пожирающей меня паники, но звезды открыто смеялись мне в лицо, сбивая мой кураж. Они не ведали элементарной истины: «Не так сладко жить, как горько умирать». А потом я почему-то вылетела из своего кресла и ухнула в свистящую тьму, потеряв из виду и вертолет, и Тристана. Снизу пахнуло теплом близкой земли, мимо меня пронеслась верхушка развесистой сосны, и я ощутила резкую боль, огненной спицей прошившую все мое тело. Кажется, я закричала. Обрадовалась этой боли, свидетельствующей о том, что я не умерла. Ведь мертвые не чувствуют боли и не раскаиваются в совершенных ими ошибках. А я раскаивалась.

Возможно, я уже изрядно опоздала со своими сожалениями, но ведь лучше сделать это поздно, чем никогда! Ах, если бы я остановила Элоизу еще там, в комнате совещаний. Эх, если бы я не напала на вертолет Конрада. Ох, если бы я... Внезапно в моей голове четко всплыли все доводы Тристана, и я согласилась с их объективностью. Скорее всего, такие прозрения, такие моральные трансформации происходят с нами только в момент высшей опасности. Да, он прав, сто, тысячу раз прав. Нельзя отвечать злом на зло и убивать всех подряд! Мир должен существовать и после нас, причем именно в том виде, в котором он был создан Господом. Я не желаю гибели всех людей или превращения их в тупой бесправный скот, в корм для стригоев. В их роли на земле должен найтись какой-то иной, более возвышенный смысл. Но какой? Я очень хотела бы обрести ответ на сей вопрос, но для этого я должна найти «Божий Завет» и принести его... О, нет, я не отдам его своей сестре, я верну его людям!

Боль стала невыносимой, обжигающей, словно огонь. А ведь я уже видела огонь когда-то не так давно. Я вдруг мысленно отрешилась от реальности, словно переместилась во времени и пространстве, ментально очутившись в совсем ином месте. Там тоже царил холод, а снег заметал стену каменного колумбария, тая от соприкосновения с языками всепожирающего пламени. Огонь лижет основание вкопанного в землю столба, а на костер волокут худого до изнеможения мужчину, суетливо потряхивающего неопрятными седыми волосами. На краткий миг я в последний раз встречаюсь с ним глазами и вспоминаю его имя — Симон де Монфор, вечный грешник, некогда разрушивший священную крепость Монсегюр. Обветренные губы мужчины приоткрываются в прощальной улыбке:

— Вспомни, кто ты есть на самом деле, Хранительница «Божьего Завета»! Найди «Книгу крови»! — требовательно шепчет он. — Это не сказка, Сангрема существует на самом деле. Она укажет тебе путь к вратам ада и рая!

— Найду! — потрясенно обещаю я, выпадая из прошлого и снова оказываясь в настоящее. — Но я не знаю, где она находится! — почти кричу я. — Симон, где же она? — Но меня окружает пронзительная тишина, которой нет дела до моих страданий. А если так, то, значит, мне опять придется идти вперед, разыскивая ответы на вновь возникшие вопросы. А это свидетельствует о том, что я просто не имею права умирать!

И вот на этой важной ноте я наконец-то позволила себе забыться, отправляя свое сознание в долгое небытие.

Глава 4

Подбитый вертолет Ми-28 горел. Пожар, начавшийся в правом двигателе, выведенном из строя точным попаданием бронебойных патронов, перекинулся на корпус геликоптера, липкими огненными язычками растекаясь по всему фюзеляжу. Температура внутри заднего отсека почти мгновенно поднялась до безумно высокого уровня, затрудняя дыхание. Всем казалось, будто они вдыхают жидкий огонь, испепеляющий гортань и легкие.

— Сейчас пламя дойдет до топливного бака, и мы взлетим на воздух! — кричал Натаниэль, прижимая к себе испуганно зажмурившуюся Ариэllu.

— Мы и так уже находимся в воздухе, дурень! — язвительно хмыкнула Оливия, не теряющая спокойствия и шустро упаковывающая в рюкзак остатки их недавней веселой трапезы. — Ты только в спокойной обстановке петушиться горазд, а как дело доходит до настоящих проблем, тут ты и пшик!

— Вот видишь, значит, родная стихия ангелов — все-таки воздух, а отнюдь не жратва! — поддел Нат.

— Растворись с глаз моих, дурак! — Валькирия замахнулась на него кулаком.

— Эй, грубиянка, изволь отзываться о Нате повежливее, — ультимативно потребовала Ариэлла. — Бери пример с меня, ведь я очень хорошо воспитанная девушка!

— Ага, — ехидно прищурилась валькирия, — не пьешь, не куришь, не ругаешься матом. Какая прелесть! Какать бабочками еще не научилась?

— Ты всегда стремишься выдвинуться за мной счет! — надула губы разобиженная девушка.

— Зачем? — злорадно ухмыльнулась Лив. — Я не самоутверждаюсь, я себя и так люблю!

— Не ссорьтесь, дети мои! — умиротворяюще прогудел отец Григорий, часто крестясь и заслоняя валькирию своими широченными плечами, словно пытаясь прикрыть ее от огня. — Ибо все мы равны перед ликом божьего гнева.

Нат посмотрел на него уважительно, впечатленный завидным самообладанием священника.

— Нужно прыгать, — разумно добавил иерей. — Где-то здесь должны быть парашюты...

— Оптимисты придумали вертолеты, а пессимисты — парашюты! — злорадно пошутила Оливия, торопясь отомстить священнику за аналогию между женщинами и фильмами ужасов.

— Вполне правдоподобная версия, ибо у нас на борту их оказалось всего лишь два, — откликнулся Конрад, заходя в отсек и демонстрируя товарищам пару компактно сложенных парашютов. — Не стоит медлить, ибо Нат прав...

— Два, это вам не пять, — резонно возразил иерей Агеев. — Чего умного предложишь, чадо?

— Их наденете вы, отец, и Конрад, потому что не умеете летать, — аргументированно заявил ангел, опережая следующую реплику оборотня. — Я полечу сам, удерживая Ариэllu и Лив. — Он выразительно поиграл бицепсами. — Авось да выдюжу...

— Щаз, так я тебе и далась! — капризно скривилась Оливия. — Не дожدهшься, козел! Убери от меня свои грязные руки...

— Они у него золотые! — поспешно заявила Ариэлла.

— Да? — выразила сомнение склонная к остракизму валькирия. — Но растут явно не из того места.

Конрад тихонько посмеивался, помогая отцу Григорию застегнуть лямки парашюта да вполглаза наблюдая за непримиримыми друзьями — Натом и валькирией.

— Лив, ты совсем уже сбрендила? — возмущенно похлопал крыльями Натаниэль. — Нашла, называется, время для разборок! Предлагаю: давай отложим наши разногласия на потом. Поцелуй меня в знак примирения...

— А где он у тебя находится? — ехидно спросила строптивая валькирия, мстительно прищуриваясь.

— Тьфу, ты, вредная баба! — в сердцах плюнул не на шутку разгневавшийся ангел. — Не хочешь — как хочешь. Мне по фигу, хоть пешком по небу иди...

— Не заморачивайся, дружище! — Конрад сочувственно похлопал ангела по плечу. — Тебе все равно не унести обеих девушек разом. Лив хоть и не толстая, — он окинул фигуру валькирии оценивающим взглядом, — но дама отнюдь не миниатюрная. Уверен, мой парашют выдержит двойную ношу. Прошу... — Он любезным жестом предложил Оливии свою руку.

— Ладно, — ворчливо согласилась ангелица. — Только предупреждаю, я не верю ни одному мужику...

— И ты еще считаешь себя умной? — ужаснулась Ариэлла. — Если провести психоанализ твоего поведения по отношению к противоположному полу, то можно прийти к выводу...

— Молчи уж лучше! — невежливо перебила ее Оливия. — Конечно, я умная! К тому же какой там у тебя психоанализ? У тебя вечно одни психозы.

— Хватит! — решительно оборвал спорщиц Конрад. — Сейчас я кое-что доделаю, и прыгаем. — Он ненадолго скрылся в кабине пилота.

Вертолет резко накренился вбок и, сойдя с траектории полета, камнем ухнул вниз. Лив с Ариэлой отчаянно завизжали и крепко обнялись, напрочь позабыв о своем вечном и взаимном недопонимании.

— Что ты натворил? — с подозрением зашипела валькирия, обращаясь к вновь ворвавшемуся в отсек вервольфу. — Решил нас всех угробить?

— Наоборот, намереваюсь нас спасти. К сведению всяких недоверчивых особ сообщаю: я отстрелил пироболты, крепящие несущий винт, дабы нас не затянуло под его лопасти. Думаю, ты не хочешь попасть в мясорубку? — хладнокровно пояснил фон Майер. Он рывком распахнул раздвижную дверь, подставляя лицо холодному ветру, ворвавшемуся в недра вертолета, и пытливо всмотрелся в окружающую их ночь. — Судя по всему, мы пролетаем над... Пардон, — с невозмутимой улыбкой поправился он, — падаем в засыпанные снегом поля, и посему имеем все шансы на мягкое и благополучное приземление. Вперед, — он подтолкнул в спину отца Григория, направляя его в зияющий темнотой выход, и напутственно выкрикнул, — отче, не забывайте, чему я вас учил: нужно дернуть за стопорное кольцо, раскрывающее парашют...

— Анафема! — с заиканием ответствовал священник, выдав универсальное для любой ситуации слово, вполне способное сойти как за «нет», так и за «да».

— Отлично! — приободрил его вервольф. — Брань не камень, повисит и отвянет.

Иерей сделал прощальный жест мелко подрагивающей ладошкой и бесстрашно ухнул в забортный сумрак, вслух лепеча слова зауспокойной молитвы.

Ариэлла боязливо икнула и попятилась в глубь отсека, но, обменявшись с вервольфом понимающим взглядом, Натаниэль легко подхватил подругу и с возгласом: «Аллилуйя!» (видимо не желая хоть в чем-то уступить отцу Григорию) птичкой выпорхнул наружу.

— Наша очередь. — Конрад обнял Оливию и коротко приказал: — Смотри мне в глаза, а не куда-либо еще — это спасет тебя от головокружения!

— А разве у тебя имеется нечто такое, от взгляда на что у девушки способна закружиться голова? — съехидничала неисправимая язва.

— У тебя возникла какая-то личная проблема? — невинно поинтересовался непробиваемый оборотень.

— Да у меня полная задница проблем, если ты еще не соизволил это заметить! — вспылила девушка, разозленная его поистине олимпийским спокойствием.

— Я понял, — кротко кивнул Конрад, шагая в ночь. — А кроме проблем с фигурой, тебя еще что-то беспокоит?

— Да! Все! — пожалуй, излишне обобщающе рывкнула эта чересчур эмоциональная особа и, почувствовав под ногами пустоту, нервно ахнула.

Ветер свистел у нее в ушах, но она ощущала сильные руки оборотня, надежно прижимающего ее к своей груди, и почти не боялась. Она не отводила взгляда от его иронично прищуренных карих глаз, а легкий запах псины, исходящий от его дыхания, и приоткрывшиеся в улыбке белые крепкие зубы казались ей сейчас самым привлекательным из всего того, что она видела и обоняла за свою долгую жизнь.

— Страшно? — заботливо осведомился он, еще плотнее притискивая ее к себе. — Не бойся, не уроню. Никогда не уроню подругу Селестины...

— Ты ее и правда любишь? — с любопытством спросила валькирия, пальцем

прикасаясь к его твердому подбородку. — Даже сейчас, после всего того, что с нею случилось? — Ей было и интересно и волнительно вести такие интимные разговоры, болтаясь между землей и небом, между жизнью и смертью. — Ты же тоже в нее выстрелил! Надеюсь образумить? Тогда учти, в мире существует только одна правда, и она сорок пятого калибра... — Лив выразительно хлопала себя по кобуре с пистолетом. — А все прочее — только иллюзии и игры воображения.

Но вместо ответа оборотень лишь сердито моргнул, позволив себе проявить такую мимолетную и вполне простительную слабость, а его губы горестно изогнулись.

— Лучше расскажи, в кого верят умные девушки? — напомнил он, специально уходя от болезненной для него темы о нынешнем облике и сущности Селестины.

— О-о-о, — лукаво протянула валькирия, — а ты хитрец! Понимаешь, что сейчас я не расположена к увеливаниям.

— Я жду правды! — настаивал оборотень. — И отнюдь не огнестрельной.

— Хорошие девочки верят в рай, плохие — в ад, — ангелица выдержала многозначительную паузу, — а умные — исключительно в себя!

— Ага! — хмыкнул он. — Значит, Селестина тоже верит только в себя? Очень подходит к ее бескомпромиссному характеру.

— Непременно, — без колебаний подтвердила Оливия. — И возможно, еще в любовь! — Она печально вздохнула.

— Разве это плохо? — удивился Конрад.

— Конечно! — Валькирия искренне изумилась его наивности. — Любовь делает нас слабыми и склонными к ошибкам. Господи, упаси нас от любви, и лишь тогда мы сможем остаться людьми! — воодушевленно выкрикнула она, словно посылая протест небу, ночи, миру и самой судьбе. — Господи, избавь нас от испытания любовью...

На смуглом виске Конрада протестующе забились тонкая жилка. Он всегда считал себя хищником, не признавая лидерства или превосходства женщин. А сейчас, специально или нет, но Оливия сильно задела его самолюбие, выявив самое уязвимое место в непоколебимой мужской натуре вервольфа. Она задела его любовь! И это притом, что ему весьма не нравилась самоуверенность некоторых женщин, полагающих, что уж если природа подарила им крепкие ягодички и дала терпение, чтобы отрастить длинные волосы, то весь мир должен пасть перед ними ниц, замирая в раболепном восхищении. Как правило, такие самки либо пусты как стеклянные бутылки, либо по некоей причине (уважительной или нет) скрывают в душе огромный ком ехидства и злобы, до такой степени приправленный ядом зависти или корысти, что к ним неприятно прикасаться. Другое дело Селестина! В ней есть то, что давно утратила большая часть женщин: тонкая чувствительная душа, гибкий ум, железная логика и непосредственность реакций. Редкое создание! Она такая искренняя, не гонится за поклонением, деньгами и славой. Не стесняется говорить то, о чем думает, и думать не так, как все. Красивая и нежная. Похожая на музыкальный аккорд, нет, на целую симфоническую пьесу, нескончаемую и вечно усложняющуюся...

Но Конрад так ничего и не произнес вслух, оставив свои мысли при себе, только дернул за кольцо, раскрывая над их головами белый купол парашюта. А еще через пару минут вервольф и валькирия мягко приземлились в глубокий сугроб, где уже неловко барахтался многословно славящий Господа отец Григорий, а на расположенном рядом пригорке восседали Натаниэль и Ариэлла, весело хохочущие над догорающими поблизости обломками их разбившегося вертолета. А вдалеке, почти на самой линии горизонта, Конрад увидел еще одно яркое зарево и непонимающе нахмурился. Что там происходит?

— Она нас сбила и тем самым выиграла время, опередив на пути к замку, — посетовал ангел. — Вероятнее всего, Сел сейчас находится где-нибудь на подступах к Чейту. А как мы туда доберемся?

— Я что-нибудь придумаю! — твердо пообещал Конрад, не отводя взгляда от второго пожара, затухающего в нескольких километрах впереди и испытывая странное, никак не объяснимое беспокойство за Селестину. — Я обещаю.

Уверовав в находчивость вервольфа, его спутники заметно приободрились. И пускай они находились в настоящий момент черт знает где, лишившись средства передвижения и не имея укрытия от непогоды, но зато ничуть не пострадали и были полны решимости продолжать свой трудный путь к замку Чейт. Они надеялись на благополучный исход затеянного ими путешествия, ведь успех — это не что иное, как переход от неудачи к неудаче, сопровождающийся неиссякаемым энтузиазмом и непоколебимой верой в себя.

Я пришла в себя от холода и боли. Сбрав в кулак всю свою силу воли, я с трудом разлепила непослушные ресницы, каждая из которых, похоже, весила сейчас не меньше тонны, и открыла глаза. Меня окружала темнота. Облачность скрывала луну и звезды, а больше ничего разглядеть не удалось. Порывы ветра так резко зачесывали в сторону ветки нависшей надо мной сосны, что казалось, иголки держатся на них только на честном слове. Ужасно саднила левая рука, а я все пыталась, но никак не могла восстановить в памяти точную картину миновавших событий.

— Больно! — я тихонько застонала. — Воды...

К моим губам немедленно прижалось круглое горлышко металлической фляжки, в рот полилась струйка сладкой, оживляющей воды, и я сразу же узнала холод, вернувший меня в сознание.

— Вот, это вода! — ласково произнес Тристан, склоняясь к моему лицу. — Я приземлился удачно — в сугроб, а вот тебе повезло намного меньше: ты ударилась о присыпанный снегом камень и сломала левую руку.

— Гадство! — обиженно просипела я. — Мне некогда болеть.

— И не нужно, — одобрительно рассмеялся мужчина. — Я тебя подлечу. — Он вытащил из кармана своего жилета небольшой пластиковый пакетик, вспорол его ногтем и жестом показал: пей. Я в несколько глотков опустошила поданную мне емкость, ощутив на языке горьковато-сладкий вкус густого, вязкого напитка. Несомненно, это была кровь. Она плотным комком скатилась по моему пищеводу, вызывая мгновенный всплеск почти эйфорического возбуждения, согревшего желудок и огненными искорками растекшегося по всему телу. Оттолкнув довольно рассмеявшегося Тристана, я одним гибким движением вскочила на ноги, удивленно ощупывая свою травмированную руку. Я видела и чувствовала острые обломки кости предплечья, втягивающиеся обратно в плоть, а кровоточащие порванные мышцы срастались буквально на глазах, и вскоре лишь порванный рукав куртки напоминал о моем недавнем увечье. Я несколько раз недоверчиво сжала и разжала кисть, изумляясь столь быстрой реанимации и своему отличному самочувствию.

— Иногда это очень удобно и выгодно — трансформироваться в стригоя! — заговорщицки подмигнул Тристан, намекая на мое почти мгновенное выздоровление. — А иногда, — он озабоченно поднял голову и опасливо посмотрел на небо, — не очень...

Я растерянно пожала плечами, абсолютно не улавливая полета его мыслей.

— Пошли, — он требовательно потянул меня за рукав, — нам нужно торопиться.

Я без лишних протестов последовала за своим спутником, и некоторое время мы рьяно пробивались сквозь сугробы, казавшиеся бесконечными. Оглядываясь по сторонам, я видела лишь бескрайние белые барханы, вздымающиеся до самого горизонта. Мы обошли догорающие обломки нашего вертолета, и, обернувшись назад, я смогла различить еще одно далекое зарево, очевидно отмечающее место падения геликоптера наших врагов. Невзирая на все рассуждения о мести и справедливости, исторгнутые из уст Тристана и предназначавшиеся для моих ушей (но пропавшие втуне), я ощущала чувство глубокого удовлетворения от осознания того, что Конрад отправился в преисподнюю. Я искренне скорбела о смерти загубленных мною ангелов, но ничуть не сожалела об участии оборотня, в настоящий момент, бесспорно, занятого загробным искуплением своих многочисленных грехов, в число коих входили и причиненные мне обиды. Я злорадно посмеивалась втихомолку, стараясь не сбиться с прокладываемой стригоем тропы и не понимая, куда он так торопится? А не лучше ли нам закопаться в снег, немного отдохнуть и дожидаться

наступления дня, потому что в такой темноте мы сами не видим, в какую сторону движемся...

— Не лучше! — лаконично откликнулся размашисто шагающий впереди меня Тристан, ибо, задумавшись, я произнесла этот вопрос вслух. — Для нас важно не то, куда мы идем, а то, куда придем.

— Куда-нибудь да придем в итоге! — беззаботно парировала я. — Карты у меня нет, но Земля-то круглая, поэтому деваться нам некуда...

— А ты хотела бы смыться из этого мерзкого мира? — вдруг задумчиво спросил Тристан. — Избавиться от царящей в ней жестокости и безысходности?

— Ага, иногда меня жутко утомляет его серость и банальность, — с готовностью согласилась я. — Взять бы пример с русских и махнуть в космос, но, увы, в их зачине тоже нет никакого здравого смысла...

— Русские, зачин? — не понял Тристан.

— Ну был у них такой известный космонавт по фамилии Гагарин, — смешливо фыркнула я. — Он первым попытался смыться с нашей убогой планеты, но твой любимый Ньютон задолго до того открыл закон притяжения, доказывающий, что у этого смельчака ничего не выйдет. — Я хихикнула, надеясь развеселить де Вильфора, но вместо ожидаемого смеха услышала лишь завистливое ворчание.

— Люди, — с отвращением буркнул он, — опять люди, всегда люди...

Я недоуменно приподняла бровь, озадаченная подобной реакцией. Интересно, а чем Тристану люди не угодили? Но де Вильфор отказался развивать столь интересующую меня тему и вместо этого приподнял рукав куртки, поглядев на свои наручные часы.

— Шесть утра, — мрачно констатировал он. — Через пару часов взойдет солнце. Укрытия мы так и не нашли, а значит, наши дальнейшие блуждания приобретают характер совершенно бесполезного занятия. Устроим привал прямо здесь?

Я с радостью кивнула, ибо давно уже устала от этих бесплодных скитаний, а однообразный вид обступающей нас местности привел меня к неутешительному выводу, что мы ходим кругами, бесцельно тратя время и силы. Хотя, говоря начистоту, в наших проблемах следовало винить одну меня: я надеялась выиграть время и избавиться от врагов, а вместо этого создала нам дополнительные сложности. А впрочем, чего убиваться-то? Ну попадем мы в Чейт чуть позже, так это же не смертельно!

Тристан тяжело вздохнул, вгоняя меня в ступор своим пасмурным видом и, вытоптав в снегу небольшую площадку, сложил в ее центре костер, соорудив его из нескольких найденных нами веток кустарника и извлеченных из карманов брикетов сухого топлива. Огонек робко заплясал на выделенной ему скудной делянке, а Тристан достал из куртки маленькую фляжку и угостил меня парой глотков отличного французского коньяка. Я сбросила в снег свой рюкзак, уселась и со сладостным стоном облегчения вытянула натруженные ноги.

— Скажи, по твоему мнению, люди являются очень глупыми созданиями, поэтому ты отзываешься о них с пренебрежением и презрением? — напрямую спросила я.

— Отнюдь, — коротко ответил стригой. — Я их не презираю, я им завидую, ибо они не утратили способность испытывать счастье.

— Счастье? — усомнилась я. — Какой смысл ты вкладываешь в это слово? Разве стригой не умеют быть счастливыми?

— О. — Тристан утомленно прикрыл глаза и откашлялся, готовясь углубиться в столь любезные его сердцу философские рассуждения, — какую непростую тему ты подняла, Санта. То, что является пределом мечтания людей, а именно бессмертие, стало для нас нормой жизни. Нет, даже не нормой, а обыденностью — серой и пресной повседневностью. Понимаешь, в чем тут дело? Мы не обрели счастье, став бессмертными. Мы получили красоту, силу, но утратили свободу распоряжаться своими жизнями. Парадокс, но теперь мы еще больше зависим от смерти. Мы ее боимся и поэтому влачим унылое существование. Горя, тотального горя у нас нет, а вот тоска по счастью — осталась. Чего же нам не хватает,

отчего мы маемся, когда нужно жить и радоваться жизни? К пониманию нашей проблемы нужно прийти, это понимание нужно выстрадать, для него нужно созреть. Редко кто достигает этого рубежа, еще меньшее число отваживается его переступить...

— О чем это ты? — недоуменно расширила глаза совершенно запутавшаяся я. — А попроще выразиться можно?

Тристан кивнул, на его ясное чело набежала печальная тень.

— Я тоже многого недопонимал, пока не встретил некоего умного человека — монаха-иезуита, открывшего мне глаза на бессмысленность нашей жизни.

— Ты его за это поблагодарил? — выдала догадку я.

— Да уж, поблагодарил, — саркастично хмыкнул стригой, — таким образом, до сих пор себе простить не могу! — В его голосе прозвучал откровенный стыд. — Но теперь я точно уверен: люди обладают куда большей свободой, чем мы, ибо смирились с тем, что все они смертны. Они торопятся с толком потратить тот небольшой срок, который им отпущен, и поэтому умеют чувствовать — любить, жалеть, прощать. А мы, холодные душой долгожители, более всего заботимся о сохранении своей никчемной жизни и не склонны отвлекаться на иные эмоции. Мы законченные эгоисты, мы заложники своего бессмертия, и поэтому живем лишь собой и только ради себя.

Я растерянно хлопала глазами, ибо никогда не задумывалась о том, что приобретение бессмертия влечет за собой столь сильное душевное обнищание. Впрочем, разве Тристан не прав? Разве знакомые мне стригои, такие, как Андреа и Элоиза, не думают только о себе? Я поморщилась, неприятно удивленная мыслью, внезапно пришедшей в мою голову: я не хочу быть такой же, как они. Не хочу, и никогда такой не буду!

— Люди! — с непередаваемыми интонациями обобщил Тристан. — Им дарована самая величайшая ценность этого мира: способность любить, возможность прощать, право проявлять милосердие. А они вульгарно вытирают об нее ноги! Подлецы, мерзавцы!

Я ошарашенно ахнула, неожиданно прозрев. Так значит, он...

— До рассвета осталось совсем немного времени. — Конрад посмотрел на свои наручные часы и раздраженно выругался. — Предлагаю поступить так: если в течение ближайших пятнадцати минут мы не найдем никакого укрытия, то придется закопаться в снег и немного отдохнуть. А дорогу к замку поищем утром. Кто «за»?..

— Я устала, — плаксиво заканючила Ариэлла, бессильно повисая на плече у Ната, — я согласна на все что угодно, только давайте остановимся и немного отдохнем...

Вервольф кивнул, правильно истолковав ее нытье как утвердительный ответ. Отец Григорий что-то нечленораздельно проблеял, видимо уже неспособный на внятную реакцию. Его внушительный нос, обычно радующий взоры всех окружающих своим празднично-багровым цветом, трупно посинел, а кисти рук, выглядывающие из рукавов зеленой рясы, наоборот, налились нездоровой краснотой. Похоже, почтенный третий эрайя замерз буквально до неменяемого состояния, мужественно исполняя свой долг воина Господнего. Конрад обеспокоенно покачал головой, всерьез озабоченный здоровьем иерея, чего греха таить, за столь недолгий срок сумевшего пробудить в его далеко не щедром на нежности сердце искреннее уважение, вызванное непосредственностью и детской наивностью одного харизматичного священника. И теперь оборотню вовсе не хотелось потерять этого своего попутчика, равно как и всех прочих новоприобретенных друзей.

— А ты чего встал, как шланг на морозе? — Нахальная Оливия бесцеремонно пихнула в бок случайно зазевавшегося Натаниэля. — Ты с нами или против нас?

— Отстань, зараза! — свирепо огрызнулся порядком вымотавшийся архангел. — Мало того что бродим, словно привидения по пояс в снегу, так еще ты доводишь...

— Да, — поддакнула Ариэлла. — Лив, ты как была стервой, такой и осталась, тебя ничто не изменит.

— Единственная девушка «не стерва» хранится в палате мер и весов во Франции. Причем на складе, как некондиция. Конрад, подтверди... — вредно гыкнула ангелица,

стягивая с ноги ботинок и вытряхивая из него набившийся снег. Из обувки немедленно пахло чем-то кислым, весьма не аппетитным. Конрад задорно рассмеялся, а Ариэлла брезгливо скривилась, но валькирия не обратила на нее ни малейшего внимания, всем своим видом самоуверенно показывая, что ей начхать на мнение окружающих. — Так что считай меня мировым стандартом! — победно закончила воительница и добавила: — Эй, волк, не строй из себя командира, привал отменяется...

— Почему? — изумился Конрад.

— Вон там впереди. — Оливия небрежно вытянула палец, указывая нужное направление, — я вижу покосившийся домишко...

— Где? — не поверил востроглазый вервольф, приставляя ко лбу ладонь и напрягая зрение, дабы опровергнуть утверждение чересчур самоуверенной девицы, а заодно прикрыться от летящего в лицо снега. — Нет там ничего, тебе померещилось!

Но Оливия лишь язвительно хмыкнула и упрямо поперла вперед, широкой бороздой, на манер танка, пропахивая девственно-белую снежную целину. Фон Майер скептически кашлянул, но тем не менее был вынужден последовать за валькирией, безмерно заинтригованный ее уверенностью.

К неподдельному удивлению Конрада, всегда считавшего себя самым находчивым и глазастым, Оливия оказалась права. Путешественники преодолели еще не более полукилометра, как натолкнулись на ветхий, почти до конька двухскатной крыши занесенный снегом домик, к которому примыкал столь же невзрачный сарай. У дома имелась труба — изломанная и кривая, но над ее краем не поднималось даже слабого намека на дымок, а оборотню, ангелу и иерею пришлось немало потрудиться для того, чтобы очистить от сугробов крыльцо и открыть разбухшую заплесневевшую дверь. Оливия первой бестрепетно шагнула в темные сени и хмуро поморщилась. В домике пахло смертью. Она прошла в небольшую комнату, служившую одновременно и кухней, и горницей, свободно ориентируясь в кромешной тьме, и щелкнула ногтями, высекая яркую искру. Ей хватило одного мимолетного взгляда, чтобы оценить обстановку дома: заметить и низкий, сложенный из камней очаг с наваленными в нем поленьями, и дощатый стол, и две лавки с расположившимися на них... Тут она чертыхнулась, ибо искра погасла, выхватила из кармана фляжку со спиртом, плеснула на дрова в очаге и повторным щелчком разожгла огонь, мгновенно охвативший пропитанную горючим составом древесину. Бурное пламя тут же осветило внутренний интерьер горницы. Идущая следом за воительницей Ариэлла истошно завизжала и заполошно метнулась назад, утыкаясь носом в грудь Натаниэля.

— Там, — испуганно лепетала она, — там...

— Подумаешь, трупы, — усмехнулась Оливия, с любопытством склоняясь над занимающими лавки свертками, оказавшимися смерзшимися в камень тощими человеческими телами, — чего их бояться?

— Ты это уже как-то говорила! — злопамятно пропищала Ариэлла. — И помнишь, чем все закончилось?

— Чем? — заинтересовался отец Григорий.

— Помню, — смущенно кашлянула валькирия. — Но эти не встанут, гарантирую. Так что не верещи почем зря...

— Тут побывали стригои? — неуверенно предположил протиснувшийся вперед Конрад.

Оливия кивнула с бессильной яростью:

— Они, уроды!

Впрочем, оборотень и сам уже понял, что обнаруженные ими покойники когда-то стали добычей стригоев, высосавших из них всю кровь до последней капли, а затем цинично бросивших, лишив их плоть погребения, а души — успокоения.

— Расплодились же они, гады, уже плюнуть некуда стало — обязательно в кровососа попадешь! — Вервольф брезгливо высморкался. — Такое ощущение, будто, когда я щелкаю пальцами, в мире тут же появляется еще один стригой! — Он выразительно помахал правой

ладонью.

— Прекрати это делать, грязный ублюдок! — скандально потребовала так ничего и не понявшая Ариэлла.

Оливия глумливо хохотнула.

— Давайте не будем тревожить покой мертвых и поскорее покинем это скорбное место, — предложил отец Григорий, осеняя мертвых крестным знамением. — Окажем им хотя бы такое элементарное уважение.

Все безмолвно последовали его гуманному совету и торопливо перешли в расположенный по соседству сарай, где их ожидал приятный сюрприз.

— Ого! — Конрад восхищенно обошел вокруг большого кунгового грузовика, любуясь его теплой двухместной кабиной и обтянутым брезентом кузовом, сколоченным из толстых досок, не продуваемых никаким ветром. — Пожалуй, на такой машине можно добраться куда угодно...

— И даже в Чейт, — многозначительно добавила роющаяся на полках сарая валькирия. — Я нашла карту, — она победно помахала изрядно потрепанным бумажным листом, — здесь обозначено как местоположение этого домика, так и координаты замка!

— Аллилуйя! — восторженно возблагодарил Господа набожный Нат. — Мы спасены!

— Возможно, — согласилась неугомонная воительница, приподнимая крышку люка, ведущего в обнаруженный ею подвал, — ибо мне кажется, что отсюда пахнет съестным.

— Ты вечно в первую очередь думаешь о еде! — упрекнул ангел. — А нужно — о божественном.

— Жратва и божий промысел неразделимы! — торжественно провозгласила валькирия, нащупывая ногой ведущие вниз ступеньки. — Иначе и быть не может!

— А как же здоровый образ жизни? — ехидно поддела Ариэлла. — Или ты уже забыла про свое похудание?

— Да ради бога, некоторым оно даже на пользу! — согласно пожала плечами ангелица. — Запросто докажу: несвоевременная трапеза — грех! Уж лучше лишний раз голодным посидеть, года три к примеру... Авось поумнеешь! — Она язвительно указала пальцем на Натаниэля.

— Да-а-а? — недоверчиво протянула несговорчивая Ариэлла. — А современные диетологи, наоборот, утверждают: голодать — вредно. Нужно кушать непосредственно перед сном, дабы организм не откладывал жир в запасы. Интересно, какие идеи по опровержению оной теории ты выдвнешь?

— А тут и выдвигать нечего, — отозвалась притормозившая на лесенке воительница. — Уверена, «Тайная вечеря» работы Леонардо да Винчи даст исчерпывающий ответ на твой общепитовский вопрос. Покушали Иисус с апостолами на сон грядущий, и чего в итоге получили... — Эта многозначительная фраза тяжело повисла в холодном воздухе, абсолютно не нуждаясь в дальнейших комментариях.

Ариэлла уязвлено прикусила губу и заткнулась. Конрад похвально хмыкнул, одобряя находчивость Оливии.

— Чего ржем, как кони? — немедленно возмутилась валькирия, набрасываясь на глубоко антипатичного ей вервольфа. — Желаете спуститься вниз первым?

— Не-а! — ухмыльнулся оборотень. — Если там сидит голодный монстр и он тебя сожрет, то тогда мы, мужчины, немедленно отправимся по твоим следам, дабы отомстить за прекрасную даму.

— Вот всегда у вас так — сплошные шуточки и отговорочки, — с наигранным разочарованием отозвалась Оливия снизу. — Обломайся, совратитель, здесь нет никаких монстров, ибо тут водится лишь одно голодное чудовище — я! И мои усилия вознаграждены сторицей, потому как я нашла жратву, много жратвы!.. — Последнее слово перешло в громкое чавканье.

— Эй, нам-то что-нибудь оставь! — протестующе заорали все, кучей скатываясь в подвал, где их восторженным взорам предстали многочисленные домашние колбасы,

привешенные к балкам копченые свиные окорока и мешки с сухарями — все немного подмороженное, но, безусловно, пригодное к употреблению.

— Анафема! — ошастливлено бормотал отец Григорий, с надрывным кряхтением стаскивая с полки здоровенную бутыл с самогоном. Оливия стояла рядом, вслух пересчитывая горлышки наполненных вином бутылок, разложенных по сколоченным из досок ячейкам, выставленным мягкой соломой.

— Самогон будешь? — Иерей щедрым жестом предложил Ариэлле бутыл, заметив, что ангелицу до сих пор потряхивает из-за недавно пережитого стресса.

— Не могу, — тихонько отказалась она, скромно шаркнув ножкой.

— Ну, выпей, ведь от сердца же отрываю! — настаивал отец Григорий.

— Не могу, вырвет...

— Да кто вырвет-то? — ахнул простодушный священник, крепко прижимая пресловутую бутыл к необъятному, обтянутому телогрейкой пузу. — Тут же все свои...

— Счастье есть, — подмигнула Оливия. — И пить — тоже счастье!

Натаниэль понимающе рассмеялся.

— Ну теперь-то я уж точно верю в то, что мы доберемся до Чейта... — задумчиво произнес Конрад, ни к кому конкретно не обращаясь.

— И до Сел! — дополнила прекрасно расслышавшая его Оливия, на что вервольф лишь печально заломил бровь и опять ничего не ответил.

— Ты не любишь людей! — наконец-то догадалась я. — Почему?

— А за что мне их любить? — невесело усмехнулся Тристан, подбрасывая в костер тонкие веточки и так сосредоточенно вглядываясь в пляшущие язычки пламени, будто он увидел там какие-то особенные картины, предназначенные лишь для него одного и недоступные моему восприятию. — Они же меня убили...

— Убили? — ахнула я. — Но почему?

— Разве для убийства нужны причины? — Мужчина гадливо поморщился — похоже, осиное гнездо его воспоминаний, разворошенное моими дотошными вопросами, по-прежнему причиняло ему немало страданий, не излеченных даже миновавшими столетиями. — Знаешь, иногда мне кажется, что мы, стригои, намного милосерднее и справедливее людей, ибо убиваем ради насыщения своих тел, а они — ради развлечения или удовлетворения своих амбиций. Их Библия провозглашает: «Не суди, да не судим будешь», — но разве им дано право осуждать и казнить тех, кто всего лишь выполняет свой долг?

— Умоляю, расскажи мне все! — подрагивающим от сочувствия голосом воскликнула я. — Я хочу узнать о твоём прошлом!

— Не стоит, — отказался мужчина, отворачивая от меня свое лицо, черты которого странно исказились, став уродливыми до безобразия. Возможно, в оной странной трансформации следовало винить неровный свет костра, но я была склонна предположить, что причина крылась в чем-то ином. Скорее всего, это страшное прошлое Тристана безудержно рвалось наружу, проявляясь, словно фотография под действием реагента. — Если я расскажу тебе о том, через какие пытки мне пришлось пройти, то ты непременно испугаешься и станешь испытывать по отношению ко мне только смешанную с жалостью брезгливость. А я на подобное не согласен! Понимаешь, ничто так не унижает мужчину, как жалость со стороны женщины.

— Поверь, мною движет отнюдь не праздное любопытство, — медленно произнесла я, старательно взвешивая каждое слово, срывающееся с моих губ, ибо я безумно боялась обидеть Тристана и тем самым оттолкнуть от себя этого удивительного мужчину. — Прошу,пусти меня в свой кокон, доверься мне, и тогда ты уже не будешь одинок...

— Кокон? — Стригой непонимающе выгнул бровь и недоуменно улыбнулся. — О чем ты говоришь, Санта?

Я удобно откинулась на свой рюкзак, готовясь к долгой душевной беседе.

— У каждого человека есть своя роковая история, — неторопливо начала я. — Не та

история, которая складывается из совокупности отдельных происшествий, хотя именно такая цепочка событий и определяет в конечном итоге результаты прожитой нами жизни, но единственный случай. Да, судьба прессует человека беспощадно — как гидравлический молот заготовку, со всех сторон и постоянно, но только первый удар становится самым болезненным, ведь он и формирует кокон нашего самосознания. А все следующие удары... В общем, к ним быстро привыкаешь, ибо они лишь укрепляют стены империи нашего личного ментального пространства. Но если не привыкаешь, то тогда твоя жизнь превращается в сплошной ужас, потому что человек без кокона уязвим, слаб и беспомощен. В нашем мире жить без кокона — это мазохистская патология, достойная изучения психиатра. Впусти меня в свой кокон, открой мне свою душу, я же вижу — тебе давно хочется выговориться, и благодаря этому мы станем больше доверять друг другу.

— Мудро сказано! — эхом откликнулся Тристан. — Полагаю, ты права. Нарывы моей души созрели полностью и требуют вскрытия, — он лукаво хмыкнул, словно просил прощения за свой медицинский юмор.

Я подбадривающе погладила его по руке, будто подтверждая — я здесь, рядом, и я — твой друг. По телу Тристана прошла длительная судорога, как если бы в нем открылась некая заржавевшая, слишком долго сдерживаемая плотина.

— В молодости я считал, что мы сами повинны во всех происходящих с нами несчастьях, — признался он. — За совершенные глупости непременно нужно платить, и это есть первый закон социального бытия, усвоенный Адамом, как только Бог выгнал его из Эдема. Но почему мне пришлось платить за то, чего я не совершал?

Я внимательно смотрела на Тристана, вполне отдавая себе отчет в том, что лишь сейчас начинаю постигать его сложный, многогранный характер, все больше проникаясь симпатией к тому мужчине, который по воле судьбы стал спутником и полноценным участником уготованных мне испытаний, спасая от гибели мои душу и тело. А что, в сущности, я о нем знала? По его собственному признанию, Тристан слушал русский рок, африканский регги и американский блюз, читал книги по алхимии и медицине и в добавку одевался как герой старинных легенд. Длинный плащ, высокие ботфорты, шелковая рубашка с кружевными рюшами — таким видели его все окружающие. Я же за недолгий срок нашего знакомства сумела разглядеть в нем гораздо больше, чем люди обычно замечают в посторонних. Вот, например, его волосы. Не просто черные или вороные, а насыщенного цвета ночного неба, тонкие как паутина, густые, шелковистые, завивающиеся в аккуратные локоны, мягко падающие на плечи. Складочки вокруг губ, намекающие на частую улыбку.

Едва различимые морщинки, убегающие от глаз к вискам, выдают в нем человека, который на все смотрит пристально, с прищуром, пытаясь заглянуть туда, куда обычный взор не проникает. Сами глаза сочно-изумрудные, не просто зеленые, а именно интенсивно-изумрудные, и на самом их дне плещется неизбывная глубокая грусть, древняя, как природа, а потому способная проложить себе дорогу сквозь каменные стены извечной межродовой вражды между людьми и стригоями. О, да, взгляд Тристана был чист и опасен, как разряд электричества. Нос длинный, узкий — такие носы у святых на иконах Андрея Рублева. Тонкие губы и упрямый подбородок, вносящий в общую картину элемент жестокости и даже стоицизма. Просветленное лицо с железными чертами. Де Вильфор странным образом сочетал в себе душевную мягкость придворного щеголя эпохи мадам Помпадур и аскетичную волю древнего воина Спарты. С первой минуты нашего знакомства он стал мне небезразличен, а вернее, любопытен. Я подумала, что он похож на адепта секты розенкрейцеров²⁰ или послушника тамплиеров. Что-то было в нем от представителя воинствующего монашеского ордена, где любовь к людям странным образом уживается с великолепным владением мечом. По моему мнению, Тристан вполне мог избить человека, если оный того заслуживал, но следом поделить с ним своим последним имуществом,

²⁰ Члены тайного религиозно-мистического общества, эмблемой которого были роза и крест.

которое у стригоя есть.

Тристан правильно понял мой требовательный взгляд, настырно препарирующий его душу, и смутился.

— Рассказывай, — снова попросила я, — подробно, детально, не скрывая ничего. Душа — это печень эмоций. Ее задача — очищать наше естество от отходов метаболизма самой проблемной сферы. Зона чувственной человечности. Но если не сбрасывать периодически накопившийся в ней негатив, то этот природный фильтр наших эмоций начнет барахлить, заболит и в итоге умрет. А посему — открой мне свою душу.

— Хорошо, — покладисто согласился он, стеснительно опуская ресницы. Веки его прикрытых глаз нервно трепетали, выдавая охватившее стригоя волнение. Тристан немного помолчал, собираясь с мыслями, а потом заговорил...

Глава 5

Стояло хмурое утро восемнадцатого ноября 1792 года. Испортившаяся за ночь погода становилась все хуже. Порывы ветра с глухими ударами бросали в стены зданий пригоршни дождя так резко и громко, словно пересыпали не капли воды, а сушеный горох. Снаружи, в недрах растворившегося в стихии города, что-то долго и грустно выло. Через узкое оконце своей камеры, забранное частой решеткой, Тристан имел возможность наблюдать кусочек серого неба и ощущать освежающее дыхание зимнего дождя, похоже зарядившего всерьез и на весь день. Невзирая на царящий в узилище холод, он обрадовался сырой непогоде, находя в ней облегчение от нездорового жара, охватившего его похудевшее из-за недоедания тело. Тристана лихорадило всю ночь. Заинтригованно держа себя за запястье правой руки и отсчитывая частящий пульс, он с отстраненным интересом врача следил за доселе неведомыми симптомами своей необычной болезни, теряясь в догадках. Чем же он заболел? Это не были тиф или дизентерия, столь распространенные в скученных общих камерах. Его заболевание ничуть не походило на чуму или оспу, которые частенько свирепствовали в утопающем среди нечистот Париже. Эти незнакомые симптомы ставили в тупик даже его, в свои двадцать восемь лет считающегося самым опытным доктором Парижского университета. И все-таки — что же с ним такое?

Тристан изнеможенно растянулся на грубом соломенном тюфяке, расслабленно раскинув истаявшие от голода руки и ноги. Несколько лет назад, будучи приглашенным в королевский дворец, он конечно же слышал распространяемые в строжайшем секрете странные сплетни о патологической увлеченности питьем крови, приписываемой некоторым из известнейших аристократов. Дескать, кое-кто из придворных совсем отбросил соображения морали и уже не удовлетворяется обычными плотскими утехами, весьма разнообразными и скабрёзными, бурно расцветшими в период правления слабовольного Людовика XVI и его падкой на развлечения супруги — королевы Марии-Антуанетты. Тогда Тристан почти не обратил внимания на эти мистифицированные рассказы, найдя их весьма малопривлекательными, интересными отнюдь не для хирурга, а скорее для управителя сумасшедшего дома. Позднее, уже после взятия Бастилии и ареста королевской семьи, де Вильфор, как и многие другие дворяне, попал в тюрьму, где быстро снискал расположение и даже уважение своих стражников, избавив от фурункулов их начальника, гражданина Камиля Демулена, знаменитого зачинателя первых революционных бунтов, известного адвоката и политика. С тех пор молодому доктору разрешили беспрепятственно передвигаться по территории тюрьмы, пользуясь многочисленных благородных пациентов, стремительно хиреющих в непривычно суровых для них условиях содержания.

— Подлечи их немного, Вильфор, так, чтобы они смогли самостоятельно взойти на эшафот и лечь под гильотину! — жестоко шутил Демулен, заливаясь сардоническим хохотом. — Большого от тебя не требуется. Но учти, — он властно схватил Тристана за лацкан камзола и заставил того смотреть себе прямо в глаза, — не вздумай переусердствовать и не суй свой ученый нос туда, куда не следует. А не то...

Врач послушно кивал, старясь не морщиться от жуткой вони из неухоженного рта гражданина Камиля Демулена и отлично понимая, что означает оное многозначительное «а не то». Право же, эти экзальтированные республиканцы не признают ничего: ни необходимости личной гигиены, ни хороших манер. Да при кошмарной антисанитарии, процветающей в созданных ими тюрьмах, они проявляют глупую расточительность, разоряясь на постройке десятков гильотин. А к чему они республике? Ведь стоит лишь потерпеть пару месяцев, и их изнеженные аристократы-узники обязательно перемрут сами — от грязи, голода и болезней. А затем, пофилософствовав подобным унылым образом, Тристан педантично приступал к вечернему обходу камер, приветствуемый учтивыми поклонами стражников, почтительно называющих его «гражданин доктор». Впрочем будучи от природы человеком весьма здравомыслящим, де Вильфор прекрасно осознавал, что когда-нибудь окажется вынужден нарушить эти щадящие, установленные специально для него правила заключения, и тогда уже никто не защитит его от смертельного свидания с «мадам Гильотиной», любимым детищем его же коллеги — доктора Жозефа Гильотена. Но увы, умница Тристан не учел одного печального фактора — того, что уготованная ему судьба может оказаться намного страшнее трагической участи любого из его несчастных пациентов...

После массовых арестов, ставших прямым следствием политики террора, провозглашенной ближайшим другом Робеспьера гражданином Луи-Антуаном Сен-Жюстом, тюрьмы Парижа оказались переполнены вчерашними аристократами, враз лишившимися своих титулов, привилегий и собственности. Впрочем, вскоре им предстояло расстаться и с главным своим достоянием — собственными жизнями. Немало наслышанный о популярных при королевском дворе кровавых оргиях и поэтому пуще огня боящийся вампиров, Робеспьер приказал казнить каждого дворянина посредством отсечения головы, и никак иначе. Ведь, как всем известно, лучшего способа борьбы с практически бессмертными созданиями и не придумаешь, ибо заживить подобные раны и прирастить обратно оный отсеченный орган еще не удавалось никому и никогда. Во избежание паники, революционному манифесту «Лишим гидру головы» придали сугубо политическую окраску, уберегая народ от пикантных подробностей. Простолюдинам совсем не следовало знать о том, что во время задержаний многие аристократы умудрялись успешно противостоять народной гвардии, даже получив не один десяток огнестрельных ранений. Признайте, что при подобном раскладе поневоле задумаешься об изобретении какого-то нового, более надежного способа казни. А тут как раз и доктор Гильотен со своим устройством подоспел весьма кстати, весьма...

Среди заключенных тюрьмы, в которой находился Тристан, числился некий маркиз де Шаторэ, очень благообразный и приятный пожилой господин, вместе с которым были захвачены две молоденькие девицы — Мадлен и Гортензия, его дочка и племянница. Холодной ноябрьской ночью Тристана срочно пробудили ото сна и, по приказу коменданта тюрьмы, отвели в камеру девушек, внезапно заболевших какой-то странной болезнью. Шевалье растерянно пощупал их ледяные лбы, разглядел бледные, полностью обескровленные губы и рыхлые десны, отметил вялость и аномальное оцепенение всего тела, а затем сосредоточенно задумался. Увы, с подобным недугом он не сталкивался за всю историю своей практической деятельности и сейчас был вынужден признать не только постыдное неумение вылечить страждущих девиц, но и неспособность правильно диагностировать их загадочную хворь. Внезапно Мадлен, прехорошенькая блондинка шестнадцати лет от роду, страдальчески застонала и сделала слабый жест, призывая доктора придвинуться поближе. Тристан охотно склонился к красавице, загипнотизированный взглядом ее пьяно расширенных сапфировых глаз, совершенно не в состоянии вырваться из их плена. Девушка слабыми руками обвила доктора за шею и, прижавшись к ней своими бледными губками, впиалась в него сладострастным поцелуем-укусом.

Тристан испытал спонтанный приступ неземного наслаждения, одновременно с этим

ощущая, как девушка жадно сосет его кровь, с каждой секундой становясь все бодрее и бодрее. О, конечно же подвизаясь на медицинском поприще, он отлично знал, что плохое питание и неподходящие условия содержания способны вызвать разжижение крови этих нежных девиц, и теперь сразу же списал на свою догадку их нынешнее, плачевное состояние. С трудом оторвав от себя стремительно поздоровевшую Мадлен, он затем точно так же напоил своей кровью и Гортензию, испытывая от этой процедуры только сугубо приятные ощущения. Следует признать, что обе девушки оказались настолько хороши собой, что Тристан не отказался бы завести с ними и иные, куда более интимные отношения — конечно, повстречайся они в другом месте и при других обстоятельствах. Пошатывающегося от приличной кровопотери доктора вывели из камеры, а зарумянившиеся девицы проводили своего спасителя умильными улыбками и благодарными вздохами. Их анемию как рукой сняло. Но к утру Тристану стало плохо. Его била чудовищная лихорадка, перемежающаяся длительными обмороками, тело мужчины похолодело, а сердце стало пульсировать медленней и с перебоями.

Разметавшись на тощем тюфяке, больной де Вильфор так и не узнал поразительную новость: сразу же после его посещения девушки подманили к решетке своей камеры часового, загрызли его насмерть, сняли с его пояса ключ от замка, выбрались в коридор и сбежали через узкое оконце, тесное даже для кошки. Комендант Демулен в ярости метался по своему кабинету. Он, разумеется, тут же велел выслать погоню, но поймать беглянок так и не удалось. Пребывая в страхе перед грозящим ему наказанием, Демулен сразу же нашел виновного в побеге... Конечно же Тристана! Без сомнения, этот ученый докторишка дал девчонкам какое-то наркотическое средство, наделившее мерзавок противоестественной силой и ловкостью. Тристана объявили организатором и сообщником побега, заочно судили и приговорили к казни. А для того чтобы потешить попранное самолюбие его тюремщиков, было решено отступить от официальных мер и заменить гильотинирование неким иным, куда более зрелищным и мучительным способом умерщвления.

Тристан с облегчением смотрел в окно, ощущая себя совершенно здоровым и непривычно обновленным. Кризис его странной болезни благополучно миновал, оставив после себя только недоумение и любопытство. Несомненно, он заразился этим недугом от Мадлен и Гортензии, передавших ему инфекцию посредством своей крови из слабых десен, попавшей в ранки на шее доктора. Ночью, чувствуя, что умирает, и страдая от каких-то неосознанных смутных желаний, он схватил пробегающую по полу крысу и с упоением вгрызся в ее бурое тельце, алчно высасывая кровь животного и кусками глотая теплые, дымящиеся внутренности. Утром, к своему стыду и раскаянию, Тристан обнаружил возле своего жалкого ложа останки не одной, а целых пяти крыс, разорванных в клочья и выпитых им досуха. Но как бы там ни было, а их кровь ему помогла, и сейчас он понимал, что никогда еще не находился в столь прекрасной физической форме, ведь его мысли текли легко и непринужденно, восхищая многократно усилившиеся обоняние, осязание и зрение. Его прежде смуглая кожа стала бледной и волшебной шелковистой на ощупь, черные волосы завились в тугие локоны, а мускулы буграми перекатывались на бицепсах, гладкие и ровные. К тому же он даже и не догадывался ранее, что способен голыми руками поймать верткую и острожную тюремную крысу...

Размышления Тристана прервал громкий скрежет дверного замка. Решетка распахнулась, и в камеру важно вступил гражданин Демулен, сопровождаемый десятком вооруженных солдат. Де Вильфор гибко поднялся с тюфяка, безмерно удивленный торжественной поступью мрачной делегации.

— Ишь ты, прыгает как жеребец! — недовольно хмыкнул Демулен, неприязненно оглядывая высокого и стройного Тристана, на две головы возвышающегося над его собственной толстой, кургузой и кривоногой тушей. — А мне сообщали, что ты приболел...

Вместо ответа Тристан лишь протестующе развел руки и галантно поклонился.

— Ну, ну, скажи, шоркай ножками, пока еще можешь! — иронично посоветовал

комендант. — Недолго тебе уже осталось паясничать... — Он развернул вынутый из кармана лист бумаги и злорадно зачитал: — Народным трибуналом свободной республики Франция ты, гражданин Тристан де Вильфор, признан виновным в побеге девиц де Шаторэ и приговариваешься к смертной казни через...

— Но я не совершал ничего подобного! — изумленно воскликнул ничего не понимающий Тристан. — Девушки болели, а я просто оказал им первую помощь!

— ...через сдирание кожи заживо! — невозмутимо закончил Демулен и командно взмахнул рукой, подзывая солдат: — Взять его, а приговор привести в исполнение немедленно!

Упирающегося, бурно протестующего Тристана силой выволокли из темницы и грубо потащили вниз по лестнице, в подвал...

Мрачный подземный каземат, сложенный из больших каменных блоков, ярко освещался огнем, бушующим в гигантском камине, и не менее чем десятком толстых сальных свечей, расставленных на выступах стен. Центр комнаты занимали пыточный станок и стол с аккуратно разложенными на нем ножами всевозможных форм и размеров. Сладко пахло свежей кровью, какими-то травами и не выдубленной кожей.

— Посмотрим, как ты здесь попрыгаешь! — мстительно пробормотал немного оробевший от траурной атмосферы каземата Демулен, усаживаясь в деревянное кресло. Противоестественное обаяние страшного подвала пугало и притягивало одновременно, затрагивая самые порочные струны, скрытые в душе каждого человека. Ведь наслаждение зачастую так сильно граничит с болью, что многие из нас абсолютно не способны различить, где заканчивается одно ощущение и начинается другое.

Солдаты втолкнули Тристана в каземат, привязали к пыточному станку и поспешно покинули это царство боли, мысленно жалея несчастного приговоренного. Незаметная дверца, скрытая в стене, отворилась, и в подвал шагнули два приземистых человека: палач и его помощник.

— Приступайте к казни, гражданин! — едва скрывая нетерпение, хрипло приказал Демулен, обращаясь к поклонившемуся ему палачу. — Именем республики приказываю вам сделать все возможное для того, чтобы осужденный как можно дольше оставался в сознании, ужасно страдал и не умер слишком быстро!

— Вы изволите наблюдать за казнью, гражданин комендант? — с удивлением спросил палач, бросая на Демулена заинтересованный взгляд. — Предупреждаю, такая казнь — зрелище не для слабонервных!

— Я знаю! — холодно отчеканил комендант, давая четко понять палачу, что тот вмешивается не в свое дело, и к тому же слишком много говорит.

Отлично понявший его палач поклонился повторно и обернулся к Тристану.

На широком, невыразительном лице пыточного мастера промелькнула непроизвольная гримаса извращенного восхищения, когда он внимательно рассмотрел того, кто попал сегодня в его опытные руки. Никогда еще не приходилось ему работать со столь прекрасной фигурой, нежной кожей и гордой осанкой. Палач трепетно провел пальцем по щеке осужденного и радостно улыбнулся, как улыбается избалованный ребенок, получивший новую игрушку.

— Добро пожаловать в мой волшебный уголок слез и боли, прекрасный мальчик! — почти приветливо сказал он. — Меня зовут Жан Мясник, а моего помощника можешь величать просто Шило. В ближайшие несколько часов нам с тобой предстоит стать самыми близкими друзьями и узнать друг о друге много интересного. Ничего, что я немного фамильярен и сразу перешел на «ты»?

— Да пошел ты! — в тон ему отозвался Тристан.

Шило восторженно расхохотался. Демулен нетерпеливо заерзал в кресле и неодобрительно фыркнул, давая сигнал приступать к казни. Мясник и его подручный синхронно поклонились идеально отработанным движением, словно находились на сцене театра. Шоу началось!

Теперь настало время для более серьезных дел. Шило сорвал с Тристана рубашку, обнажая его гладкую, будто мрамор, грудь, и замкнул кандалы на запястьях осужденного. Потянув за прикрепленные к ним цепи, палачи подняли юношу вверх, оторвав его ноги от пола. Они остановились лишь тогда, когда стопы Тристана зависли почти в метре от каменных напольных плит, прочерченных желобками для стока крови. Он спокойно висел минуту или две, пока Жан Мясник не выбрал несколько ножей и не принялся затачивать их на виду у пленника. Тогда до де Вильфора наконец-то дошло, какой ужас его ожидает. Он грязно выругался и дико забил ногами, отчего с них слетели щегольские туфли на высоких каблуках. Шилу с трудом удалось поймать его лодыжки и стянуть с них белые шелковые чулки. За чулками последовали штаны и нательное белье. Затем он привязал к щиколоткам полностью обнаженного юноши толстый деревянный брус, заставивший узника держать ноги широко разведенными в стороны. К брусу он принялся подвешивать тяжелые гири до тех пор, пока Тристан не начал хрипло, судорожно дышать, а все его тело не натянулось до предела. Пот ручьями струился по юному телу, все мускулы напряглись, словно литые, отчетливо проступив под атласной кожей, когда Шило подвесил еще одну гирю. Теперь он медленно опустил распятого вниз так, чтобы его босые ноги едва касались холодного пола лишь кончиками пальцев. Тристан не мог даже шелохнуться, а каждый сантиметр его прекрасного тела оказался растянут до предела. Широко раскрытыми глазами красавец недоверчиво уставился на ножи, которые затачивал главный палач. Их было штук двенадцать, различной длины и формы. Вид этих живодерских орудий почти заворожил Тристана, и он уже не мог отвести от них взора, а все его мысли витали лишь вокруг оных пыточных инструментов, которые скоро будут терзать его плоть. Несмотря на ужас, он стал дышать более спокойно, так как распятое тело уже привыкло к тому, что его растянули. Внезапно он содрогнулся, почувствовав, как к его подбородку прикоснулось что-то влажное и холодное. Держа в руках большую серебряную кружку, Шило поднес ее к губам пленника и предложил напиться. Испугавшись, Тристан поначалу отказался и протестующе замотал головой из стороны в сторону, строптиво развевая своими длинными локонами.

— Это всего лишь вода, не бойся, солнце мое, — ласково сказал ему Шило, настойчиво прижимая кружку к губам осужденного. — Или ты выпьешь ее сам, или я буду вынужден напоить тебя насильно, через воронку, — мягко добавил он.

Уязвленный подобной унижительной перспективой, Тристан подчинился. Вода оказалась свежей, прохладной, так что он с удовольствием выпил ее всю, почувствовав прилив сил. Юноша был так напуган, что даже, невзирая на весь свой врачебный опыт, так и не почувствовал вкуса добавленных в воду травяных отваров, обладающих сильным стимулирующим действием. Шило заставил его выпить еще две полных кружки. Когда Тристан закончил, то вновь повернул голову в сторону старшего палача. Он вскрикнул от ужаса, и отвага снова покинула его, ибо Мясник заканчивал приготовления к казни, затачивая последний из ножей — восьмисантиметровую кривую бритву из отлично закаленной стали, отсвечивающую беспощадным синим блеском.

В эту же самую минуту Шило почтительно разговаривал с вальяжно развалившимся в кресле Камилом Демуленом, понизив голос так, чтобы приговоренный не сумел услышать его объяснений.

— Мы должны хорошенько его напоить, чтобы он не потерял сознание слишком быстро, лишившись находящейся в организме влаги, когда мы сдерем с него кожу.

Демулен непонимающе вздернул брови.

— Уж поверьте моему опыту, много крови не выльется, не волнуйтесь, но в теле мальчика имеется много другой жидкости, помимо крови, и после удаления кожи она начнет обильно сочиться наружу, если вы знаете, что я имею в виду, — в голосе палача проскользнули похотливые нотки. Очевидно, вид совершенной красоты узника сильно возбудил этого морального уродца, и теперь он с нетерпением предвкушал, как обезобразит то, что настолько прекрасно. Зависть — страшное чувство, становящееся орудием тех, кто

повышает свою самооценку не путем свершения добрых или гуманных дел, а вульгарно паразитирует на боли и страдании, причиняемых ими другим людям.

— Поэтому частью моих обязанностей было дать ему выпить пару кружек воды, — невозмутимо продолжил Шило, надеясь поразить коменданта своим профессионализмом. — Это продлит ему жизнь, а также помешает лишиться чувств. Нет ничего более противного, чем красавец, потерявший сознание до того, как с него содрали кожу. Это испортит все удовольствие!

Демулен одобрительно расхохотался, всецело согласный с палачом.

— Шило, хватит молотить языком, пора начинать, — позвал старший палач. Повернувшись к перепуганной жертве, он картинно раскланялся:

— Месье, прошу извинить меня за то, что заставил вас ждать. Однако теперь уже все готово, так что мы можем начать немедленно. — Затем он поднес к лицу Тристана нож, угрожающе сверкавший в свете свечей. — Видишь это лезвие, радость моя? — весело спросил Мясник. — Обещаю, настанет миг, когда ты попросишь, чтобы я перерезал им твое очаровательное горлышко!..

— Никогда! — непреклонно выдохнул Тристан. — Никогда, слышишь ты, мразь, я не попрошу у тебя снисхождения, пощады или скорой смерти!

— Гордец! — рассердился Мясник. — Попросишь, еще как попросишь! Все просят, — он собственническим жестом погладил обнаженную грудь юноши и похотливо хохотнул. — Убереги меня от искушения, Иисус, но ты, мальчик, намного красивее и аппетитнее всех виденных мною девушек!

Шило плотоядно облизнулся, перебирая шелковистые кудри Тристана.

Де Вильфор непокорно зарычал и забился в цепях, пытаясь отстраниться от масляных лап своих мучителей.

— Я вернусь и отомщу! — дал зарок он, и в его глазах зажегся нехороший огонек.

Мясник и Шило дружно заржали, забавляясь наивной отвагой странного заключенного. Видит бог, эти стены еще не видывали подобного оригинала!

Демулен поспешно передвинул свое кресло, ставя его так, чтобы без помех видеть происходящее, а Шило встал за спиной Тристана и обеими руками плотно обнял его за талию, надежно фиксируя для того, чтобы не дать ему двигаться во время пытки, нарушая работу палача.

— Теперь, мальчик, глубоко вдохни и зажмурься, тогда ты даже не почувствуешь первый разрез, — наигранно добросердечно посоветовал он узнику.

Тристан машинально вдохнул и закрыл глаза, сделав все так, как и говорил его мучитель. Старший палач прижал бритву к правому бедру заключенного, сантиметров на пять ниже лобка, и медленно, почти любя, очертил полный круг, вернувшись точно в то место, откуда начал разрез.

— Уже все, красавчик, можешь вздохнуть, — подсказал Шило, когда нож оторвался от тела пытаемого. Тристан громко перевел дух, открыл глаза и посмотрел вниз. Он почти ничего не чувствовал в момент разреза, только легкое давление, но сейчас он видел, как по его ноге побежала струйка крови и с легким шорохом закапала на пол.

— А теперь быстренько сделай еще один глубокий вдох, — заговорщицки прошептал Шило, ведя себя так, будто они играли в некую запретную и чрезвычайно увлекательную игру.

Тристан вновь крепко зажмурился и тихонько ахнул, пока палач очертил второй круг чуть выше его колена. Но он опять не почувствовал боли, настолько острой оказалась бритва. Кровь тонкими ручейками сочилась из еще одного разреза, стекая на ступню.

— Еще раз, миленький! — шаловливый голос Шила настырно проникал в сознание Тристана.

Юноша снова зажмурился и задержал дыхание, когда вдоль его бедра прошел третий разрез, соединивший между собой два первых и завершивший омерзительный рисунок.

Шило вразвалку отошел от узника, преисполненный осознанием выполненного долга,

пока старший палач тщательно вытирал кровь с бритвы и выбирал новую. Этот нож был покороче, обладал более широким основанием и острым закругленным концом. Тристан с нездоровым любопытством смотрел на него, чувствуя, как по его ноге стекает теплая кровь.

— Я не боюсь! — отчетливо выговорил он, стараясь не стучать зубами от дикой паники, рвущейся из глубины его души. Нет, что бы они с ним ни делали, он никогда не покажет этим мучителям своих истинных чувств, ведь в оном героизме и заключается его сила! Его истязатель приблизился, держа в руке очередное орудие пытки. Тристан задышал чаще, следя за Мясником нервно расширенными глазами, когда Шило вернулся к своему подопечному, держа в руке короткую палочку из мягкого дерева, переходящую в кожаные ремешки, размещенные на каждом из ее концов.

— Закуси ее, мальчик! — предложил он, прижимая палочку к губам пленника.

Де Вильфор отрицательно замотал головой и сказал «нет», но Шило продолжал настаивать.

— Тристан, сейчас тебе будет очень больно, по-настоящему больно. Или закуси эту палочку, или тебе придется кусать собственные губы, понимаешь? Выбора нет... — Чуть погодя, он высокомерно хмыкнул и презрительно добавил: — Ты ведь не хочешь умереть — истощено визжа, как свинья, которую режут?

Последнее замечание отрезвило де Вильфора, поумерив его запальчивость, ибо он понял, что его хотят унижить, превратить в бездушное животное. Его гордость подчинилась здравым доводам разума, и он собрал все свои силы, чтобы если не выжить, то хотя бы достойно встретить смерть. Слегка кивнув, Тристан подчинился безнадежности своего положения, разжал губы и взял в рот палочку. Шило, быстро завязав ремешки узлом на его затылке, закрепив оный кляп между зубами несчастного юноши, равнодушно взнуздав его, словно прилаживал удила во рту у лошади.

Теперь помощник палача снова встал позади пленника, положив руки ему на бедра, пока мастер готовился к работе новым ножом. Сначала он ввел острие ножа под кожу на верху первого разреза. Лицо Тристана исказилось от боли, он изо всех сил впился зубами в мягкое дерево, пока истязатель работал бритвой. Внезапно сквозь его сжатые зубы послышался тихий стон, когда палач оторвал уголок полоски кожи и начал оттягивать его левой рукой, одновременно отделяя от тела ножом в правой. Тристан все сильнее вгрызался в палочку, встряхивая головой с мотающейся гривой черных волос. На его лбу выступили капли пота, отчаянным усилием воли он пытался выдержать изуверскую пытку. Сдавленные стоны вырывались из его груди между судорожными вздохами. Шило удерживал на месте бедра истязуемого, помогая палачу и чувствуя, как напряглось тело Тристана. Они аккуратно, медленно работали, и им понадобилось около пяти минут, чтобы оголить плоть между двумя разрезами на верхней части бедра юноши. Наконец Мясник победно поднял вверх окровавленную полоску кожи, снятую с ляжки узника.

В это мгновение Тристан перестал бездумно мотать головой и посмотрел вниз. Его глаза стали еще шире от ужаса, когда он внезапно обнаружил жуткий красный предмет... Предмет, который совсем недавно был его белоснежным, мускулистым бедром.

— На память, гражданин! — картинно расхохотался старший палач, протягивая свежесодранный клочок кожи икающему от потрясения Демулену, но тот испуганно отшатнулся и, потеряв равновесие, чуть не выпал из кресла.

Мясник и Шило веселились напропалую, сгибаясь в три погибели от смеха, а затем они вновь обратили внимание на свою распятую жертву, хранящую гробовое молчание. Тристан по-прежнему висел на пыточном станке, выпрямившись и пристально глядя на противоположную стену, чтобы не смотреть на свою изуродованную ногу. Безумная боль, растекающаяся по всему телу, заставляла его морщиться и еще крепче сжимать зубы.

Камиль Демулен, чувствуя неприятную слабость в животе, неотрывно таращился на ужасную рану, понимая, что не видел в жизни ничего более отталкивающего, но вместе с тем и более прекрасного. Контраст белой кожи и красной плоти очаровывал и завораживал. Как ему и обещали, крови вытекло совсем немного, хотя и достаточно для того, чтобы под

ногами пленника на полу скопилась небольшая лужа. Между его тазобедренным суставом и коленом образовалась полоса сырого мяса, поблескивавшая в свете очага, освободившаяся от покрывавшей ее кожи. Комендант легко разглядел вены и артерии, пульсирующие под оголенной плотью, и нечто еще, что могло быть мышцами или жиром. Несмотря на легкую тошноту, Демулен вдруг почувствовал прилив желания, его мужское естество вздыбилось под штанами. Этот обреченный на смерть юноша... Какой же ангельской, а вернее дьявольской красотой преисполнилось его перекошенное от страданий лицо! Было ли, оставалось ли в нем хоть что-то человеческое? Демулен вдруг подумал: «А как именно Тристан излечил тех недужных девиц? И чем после оной процедуры болел он сам?» И тогда его трусливое, подлое сердце вдруг наполнилось недобрым, мрачным предчувствием надвигающейся беды...

Палач прервал это зрелище, начав сдирать кожу с икры и голени Тристана. На сей раз разрезы расположились чуть ниже правого колена и над лодыжкой. Шило крепко зажал в своих здоровенных кулачищах ногу пленника и держал ее до тех пор, пока палач буквально не «развернул» всю кожу, словно снимая бумагу с покупки. Теперь юноша уже не смог сдерживаться и отчаянно стонал, несмотря на плотно заткнутый рот. Он продолжал вскрикивать и корчиться, пока Мясник сдирал кожу с его колена, не тронув лишь узкую полоску кожи на внутреннем сгибе, объяснив:

— Мы оставим эту кожу красавчику. Иначе слишком легко повредить большие сосуды. Не хотим же мы дать ему слишком быстро истечь кровью и умереть.

К окончанию оной части пытки Тристан почти лишился сознания, исходя холодным потом, закатывая глаза под лоб и предобморочно вздрагивая всем телом. Затем палач и его помощник подождали несколько минут, чтобы пленник пришел в себя и смог вновь чувствовать боль. Когда его стоны сменились хрипами, Шило принес кружку воды. Вытащив кляп, он прижал край посуды к губам истязуемого, оттянув его голову назад, и принялся медленно вливать воду ему в рот. Тристан уже осип от стонов и поэтому с трудом глотал воду. Напившись, он машинально посмотрел вниз, чтобы понять, откуда исходит такая страшная боль, кусающая его ногу, будто стая голодных пчел. Сперва он не воспринял того, что именно видит. Де Вильфор тупо разглядывал пол и оковы, пытаясь отыскать свою ногу.

— О, Господи! — шокировано всхлипнул он, вглядевшись в месиво живой плоти, появившееся между его бедром и лодыжкой, вернее, между тем, что от них осталось. Теперь он уже потерял всякий контроль над собой и зарыдал, оплакивая свою молодую жизнь и страдая от боли. Все мысли о мужественной смерти вылетели из его головы при виде того, во что превратили его правую конечность. — Это не мое, не мое! — стонал он, лишь остатками воли удерживаясь от того, чтобы не начать умолять своих палачей поскорее избавить его от этой изуродованной конечности. Душераздирающая сцена продолжалась до тех пор, пока Шило вновь не заткнул ему рот палочкой.

Закончив с его правой ногой, палачи перешли к левой, искалечив ее аналогичным образом. Боль, которая пронзила измученное тело узника, было невозможно представить. Обнаженные, зияющие нервы ног Тристана чувствовали даже малейшее движение воздуха, отзываясь острой судорогой, сводившей его с ума. Он истошно вопил, пока не сорвал голос, поперхнулся, закашлялся и вновь закричал, перейдя на низкий звериный вой, лишенный человеческих интонаций, заглушить который уже не мог никакой кляп. Палач позволил ему несколько минут испытывать эти ощущения, а потом юноше дали еще воды, но его внезапно вырвало прямо в лицо мучителям, после чего садисты рассвирепели и перешли к следующей части этого показательного мучительства. Они решили приступить к его прекрасной груди с ее нежнейшей, чувствительнейшей кожей. Тристан молчал, закрыв глаза и почти не подавая признаков жизни.

— Он умер? — возмутился разочарованный Демулен. — Гражданин палач, вы же обещали мне, что казнь продлится долго. Признаюсь, я был лучшего мнения о вашем мастерстве!

— Терпение! — вызывающе рассмеялся Мясник. — Самое интересное еще впереди.

Демулен жарко задышал и взволнованно подался вперед.

Покончив с грудью, палачи игриво переглянулись и перешли к промежности заключенного. Мясник медленно разрезал кожу на складке, разделявшей упругие ягодицы юноши. Введя округлую бритву в рану вокруг заднего прохода, он повел разрез к его ногам, потом осторожно очертил кровавый овал вокруг каждой ягодицы. Наконец он провел лезвием по его выбритому лобку и рассек последние полоски кожи вокруг полового органа распятого. Затем Шило медленно содрал кожу с его мошонки и два окровавленных лоскута упали на пол. Невозможно описать, как вопил и корчился от невыносимой боли связанный Тристан. Когда мучитель принялся сдирать тончайшие кусочки кожи с его детородного органа, он уже не мог кричать, сорвав голос. Старший палач прервал казнь и вытащил изо рта узника кляп, в котором уже не было никакой необходимости. Демулен, уставший от вида этого омерзительного действия, поднялся с кресла и направился к двери, намереваясь покинуть пропахший кровью подвал.

— Почему вы уходите так рано? — удивился главный палач. — Он еще не умер.

— Казнь длится уже почти три часа, — безгласно поморщился Демулен, — и теперь, по-моему, он уже впал в ступор, а возможно, даже лишился рассудка. Я не думаю, что осужденный все еще понимает суть происходящих с ним процессов. Ведь он уже давно не издает ни единого звука и никак не реагирует на ваши манипуляции. Вы не считаете, что он онемел или, вероятнее всего, попросту откусил себе язык от боли?

— О, уверяю, его голос еще вернется к нему. Он пока еще находится в полном сознании и понимает, а также чувствует все происходящее с его телом. Сейчас я это докажу...

Палач велел Шилу опускать распятого вниз до тех пор, пока гири не легли на пол, ослабив чудовищное напряжение в его суставах. Он внимательно осмотрел лицо Тристана. Глаза юноши оставались закрытыми, а кровь сочилась из уголка рта, где он прокусил себе губу. Мясник намотал на руку его пышные, но теперь слипшиеся от пота волосы и, подтянув голову узника к себе, заорал прямо ему в ухо:

— Тристан, ты слышишь меня, мальчик? Просыпайся, пора вставать, сладенький. Проснись и немедленно улыбнись своему папочке, вот так-то, крошка!

Веки Тристана дрогнули, глаза открылись, и он с ужасом уставился в лицо склонившегося над ним мучителя. С огромным трудом он попытался что-то произнести, но вместо связной фразы палач уловил только слабый, обрывочный шепот:

— Я вам отомщу...

«Ого, — мысленно хмыкнул Мясник, поеживаясь от совершенно непривычного для него чувства уважения и страха, вызванного непреклонной силой воли умирающего узника, — а он чертовски смел и вынослив, этот симпатичный мальчишка. Никогда я не видел подобного упрямства...»

— Гражданин Демулен думает, мальчик мой, что ты уже не понимаешь, что с тобой происходит. Но я знаю, что это не так. Давай, конфетка моя, скажи мне, что мы с тобой делаем? Сделай это, красавчик, и я позволю тебе умереть. Честно, сделай это, и я позволю тебе умереть быстро, прямо сейчас — разве это не прекрасная возможность, дорогой?

Тристан медленно обвел затуманенным от страдания взором всех собравшихся в камере пыток людей. Он облизал пересохшие губы, затем посмотрел на свое истерзанное тело, и на его лице появилась насмешливая жуткая улыбка, придавшая ему нечто демоническое.

— Вы губите свои души и обрекаете их на вечные адские муки! — четко и громко произнес он. — Клянусь, я вернусь с того света и убью каждого из вас. Клянусь!

Демулен шумно откинулся на спинку кресла и истерично заверещал от ужаса. В словах этого умирающего пленника прозвучало нечто такое, что заставило коменданта поверить в реальность подобной клятвы.

Палач мрачно взглянул на то, что осталось от восхитительного шевалье Тристана де

Вильфора. Он видел ободранную кровоточащую плоть, блестящую в свете камина, какая-то желтая влага сочилась из его истерзанного тела. Обнаженные мышцы самопроизвольно сокращались, реагируя на малейшее прикосновение или веяние воздуха. Слабым голосом, более похожим на шелест морских волн или дуновение ветра, узник произносил, будто читал молитву:

— Я вернусь, вернусь...

— Тогда я постараюсь отсрочить момент твоей смерти! — суеверно буркнул старший палач, хлопая по его освежеванным ягодицам так, что брызги крови полетели во все стороны и попали на дрожащего от страха Демулена. «Что же он такое, этот мальчишка? — Мысли палача метались, как мыши в клетке, не находя выхода из им же самим созданной ловушки. — Еще ни один человек не вел себя так, будучи обдираемым заживо, и не продержался так долго. А может, он вообще не способен умереть? А если он и взаправду вернется с того света и отомстит за свои мучения?» — Усилием воли Мясник прогнал свои жуткие домыслы и мстительно ударил Тристана кулаком в лицо.

Юноша гневно завопил, и тогда Шило опять потянул за цепи, оторвав его ноги от пола. Потом палач выбрал новый нож. Им потребовалось еще целых три часа, чтобы закончить обдирать тело Тристана. Шило заботливо поддерживал силы осужденного, заставляя того время от времени пить воду со стимулирующими травяными настоями, но Тристан уже не мог удерживать мочу, и жидкость покидала его тело так же быстро, как и поступала.

Когда варварская работа была окончена, на всем теле Тристана кожа оставалась лишь на лице, шее, пальцах рук и ног, вокруг суставов — на коленных сгибах, локтях, подмышках, запястьях. Остальное было сплошным куском кровоточащего мяса. Но он все еще оставался жив, продолжал чувствовать, всхлипывать и иногда вскрикивать в течение целого часа, пока Шило обдирал его шею, а старший палач проделывал то же самое с животом, ладонями и, наконец, подошвами стоп. Палачи старались всюю, но вопреки их ухищрениям пленник настойчиво цеплялся за жизнь, не желая умирать.

Теперь настало самое время прикончить мученика, но Мясник собирался реализовать еще пару задумок, приготовленных для этого развлечения. Сняв с юноши все путы, палачи уложили Тристана спиной на пол камеры пыток, и Шило принес большое зеркало, установив его напротив узника. Вдвоем они усадили юношу, выплеснули ему в лицо ушат ледяной воды, чтобы привести в чувство, и заставили посмотреть в зеркало, дабы он смог увидеть, во что они превратили его тело. Истязуемый с ужасом уставился на свое отражение, обнаружив в зеркале страшную коричневую массу, в которой он с трудом узнал себя. Его тело начал сотрясать приступ безудержной рвоты, вызванный отвращением, а также бессильной жалостью к самому себе.

Когда приступ прекратился, палачи еще несколько раз окатили водой измученного узника — настало время обмыть тело. Держа под руки умирающего юношу, они провели его в другой угол комнаты, а ободранные ступни де Вильфора оставляли кровавые следы на полу. Очень нежно они положили его на соломенный тюфяк. Тристан попытался прижать колени к груди, чтобы хоть как-то защититься, но прежде чем ему это удалось, Шило высыпал на его оголенную плоть несколько пригоршней мелкой соли, с восторгом наблюдая за корчами, охватившими тело несчастного юноши.

Мясник был поражен, ибо Тристан все еще находился в сознании. Чтобы это проверить, он изо всех сил сжал его истерзанную шею, пока из-под пальцев не брызнула кровь, и внимательно смотрел, как лицо его жертвы исказилось от нового приступа боли.

— Он все еще чувствует боль! Его жизнеспособность просто потрясающая! — шокировано выкрикнул палач. — Но как же такое возможно?

— Достаточно, — вдруг хрипло произнес Демулен, — хватит, он держался чудесно. Давайте прекратим его страдания, кажется, я и так не смогу уснуть следующей ночью, а возможно, и никакой другой, потому что вид этого жуткого полутрупа навечно запечатлелся в моей памяти!

Мясник молча кивнул в знак согласия. Он взял Тристана за волосы и оттянул голову

страдальца назад, открывая горло. Он сам застонал, встретив пристальный взгляд юноши, так и оставшегося непобежденным, и поспешно прижал один из ножей к его подбородку. Поняв, что его наконец-то собрались добить, Тристан мстительно улыбнулся и твердо произнес:

— Я вернусь! Помни. Я вернусь! Жди меня, жди каждый день своей гадкой жизни...

Не дав ему договорить, Мясник одним движением перерезал горло своей жертвы...

Так, спустя шесть часов, страдания Тристана наконец-то завершились. Его окровавленное тело завернули в плащ из грубой парусины и выбросили за стену тюрьмы, в ров, доверху наполненный уже разлагающимися и еще свежими трупами других казненных...

Глава 6

Тристан замолчал, избегая смотреть на меня и зябко протягивая ладони к теплу почти прогоревшего костра. Я тоже оставалась безмолвной, ибо мое сердце разрывалось от нежности и сострадания к этому благородному отважному мужчине.

— А когда я впервые увидел тебя — умирающую, страдающую от нескончаемой муки, — вдруг страстно шепнул он, поворачиваясь ко мне и по-родственному пожимая мои холодные пальцы, — то понял, что готов снова добровольно пройти через тот страшный пыточный подвал, если это вернет тебя к жизни. Я был согласен отдать всю свою кровь, лишь бы только ты выздоровела и встала на ноги, — исповедовался он. — Не знаю, кому конкретно я тогда молился — Темному Отцу или человеческому Богу, но мои молитвы слышали...

Я благодарно обняла его за шею, растроганно прижимаясь к груди своего прекрасного спасителя:

— А Демулен, — с мягким нажимом спросила я, — а Мясник и Шило, что с ними стало?

Я не видела лица Тристана, но поняла, что он улыбается, горько и немного смущенно, словно испытывая раскаяние.

— Я привык выполнять данные мною обещания, — признался он. — Хотя сейчас понимаю, что жаждал не мести, а только торжества справедливости. Я пришел в себя от прохлады растекающейся по рву воды. Моя кожа начинала потихоньку регенерировать, но впоследствии потребовалось еще почти полгода для того, чтобы ко мне полностью вернулись прежние красота и здоровье. Я выбрался из горы трупов, завернулся в свой импровизированный саван и побрел в город, мало понимая природу и обстоятельства своего воскрешения. Там меня подобрали скрывающиеся от революционеров стригои, приютили, выходили и объяснили, кем я стал. А еще парой дней позже я неожиданно вспомнил все подробности своего детства. Я вспомнил колдуна, передавшего мне свою силу, и осознал причину этой удивительной, по промыслу или недосмотру судьбы доставшейся мне живучести, намного превосходящей возможности обычного вампира. Спустя год я поправился окончательно и совсем уже собирался послать Демулену подарок — бесценный алмазный перстень, снабженный шипом, смоченным редчайшим ядом. Уколовшись об этот перстень, комендант умирал бы очень долго, а его тело покрылось бы кошмарными язвами, должными причинить Камилю страшные страдания. К перстню я намеревался приложить записку с одним лишь словом: «Тристан»...

— Послал? — затаив дыхание, я ожидала положительного ответа.

— Нет. — Тристан безрадостно рассмеялся. — Похоже, Демулен так и не смог забыть мою казнь. Он основал общественную газету и с ее страниц начал призывать революционеров к милосердию, обличая тех, кто переступил грань вседозволенности. Да-да, именно ту, о которой ты и говорила. Но участь Камилы сложилась незавидно: его осудили за предательство идеалов Республики и гильотинировали. За меня поквиталась сама судьба!

— А твои палачи? — напомнила я.

— Я проник в их дом и досконально воспроизвел над ними всю процедуру перенесенной мною пытки. О, эти мерзавцы оказались далеко не столь выносливы, как я, и умерли довольно быстро. Полагаю, их силы изрядно подточило мое внезапное появление, а Мясник кричал, что с того самого момента, как перерезал мое горло, он уже не мог жить спокойно, исподволь ожидая моего возвращения... Теперь ты понимаешь, почему я не люблю людей, а также излишне болезненно воспринимаю вопросы морали и гуманизма?

— Забудь, — ласково попросила я, успокаивающе оглаживая ладонями его перекошенное от душевной муки лицо, — забудь, ибо все твои несчастья остались в прошлом!

— Хотелось бы в это верить, — недоверчиво усмехнулся Тристан, шутливо прикусывая мои пальцы. — Увы, малышка, люди жестоки, и я подозреваю, что они доставят нам еще немало проблем.

— Но при этом ты все-таки вылечил многих из них! — мурлыкнула я, нежась в его надежных объятиях. — Почему?

— Почему? — Тристан задумчиво наморщил лоб. — Сам не знаю. Похоже, исключительно во имя справедливости. Наверное, я искренне верую в то, что хороших людей среди всей человеческой массы все-таки гораздо больше, чем плохих...

— И ты пойдешь со мной в Чейт, дабы найти «Божий Завет» и спасти мир от гибели? — Я немного смутилась от собственной требовательности, но верила в его самопожертвование и надеялась услышать решение, созвучное моей душе.

— Конечно! — бесхитростно согласился он. — Я не разделяю кровожадных взглядов Андреа и считаю, что этот мир достоин еще одного шанса...

— ...шанса начать все сначала! — закончила за него я, поднимая глаза.

— В такое-то нелегкое время! — печально вздохнул он.

— Да, — согласно кивнула я. — Время нынче и правда суровое. Я бы назвала его Эрой зла! Но разве ветер перемен не приходит к нам чаще всего в виде урагана?

— Ты права! — ответил Тристан.

Наши взгляды встретились, а затем мы сильно прижались друг к другу, сливаясь в долгим и страстным поцелуе.

— Видишь? — спросил Тристан, оторвавшись от моих губ и указывая пальцем куда-то вверх.

— Нет. — Я непонимающе пожала плечами. — Ничего особенного там нет — небо как небо.

— Не просто небо, — с горечью пояснил он, — это восток, и на нем созревает наша будущая смерть. Мы покинули Рим в разгар дня и безболезненно пропустили закат, защищенные тонированными стеклами вертолета. Но сейчас мы находимся на открытой местности и поэтому не имеем возможности укрыться в каком-нибудь убежище. Через час начнется восход, солнце появится над линией горизонта, и первые же его лучи в угли испепелят нашу плоть. Мы умрем...

Я содрогнулась от ужаса, ибо никогда не задумывалась о подобной мрачной перспективе.

Между тем небо над нашими головами ничем не предвещало скорой беды. Оно оставалось непроглядно темным, затянувшись плотной облачностью. Черно-фиолетовые, в сизых прожилках тучи ритмично озарялись бледными всполохами молний, словно пульсировали. Ни дать ни взять человеческое сердце. Раскат грома, оглушительный, как глас Бога, на несколько секунд прервал мои размышления. Какое редкое явление — зимняя гроза! Не знак ли это, не высшая ли мера наказания за наши грехи? Но что такое запретное, не укладывающееся в рамки общепринятых норм, мы совершили? А возможно, мы еще только готовимся это совершить? Я снова посмотрела на небо, и в мою голову пришла мысль о том, что наша мораль, эта черная, тяжелая, инертная масса, есть одно из самых страшных порождений человечества, ибо единственная ее цель — карать. Но за что карать меня, в чем я провинилась?

— Неужели мы не можем ничего придумать, не сумеем изобрести нечто действенное для своего спасения? — растерянно предположила я.

Тристан с сожалением покачал головой и произнес как-то на редкость буднично, будто мы говорили о чем-то весьма незначительном:

— Вряд ли. Ну если только нас спасет какое-нибудь чудо. Мы находимся среди бескрайних, засыпанных снегом полей, и от ближайшего жилья нас отделяют десятки километров. Мы обречены. А из всех стригоев успешно противостоять солнечным лучам способна лишь одна Андреа, защищенная милостью и магией Темного Отца...

— Если у нас нет другого выбора, то мы умрем достойно, не выказывая трусости и не унижаясь перед лицом смерти! — решительно заявила я. — Жаль, конечно, что мы не успели осознать своего жизненного предназначения и не реализовали свои замыслы, но мы хотя бы не увидим этого нового страшного мира, в котором останутся лишь жестокость и жажда крови, не станем соучастниками грядущего злого времени.

— Не ожидал от тебя такого героизма! — восторженно воскликнул Тристан, снова обнимая меня и привлекая к себе на грудь. — Санта, ну почему я встретил тебя так поздно? Как жаль, что лишь перед самой смертью я наконец-то обрел ту девушку, о которой мечтал всю свою жизнь!

«Она его за муки полюбила, а он ее — за состраданье к ним», — вдохновенно процитировала я.

— Шекспир, «Отелло, венецианский мавр», — узнал он и довольно рассмеялся. — А ведь все совпадает. Ты сейчас вспомнила строчку из этой пьесы, идеально подходящую под нашу ситуацию. Вымысел стал реальностью!

— Полагаешь, нас и в дальнейшем ждет участь шекспировских героев? — вдруг спросила я, осененная какой-то смутной догадкой, а вернее, предчувствием. — Меня — смерть, а тебя — тоска и воспоминания?

— Возможно, — печально откликнулся он. — Но не сразу. У нас осталось еще немного времени, так давай посвятим его тому волшебному чувству, которое хоть и запоздало, но все же поселилось в наших сердцах!

— Да, — я пылко прижалась к нему всем телом, — да, я ведь тоже не хочу умирать, не познав твоей любви!..

История жизни каждого человека, запечатленная в базе данных его памяти, располагается отнюдь не в хронологическом порядке и откладывается там даже не по степени событийной насыщенности пережитых лет. С возрастом мы начинаем понимать, что самые яркие впечатления — это своего рода открытия, кардинально меняющие наше мировоззрение и формирующие духовный облик каждого из нас. Именно их ты будешь помнить до конца своих дней. И поэтому для Тристана, сколько бы еще часов, минут или секунд не отпустила ему жестокая судьба, таковым открытием стали события сегодняшней ночи, полностью перевернувшие его душу...

Санта положила на глаза Тристана свои маленькие ладони, наэлектризованные первозданным женским колдовством, и весь окружающий мир сразу же сузился для него до пределов ее нежных пальчиков, стройного податливого тела и призывно приоткрытых губ. В ее запахе чувствовались ароматы цветочного меда и горячего парного молока. Ее руки скользили по груди мужчины, они искали его сердце, чтобы на языке жестов и прикосновений, который куда древнее речи, признаться: «Я тебя хочу!» И, уже почти утонув в водовороте захватившей их страсти, Тристан все пытался понять, что же такое с ним происходит? В его никчемной жизни, в этом океане мутной холодной воды, долгие годы захлестывавшем никем не понимаемую, обездоленную душу философа-анахорета, вдруг показался маленький белый парус любви и надежды, безмерно удивляющий своей белизной, да и вообще самим фактом своего существования. Малюсенькая яхта ее нежности шла напрямик к острову его одиночества, и Тристан вдруг совершил открытие: его хотят спасти. О, он никогда не имел привычки врать самому себе и поэтому честно признавал: у него были

женщины и до Санты — красивые, сексуальные, гордые и своенравные, но ни с одной из них он не испытывал такого всепоглощающего чувства умиротворения. Возможно, потому что они не нуждались в его защите?

Глаза Санты, невероятные и нереальные, напоминали ему срез спелого плода киви — салатная роговица с частыми вкраплениями крохотных багровых зернышек-капель. Тристан медленно склонился к ее губам, опуская свои ладони с плеч девушки на ее бедра, а губы Санты налились сладким гранатовым соком, отзывчиво потянувшись к нему навстречу. Сегодня она стала для него сразу всеми женщинами планеты, а вся Вселенная казалась созданной лишь для того, чтобы ее эфемерная сущность, за тысячелетия вобравшая в себя истинную суть и смысл женской природы, проявилась наконец в конкретном живом существе. В этой удивительной девушке! При этом Санта далеко не была эталоном той безупречной красоты, которую воспевают в стихах поэты или запечатлевают на своих картинах великие живописцы. Да, она обладала стройностью и изяществом, но в ее осанке, походке, даже в повороте головы, когда взмах пушистых ресниц порывисто догоняет само движение, крылось что-то дикое и трогательное одновременно. При всей притягательности формы юного женского тела и флюидах сексуальности в ней еще оставалась угловатая непосредственность ребенка и даже капля подростковой скованности. Казалось, она не выросла, как это происходит у обычного человека, но вбирала в себя все возраста сразу и формировала из них нечто свое, новое и странное. И то, что получалось, волновало и будоражило, будто энергия жесткого гамма-излучения. Ее очарование беспрепятственно проникало сквозь броню его здравого смысла, ранило прямо в сердце и будило в Тристане древнюю силу притяжения к женщине. Сама мысль о том, чтобы завлечь Санту в постель только ради банального секса, показалась ему грязной и до безобразия пошлой. Санта стала для него той женщиной, которой нужно предлагать всю свою жизнь, весь мир и всю Галактику в придачу, ибо в ней воплотилась сама любовь!

Тристан страстно обнял Санту и бережно уложил на свой кожаный, расстеленный рядом с костром плащ. Ее губы налились сладким сиропом желания и раскрылись лепестками свежей чайной розы, а в черных зрачках девичьих глаз он увидел отражения своих нечетких очертаний. Ее глаза стали двухсторонним зеркалом, ведь теперь они обладали одним на двоих взглядом, загнанным в ловушку вечного отражения. Их уста соприкоснулись, а ее трепетный язычок испытующе потыкался в мужские губы, ласково их раздвинул и пополз дальше. Ему немедленно захотелось завязать их языки в узел, ибо он слышал удары ее сердца — ритм попадал в резонанс с его собственным, и Тристану мнилось: вот еще немного, еще чуть-чуть — и сейчас частота колебаний дойдет до критической отметки, и тогда оргазм непременно разорвет их тела на молекулы, распыленные по бескрайнему космическому пространству бессмертной земной любви...

— Так оно к нам и приходит, — почти беззвучно шептали его губы, — обретение любви!

Я ощущала его страх. Он боялся обидеть, ранить меня неосторожным словом или слишком поспешным движением. В его широко раскрытых зеленых глазах, так похожих на мои собственные, я увидела свое отражение и тут же осознала ту нерушимую связь, которая установилась между нами в эту секунду и должна была сохраниться до самой нашей смерти. Жаль только, что она просуществует так недолго. Скоро мы умрем... И возможно, именно эта мысль до предела обострила наши ощущения, заставив чувствовать каждую клеточку тела, до остатка вбирать в себя эмоции и эманации, соединившие нас в единое целое. Его пальцы несмело скользнули по моим плечам, робко спустились на грудь, забрались под куртку, согревая и лаская. Забыв про холод, про мелкий снег, вперемишку с дождем сеющий на наши головы, мы торопливо сбрасывали одежду, торопясь побыстрее устранить эту грубую преграду из ткани, отделяющую нас друг от друга. А когда последние покровы оказались сорваны, мы исступленно обнялись, сплетаясь руками и ногами, впиваясь губами и вонзаясь ногтями. Ближе, еще ближе... Теснее, еще теснее... Жестокая судьба

готовится забрать у меня этого невероятного мужчину, а пока... Два белых тела на белом снегу! Нет, уже не два, а одно тело, созданное из двух, слившихся в горячем, предсмертном любовном порыве. И так — навечно, покуда смерть не разлучит нас!

Его поцелуи становились все жарче, а прикосновения и ласки — все откровеннее и требовательнее. Его губы налились сладким гранатовым соком, перемежая лобзания несвязным лепетом удовольствия. Сильные мужские руки настолько деспотично обхватили мою талию, что я отчетливо услышала треск своих ребер, но не ощутила боли. Он рывком перекатил меня на спину и, взглядом попросив разрешения, соединился со мной одним резким, сладостным толчком. Я громко закричала от наслаждения, еще успев заметить, как внешний мир начал бешено вращаться вокруг наших ритмично движущихся тел, вовлекая нас в самый великий круговорот из всех существующих во Вселенной — в круговорот любви...

Вся наша жизнь — круговорот любви,
В сердцах, стихах и, видимо, в природе,
Негаданно возвращенный из крови,
Подобно сорняку на огороде.

Отчаянный погодный катаклизм,
В себе соединивший все стихии,
Божественный до жути атеизм,
И память в состоянии амнезии.

Над ним не властна даже смена дней,
К нему не применимы постулаты,
Он с каждым годом крутится сильнее,
Как будто в этом люди виноваты.

Промчатся над планетою века,
Состарив государства, поколения,
Но вновь любви безбрежная река
Разделит жизнь на краткие мгновенья,

На те минуты, смысл которых свят,
В которых — ощущение полета,
Ведь каждый из живущих силой взят
В единый ритм... В поток круговорота!

А потом, когда все закончилось, а порыв нашей страсти истощился, мы нежно обнялись и, подняв глаза к небу, стали ждать приближения неминуемой гибели.

— Ну вот и все! — похоронным тоном произнес Тристан, жалостливо поглаживая меня по волосам. — Санта, прости меня за совершенные ошибки! Я грешен в том, что не сумел тебя защитить, не нашел укрытия и...

— В том нет твоей вины! — торопливо перебила я. — Грех впадать в уныние, когда есть другие, более интересные грехи! Не наговаривай на себя, нас просто настигла глупая случайность.

— Нет, — де Вильфор протестующе помотал головой, — я не верю в случайности. Все события нашей жизни непременно имеют какой-то смысл и завязаны на что-то значимое, чрезвычайно важно для всех.

— На что же конкретно? — с любопытством допытывалась я, но стригой не ответил. Он лишь растерянно улыбнулся и прощально прикоснулся губами к моему лбу.

Между тем снегопад прекратился. Воздух ощутимо потеплел, а истеричные порывы ветра улеглись, сменившись легким дуновением. Небо посветлело, сменив свой цвет с черного на густо-синий. Природа приготовилась к встрече солнца, уже подкрадывающегося к линии горизонта и намеревающегося вот-вот явить ей свой красный огнедышащий лик. Обняв Тристана, я печально размышляла о том, какой несправедливый конфликт кроется во взаимоотношениях вампиров и солнца. От прикосновения его первых лучей пробуждается все живое, а мы... Хм, возможно, я невольно докопалась до закономерной истины: под воздействием первых солнечных лучей все НЕ живое становится окончательно мертвым и исчезает навсегда. Ну как тут опять не вспомнить философию Тристана, превыше всего ставящую баланс сил зла и добра, а также всеобщую справедливость. А я сама — каким силам я принадлежу: темным или светлым? На стороне добра или зла я выступаю?

Мои размышления прервал тонкий, будто игла, лучик солнечного света, храбрым разведчиком вынырнувший из-за туч и нахально коснувшийся моей обнаженной руки. Послышалось громкое шипение, а на моей коже немедленно расплылось красное пятно ожога... Я вскрикнула от боли и страха, и внезапно в моей памяти воскресла странная картина: я скрючившись лежу в углу захламленного помещения, а над моей головой бушуют волны смертоносной энергии. Но они не способны причинить мне вред, потому что меня надежно укрывает серебристая пелена дружественной магии, созданной великим магистром...

— Гонтор! — отчаянно закричала я. — Помоги нам! Защити своих детей!

— Ты упомянула имя нашего патриарха — Гонтора де Пюи? — изумился Тристан. — Но откуда ты его знаешь? Вы встречались?

Я открыла рот, намереваясь ответить, но не успела, потому что дальше произошло поистине невероятное!

Серебряные нити, намотанные на рукоять моей катаны, развернулись сами собой и, изгибаясь будто змеи, сползли на снег. Потрясенно расширив глаза, мы остолбенело наблюдали за этим невероятным действием. А нити начали уверенно переплетаться и множиться, уподобившись ткущемуся полотну и быстро наращивая ряд за рядом. Не прошло и пяти секунд, как перед нами очутилось плотное серебристое покрывало, призывно трепещущее отогнутым уголком.

— Сюда! — мгновенно все понявший Тристан схватил меня за руку и рывком затянул под защитное покрывало. — Вот это да! — восхищенно рассмеялся он. — Никогда не видел ничего подобного. Не знаю, где и как ты получила частицу высшей магии Совершенных, но она сработала! Ты слышала об альбигойцах, крепости Монсегюр, демоне Себастиане и тринадцати первых посвященных?

— Да! — подтвердила я. — Теперь я вспомнила, что однажды уже встречалась с патриархом, и он спас меня от... — Я горестно замолчала.

— От кого же? — заинтригованно спросил стригой, укутывая нас в серебряное покрывало. — От людей, от инквизиции или экзорцистов?

— От моей сестры Андреа! — печально усмехнулась я. — Она пыталась меня убить.

— Невероятно! — Тристан озадаченно присвистнул. — Значит, она и в самом деле тебя ненавидит... — но он не успел закончить фразу, потому что на нас обрушилось целое море солнечных лучей, чью силу испепеляющего жара мы испытали даже через волшебную ткань. И тогда, почувствовав себя двумя слабыми букашками, придавленными плитой из живого огня, мы просто замолкли и, закрыв глаза, стали терпеливо пережидать опасный для нас период, умоляя о пощаде. Кому именно мы молились: судьбе, человеческому Богу или своему Темному Отцу? Не знаю! Мы просто молились, проделывая это интуитивно, истово и беззвучно, совершенно не отдавая себе отчета в собственных мыслях и надеждах. Мы искренне верили в то, что непременно останемся живы — ради каких-то будущих свершений, во имя некоей благородной цели!

— Я должен осмотреть окрестности и сориентироваться на местности, иначе мы

забудимся окончательно. — Тристан собрал свои вещи и оружие, а затем легко закинул на плечи лямки заметно отощавшего рюкзака. — Жди меня здесь, милая! — он ласково погладил меня по щеке. — Обещаю, я найду дорогу к замку Чейт и вернусь за тобой.

— Но каким образом ты собираешься ее искать? — взволнованно спросила я. — Я не вижу ничего, кроме полей и снега!

— Ты не права, малышка, — улыбнулся он. — Там, впереди, к западу от нас, — стригой немного поколебался, словно прислушиваясь к своему внутреннему голосу, но потом все-таки взмахнул рукой, указывая выбранное направление, — я ощущаю присутствие двух могучих сил. Темной магии, родственной моей душе, и печати людского Господа, удерживающей на одном месте то, что спит несколько веков и почти уже истощилось, но по-прежнему надеется на свое пробуждение и освобождение. А еще я понимаю, — он возбужденно раздул крылья своего точеного носа, — что сильнее всего на свете это спящее нечто хочет мести! Оно переполнено гневом и поджидает удобного момента, подходящего для того, чтобы излить ярость, подпитывающую его волю к жизни. Оно давно уже должно было умереть, но пока еще живо и не успокоится, пока не оплатит за причиненные ему мучения...

— Ты надеешься на то, что сумеешь освободить спящую магию? — потрясенно вскрикнула я. — А разумно ли выпускать на волю древнее зло?

— Нет, это глупо и безмерно опасно! — Он разочарованно нахмурился. — К тому же такое деяние совершенно не в моей власти. Но, увы, не разобравшись в природе чейтской магии, мы не сможем найти «Завет». Предупреждаю тебя, Санта, нас ждет практически неразрешимая задача, ибо печать Бога остановит любого стригоя, даже такого древнего, как я, а власть Темного Отца немедленно уничтожит людей, осмелившихся сунуться в развалины замка. Не знаю, кто и как сможет проникнуть туда, на подступах к чему замерли и спасовали даже время, жизнь и смерть.

Я уныло скорчилась, руками обняв себя за плечи. Мне стало страшно, а душу терзали нехорошие предчувствия. О каком зле он говорит?

— Но, как бы там ни было, — закончил Тристан, — а мы обязаны попробовать проникнуть в Чейт и разобраться, что там происходит. Жди меня, — упрямо повторил он и зашагал прочь, легко скользя по снежному насту. — Я вернусь! — донесся до меня его прощальный окрик. — Вернусь!..

Я долго стояла, провожая взглядом его удаляющуюся фигуру, и делала это до тех пор, пока Тристан не превратился в маленькую черную точку, упрямо ползущую по белому снегу. Отраженный от наста свет слепил глаза, выжимая из них слезы. Я вынула из кармана чистый носовой платок и промокнула свои мокрые ресницы, но, увы, за краткий промежуток времени стригой окончательно исчез из моего поля зрения, оставляя меня в одиночестве. Теперь я была абсолютно одна и клянусь, еще никогда не ощущала себя настолько слабой и незащитной, брошенной в необитаемой местности и вынужденной самостоятельно противостоять любой, грозящей вот-вот свалиться на меня неожиданности. О нет, пока что мое уединение разделяли лишь свет, безмятежность и снег, но бурно колотящееся сердце не желало успокаиваться, подсказывая: это затишье — временное, и вскоре оно сменится чем-то страшным, судьбоносным и сокрушительным...

Минуты и часы моего вынужденного бездействия текли размеренно и чрезвычайно однообразно, способствуя неторопливым философским размышлениям. Я пообедала галетами, запив их чаем из маленького термоса, а потом принялась задумчиво ходить взад и вперед, методично утапывая снег. Десятки вопросов переполняли голову, как вода переполняет чашку, переливались через край, но оставались вместе с ответами где-то далеко-далеко. На что способен «Божий Завет»? Как его добыть?.. Меня терзала какая-то муторная неопределенность предстоящих решений, которые совсем не хочется принимать, и беспредметность проблем, успешно разрешить которые мне что-то мешает. Что же мне делать? В мозгу всплывали обрывки разрозненных воспоминаний. Вот я, длинноволосая, одетая в футболку и шорты, бегом взбираюсь на вершину крутого холма, склоны которого

покрыты первой весенней травой. Когда это происходило? Неужели в некоей прошлой жизни? И словно набат, в сердце глухо бухает одно и то же слово: «Салуццо». Да, именно там я и выросла! А вместе со мной в комнатах монастыря ди Стаффарда я мысленно вижу тех, кого убила недрогнувшей рукой: Натаниэля, Ариэллу, мою дорогую Оливию!..

Память, что же ты со мной делаешь?! Зачем наказываешь меня столь жестоко, ведь я погубила своих друзей, тех, кого любила сильнее жизни... Я закрыла ладонями лицо и зашагала быстрее, как будто хотела сбежать от болезненных воспоминаний. Да, так она всегда и проявлялась — эта моя привычка убегать от безрадостных мыслей или сложных ситуаций. Обычно я спасалась от них прогулками, утренними тренировками и физическими упражнениями на природе. Как тогда, после достопамятной ссоры с Натаниэлем, произошедшей в моей спальне. Полезная привычка! Вроде бы ничего особенного не делаешь, просто течешь вместе с людским потоком или, наоборот, прислушиваешься к звуку собственных шагов, отраженных в пустынном воздухе. Можно расслабиться, выбросить из головы ненужные, немного гадостные в такое время мысли и упоенно впитывать впечатления, которые дает мир. Звуки птиц. Чей-то смех. Причудливые тени от фонаря, случайно спрятавшегося в кроне дерева. Десятки цветов, которым и названия-то нет, чередующиеся на изменчивом небе. И все это приходит к тебе одновременно, ударяет по твоим органам чувств, рождая в душе восторг от такого простого осознания — ты живешь...

Когда-то я читала, что человеку на бессознательном уровне приносит удовольствие любое ритмичное движение. Да я и сама чувствовала, как бег или ходьба довольно быстро успокаивают меня, сглаживая возникшие проблемы. Но сегодня многократно проверенное средство не помогало. Я разочарованно улеглась на куртку, прикрывшись серебряным покрывалом, ибо солнце стремительно клонилось к закату. Тристан еще не вернулся, и поэтому я все больше переживала за его благополучие, а также тревожилась по поводу сомнительного успеха нашей миссии. Я вертелась с боку на бок, пытаюсь прогнать неспешный хоровод своих совершенно несвоевременных размышлений, но упрямый разум не подчинялся. Незаметно для себя я начала погружаться в сон, и последними моими мыслями стало: «Господи, я уже точно знаю, что некогда ранее принадлежала к числу твоих сторонников. Господи, не покинь меня и теперь! Ты ведь понимаешь: я не смогу в одиночку справиться с тем, что мне суждено совершить. Господи, помоги! Я не прошу слишком много. Господи, прояви милосердие и даруй мне помощников. Я же не прошу у тебя целую армию. Пошли мне хотя бы двух друзей. Ну чего тебе стоит, ведь ты же всемогущий! Услышь и пойми: мне нужна всего лишь пара нормальных, сильных и крутых парней! Пара нормальных парней...»

И тут я уснула...

— Застрыл, анафема! — Отец Григорий, проваливаясь в снег выше чем по колено, медленно обошел вокруг забуксовавшего грузовика и удрученно покачал кудлатой головой. Конрад открыл дверцу кабины, выпрыгнул из машины и вопросительно посмотрел на иерея.

— У нас что-то сломалось?

— Не у нас, — священник сердито похлопал ладонью по колесу, — у этой анафемы.

— Починить сможешь, падре?

— А то! — Отец Григорий деловито поднял крышку капота. — У меня в деревне как-то соседский мотоцикл японский сломался, так и тот разобрал и собрал...

— И он потом ездил? — опасно поинтересовался оборотень.

— А то! — Иерей повернул к вервольфу свое красное обветренное лицо, невозмутимое, будто сквородка, и не отражающее ни единой мысли. — И ездил, и сено косил, и коров доил!

— Да-а-а? — шокировано протянул Конрад, но тотчас же осекся, поняв, что его разыгрывают. — Ясно!

Отец Григорий довольно прижмурил плутовски смеющиеся глаза и начал самозабвенно копать в карбюраторе грузовика. Фон Майер неопределенно пожал плечами и, мечтая о

баночке пива, в свою очередь тоже обошел вокруг машины, а затем заглянул в кузов...

В деревянном, обтянутом зеленым брезентом коробе царил адский холод. Свернувшись в комок и распахнутыми крыльями обнимая обеих девушек, Натаниэль прижимался к железному борту, сердито сверкая огромными голубыми очами. На кончике носа ангела висела мутная сосулька...

— Оба-на! — ошеломленно почесал в затылке вервольф. — А я всегда считал, что ангелы не мерзнут и не чувствуют жары...

— Сам ты чурбан бесчувственный! — злобно клацнула зубами предельно окоченевшая Оливия. — Неужели не ясно: раз мы ощущаем голод, значит, и все остальные эмоции нам не чужды...

— Я за-за-замерзла... — с заиканием сообщила Ариэлла. — Здесь стоит чертовская холодрыга, а у меня под курточкой практически ничего нет...

— Не грусти, еще вырастет! — иронично утешила подругу язвительная Оливия.

Оборотень тактично хмыкнул в кулак.

— Почему мы остановились? — глухо кашлянул Нат.

Конрад только собирался ответить, как вдруг со стороны кабины донесся непонятный шум и громкая ругань отца Григория.

— Ага, — наострила уши валькирия, — всегда хотела узнать, что скажет священник, если попадет молотком себе по пальцам...

Оборотень понимающе улыбнулся.

— Наш иерей попадет в ад! — уверенно проблеяла Ариэлла. — За свое богохульство.

— Глупости, — категорично отрезала валькирия. — Не мели чуши...

— Почему? — быстро спросил оборотень, всегда озабоченный вопросом прощения грехов и спасения своей души. — Ты — ангелица, и при этом не веришь в рай и ад? Нонсенс!

— Сам дурак! — ласково огрызнулась воительница. — Слушай сюда! — Она сняла с рук перчатки и, осторожно растирая свои одеревеневшие от холода пальцы, принялась рассказывать.

— Однажды некий добрый человек беседовал с Богом и спросил его: «Господи, я бы хотел узнать, что такое ад и что такое рай». Тогда Господь подвел его к двум дверям, открыл первую из них и провел доброго человека внутрь. В расположенной за этой дверью комнате находился круглый стол, в центре которого стояла огромная чаша, наполненная пищей, которая очень вкусно пахла. Добрый человек почувствовал, как у него потекли слюны, вызванные умопомрачительными запахами оных яств. Но люди, сидящие вокруг стола, выглядели унылыми, жутко исхудалыми и больными, и он понял: все они умирают от голода. «Как же так, Боже?» — вскричал добрый человек. Господь усмехнулся и показал ему ложки с длинными-длинными ручками, прикрепленные к рукам страдальцев. Они имели возможность достать чашу, наполненную едой, а также могли набрать пищу, но так как ручки у ложек оказались слишком длинными, то люди не сумели поднести еду к своим ртам.

Добрый человек был потрясен видом их несчастья, а Господь сказал: «Ты только что посетил ад!»

Затем Бог подвел доброго человека ко второй двери и открыл ее. Сцена, увиденная там добрым человеком, оказалась полностью идентична предыдущей. Там также стоял большой стол, на нем — гигантская чаша с пищей, запах которой заставил его рот наполниться слюной. И люди, сидящие вокруг стола, тоже имели ложки с очень длинными ручками, намертво привязанные к их рукам. Только на сей раз они выглядели сытыми, счастливыми и погруженными в приятные разговоры друг с другом.

Добрый человек удивленно обратился к Господу. «Я не понимаю смысла!» — виновато вымолвил он. «Все предельно просто, — ответил ему Бог. — Ты видишь рай. Эти люди научились помогать друг другу. Каждый из них накормил своего соседа, и поэтому они достигли счастья. А те, другие, находящиеся в аду, несчастливы, потому что думают только о себе...»

Оливия замолчала, насмешливо косясь на стоящего в задумчивости Конрада,

восхищенного ее притчей.

— Ну и что? — воскликнула недалекая умом Ариэлла. — В чем заключается суть твоей байки? К тому же ты опять все свела к жратве...

— О Господи! — Валькирия разочарованно подняла глаза к потолку кузова, покрытого белым налетом изморози. — Поясняю для дураков и дурочек: ад и рай устроены совершенно одинаково. Разница между ними содержится внутри нас самих...

— Можем ехать дальше, — сообщил подошедший отец Григорий. — Я прочистил свечи зажигания, машина исправна. Может, кто-то из девушек пересядет в теплую кабину?

Но Ариэлла лишь крепче прижалась к Нату, а упрямая Оливия насмешливо покачала головой.

— Как ты думаешь, Сел попадет после смерти в рай или в ад? — заговорщицким шепотом, предназначенным лишь для ушей валькирии, тихонько спросил Конрад.

— Умные девочки попадают туда, куда сами захотят! — воительница с радостью повторила фразу, уже как-то мелькавшую в ее голове. — И не обольщайся, волчара, вам с ней все равно не по пути...

— А куда хочешь ты? — не отставал прилипчивый, будто банный лист, оборотень.

— Добраться бы до чистилища, а там к теплу, к людям... — шаловливо подмигнула ангелица. — Да боюсь, тебя и туда не примут.

— Злая, ехидная, въедливая... — Конрад старательно перечислял сомнительные «достоинства» валькирии. — Слушай, Оливия, ты хотя бы после полуночи в женщину превращаешься?

— Это как? — Она иронично прищурила правый глаз. — Ездить на тыкве, запряженной крысами, и надевать на ноги хрустальные салатницы?

— Проявлять нежность, открытость, дружелюбие, — терпеливо поправил фон Майер.

— Щаз-з-з, размечтался! — воительница издала долгий глумливый свист. — Удовольствий захотел? Ну тогда учти: за удовольствие всегда нужно платить, иначе оно обидится и уйдет.

— Ну и зараза же ты, Лив! — хмуро парировал оборотень, в глубине души согласный с ее правотой относительно себя и чистилища и поэтому весьма опечаленный столь неллицеприятной перспективой. — Отнюдь не подарок!

— Так ведь и ты не именинник! — гордо отмахнулась воительница.

Иерей Григорий оказался лихим водителем, а петляющая по полям дорога, согласно карте должна привести путешественников к замку Чейт, уже многие годы пребывала в крайне плачевном состоянии, изобилуя вывороченными камнями, глубокими рытвинами и колдобинами. Грузовик нещадно трясло и бросало из стороны в сторону, а из его кузова периодически долетали жалобные вопли Ната и Ариэллы, причудливо разбавленные беззастенчивой бранью циничной Оливии. Наконец на горизонте показался высокий холм, на вершине которого красовались древние развалины, оставшиеся от некогда прекрасного замка, безраздельно господствующего над окрестными деревушками, ныне покинутыми и обезлюдевшими. Серые руины казались абсолютно неживыми, окутанными аурой забвения и мирно спящими под толстыми снеговыми шапками.

«Зачем мы сюда прибыли? Реально ли здесь что-то найти? — пессимистично перебирал догадки Конрад, внимательно разглядывая остатки крепостной стены с узкими бойницами для стрельбы из лука и арбалета. — Да и разве может «Божий Завет» храниться в столь неприглядном месте?» Его взгляд оценивающе скользил по обледенелым склонам холма, проникал в разломы стены и даже засек какие-то уродливые фрагменты, в которых вервольф с содроганием опознал статую Пречистой Богородицы. А еще он явственно ощутил огромную силу темной магии, плотным покрывалом укрывающей развалины Чейта.

— Это место проклято! — испуганно вскричал он, невольно отшатываясь и отводя глаза так поспешно, словно витающая над замком тьма могла их выжечь. — Я бы предпочел обойти его стороной...

— С нами Господь! — экзальтированно напомнил отец Григорий. — И его ангелы.

— Ой, что-то их давно уже не слышно! — восторгнулся оборотень. — Похоже, мы их совсем растрясали... — Оба бегом бросились к кузову, заглянули внутрь и потрясенно замерли...

В центре короба картинно раскорячился несчастный Натаниэль. Его лицо побелело словно мрамор, длинные ресницы опушились инеем, да и вся фигура ангела напоминала сейчас прекрасную ледяную статую, ибо широко распахнутые крылья страдальца занимали практически весь кузов, своими перьями-кинжалами прочно вонзившись в деревянные стенки. Следовало признать, Нат придумал идеальный способ защититься от тряски, но увы, уже не смог самостоятельно освободить завязшие в досках крылья. У его ног притулились девушки, цепко обнявшие колени плененного красавца.

— Ну и ну, — растерянно промычал отец Григорий. — Чего там говорится в пословице про неловкого танцора и его детородные органы?..

— Зато плохому танцору в бане завидуют! — Драчливая валькирия немедленно вступилась на защиту друга.

Натаниэль покаянно мигнул, будучи не в силах разлепить заокостеневшие от сильнейшего озноба губы.

— Боролись с тряской и победили! — объективно констатировал предельно изумленный оборотень, внимательно рассматривая героическое трио.

— Ага, победили! — размазывая сопли по щекам, согласилась Ариэлла. — Никто не поставит нас на колени...

— ...ибо мы лежали, лежим и будем лежать! — ехидно закончила Оливия.

Глава 7

Меня разбудил запах жареного мяса. Умопомрачительный аромат назойливо проникал под защитное покрывало, дразня обоняние. Я рывком откинула серебряную ткань и села, кулаками потирая заспанные глаза. Отвела руки от лица и с любопытством огляделась, пытаясь обнаружить источник восхитительного благоухания. Обнаружила. Недоверчиво моргнула раз, другой и снова принялась тереть глаза, надеясь избавиться от того, что на первый взгляд показалось мне каким-то неправдоподобным видением — сродни миражу или иллюзии. Впрочем, вскоре я все-таки бросила свои бесполезные потуги, вынужденная констатировать, что видение по-прежнему здесь и пропадать отнюдь не собирается...

Солнце стояло высоко в зените, похоже, время приближалось к полудню. В паре шагов от меня, ровнехонько в центре вытоптанной в снегу площадки, пылал самый настоящий костер, сложенный из отличных осиновых дров. Чуть сбоку на углях заманчиво подрумянивались прутики с нанизанными на них сочными кусками мяса, приправленными какой-то зеленью. Они испускали тот бесподобный аромат, который и вырвал меня из сладких объятий сна. А по обе стороны от костра расположилось двое самых странных мужчин из всех представителей сильного пола, когда-либо виденных мною в жизни.

Первый незнакомец мог похвастаться типично кельтской внешностью. Я сразу обратила внимание на его белую кожу, серые глаза, аккуратный нос с аристократичной горбинкой и пепельные волосы, шелковистыми волнами ниспадающие на плечи. Наряд мужчины состоял из небрежно переброшенного через грудь шерстяного пледа, складчатой юбки-килта до колен и рубашки из небеленого грубого полотна. И плед, и килт были сшиты из одинаковой ткани — клетчатой, бело-серо-синей расцветки. В моей памяти сразу же всплыли образы зеленых долин, чистых рек и заунывные звуки волынки. Точно, так одеваются только в Шотландии! Я мысленно хихикнула: «В старину, когда захватчики брали штурмом города, они убивали мужчин и насиловали женщин. Наверное, именно поэтому гордые, но жизнелюбивые шотландцы начали носить юбки...» Ниже колен ноги шотландца прикрывали мохнатые меховые сапоги. Незнакомец ответил мне добродушным взглядом и приветливо улыбнулся. Испытывая неловкость от присутствия столь славного гостя, я торопливо перевела взор на его товарища. Тот оказался куда более смуглым, да к тому же он

обладал жгучими черными очами, опушенными потрясающе густыми ресницами, и длинными прямыми волосами цвета воронова крыла, спускающимися ниже лопаток. Его мощный, выступающий вперед подбородок украшала жесткая черная щетина, а здоровенный нос напоминал клюв горного орла. Наряд красавца состоял из кожаных чувяков²¹ с перекрещивающимися на икрах ремешками, черных кожаных штанов и такой же жилетки, красиво контрастирующей с шелковой красной рубахой. Следует добавить, что оба приятеля были настоящими гигантами: по моим скромным прикидкам, рост каждого из них спокойно зашкаливал за два с половиной метра. А в довершение ко всему за спинами гостей реяли черные, густо оперенные крылья, напомнившие мне крылья гигантских воронов.

— Здравствуй! — вежливо поздоровался пепельноволосый, наблюдая за мной со снисходительной усмешкой. — Ну вот мы и явились!

— Ага, — оторопело брякнула я, — явились, не запылились, значит...

— Гамарджоба!²² — непонятно выдал черноволосый, посылая мне воздушный поцелуй. Он снял с угольев готовый шашлык и протянул мне самую аппетитную порцию.

Не заставляя себя упрасивать, я без излишнего жеманства мгновенно схватила предложенное угощение и с упоением впились зубами в отлично зажарившееся мясо.

— Ах, — восторженно воскликнул черноволосый, умильно всплескивая ладонями, каждая размером с мою голову, — люблю дэвачек, которые хорошо кушают, да...

— А если я не буду хорошо кушать? — невнятно пробормотала я сквозь фантастически вкусное мясо. — Что вы тогда со мной сделаете?

— Зарэжу! — мило пообещал повар. — Вах, нэ ври, от моего шашлыка еще никто не отказывался...

Я шокировано уставилась на него поверх недоеденного мяса и на всякий случай отодвинулась подальше, а то кто его знает, из чего он умудрился приготовить это лакомое блюдо, да еще посреди абсолютно пустынного поля. А вдруг они уже зарезали какую-нибудь глупую «дэвачку»?

— Нэ бойся, дэвачка, мы тебя нэ больно зарэжем! — со смехом успокоил меня чернявый, правильно истолковав мой опасливый взгляд.

— Зачем ты ее пугаешь? — заразительно расхохотался пепельноволосый, шутливо пихая напарника кулаком. — Разве ты забыл, что нас совсем не для этого сюда прислали?!

— Э-э-э, генацвале,²³ — тут же обиделся излишне эмоциональный горбоносый, — пачему мне нэ веришь? Когда я тебя подводил, да? — Он удрученно покачал головой, вкладывая в каждый свой жест столько экспрессии, будто находился на подмостках драматического театра, и, оскалив крупные, безупречно белые зубы, протянул мне второй прутик с мясом.

— Подводил! — наставительно напомнил сероглазый. — Помнишь, нас послали охранять Иоанну Англиканку, но ты недоглядел за папессой, вследствие чего она закрутила роман с рыцарем Геральтом, забеременела и умерла от преждевременных родов?

— Вах, моя вина, да! — Чернявый покаянно саданул себя кулаком в широченную грудь, загудевшую, будто пустой казан. — Рыбачил я тогда, вот такую шуку поймал, да! — Для наглядности он тут же продемонстрировал напарнику свою мускулистую смуглую руку.

— Брось свистеть, — усмехнулся сероглазый, — таких волосатых щук не бывает.

Я согласно хихикнула.

— Так ведь я потом чэстно в аду пятьдесят лэт отработал, отчищая чэртячы сковородки от жира грэшников, — оправдывался незадачливый рыболов.

²¹ Национальная обувь жителей горных районов.

²² Здравствуйте (*груз.*).

²³ Уважительное обращение к собеседнику мужского пола (*груз.*).

Услышав это совершенно невероятное заявление, я подавилась непрожеванным куском шашлыка, обалдело вытаращила глаза и завопила не своим голосом:

— Черт побери, да что же вам здесь нужно?

— Не принимай близко к сердцу наши шутки, девушка, — успокаивающе проговорил мужчина в килте, — ибо мы — добрые. Вот лично я, даже когда огурец режу, и то плачу. И при этом всегда совершаю только хорошие поступки.

— Не помню, кто является автором знаменитой фразы: «Хорошими делами прославиться нельзя», но советую вам взять ее на вооружение, — язвительно заметила я. — Вершители хороших дел — это ваше хобби? Звучит как-то несерьезно.

— Почему? — хором обиделись мои собеседники. — Это профессия, и мы к ней относимся очень серьезно...

— Ребята, а ну-ка колитесь, вы кто такие? — с подозрением осведомилась я, внутренне замирая от интуитивного и весьма неприятного предположения.

— Как это кто? — неподдельно удивился сероглазый гость. — Ты же сама молилась, говоря, что тебе нужна в помощь «пара нормальных парней»! Так вот мы и есть самые паранормальные!.. Просила таких? — непреклонно напирал он.

— Просила... — оторопело созналась я.

— Вот и получи, да! — ликующе поставил точку чернявый.

Я еще раз оглядела их донельзя довольные физиономии, мускулистые плечи, наглые глаза, черные крылья, жалобно застонала и грохнулась в обморок, — кажется, впервые в жизни, причем неважно, в той или в этой...

— Дэвачка, а дэвачка, — чьи-то огромные лапищи не очень-то вежливо трясли меня за плечи, — ты как?

— Отвратительно! — простила я, прикладывая ладонь к своему буквально раскалывающемуся от мигрени лбу. — Отпусти, а то у меня сейчас голова из-за твоей реанимации отвалится, и не ори мне в ухо, как белый медведь в теплый день...

— Вах! — Чернявый виновато крикнул и оставил меня в покое. — О твоём же благополучии пэкусь, понимаешь, да!

— Понимаю! — согласилась я. — Вы, значит, только на женщинах специализируетесь?

— Являемся к ним, помогаем и защищаем! — солидно поправил меня шотландец. — Каждую женщину можно сделать счастливой, если она даст...

— Да уж, — иронично хмыкнула я, развеселившись по причине вопиющей двусмысленности его фразы, — подозреваю, вы еще те защитнички! И кому вы уже «помогли»?

— Орлеанской деве, — начал педантично загибать пальцы пепельноволосый, — русской княгине Елене Глинской, Иоанне Англиканке, госпоже Ленорман и еще многим другим. Хотя, если честно, то, глядя на дочерей Евы, я всегда испытываю межреберную невралгию...

— Иоанна — это та, которая умудрилась стать единственной женщиной, сумевшей занять священный папский престол? — уточнила я.

— Да! — с гордостью задрал свой клювообразный нос чернявый.

— И как работенка, нравится? — вопросительно вздернула брови я.

— Задайся целью ежедневно и добросовестно делать то, что не по душе, — назидательно произнес сероглазый, — это золотое правило поможет тебе выполнить свой долг без ненужной суеты и отвращения.

Я издевательски присвистнула, ибо получила исчерпывающее подтверждение своего исходного предположения. Все вышеперечисленные дамы вошли в мировую историю весьма скандальным образом, попутно натворив много чего судьбоносного, но абсолютно не укладывающегося в рамки приличия, да к тому же умерли не своей смертью. И все они были стопроцентными христианками!

— И кто вас присылает? — с подозрением прищурилась я.

Крылатые, не сговариваясь, многозначительно ткнули пальцами в небо. Я присвистнула вторично, еще задумчивее и протяжнее.

— А свободное от работы время вы где проводите? — сорвалось у меня с языка.

— В чистилище, — скромнехонько моргая, сообщил сероглазый, — потому что нас не принимают ни в ад, ни в рай.

— Так ведь чистилище — это пропасть, наполненная жидким огнем! — оторопела я, вдруг вспомнив свою беседу с апостолом Павлом.

— А чего нам сделается, бессмертным-то? — беспечно хмыкнул шотландец, по-фигистски пожимая могучими плечами. — Вот и посылает нас Господь на всякие двусмысленные авантюры.

— Посылает? — шокировано переспросила я.

— Если бы! — печально вздохнул чернявый. — Именно посылает, ведь мы — нелюбимые пасынки божьи, в отличие от его истинных детей...

— Так, значит, вы, — неожиданно осенило меня, — нефилимы?

— Ага! — Парни казались очень довольными проявленной мною сообразительностью. — Нас еще называют титанами и исполинами, а родились мы от земных женщин, ставших женами падших ангелов.

— Но ведь, согласно Библии, Господь полностью истребил ваш род? — вспомнила я.

— Выжили лишь мы двое, — спокойно пояснил сероглазый. — Нас спас Ной, укрыв в своем плавучем убежище...

— И что он при этом сказал? — совсем обалдела я.

— После нас хоть потоп! — лукаво процитировал чернявый.

— И захлопнул крышку ковчега! — проказливо поддержал сероглазый.

Я оторопело схватила за голову. Вот это парочка! И точно — абсолютно паранормальная! Интересно, меня ими наказали или мне их все-таки в помощь прислали? Мда-а-а, с такими и впрямь не соскучишься!..

— Меня зовут Хелил! — неторопливо рассказывал сероглазый нефилим. — Моим отцом стал падший ангел Азраил, полюбивший прекрасную шотландку Элфриду. Позже мать вышла замуж за Малколма — предводителя клана МакКлаудов и родила ему двух сыновей: Коннора и Дункана...

— Стоп! — возмущенно замахала руками я. — Не вешай мне лапшу на уши, потому что я смотрела фильм «Горец», ну тот самый, про бессмертных парней именно из упомянутого тобой клана, которых можно было убить, лишь отрубив им голову...

— Точно! — солидно подтвердил Хелил. — Матушка сумела передать моим сводным братьям часть крови ангела, а потом кто-то пронюхал об их родословной и снял кино. Ну и понеслось...

Я недоверчиво прикусила губу. Все это здорово смахивает на бред, но с другой стороны, сейчас рядом со мной сидят те, кто сам является ожившей легендой!

— Я — Енох! — в свою очередь представился, нет, скорее гордо объявил черноволосый задавака. — Моего отца звали ангелом Азазелем, а матушку — Далидой. Она доводилась дочерью колхидскому царю Эту и была родной сестрой волшебницы Медеи. Ну той самой, которая сбежала с предводителем аргонавтов — Ясоном.

— Колхида — это же нынешняя Грузия! — мгновенно сориентировалась я, отлично помня древнегреческий миф про золотое руно. — Потрясающе! Значит, все герои древних эпосов существовали на самом деле? Но как можно поверить в то, что больше похоже на сказку?

— В каждой сказке есть доля истины! — мудро заметил Хелил. — Лучше объясни, почему нас послали помогать конкретно тебе, вроде бы ничем не примечательной девочке, к тому же наполовину стригойке?

Я виновато вздохнула и начала излагать свою длинную и весьма непростую историю, причем именно в той интерпретации, в которую смогла уложить свои обрывочные

воспоминания, запутанные умозаключения и недоказанные догадки. Умолчала я лишь о своей недавней близости с Тристаном, подчинившись какому-то интуитивному запрету, внезапно возникшему у меня в голове.

— М-да, круто! — многозначительно хмыкнул Хелил, внимательно выслушав мое запутанное повествование, боюсь, излишне избыточное различными лирическими и драматическими отступлениями. — Наконец-то мы встретили родственную душу! Выходит, ты тоже относишься к числу нелюбимых детей Господа, неугодных ни раю, ни аду. Что думаешь делать дальше, Санта? И не сомневайся, мы с радостью поможем тебе всем, чем сможем!

— Спасибо! — я искренне поблагодарила своих новообретенных соратников. — Хочу для начала раскрыть тайну замка Чейт, найти «Завет» и разобраться, кто же на самом деле является моим другом, а кто — врагом... А с врагами, — я выразительно сжала кулаки, — разберусь по-своему...

— Правильно! — улыбнулся Хелил. — Поиски врагов всегда приносят нам много друзей.

— Нэ зри на деяния врага своего, лучше назри ему пад двэръ, да! — браво поддержал Енох, выразительно шевеля мохнатыми, будто гусеницы, бровями.

— Врагов мало знать в лицо, — доходчиво перефразировал куда более корректный Хелил. — Их нужно в него бить!

Я весело расхохоталась:

— Извините, но я не собираюсь следовать вашему агрессивному совету буквально, хотя признаюсь, в нем есть что-то очень привлекательное! Кстати, у вас самих-то какое-нибудь завалящее оружие найдется?

Нефилимы недоуменно переглянулись, явно шокированные моими сомнениями, порочащими честь и достоинство любого мужчины.

— А как же без него-то? — скривился Енох.

— Кто с мечом к нам придет, тот в орало и получит! — воинственно изрек Хелил.

— Вот! — Чернявый сын гор важно продемонстрировал мне здоровенную рогатку и... невероятного размера консервный нож с отлично отполированной деревянной ручкой. — Вах, черепушки вспарывает — просто блеск, да!

Я недоверчиво покачала головой, озадаченная столь необычным арсеналом.

— А у него что имеется в наличии? — Я пальцем указала на втихомолку ухмыляющегося шотландца. — Лук, автомат?

— Глупая ты, дэвачка! — развеселился Енох. — Лук только в шашлыке хорош, да. А с матом у нас никогда проблем нэ было. Волынщик он, панимаишь, да?

— Естественно, понимаю, — улыбнулась я в ответ. — А как иначе-то, это же классика, у шотландцев всегда волынки в хозяйстве водятся.

— Да нэт, — с негодованием поморщился Енох. — Не волынка. Волынщик он, с волыной!

— Э-э-э? — по-дурацки выкатила глаза я. — Волына?

Не тратя времени на разъяснения, Хелил раскрыл сумку, привешенную к его поясу, и жестом фокусника извлек оттуда антикварный револьвер системы «Кольт» и хвастливо помахал им у меня перед носом.

— Волына! — представительство объявил Енох, шумно раздувая ноздри своего солидного носа. — Она самая, да!

Я осторожно взяла в руки оный огнестрельный раритет и иронично присвистнула. Вот это бандура! Да ею наверняка еще североамериканских индейцев с их исконных земель прогоняли лет сто пятьдесят назад! Весит этакая хлопושка килограмма полтора, бьет от силы на десять метров, если не заклинит, а перезаряжая пресловутый револьвер, убьешь куда больше времени, чем врагов. Короче, хлам, пригодный лишь для демонстрации в музее! Но Хелил не понял моей саркастичной улыбки и горделиво приосанился.

— Хочешь из него пострелять? — щедро предложил он, причем по его интонации я

поняла, что удостоилась высшей чести, и торопливо отказалась:

— Давайте отложим эту акцию на более благоприятный для спортивных мероприятий день, а пока неплохо бы найти Тристана и разузнать, удалось ли ему выяснить подробности пути к замку.

— Удалось! — оборвал меня спокойный голос стригоя. — Вы настолько увлеклись беседой, что я сумел подойти к вам совершенно незаметно, да еще имел счастье услышать часть вашего разговора. — Де Вильфор невозмутимо подсел к костру, стряхнул со своей куртки налипший снег и бесцеремонно ухватил последнюю не съеденную порцию шашлыка. Его зеленые глаза так и лучились лукавством, пока крепкие белые зубы быстро расправлялись с поджаристым мясом.

— Зачем пожаловал? — недовольно нахмурился Хелил. — Мы не работаем с мужчинами, они приносят нам несчастье! Учти, или мы вдвоем помогаем девушке, или мы уходим!

— Э-э-э, ребята, так не пойдет! — расстроено заныла я, раздосадованная совершенно неуместной ревностью, явственно прозвучавшей в голосе гиганта. «Ну, блин, мужики — соперничают тут за звание самого крутого спасателя и выпендриваются почище блондинок на конкурсе красоты!»

— А вот это зря! — игриво подмигнул ему Тристан, откладывая опустевший прутик и жеманно вытирая пальцы шелковым платком. — Ибо хороший друг — лучше двух подруг!

Уж не знаю, какой именно смысл уловил сероглазый нефилим в его фразе, но он испуганно покосился на широкие плечи стригоя, мало чем уступающие по размаху его собственным, и немного отодвинулся.

— Ты чего несешь? — недоуменно зашипела я, незаметно ущипнув друга за руку. — С ума сошел?

Но Тристан и ухом не повел, продолжая старательно строить глазки ошеломленным нефилимам и всем своим видом давая мне понять, что придумал нечто интересное.

— А я и не собираюсь с вами соревноваться! — изрек он, томно прижмуривая свои огромные глазщи. — Я сам не откажусь от помощи крутых парней!

Енох тут же расплылся в сальной улыбочке и торопливо пересел поближе к красавцу Тристану на место отодвинувшегося Хелила. Я обалдело прикусила язык и замолчала, глупо хлопая ресницами.

— Ориентация у меня такая, необычная, ну сами понимаете... — продолжал вдохновенно врать Тристан, присюсюкивая и краснея.

— Это когда она у тебя измениться успела? — ахнула я, почти поверив в разыгрываемый передо мной спектакль. «Вот жук-то! — мелькнуло у меня в голове. — А зарумянился-то как правдоподобно!..»

— А меня в роддоме розовой ленточкой перевязали, с этого все и началось! — напропалую кокетничал стригой, выразительно показывая мне глазами: «Не ершишь и подыграй!»

— Когда ты родился, роддомов еще не строили, — злорадно буркнула я, смирившись с его выкрутасами. — Триста лет тому назад...

— Ого! — Хелил уважительно покосился на долгожителя. — И как это ты умудрился прожить так долго, мальчик?

— Тяжело мне пришлось! — Хитрюга Тристан сложил губки в беззащитный бантик и даже пустил слезу. — Все чьей-то помощи ждал...

— Мы вам поможем, дэвачки, тьфу, вэрнее, мальчик и дэвачка! — горячо пообещал Енох, важно задирая свой увесистый нос. — Доставим к замку и...

— А дорогу я уже разведал! — подпел ему стригой, восхищенно щупая бицепс гиганта. — Случайно...

Я поспешно отвернулась, подавляя произвольный смешок, так и рвущийся у меня с губ. Ай да Тристан, ай да дипломат! Сумел-таки найти слабое место в непомерном самолюбии задиристых нефилимов и разыграл нужную партию как по нотам! Однако к

моему искреннему восхищению примешивалась и изрядная порция досады, граничащая с уязвленным чувством яркой собственницы. Хитроумный Тристан повел себя правильно, выбрав бесспорно верную позицию и показав крылатым помощникам, что не является их конкурентом. Но в глубине души я почему-то ожидала от него куда большего героизма и мужественности. Он слишком легко отказался от роли моего единственного рыцаря и защитника. Быстро и спокойно сдал любимую девушку в чужие, более надежные руки! И голодный червячок разочарования принялся форсированно грызть податливую сердцевину моей души, истребляя в ней привязанность к безусловно прекрасному и умному, но слишком ветреному и такому ненадежному Тристану...

К востоку от Братиславы, столицы небольшого государства Словакия, окруженного ореолом древнего мистицизма, раскинулись дремучие леса, простирающиеся от плодородных равнин реки Дунай до самых отрогов Карпатских гор. Вернее, это раньше, до наступления техногенного двадцатого века эти равнины славились высокими урожаями ржи, льна и люцерны, способными прокормить население не только этой довольно патриархальной и самобытной страны, но и других народов. Все это делало Словакию богатым сельскохозяйственным и торговым центром, всегда привлекавшим повышенное внимание соседней Турции, отнюдь не миролюбивой и не доброжелательной. На протяжении многих столетий территорию несчастной Словакии сотрясали междоусобные войны, а кроме того, беспощадно кромсали многочисленные завоеватели, устраивавшие на нее набег за набегом. В старину, когда словацкие земли еще принадлежали Венгрии, среди местных дворянских кланов не нашлось бы ни одной семьи, способной хоть в чем-то превзойти древний род Батори, произошедший от рыцаря-тамплиера. Владея несметными сокровищами, многочисленными замками и наделами, захваченными в битвах с врагом, Батори прославились не только своей воспетой в песнях храбростью, но также и несравненной жестокостью и своеобразием. Поговаривали, будто для заносчивости сей богатой семьи существовало вполне реальное объяснение, а именно: кровное родство с самим Господом, но католическая церковь рьяно преследовала сплетников, распускающих подобные небылицы, навечно замкнув немало болтливых уст. Хотя, разве можно заставить замолчать правду? Но, так или иначе, а род Батори и в самом деле казался осененным свыше, настолько успешно шли их дела, а любому начинанию его членов неизменно сопутствовали слава, доблесть и всеобщее признание.

В XVI веке, после битвы при Мохаче, отдавшей Венгрию в руки турок, Батори разделились на две ветви — Эчед и Шомльо. Первая укрылась в горной Словакии, а вторая завладела Трансильванией — по легендам, той самой сумрачной страной вампиров и волков-оборотней, где солнце едва пробивается сквозь чащобы бескрайних лесов. В тех местах и по сей день верят в фей и духов, поклоняются Солнцу и Луне и приносят жертвы священным деревьям.

В 1576 году Стефан Батори из ветви Шомльо стал королем Польши. Именно сей отважный муж и возглавил армию, спасшую Вену от турок, тем самым заслужив признательность австрийского дома Габсбургов — правителей Венгрии. Но задолго до этого события младшая сестра Стефана Анна вышла замуж за Дьерда Батори из ветви Эчед. Следует упомянуть, что представители семьи часто вступали в междоусобные браки, быстро ведущие их к вырождению и упадку. Чем же можно объяснить столь недальновидное поведение? О нет, отнюдь не поклонением Сатане, как утверждала Церковь (почему-то пуще геенны огненной опасаясь протестантских убеждений Батори), а лишь необходимостью любой ценой сохранить чистоту рода, не смешивая его с другими людьми. Случалось, что мужчины из рода Батори женились на собственных сестрах и дочерях, отвергая законы христианства. Их называли протестантами, но чаще еретиками да грешниками, и отлучали от церкви.

И вот на зеленых равнинах Словакии закружилась смертельная круговерть, мертвой петлей затягивающаяся на шее последних представителей семьи Батори. За ними охотились

все, обложив похлеще загнанных в ловушку волков. Турки, венгры и австрийцы без устали вырезали клан, стремясь истребить само имя Батори. Король Стефан был отравлен. Его двоюродных братьев — полководцев из обоих кланов — живьем варили в котлах или сажали на колья. Князя Андраша Батори зарубили топорами, а красавицу Клару Батори изнасиловал целый турецкий отряд, после чего бедняжке перерезали горло. Всех убитых тщательно обыскивали, но ничего не находили. И так продолжалось до тех пор, пока из всего некогда огромного клана в живых не осталась только последняя его дочь — юная Эржебет, спешно выданная замуж и спрятанная в отдаленном замке Чейт, должном стать неприступным оплотом истинной веры, хранилищем чего-то ценного, судьбоносного и тщательно скрываемого от чужих глаз. Но что же на самом деле искали враги рода Батори и какая участь ожидала несчастную Эржебет?

Все эти сведения, некогда почерпнутые из книг и древних летописей, вихрем промелькнули у меня в голове, лишь только я узрела на горизонте высокий пологий холм, увенчанный монументальными руинами замка Чейт. О да, теперь я знала точно: Эржебет оболгали, совратили, очернили, опорочили и несправедливо осудили, а все для того, чтобы стереть с лица земли и из людской памяти ее подлинную историю, изобилующую самыми невероятными фактами. Но сейчас оные упрямые факты громогласно пробивались через толщу веков, подтверждая: во-первых, род Батори и вправду произошел от Карла де Молэ, являющегося наследником брата Христа — Иосии, носившего звание изначального Хранителя «Божьего Завета». Во-вторых, Карл прибыл в Словакию, привезя с собой священный Грааль и прочие артефакты, спасенные рыцарями-тамплиерами. На протяжении многих столетий его потомки преданно охраняли наследие Господа, жертвуя ради оной благой цели своим счастьем, честью и даже жизнями. И Эржебет тоже не стала исключением из длинной череды своих предшественников, до конца выполнив предначертанный ей долг: она уберегла «Бич Божий» и «Перст Господа», не доставшиеся ни церковникам, ни стригоям. И именно поэтому она спала теперь в склепе под холмом, ожидая мига своего освобождения...

Я с благоговением рассматривала этот холм, открывшийся моему жадному взору, полусасыпанный снегом, немой и равнодушный. Так вот ты каков, безгласый свидетель страшной трагедии, разыгравшейся на твоих склонах почти четыреста лет назад! И мне безумно захотелось узнать, смогу ли я восстановить попорченную справедливость и освободить узницу, терпеливо дожидаящуюся того, кто сумеет принять на свои плечи тяжкое бремя, уже ставшее непосильным для пострадавшей Эржебет. Эржебет, дожидаящуюся меня!

Снег... Он траурным покрывалом укутывал погребальный холм, символизируя то ли непорочную чистоту души каждого Хранителя, то ли подчеркивая его незавидную долю. Я скептически поморщилась, сердясь на саму себя, не способную разобраться в собственных ощущениях. Кровь шампанским закипала у меня в венах, подогретая торжественностью и напряженностью сего момента, взрываясь сотнями бурлящих колючих пузырьков. Внезапно на меня разом нахлынула масса эмоций: восторг, вдохновение, торжество, почему-то смешанное с горьким привкусом недоброго предчувствия. Вместе с предвкушением ожидаемой и заслуженной победы в моей душе вдруг возникло четкое осознание приближающейся опасности, неотвратимой и губительной, будто сходящая с холма лавина. Прикрывая глаза от бликующих на снегу солнечных лучей, я настороженно всматривалась вперед, гадая: «Что ждет меня там, под фундаментом Чейта? Суждено ли мне ощутить в своих руках тяжесть наследия Господа и сказать: «Оно предназначается мне по праву рождения, по крови, по вере и чистоте помыслов!» А если мои мечты все-таки сбудутся и я окажусь достойна звания Хранителя «Божьего Завета», то какое будущее принесу я миру?..

Нам следовало поторопиться. Окончательно решив не отдавать Андреа артефакты из «Завета», я тем не менее считала, что мне следует поскорее убедиться в сохранности «Бича» и получить его из рук Эржебет, приняв тем самым семейную эстафету.

Вблизи холма не наблюдалось ни единой живой или не совсем живой души, но интуиция настойчиво нашептывала мне о том, что не слишком надежными выглядят занесенные снегом и продуваемые всеми ветрами развалины Чейта. Вот уж отнюдь не подходящее место для хранения величайших ценностей нашего мира. А с другой стороны, если хочешь спрятать что-нибудь понадежнее, то положи это на самом виду, ибо тогда никому и в голову не придет мысль о том, что сокровище не схоронено под семью замками. Но, положив руку на сердце, было бы несправедливо утверждать о легкой доступности «Бича», ведь я отлично помнила слова Тристана, сообщившего о наличии защитной магии, а кроме того, и сама уже ощущала присутствие некоего темного облака, незримо витающего над замковым холмом. И поэтому мне следовало ожидать, что пройти сквозь оное заграждение окажется вовсе не так-то просто.

От нашей стоянки до замка, по словам Тристана, было довольно далеко. Но Хелил и Енох немедленно заверили меня в своей абсолютной готовности доставить нас в нужное место, благо лететь — это вам не брести через поля, увязая в снегу. Я не успела и глазом моргнуть, как гордый сын гор фривольно обнял де Вильфора где-то в области ягодиц и, мощно всплеснув широченными крыльями, свечой взмыл в небо под аккомпанемент восторженного аханья так и не выходящего из роли стригоя. Я спешно собрала свои немудреные пожитки и с подозрением покосилась на лукаво ухмыляющегося Хелила, с наигранной скромностью ковыряющего снег носком сапога.

— И? — выжидательно поинтересовалась я.

— Кх-м, — демонстративно кашлянул нефилим, хотя на его смазливом лице я не заметила ни малейшей тени конфузливости, — я, конечно, не самолет, но минимальный комфорт в полете гарантирую...

— Ага! — Я недоверчиво оглядела его ладони, больше смахивающие на огромные черпаки экскаватора, чем на нормальные человеческие конечности. — Только, чур, не хватать меня, как куклу, и не тискать, будто полудохлого котенка. А то у меня до сих пор ребра болят после падения с вертолета.

— Главное не сила, а правильный вектор ее приложения! — вовсю хорохорился Хелил.

— Ну да, вектор... — продолжала мяться я, ибо треклятая интуиция прямо-таки кричала внутри меня, советуя держаться подальше от этого самоуверенного летуна.

— Не сомневайся, мне можно доверять! — заверил Хелил и мощно ухватил меня за локоть.

Я возмущенно пискнула:

— Больно же!

Нефилим смущенно развел ручищи:

— И как нам поступить?

— Ну если ты не сочтешь себя униженным и оскорбленным, то я бы предпочла залезть к тебе на плечи, — стараясь выразаться как можно деликатнее, предложила я.

— Вот они, женщины! — весело хохотнул нефилим. — Мы на них ложимся, а они после первой же поблажки так и норовят сесть мужчине на шею...

— И ножки свесить! — сердито добавила я. — Ты уж определись, пожалуйста: помощь предлагаешь или меня высмеиваешь?

— Молчу, молчу! — ухмыльнулся Хелил и, рыцарски опустившись на колено, подставил мне свое мускулистое плечо. — Так мы летим или философию разводим?

Возможно, все мои поступки выглядели донельзя рискованными, но я ему верила. Нет, даже не самому нефилиму, а скорее в успешный исход затеянного мной похода. А как прикажете бороться с верой? М-да, вера сильнее всего и всех. Она может двигать горы и поворачивать вспять реки. Короче, вера — просто колоссальная баба, в отличие от своих немощных сестер — надежды и любви!

— Испугалась, что ли? — предположил заскучавший Хелил.

Вместо ответа я уязвлено фыркнула, а затем сноровисто вскарабкалась на плечо нефилима, и в самом деле нагло усевшись ему на шею, да еще свесив обе своих ноги на его

еле прикрытую клетчатым пледом грудь. Вот пусть теперь узнает на своей шкуре: соль жизни состоит в том, что она отнюдь не сахар! И нечего тут на баб пенять... Но Хелил лишь молодецки ухнул и резво воспарил в небо, вызвав у меня резкий приступ тошноты. Ветер, взвихренный движениями его крыльев, так и засвистел у меня в ушах. Желудок противно екнул и подкатился к самому горлу.

«Господи, только бы не смотреть на землю, а то вообще голова закружится!» — резонно подумала я, зажмуриваясь, ибо мы уже находились на приличной высоте, а мелькающие внизу деревья уменьшились в размерах и выглядели сейчас не больше детской игрушки. Но легко сказать — не смотри! Я осторожно приоткрыла правый глаз и заметила вдалеке траурно темнеющие то ли ели, то ли сосны, ощипанные, тощие и жалкие. А потом меня чуть не ввели в транс крохотные кустики можжевельника, стремительно мелькающие внизу под нами. Рот наполнился отвратительно кислой слюной, заломило переносицу. Ой, мамочка, меня же сейчас вырвет! Я панически завизжала и ухватилась за первое, что попало мне под руки, а именно за уши ретивого летуна, вонзившись в них своими острыми ногтями. Нефилим тоненько, как-то по-девчоночьи, взвизгнул и возмущенно хлопнул меня по пальцам. Я в свою очередь разразилась целой тирадой негодующих междометий и дробно застучала пятками по его груди.

— Санта, немедленно прекрати брыкаться! — потребовал Хелил, сграбастав меня за ноги и дергая так сильно, что я едва не свалилась с его плеч.

— Меня укачивает! — окрысилась я, не чувствуя за собой ни малейшей вины. — Тошнит, и ветром слезы из глаз вышибает... Кажется, у меня после падения с вертолета развилась аэрофобия.

— Ну извини, неженка, — иронизировал помощник, — я тебе не самолет. У меня нет амортизационных кресел и ремней безопасности.

— Почему? — Я не снизошла до одобрения его оправданий. — Интуиция всегда мне подсказывала: мужчины на редкость ненадежные партнеры. Если бы все женщины знали заранее, как неудобно сидеть на мужской шее, то вряд ли туда полезли бы.

— Хватит! — ультимативно рявкнул нефилим. — Если женщины обладают настолько развитой интуицией, то зачем тогда они задают так много глупых вопросов?

— Затем, чтобы вы поверили в собственное превосходство! — снисходительно пояснила я.

Хелил уязвлено заскрежетал зубами и намеренно ускорил полет. Я завизжала еще истошнее, случайно взглянула вниз и оторопела: рядом с замковым холмом, ровнехонько в центре заснеженного поля, красовался невесть откуда взявшийся крытый грузовик, возле которого спокойно стояли Конрад и отец Григорий, задравшие головы к небу и заинтересованно изучающие нас с Хелилом, картинно парящих под облаками.

— Селестина, ты не погибла! — радостно приветствовал меня вервольф, размахивая руками. — Я молился за твое благополучие!

— Молился он, как же... — хмуро буркнула я, старательно контролируя свои эмоции и скрывая облегчение, буквально переполняющее мою душу. — Так я тебе и поверила...

«Слава Господу, он жив! — подумала я, ощущая прощальный треск огромного камня вины, наконец-то свалившегося с моей совести. — Я сбила их вертолет, но они не разбились. Конечно, я не собираюсь ударяться в слепое милосердие, но все равно довольна от осознания того, что не взяла греха на душу и не обагрила свои руки кровью врага, внушающего мне огромную симпатию, и закадычных друзей, случайно оказавшихся моими противниками. Но пусть я и не желаю им смерти, я все-таки не намерена отдавать Конраду «Божий Завет»...»

— Ты где откопала этого птеродактиля в юбке? — вовсю веселился оборотень.

— Настоящая анафема с крыльями! — суеверно крестился священник.

— Сам ты птеродактиль! — огрызнулся Хелил, весьма трепетно относящийся к своему имиджу супергероя.

— Уходите отсюда! — зычно прокричала я сверху. — Конрад, я тебя прощаю и обещаю впредь не покушаться на твою жизнь. Я вообще не злопамятная, сделаю зло — и

забуду. Уходите, откажитесь от мысли заполучить спрятанные в Чейте артефакты.

— Не уйду! — не менее громогласно парировал вервольф. — Оливия открыла мне глаза на природу и последствия эгоизма, и теперь я понимаю, что смогу искоренить свой личный ад только одним способом: если найду «Завет» и обращу его во благо людям.

— Отвали! — не на шутку разозлилась я. — Я сама разберусь, как следует поступить с наследием Господа. А у тебя появился шанс выжить, поэтому разворачивайтесь и чешите отсюда во все лопатки!

— Не получится! — беззаботно откликнулся оборотень. — Я обречен, ибо получил от твоего отца «Книгу крови», а значит, приговорен по определению...

— «Книгу крови»? — Я недоуменно моргнула, потому что из недр моей памяти внезапно всплыло невероятное воспоминание. Сангрема, «Книга крови»!.. Да ведь именно о ней и упоминал перед смертью Симон де Монфор. В этой книге скрыта зашифрованная подсказка к спасению мира...

— Конрад! — пожарной сиреной взвыла я. — Немедленно отдай мне эту летопись, ибо... — но договорить я не успела, потому что отвлеклась и невольно сместила руки, пальцами вцепившись в глаза парящего над равниной Хелила, неосмотрительно отрешившегося от разворачивающихся на земле событий и неразборчиво бубнящего что-то насчет «птеродактилей». Похоже, придуманное Конрадом прозвище оказалось на редкость прилипчивым. Не ожидающий никакого подвоха нефилим хрюкнул от боли, заполошно всплеснул крыльями и камнем рухнул вниз, увлекая меня за собой...

Вервольф испуганно вскрикнул и бросился к сугробу, принявшему в себя тушки двух незадачливых летунов...

— Брысь! — сердито рывкнула я, отталкивая его руку и неловко выползая из глубокой ямы, образованной нашими телами. Пробив покрывающий сугроб наст — довольно толстую ледяную корку, я изрядно исцарапалась, а поэтому пребывала сейчас отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Где-то подо мной давился смехом Хелил, потирая отбитое седалище. — Сама справлюсь.

— Да вижу уже, как ты справляешься, — беззлобно поддел Конрад, интонацией подчеркивая смысл последнего из произнесенных им слов. — Никак!

— Много ты понимаешь! — гневно заявила я, от души треснув гадкого нефилима ножами своей катаны. — А знаешь и того меньше...

Оборотень насмешливо приподнял бровь:

— Селестина, а тебе не кажется, что ты опять собираешься в одиночку ввязаться в какую-то жуткую авантюру, тем самым автоматически влипая в очередные неприятности?

— Не твое дело! Ничто не создает таких проблем, как желание улучшить свою жизнь, — отвернувшись, я, преодолевая себя и отталкивая дрожащие руки вервольфа, в кольцо коих мне почему-то так хотелось оказаться. — Отдай мне «Книгу крови» и держись от меня подальше.

— Не отдам! — с удовольствием отчеканил он. — Именно из-за того, что ты так справедливо сказала про проблемы, я никогда не отдам любимой девушке эту бомбу замедленного действия.

— Ах так! — Я сердито прикусила губу, взбешенная его эгоистичной неговорчивостью. — Тогда мне нужно подумать...

— Думай! — милостиво разрешил он, пытаясь втихую обнять меня за талию.

От его вкрадчивых прикосновений по телу разлилась упоительная истома, но я решительно отпихнула вервольфа подальше и гневно насупилась.

— Отойди! — категорично потребовала я, мысленно умоляя его не уходить. Видит бог, меня влекло к этому прохиндею так сильно, как не влекло ни к кому в жизни! Но, увы, Конрад принял мое показное ожесточение за чистую монету и послушно сделал шаг в сторону. — Дальше, — командовала я. — Еще дальше!

— Каков твой план? — тихонько спросил подошедший ко мне Тристан. Они с Енохом благополучно приземлились чуть впереди нас и теперь охраняли меня с фланга, внимательно

наблюдая за враскорячку выбирающимися из грузовика ангелами.

Я растерянно пожала плечами. Мне очень хотелось уединиться и подумать о предсмертных словах де Монфора. Я чувствовала, что почти вспомнила нечто важное...

— Опозорился ты, батоно²⁴ Хелил! — шумно укорил Енох, обращаясь к сидящему на снегу напарнику. — Уронил нашу дэвачку...

Вот досада, ведь под воздействием его воплей нужные мысли тут же вспорхнули испуганными птицами и вылетели у меня из головы.

— Так она же царапается почище бешеной кошки! — отмахнулся обиженный этим несправедливым упреком шотландец. — Вот попробуй сам с ней в паре поработай, тогда и увидим, что у тебя получится!

— Все харашо у меня получится, да! — напыжился чернявый сын гор. — Санта, приказывай, все для тебя сделаю!

— Все-е-е-е... — взвешивающе протянула я. — А у тебя есть карандаш и бумага?

— Вах, канечно есть! — Енох суетливо покопался в кармане штанов и извлек оттуда мятую столовую салфетку, рачительно обернутую вокруг карандашного огрызка. — Вот...

— Писать умеешь? — недоверчиво осведомилась я.

— Обижает! — нахохлился услужливый нефилим.

— Тогда пиши за меня. — Я разочарованно пошевелила поцарапанными об лед пальцами, убедилась в их инвалидности и продиктовала Еноху нужную фразу. О нет, я не задумала никакой пакости, я просто хотела выиграть время и подумать. Нефилим старательно водил карандашом по салфетке, высунув от усердия язык.

— Написал? Ну тогда перебрось эту записку вервольфу! — распорядилась я.

Енох довольно гыкнул, скатал записку в шарик, вложил в свою рогатку и метко запулил точно в руки переминающегося поодаль в ожидании Конрада. Оборотень развернул салфетку и углубился в чтение. К нему незамедлительно присоединились ангелы и отец Григорий. Пять голов склонились над бумажным обрывком, и до меня донесся слабый отклик негодующих возгласов. Что их так задело?

Я увидела, как Конрад что-то дописал, снова смял листок и бросил его обратно. Исполнительный Енох поднял упавший на снег комочек и принес его мне. Я развернула замызганную бумажку...

«Договорились», — был ответ Конрада. «Чтоб ты сдохла, Сел!» — А вот эти слова, написанные четко и крупно, вероятнее всего вывела рука донельзя разгневанной Оливии. Озадачившись ее бурной реакцией, внимательно прочитала короткую фразу, по моей подсказке написанную Енохом. Хм-м-м, на первый взгляд здесь и придраться-то не к чему: фраза идеально емкая и понятная, а почерк у нефилима отменный, буквы получились ровными и красивыми. Да вот только... Признаться, я изначально сомневалась в способностях нефилимов, но лишь теперь получила наглядное подтверждение своих подозрений. Как говорится, если человек талантлив, то он талантлив во всем. С идиотами такая же ситуация. Увы, следует констатировать: помощник из Еноха получился ничуть не лучший, чем из Хелила! Начертав продиктованную мной фразу, он совершил всего лишь одну, но зато невероятно грубую, даже фатальную ошибку, способную заново и еще пуще прежнего рассорить меня как с ангелами, так и с упрямым оборотнем.

«Ждите сутки», — лаконично значилось в записке. Все правильно, именно этого я и просила у своих противников, намереваясь взять тайм-аут для размышлений. Я не собиралась их оскорблять или провоцировать на какие-то неадекватные поступки. Я просто просила о перемирии. Но, к сожалению, чересчур старательный нефилим бесповоротно испортил все мои благие начинания, изрядно обострив наше противостояние. Он допустил непростительную оплошность: в слове «сутки» Енох пропустил букву «т»!..

²⁴ Господин (*груз.*).

Глава 8

Вечерело. Я, подтянув к груди колени скрещенных в лодыжках ног, сидела на полукруглом камне, сиротливо выступающем из окружающих его сугробов. Солнце медленно клонилось к западу, не меньше меня уставшее за этот трудный день, слава богу уже подходивший к концу. Близились опасные для каждого стригоя закатные полчаса, но, честно говоря, мне было наплевать. На себя, на замок с его тайной, на весь мир... Я не сводила с Чейта пристального, тяжелого взгляда, лениво размышляя: а так ли уж нужны мне спрятанные в нем артефакты? К чему они мне теперь, ведь я уже потеряла то, чем дорожит каждый человек, а точнее любовь и дружбу бесценных для моего сердца созданий. Я потеряла все, а поэтому «Бич» с его мифической силой и мощью уже никак не тянул на утешительный приз, ибо в любом случае он не сумеет возместить понесенные мною потери. Так стоит ли тревожить покой спящей под развалинами Хранительницы и являть миру наследие Господа? Готов ли мир узреть Божьи артефакты? Пойдут ли они ему на пользу, или же, как это случается сплошь и рядом, благими намерениями окажется вымощен путь в ад? Меня мучили противоречивые чувства. С одной стороны, я очень хотела спуститься в подвал Чейта и освободить Эржебет, а с другой — почему-то не верила в благополучный исход этой акции. Как не верила и в светлое будущее своей любви...

Любовь — это слишком старая и слишком наивная сказка, чтобы в нее могли верить умные женщины. Именно так я и думала всегда, вплоть до последнего времени, легкомысленно отвергая вопиющий глас собственного сердца. Я не хотела, я попросту отказывалась верить в любовь! Я оттолкнула влюбленного в меня вервольфа, уповая на собственную силу, теша свое самолюбие и раздувая собственные амбиции. Я лелеяла свою обиду и дала волю злости, забывая о том, какими уязвимыми и черствыми делают нас негативные эмоции. Я предпочла политику «выжженной земли», прогнав от себя тех, кто протягивал мне руку дружбы и поддержки. И, черт меня побери, я ведь кажется добилась желаемого! Так почему же я не ощущала теперь радости? Нет, сейчас мне было плохо. Сегодня, когда мне стало понятно, что Конрад бесповоротно потерял и уже не вернется, я испугалась, почувствовав себя осиротевшей, одинокой и никому не нужной. Дорога в женский ад вымощена мужскими ребрами, и поэтому моя жизнь утратила какой-либо смысл. Нет, в ней еще оставалась цель, но лишенная крыльев душа медленно умирала, корчась от невыразимой боли, не имеющей никакого внешнего проявления. Впившись ногтями себе в ладони, я разразилась беззвучным криком.

Я рыдала без слез, потому что моя жизнь казалась мне каким-то безысходным серым кошмаром. Ибо если все вроде бы идет хорошо, но, как и говорил Тристан, счастья нет, то хуже уже ничего не придумаешь. Ведь мне еще так мало лет, но все свои мечты я уже растеряла, оставила где-то в прошлом, а на душе сейчас пусто и тоскливо, и нет сил и желания двигаться дальше. Я очутилась в непроглядной духовной тьме, а света ждать неоткуда. Имея в принципе все необходимое для жизни, и даже больше, гораздо больше, я не понимала, к чему стремлюсь. Я не могла взять в толк, то ли я глупая, жду чего-то нереального, прекрасного и несбыточного, или же в том образе жизни, кой я сейчас веду, есть нечто неправильное, что буквально перекрывает мне кислород. Да, я четко осознаю: в моей жизни нет настоящей любви, той, без которой не спится, не дышится и не мечтается. Без нее я хуже зверя, отвратительнее прокаженного, бесполезнее поднятого из земли мертвеца-мороя, ибо моя душа подобна расколотой и пустой чаше. Так кто же я такая, зачем я живу на белом свете, почему, для кого и ради чего?

Если оценивать объективно, то, возможно, я просто утрирую, сильно преувеличивая свое одиночество. Ведь у меня все-таки есть Тристан и его чувство. Есть, но теперь я поняла: я его не люблю. Все произошедшее между нами можно назвать как угодно: страстным порывом, внезапной слабостью, выбросом адреналина, вызванного предчувствием скорой смерти, но только не любовью. Я ошиблась, допустив близость с этим мужчиной, и сейчас ужасно раскаивалась, желая повернуть все вспять и не допустить того, что, увы, уже

свершилось... Я его не люблю и не хочу обманывать, ибо Тристан этого не заслуживает. Он достоин чего-то большего, более счастливой жизни и куда лучшей женщины, чем я!

То, что произошло между нами, каково это было? Приятно, спокойно и достаточно просто. Так получается, когда друзья начинают заниматься сексом. Есть какое-то теплое чувство по отношению друг к другу, есть та или иная степень доверия, есть секс и этого достаточно, чтобы не ощущать себя несчастным. А любовь?... Да кто ее видел в реале, эту самую любовь? Что она есть такое? Все мы знаем, что о той безумной страсти, которая толкает на невероятные подвиги и на предательство, разрушает, испепеляет, наполняет жизнь смыслом и счастьем (или несчастьем, разницы почти никакой нет), написано немало книг и песен, сняты сотни фильмов. Но кому из людей случается испытать ее на самом деле? Многим ли? И вот, как на беду, мне требовалось именно это: срывание крыши, бурление крови и безостаточное растворение в другом человеке! И дать такое чувство мне мог только он, только мой возлюбленный враг, мой Конрад!..

Постепенно я пришла к некоему закономерному и вполне очевидному выводу: счастье и несчастье, любовь и ненависть, рай и ад — все они являются в первую очередь не какими-то осязаемыми, реальными объектами, а по большей части проявляются как овеществленные эмоции и зависят от нашего внутреннего состояния. А правда ли, что для счастья нам нужна взаимная любовь? И почему именно она?..

Внезапно мои размышления прервал ритмичный скрип снега под чьими-то сапогами. Я навестила уши, но специально не оборачивалась, каким-то шестым чувством ощущая, ко мне приближается он, а его мысли идеально созвучны тем, кои еще пять минут назад буквально выворачивали наизнанку мою душу. Он подошел максимально близко и деликатно кашлянул, привлекая мое внимание.

— Привет! — просто сказала я, не меняя позы.

— Привет! — обрадованно ответил Конрад, а в его голосе прозвучала нотка удивления, потому что его не прогнали и не обругали. — Я подумал, нам нужно поговорить.

— Ты на меня не обиделся, получив такую записку? — Моя спина непроизвольно напряглась так, что аж мышцы одеревенели.

— Чтобы не разочаровываться в женщинах, не нужно изначально их идеализировать! — спокойно произнес оборотень.

— Логично! — согласилась я, поворачиваясь к нему. — Слишком много неразрешенных вопросов у нас накопилось. Садись рядом, пообщаемся...

— Не выговорившаяся женщина подобна бомбе замедленного действия! — то ли польстил, то ли сыронизировал Конрад.

— Да? Тогда слушай... — начала я, но мой собеседник шутливо приложил палец к своим губам, приказывая мне повременить с излияниями.

— Ну уж нет! — бурно запротестовал он. — Не знаю, какие сюрпризы ожидают нас в подвалах Чейта, но почему-то мне кажется, что нынешний вечер — это наш последний шанс расставить все точки над «и», последняя возможность побыть вместе...

— Нужно верить в лучшее, а не ждать хорошего! — с оптимизмом перебила я.

— Вот именно, — с энтузиазмом подхватил Конрад, — и поэтому я намерен провести наше свидание в куда более романтической обстановке!

— Да? — Я потрясенно отвалила нижнюю челюсть, ошеломленная его словами. — И чего же ты хочешь?

— Я приглашаю тебя на ужин, — произнес он с некоторой заминкой. — Понимаю, это звучит нелепо и неуместно, но тем не менее...

Я восхищенно рассмеялась. Вот так сюрприз! Ужин на двоих, ночью, в заснеженном поле у подножия замкового холма, вблизи от стен Чейта, в коем спит не мертвая стригойка, Хранительница «Бича Божьего» и наследница брата Иисуса!.. Видит Господь, ничего подобного я еще не видела, не испытывала и даже не предполагала. Да-а-а, на такое предложение способен только Конрад! Я порывисто вскочила, с уважением и восторгом разглядывая мужчину, стоящего рядом со мной. Уж не знаю, кто как, а я всегда в первую

очередь обращаю внимание на профиль своего собеседника. Одни мужчины обладают безобразными носами и подбородками и поэтому смахивают на утят-переростков, другие — на собак, третьи — на ишаков. Но все эти обидные сравнения не имели ни малейшего отношения к моему Конраду. Судьба наделила его аристократичными чертами лица и идеально пропорциональной фигурой античного героя. Клянусь, я не встречала никого другого, кто превосходил бы его по красоте и внешней привлекательности, удивительно гармонирующей с душой авантюриста и сложным, противоречивым, но вместе с тем невероятно притягательным характером. Но при всем том этот тип очень сильно меня раздражал. Он казался ядовитым, как скорпион, только вот попав в опасную ситуацию, сам себя кусать не торопился. Он был хищником и даже не пытался этого скрыть, никак не маскируя свои желания и инстинкты. Я никогда не принадлежала к разряду патологических жертв, но рядом с Конрадом ощущала себя довольно неуютно. Он и отталкивал, и безумно привлекал меня к себе, завораживая вопиющей противоречивостью своей непостижимой натуры. У него было жесткое лицо и очень умные глаза, но он редко смотрел на собеседника в упор. Конрад пугал меня, как пугают безумцы, стихийные бедствия, голодные хищники и люди, переступившие нормы морали и совести. Но, рассуждая подобным образом, я знала со стопроцентной уверенностью, что мы с ним похожи, сделаны из одного теста и принадлежим к одной породе. На счастье или на беду нас свела сама жизнь, и поэтому нам уже никуда не деться от ее выбора. Мы связаны намертво — надолго ли, на краткий ли миг, но сие от нас не зависит, ибо сопротивляться судьбе глупо и опасно...

— Пойдем, — без малейшего принуждения нежно позвал Конрад и призывно протянул мне свою раскрытую ладонь, — это недалеко.

И тогда я доверчиво вложила свои пальцы в его ладонь, чтобы последовать за ним. Мы шли молча, рука об руку, мягко соприкасаясь плечами, локтями, бедрами. Прекрасно понимая, что прогуливаемся так в последний раз, мы не торопились нарушить связавшую нас тишину, наслаждаясь каждой секундой этой безгрешной близости, стоившей сотни самых страстных ночей и тысячи признаний в любви. Иногда мы ошибочно полагаем, будто людей соединяют слова, клятвы и обещания. Нет, это не так. Умение молчать, вслушиваясь в сердцебиение любимого, — вот высшая фаза любви, не требующая иного подтверждения. Тишина, венчающая нас, соединяющая нас на века, есть истинный гимн взаимной любви. В вечности, в жизни и даже в смерти...

Мы отошли совсем недалеко, обогнув холм с правой стороны.

— Не ресторан, конечно, — извиняющимся тоном произнес Конрад, — но все же... — Он широко развел руки: — Прошу к моему скромному столу!

Я посмотрела в указанном им направлении и охнула, ощутив себя попавшей в сказку.

Вервольф отгреб снег, сформировав в нем небольшую, безупречно круглую площадку, со всех сторон огражденную высокими белыми стенами. Для того чтобы защитить меня от солнечных лучей, он устроил наклонный навес, затянутый куском брезента. В центре сего уютного убежища горел костер, на котором поджаривались нанизанные на палочки колбаски. Не шашлык Еноха, конечно, но тем не менее запах от них исходил просто замечательный. На импровизированном столе стояли три бутылки вина. Идиллическую картину дополняли два мягких сиденья, очевидно вынутые из грузовика. Это место, выглядевшее столь простым и безыскусным, ассоциировалось в моем восприятии с уголком тишины и покоя, случайно образовавшимся в царстве холода, смерти и хаоса. И мне мучительно захотелось хоть на миг позабыть о разделившей нас вражде, обо всех навалившихся на нас заботах и проблемах. Я опустила на одно из сидений и зачарованно закрыла глаза, прислушиваясь к опускающейся на землю ночи. Ветер притих, будучи не в силах пробиться сквозь построенные Конрадом стены из снега, а воздух пах приторно и незнакомо, донося со стороны Чейта легкое, чуть улови мое зловоние, исходящее разлагающейся плотью. Я взглянула на небо. Смутно виднеющийся между тучами месяц щерился неровным полукругом и был похож на ломоть недозрелого сыра. Звезд было совсем немного — я видела лишь самые крупные, — а Млечный Путь растекался туманной вуалью,

создавая траурный покров скорби и раскаяния. Конрад снял с огня прожарившуюся колбасу и протянул мне.

— Пир во время чумы, в преддверии Эры зла, — мрачно пошутила я.

— Сумерки богов, — в тон мне поддержал он. — Но, как говорит Оливия, умирать сытыми намного приятнее и веселее.

Я ответила улыбкой, и следующие несколько минут мы увлеченно ели, запивая пищу терпким холодным вином. Настроение у меня было не то чтобы очень скверное, однако я бы поостереглась назвать его хорошим. Наш ужин слишком походил на поминальную тризну, свершаемую по покойнику, и это угнетало. Наконец Конрад вытер губы пригоршней снега и задумчиво уставился в огонь, избегая встречаться со мной взглядом. Он казался исполненным мрачной решимости, ведь его лоб отрешенно хмурился, выдавая напряженную работу мозга. Я тоже молчала, пытаюсь угадать или почувствовать его мысли...

Но Селестина ошибалась, приписывая Конраду какие-то душевные метания, недоступные ее восприятию, ибо сейчас вервольф не думал ни о чем. Ему просто стало удивительно хорошо, так хорошо, что даже чуть-чуть больно. Он давно привык сознательно не ограничивать себя в удовольствиях, заглушая ими угрызения совести за десятки совершенных убийств, но никакие прежние сибаритствования не шли в сравнение с его нынешними ощущениями, ибо сейчас с ним происходило нечто совершенно иное. Он находился в обществе женщины, просто разговаривал с нею, и от этого банального процесса ему было невероятно хорошо. Причем он сам искал общества Селестины. Он не испытывал с ней дискомфорта, скуки, раздражения или усталости — всего того, что заставляло его всю жизнь отгораживаться от других представителей своего вида. Он мог молчать, мог даже не смотреть на Селестину, но от того, что она просто сидела вот тут, рядом, в полуметре от него, по коже Конрада пробежали приятные мурашки, и ему хотелось улыбаться. Оборотень понял: в его жизнь пришла настоящая любовь, та, ради которой можно пожертвовать всем: свободой, честью, принципами и даже самим собой. Пожертвовать душой и плотью, потому что смерть ничто по сравнению с ее улыбкой, ее молчанием, ее зелеными глазами, сияющими от обуревающей девушку нежности. И Конрад дал себе обещание: если придется, то тогда он не задумываясь примет самую лютую смерть, лишь бы спасти Селестину от того, что покамест еще дремлет под развалинами Чейта, но безудержно стремится вырваться наружу. Возможно, Селестина просто не осознает природы заключенного в подземелье зла, но Конрад чувствовал его всеми фибрами своего тела и догадывался, что оно несет погибель, грозящую поглотить все сущее. И если желание Селестины состоит в том, чтобы выпустить на волю оное вселенское зло, то он никак не сможет помешать своей упрямой возлюбленной, но при этом все равно спасет ее от смерти. Спасет, пусть даже ценой своей собственной жизни.

— О чем ты думаешь? — неожиданно спросил Конрад, еще мгновение назад выглядевший совершенно дезорганизованным. Его глаза горели какой-то фанатичной, совершенно непонятной мне решимостью. Что он задумал?

— О завтрашнем дне, — откровенно ответила я. — Утром я намереваюсь спуститься в подземелье замка и покончить с тайной, сокрытой под его фундаментом.

— Обещай только то, что сможешь выполнить с божьей помощью, — посоветовал оборотень, и в его голосе я услышала нотки неподдельного беспокойства за мою жизнь.

— Я совершу задуманное без чьей-либо помощи. — Я с горькой иронией покачала бокалом с вином. — Истина не в вине, она находится еще ближе и заключается в том, что я уже не имею права рассчитывать на благосклонность Темного Отца, а на милость Господа — еще не могу!

— Полагаю, мне никаким способом не удастся отговорить тебя от похода в замок? — не спросил, а скорее уточнил фон Майер.

— Даже не пытайся, а то хуже будет! — почти вежливо предупредила я. — Не стоит

заблуждаться, считая меня слабой и беззащитной девицей, легко поддающейся чужому влиянию. Я уже не откажусь от своей идеи.

— Женщин не существует, просто есть антимужчины, — философски изрек вервольф. — Упрямые, самоуверенные и настырные!

— «Вообще-то я умею лучше!» — воскликнул Бог, после того как создал мужчину! — злорадно парировала я. — Вам что, всем сносит голову от осознания собственной силы?

— Тебе нравятся слабаки? — Конрад растерянно потер подбородок, заросший колючей щетиной. — Никогда бы не подумал...

— Отсутствие силы еще не гарантирует наличие ума! — нещадно съязвила я.

— Да при чем тут ум? — не выдержал оборотень, сердито ударяя себя ладонями по коленям. — Разве ты не понимаешь, как опасно пробуждать спящее в замке зло?

— Эржебет — не зло! — не сдавалась я, краем сознания вспоминая, что Тристан утверждал то же самое. — Она просто слабая, оклеветанная и обиженная женщина.

— Ой ли? — ехидно прищурился Конрад. — А она, случаем, не вампир ли, нет?

— А разве я не вампир? — Я мстительно выставила клыки, напоминая увлечемому спором оборотню о произошедшей со мной трансформации. — По-твоему, каждый стригой несет в себе только зло? А Тристана ты видел?

— Твоего смазливового дружка? — пренебрежительно переспросил Конрад, и ревность, явственно читающаяся в его интонациях, пролилась живительным елеем на мою израненную самобичеванием душу. — Видел! Не впечатлил! И учти, ТЫ, — он намеренно подчеркнул это обращение, — ты можешь стать такой, какой захочешь: хоть темной, хоть светлой. Ты пока еще свободна в выборе своего жизненного пути. А душа Эржебет уже давно очерствела и жаждет исключительно одной лишь мести. Она навсегда отреклась от милосердия...

Я мысленно вздрогнула, ибо Конрад употребил то же самое определение, каким еще совсем недавно оперировал другой, также не безразличный мне мужчина — Тристан. И я невольно подумала: «Неужели я как-то неправильно понимаю смысл милосердия?»

— Сам придумал этот бред или кто подсказал? — недоверчиво выпалила я, изрядно раздосадованная его репликой. — Эржебет нам не враг!

Конрад криво дернул небритой щекой, словно страдал острой зубной болью.

— Поразительное дело — женская интуиция! — язвительно сообщил он. — Вот ты ведь уже чувствуешь, что говоришь не то, но все равно продолжаешь упрямо гнуть свое, да еще хочешь быть выслушанной до конца.

— Ее нужно освободить! — упрямо требовала я, хотя предчувствие скорой беды уже скребло мою душу своими острыми кошачьими когтями. — Она мой предок, и мне предназначено стать новой Хранительницей «Завета».

— Зачем? — коротко спросил он, повергая меня в ступор этим предельно простым вопросом. — Зачем?

Я растерянно прикусила язык, маясь, мысленно подбирая нужные слова, способные четко обосновать мою нравственную позицию, но так и не найдя весомых аргументов, призванных убедить Конрада в моей правоте.

— Я думаю, что «Завет» сделает меня счастливой... — собравшись с духом, неуверенно промямлила я. — Разве все люди не мечтают об одном и том же — о простом человеческом счастье?

Но вместо того чтобы проникнуться силой моих доводов, вредный вервольф высокомерно откинул назад свою гордо посаженную голову и громко заржал, вульгарно до неприличия. Я ошеломленно хлопала ресницами, раздосадованная его парадоксальной реакцией. М-да, кажется, уколоть Конрада оказалось делом не из легких. В искусстве фехтования на словах он не имел себе равных. Он всегда отражал наносимые ему удары с молниеносной быстротой и точностью, безупречно владея логикой и намного превосходя меня в умении подчинять своему влиянию.

— Не нахожу в этом ничего смешного! — со злостью процедила я, в очередной раз забывая о том, что злость делает нас слабее. — Ты никогда меня не уважал и не считался с

моим мнением.

— Любимая! — печально вздохнул вервольф, мгновенно обезоружив меня этим бесхитростным словечком. — Признаюсь откровенно: я стал сентиментальным, и даже, наверное, поглупел и постарел — мне хочется сказок...

— А я-то тут при чем? — сварливо буркнула я. — Намекаешь, что я не подхожу под критерий сказочной принцессы?

— Хуже! — еще громче вздохнул он. — Извини, но ты своими же руками старательно гроишь нашу сказку, нашу любовь. Разве ты не понимаешь — мы и так уже счастливы...

Я кисло поморщилась, будто глотнула уксуса. Конрад вел себя уж слишком обыденно. Как будто он не знает, что, закончив приставания извинениями, можно обидеть любую женщину.

— Нет, не извиню! — Я протестующе пнула пустую бутылку из-под вина. — Ты рассуждаешь как обыватель, ты себялюбиво отвергаешь гибнущий мир и заикливаешься на своем мещанском благополучии. Ты не хочешь признать того, что Эра зла скоро поглотит всех людей...

— А мне плевать! — холодно отчеканил он. — Почему этот мир должны спасать именно мы? Ведь другие в это самое время спокойно отсиживаются за нашими спинами! Я устал отдуваться за других, я выживу при любом раскладе, если только не взвалю на свои плечи чужие проблемы. Я выживу и спасу тебя. А остальные... — Он надменно взмахнул рукой. — Наплевать!

Я до крови прикусила свою нижнюю губу, до глубины души возмущенная его пофигизмом и эгоизмом. А я-то еще ставила его выше Тристана! Я скучала по нему, переживала из-за него и даже считала потерю его любви равнозначной концу своей жизни! А он, он... Он был для меня всем, а стал — ничем. Да он просто трус, предатель и сволочь! Мне мнилось, что в моей голове раздастся вполне реальный грохот — то рушились мои грандиозные планы, чаяния, убеждения...

— Конрад, — я смотрела на него с мольбой во взоре, — прошу, забери обратно свои последние слова, потому что я способна простить тебе все, кроме предательства...

— Да-а-а? — взвился он, точно так же поддавая ногой ни в чем не повинную бутылку, покотившуюся обратно ко мне. — А ты уже возвела меня в ранг эталона? Зря! Никогда не претендовал на звание образцового героя девичьих грез!

— Искать мужчину без изъянов может только женщина без извилин! — устало опровергла я. Похоже, все ранее сказанное о женщинах вполне применимо и к мужчинам. Кумиры не существуют, они просто чахнут идохнут в условиях нашей суровой реальности. Идеализировать нельзя никого. Дабы не разочаровываться.

— Не утрируй! — фыркнул циничный оборотень. — Что у женщины на уме — уму не понять.

— Ты считаешь меня глупой идеалисткой? — без обиняков спросила я.

— Да! — согласно ухмыльнулся он.

— И уверен в том, что я готовлюсь совершить не доброе дело, а величайшую ошибку своей жизни? — продолжила я.

— Да! — Его губы вытянулись в прямую, хищную линию, придавая красивому лицу мужчины подобие ужасной звериной морды.

— Но ты все равно пойдешь со мной, так? — Я была уверена в его утвердительном ответе.

— Да! — однообразно отреагировал Конрад. — На кого же я тебя брошу-то?

— Абсурд. Слишком много «да», и ни одно из них не приносит радости. Какой абсурд! — Я отчаянно схватилась руками за голову. Любимый мужчина не сводил с меня глаз, исполненных жертвенной решимости, пока я пыталась договориться с собственной совестью, отлично понимая, что при таком раскладе он сунется за меня в первую же подвернувшуюся ловушку и непременно погибнет. А я до конца своих дней буду потом жить с грехом на сердце. Потому что не с кем больше будет...

— Разве этот мир не достоин того, чтобы за него боролись? — робко выдавила я, надеясь пробить броню его практичности.

— Ха-ха! — наигранно выдал он. — Борьба за мир — это все равно, что секс за девственность!

— Значит, мы так и не найдем общего языка? — разочарованно подытожила я.

— Почему не найдем? — изумился он. — Запросто! Давай сейчас же встанем с этого места, уйдем далеко-далеко и заживем тихо и счастливо, только для себя двоих, забыв про всех страждущих и обездоленных. Мы предоставим людей их собственной участи, ведь именно в этом и состоит настоящее милосердие: каждый в итоге получает то, что заслужил. Ты все равно не сможешь помочь всем, так не продлевай их агонию, дай людям умереть быстро и безболезненно...

«Энтузиазма и предвкушения у него столько же, сколько было у змия в райском саду, — подумала я, наблюдая за одухотворенным лицом Конрада и внимая фонтану его красноречия. — Ах, как сладко он меня искушает! Дескать, откажись от борьбы за всеобщее спасение, и будет тебе твое маленькое, тихонькое, корыстненькое, подленькое счастье...»

— Видит бог, — внезапно, с надрывом выкрикнул оборотень, — в душе я так хочу променять тебя на другую, тихую, домашнюю, послушную женщину. Но не могу!

— Женщина, у тебя есть другая женщина? — вырвалось у меня, и я тут же пожалела, что не заткнула себе рот рукой.

Конрад покосился на меня с удивлением. Улыбнулся.

— А тебе зачем это знать?

— Просто... — Меня спасла полутьма, и он не увидел предательского румянца, залившего мое лицо целиком, до самых ушей.

— У меня есть нечто лучшее! — торжественно провозгласил оборотень.

— Мужчина? — пакостливо ухмыльнулась я.

— Не угадала.

— Хобби?

— Прошное, — неожиданно печально ответил Конрад.

— Извини, но тогда ты феномен, — развела руками я. — Пусть человек живет в реальном отрезке бытия, но его личное время всегда имеет три формы: прошлое, настоящее и будущее. А у тебя одно вместо трех.

— В прошлом ты была моей, — эхом откликнулся он. — Наша любовь осталась в прошлом, так и не перейдя в следующую фазу.

— Прости. — Я поднялась с нагретого сиденья. — Я не хочу возвращаться в прошлое, ибо меня волнует настоящее, и мне не безразлично будущее. Я... — Тут я внезапно почувствовала себя плохо, покачнулась и чуть не упала.

Конрад бросился ко мне и подхватил, обеспокоенно щупая мой холодный лоб, покрытый противной липкой испариной.

— Ты давно не пила кровь? — грубо предположил он, попав в точку.

— Давно, — откровенно созналась я. — Уже и не припомню, когда в последний раз.

— Ясно, — он резко оборвал незаконченную мной фразу, закатал рукав куртки и обнажил свое смуглое запястье. А затем Конрад выхватил из привешенных к поясу ножен кинжал, полоснул им себя по руке и прижал к моим губам набухшую кровью рану.

— Пей! — повелительно приказал он. — Пей, черт тебя побери!

Опьянев от заманчивого запаха, наполнившего мои ноздри, я жадно глотала чуть горьковатую кровь, сильно отличающуюся от человеческой по вкусу и консистенции. Это оказалось просто потрясающе! Так, как если бы после грубого суррогата мне вдруг предложили продегустировать раритетный коньяк столетней выдержки... А потом любимый ультимативно оттолкнул меня от себя и побрел прочь, немного пошатываясь от слабости, вызванной обильной кровопотерей. Он вел себя как совершенно чужой мне человек... Господи, за что же ты послал мне такие адские муки от примитивных земных радостей?

Я жалобно смотрела вслед Конраду, но так и не нашла в себе желания побежать следом

и вернуть того, кто уходил навсегда! Теперь я знала наверняка: увы, мы слишком разные. Мы не сошлись во взглядах на счастье и поэтому обрекли себя на горечь разлуки. Я никогда не смогу быть рядом с ним, но как же я смогу жить без него? Нежность, ненависть, протест — все эти эмоции смешались воедино, причиняя чудовищную боль. Мне пришлось выбирать между любовью к мужчине и милосердием к этому миру, и теперь я осталась без Конрада, ибо предпочла милосердие. Я смотрела на звезды и глотала слезы отчаяния, загоняя их внутрь себя, в свою душу, в свое израненное сердце...

Все-таки я оказалась права на все сто процентов, подозревая, что если останусь с ним, то однажды его объятия станут все теснее, а мое личное пространство неизбежно уменьшится до мизера, его просьбы превратятся в требования, а улыбка на его лице сменится самодовольной, капризно-раздражительной гримасой. Но я не стала ждать, ибо убила его сейчас! А теперь, когда я осталась одна — свободная и независимая, я уже могу бестрепетно заглянуть в шкаф своей памяти и достать из-под вороха белья пожелтевшую от старости помятую фотографию того единственного, кому я хотела отдать всю свою жизнь, того, кто умел делать меня счастливой, того, от кого невозможно было отвести глаз.

Того, кто однажды тоже меня убил...

Чем приятнее грех, тем неприятнее в нем каяться! Но я все же сумела переступить через свою боль и смирила страдающую от нанесенного ей ущерба гордость. Сегодня произошло знаменательное событие: я вырвала из своего сердца любовь, ставшую обузой. Но Господи, почему же мне теперь так плохо, больно и одиноко? Любовь моя, где же ты, вернись...

Господи, внимли, я не готова
Трепетно принять святое слово
Да предстать сегодня у престола
Царства неземного твоего.

Господи, прости, но я не рада —
Мне такая сила не награда,
Мне и благочестия не надо,
Света не дари мне своего.

Господи, спаси, я погибаю.
Видишь, я уже изнемогаю,
Славы и бессмертья не алкаю,
Верую в тебя лишь одного.

Господи, пойми, я не святая —
Я, наверно, женщина простая.
Видишь, у креста стою босая,
Счастья добиваясь своего.

Господи, гневись, но я не каюсь —
Нежностью я от греха спасаюсь
И земной любовью проникаюсь,
Больше не желая ничего.

Ветер пришел ночью. Северный и обжигающе колючий, он буквально ввинтился под край укрывающего меня одеяла, беспощадно вырывая из сладких объятий полудремы. Я лежала на распахнутых крыльях двух нефилимов, вольготно развалившихся на снегу, и чувствовала себя в полной безопасности, пребывая под защитой этих харизматичных великанов, напрочь игнорирующих ночной холод, бытовые неудобства и мою беспокойную

возню. С другой стороны, под боком у сладко похрапывающего Еноха, пристроился Тристан, крайне неодобрительно воспринявший мое долгое вечернее отсутствие.

Кажется, он ревновал. Впрочем, меня весьма мало интересовало его мнение, ибо я намеревалась строго придерживаться выработанного мною плана, не отступая от него ни на йоту. К сожалению, тогда я даже не догадывалась, что от того момента, когда мне предстояло на практике убедиться в ошибочности и опасности своих скоропалительных выводов, меня в ту ночь отделяли всего лишь несколько скоротечных часов. О да, тогда я еще не знала, что день смерти ничем в принципе не отличается от всех других дней или ночей нашей жизни, вот только протекает он на удивление бурно и стремительно, словно подводит жирную финальную черту, призванную отделить все важное и значимое от пустой, ничемной суеты. И именно в смертный момент нам становится понятно: важно не то, как мы жили, гораздо важнее то, как мы умерли. А еще зачем и во имя чего!

Итак, пронизывающий ветер почти насильно вытащил меня из-под одеяла, непрошеным гостем ворвавшись в мою теплую сонную дрему и свистяще приказывая: «Вставай, сейчас не время для лени!» Я попробовала отмахнуться от настырного вихря, пригоршню за пригоршней подхватывающего колкий снег и немилосердно бросающего его в мое лицо, но не тут-то было — ветер не отступал. Мысленно посетовав на свою тотальную не везучесть, ибо я мечтала выспаться, дабы скопить хоть немного сил, необходимых мне для реализации задуманных планов, я, скрежеща зубами от раздражения, нехотя покинула свое уютное лежбище и шатко побрела в сторону от лагеря, туда, куда вел меня мой беспокойный проводник. Слава богу, что у меня давно уже образовалась привычка спать одетой, невзирая на все соображения личной гигиены и опрятности. Ну и фиг с ним, что я потом хожу мятая, будто вылезшая из пасти бегемота, но зато никто не сможет застать меня врасплох. С одной стороны, этому укоренившемуся правилу не раздеваться на ночь немало способствовала жуткая погода, а с другой — я уже осознала, что полезные привычки, может, и продлевают нам жизнь, но зато вредные делают ее приятнее и комфортнее.

Поругиваясь вполголоса и позевывая во весь рот, я тащилась по скрипящему насту, не отводя опухших глаз от шустрой поземки, змейкой извивающейся впереди меня. Немного удалившись от нашего лагеря, я протестующе пробурчала: «Хватит!» — и категорично опустила на какой-то каменистый пригорок, еле прикрытый лохмотьями засохшего мха. Сейчас я находилась в непосредственной близости с основанием замкового холма, по левую сторону от меня остался бивак моих спутников, а справа тускло светился костер в лагере наших врагов. Кому-то там не спалось, подозреваю, что Конраду. Ветер, похоже весьма довольный проявленной мною сговорчивостью, ледяным кашне обвился вокруг моих плеч и доверительно зашипел в ухо, посвящая в события давно минувших дней. Округлив от изумления глаза, я потрясенно слушала его запутанное повествование, мгновенно ощутив себя слабой песчинкой, случайно попавшей в неумолимый жернов бытия. Я уяснила: теперь от меня зависит все и... ничего!

Так происходило много веков назад, так случается и ныне: людская зависть, ограниченность и меркантильность на корню губят многие благие начинания, мешая ходу прогресса и тормозя духовное развитие человечества. Человек — странное и порочное существо, обладающее навязчивой манией истреблять все, что находится вне сферы его понимания. Если существует недостижимая красота, то нужно объявить ее ведьмовством и сжечь. Если в ком-то пробудилась чистая любовь, то следует назвать ее самым тяжким грехом и вырубить с корнем. Миром правит Тьма! И было бы неправильным считать, будто пресловутая Тьма эта существует где-то вокруг людей — о нет, она царит в их сердцах и душах, щедро рассеивая споры зла.

Эра зла не была ниспослана нам кем-то свыше, не пришла извне — о нет, она давно уже сформировалась внутри нас, однажды просто дождавшись благоприятного момента и вырвавшись на свободу. А затем, не встретив ни малейшего сопротивления, она пошла себе гулять по долам и весям, липкой заразой переползая из города в деревню, из лачуги в замок. А людские сердца, отвернувшиеся от света, давали ей обильную пищу, служа кровом и

рассадником. Помните, люди, если вы намерены противостоять Эре зла, то не впускайте Тьму в свои дела и помыслы, не поддавайтесь власти жестокого лихолетья. Поймите: каждое доброе деяние зримо отодвигает границу Тьмы, очищая мир от смертоносной тени Эры зла. Не убивайте, не обижайте слабых, не воруйте, не лгите, не разбойничайте — и тогда Эра зла минует ваш дом, ибо побороть Тьму и порок способны только свет и добро! Причем добро бескорыстное, идущее непосредственно из глубины незамутненного корыстью сердца!

А начиналось наступление Эры зла не где-либо, но прямо здесь, именно в этом самом месте. Графиня Эржебет Бафора, последняя Хранительница «Божьего Завета», жила праведной жизнью, вызывавшей зависть у тупых и ограниченных соседей. Они разнесли сплетни о чейтской пани далеко за пределы замковых владений, раскрыв тайну ее убежища, ведь не похожий на нас человек всегда кажется нам чужим, а похожий — врагом. Но, всегда верная своему призванию, Эржебет успешно противостояла проискам врагов, черпая духовную и физическую силу в своей религии и моральных принципах. Против нее ополчились все: люди, официальная церковь, преднамеренно истребляющая наследников братьев и сестер Господа (ибо они имели возможность обличить жадность и продажность многих прелатов), а также Дети Тьмы — стригои. Последние свирепствовали пуще всех, убив мужа Эржебет — графа Ференца Надашди, но однако так и не сумев сломить мужество Хранительницы. Графиня не сдавалась, продолжая ревностно охранять тайну «Завета». И вот тогда, вовсе отчаявшись, темные твари натравили на графиню фанатичного католика, приспешника инквизиции графа Дьёрда Турзо, ранее усиленно домогавшегося благосклонности состоятельной вдовы.

Эржебет обвинили в вампиризме и каннибализме, приписав ей все то, чего она никогда не совершала, а точнее, многочисленные убийства местных девушек. По причине знатности ее рода никто не посмел вынести графине смертный приговор, а посему вместо казни король и церковный капитул присудили Эржебет к пожизненному заточению в стенах замка Чейт, ежели только сам Господь преступницу не простит и не освободит. Первое время госпожу, замурованную в подвальных покоях, исправно кормили и поили, но годы шли, и грехи прекрасной кровопийцы все больше становились похожими на неправдоподобную страшную сказку. А спустя еще лет десять люди начали потихоньку разворовывать разрушающийся замок, напрочь позабыв о томящейся в подземелье узнице... Так гласит легенда, а может, все это и есть правда, кто же ее знает...

Правду знал только северный ветер, сейчас собственнически расположившийся у меня на плече. Он в буквальном смысле слова исходил бессильной злобой, рассказывая мне о мытарствах госпожи Эржебет, о ее невиновности и героизме. Дескать, Хранительница до сих пор не мертва, она спит в подвале Чейта, ибо долгое отсутствие в подпитке человеческой кровью неизбежно погружает любого стригоя в продолжительный летаргический сон, но при этом она все еще верит в спасение и ждет своего освободителя. Или освободительницу. А еще Эржебет мечтает о мести и готова с лихвой отплатить своим обидчикам, потому как имеет для этого и средство, и возможность...

— «Бич»! — прозорливо вскричала я. — Ты говоришь о «Биче Божьем»?

В ответ ветер согласно зашуршал, подтверждая мою догадку.

— Я освобожу госпожу Бафора и помогу ей отомстить всем стригоям! — торжественно пообещала я. — Видит бог, я тоже не испытываю особой любви к своим сородичам.

Ветер победно загудел, всецело одобряя мое решение.

— А потом, — выпренно продолжила я, — я спасу этот мир и научу его жить по-иному!

В музыке ветра послышалась вопросительная нотка.

— Не понимаешь? — удивилась я. — А я вот искренне верую в то, что, будучи спасенными от гибели в зубах стригоев, люди обязательно прозреют и изменят свое отношение ко многим своим прежним ценностям и принципам. Я хочу дать им второй шанс на выживание.

Ветер засвистел более чем иронично, выражая недвусмысленное презрение к столь

воспеваемым мною людям. В отличие от меня, он давно уже не питал иллюзий относительно их истинной сущности. Он умолял меня спасти только одну Эржебет...

— Но так ведь нельзя! — возмутилась я. — Знаешь, сейчас ты разительно напоминаешь мне Конрада с его эгоистичными рассуждениями о собственной выгоде. Я хочу дать людям счастье и свободу!

«Свобода и счастье человека всегда ограничиваются сугубо им самим! — тактично намекнул мой собеседник. — Не бери на себя слишком много, ведь спасение утопающих — дело самих утопающих. Смотри, не навреди им еще больше».

— Много? — опешила я. — Но я ведь не какая-нибудь равнодушная стеллерова корова. Я хочу преобразовывать мир, а не тупо плыть по течению жизни, выедавая встречные ракушки. Моя прямая обязанность заключается в том, чтобы сознательно изменять мироздание, исправляя его недостатки. Не делая этого, я просто расписываюсь в духовной черствости и бессилии. Пойми, люди утратили умение самостоятельно определять свой жизненный путь, а ведь именно в оном и состоит понятие «свобода». Они погрязли в презренной повседневности, их задавила глухая, отчаянная безвыходность, отучившая человека мечтать и заставляющая его предаваться обжорству, отвратительным зрелищам и скотским совокуплениям. Я пробужу человеческие сердца: верну им стремление к полету души, ибо испытываю непреодолимую тягу делиться добром и надеюсь, что для осуществления сего у меня хватит терпения и веры в людей!

«Наивная! — с жалостью прошелестел ветер. — Ты погибнешь, зазря принесешь себя в жертву на алтаре всеобщего счастья и благополучия».

— Почему? — предсказуемо обиделась я. — Откуда такой скептицизм? Или ты считаешь меня настолько слабой и никчемной?

«Нет, не считаю! — внятно отчеканил ветер. — Но учти, люди неисправимы! Сколько ни воспитывай человека на благородных примерах, а он все равно хочет жить благополучно, сытно и без лишних проблем, по принципу: ничего не знаю — моя хата с краю. А еще они готовы отказаться от своего блага лишь в том случае, если их сосед потеряет еще больше. Имей ввиду, Эржебет хотела того же самого — разбудить в людях душу, и посмотри, чем она закончила».

Я ошеломленно почесала в затылке, не зная, как следует реагировать на его мрачное предостережение. Кажется, ветер пророчил мне скорую смерть, но я почему-то совсем не чувствовала ее приближения.

Глава 9

Чужая душа потемки, а душа ангела вообще мрак кромешный, как ни парадоксально это звучит. А тому, кто не верит в это утверждение, советую свести близкое знакомство с парой ангелов, и тогда вашему душевному здравью сразу придет конец, ибо других, более склочных, непредсказуемых и драчливых существ, чем ангелы, на земле просто нет. Впрочем, и в раю тоже.

Утро началось сумбурно. Мы с Тристаном пересидели рассвет под волшебным покрывалом, а когда вылезли, то увидели странную делегацию, дружно марширующую по направлению к нашему лагерю. Я даже не знала, как их будет правильнее назвать — не то свора товарищей по несчастью, не то стая единомышленников по глупости. Впереди всех гордо выступала Оливия, торжественно размахивая парламентарским флагом, то бишь белой тряпичей, привязанной к длинной палке.

Я философски улыбнулась: «Идущий под белым флагом тоже чувствует себя знаменосцем...» Но флаг, вопреки всем ее стараниям, никак не желал виться по ветру и вдобавок подозрительно смахивал на поношенные женские трусы умопомрачительного размера. Следом за валькирией грациозно вышагивал Натаниэль, галантно придерживающий под локоток неловко увязающую в снегу Ариэllu. По пятам за девушкой громоздкой глыбой двигался отец Григорий, гнусающий какое-то незнакомое мне песнопение околошахидского

содержания. Оное нелепое шествие замыкал Конрад фон Майер, хмурый, словно грозовая туча. Детально разглядев сию компанию, я смешливо прыснула в кулак, но смолчала. Сейчас узнаем, с чем они к нам пожаловали.

— Доброе утро! — любезно поздоровался Тристан, саркастически косясь на флаг. — Пардон, мадам, — ирония в его голосе так и пробивалась сквозь вежливость, — но неужели вы считаете, что мы стали бы стрелять в женщин, не проиллюстрировавших свои добрые намерения вот таким, кх-м, — он наигранно смутился, — экстраординарным способом!

— А вдруг бы да стали, кто же вас, кровососов, знает, — с сомнением буркнула валькирия, с любопытством поглядывая на меня.

— Это вы нас достали! — сморщил нос Енох, неправильно, а может, наоборот, совершенно правильно понявший ангелицу.

— А стоило бы знать, — стараясь остаться невозмутимой, выдала я. — Ибо если вы с собой так жестоко поступаете, — я тоже покосилась на флаг, — то представляю, что ждет ваших побежденных врагов.

— Да, — в унисон поддержал меня Хелил, — отважные трусов не надевают!

По скулам Оливии медленно расплзались пятна багрового румянца, а я поспешно прикусила губу, стараясь не рассмеяться вслух и размышляя над неоднозначным смыслом его реплики.

— Поржали и хватит в остроумии упражняться, — оборотень вовремя пресек нашу бессмысленную пикировку. — Если вы не передумали лезть в подземелье Чейта, то мы идем с вами. Предлагаю хотя бы на день позабыть о наших разногласиях и действовать сообща. Прекращаем размениваться на мелочи. В конце концов, жизнь дается нам только один раз...

— Второй раз я бы ее не выдержал! — с пониманием улыбнулся Тристан.

Вервольф смерил стригоя тяжелым взглядом исподлобья.

— Ах ты, пижон хлипкий, — уничижительно процедил он сквозь зубы. — Уж ты-то никак не тянешь на борца за мир, с натяжкой сойдешь за дамского угодника.

— Хочешь изменить мир — начни с себя! — назидательно изрек де Вильфор, принимая донельзя высокомерный вид.

— Ага, — вполголоса мстительно уточнила я, — измени кому-нибудь с кем-нибудь...

Я добилась желаемого эффекта — Конрад меня услышал. Его смуглое лицо стало еще пасмурнее.

— Э-э-э, — торопливо вмешалась Оливия, — возможно, я не так умна, как вы, возможно, я дура, но зато у меня все же имеется несколько мозговых извилин, подсказывающих, что Конрад прав!

— Дурак первым замечает, как много умных развелось вокруг, — шепотом добавил оборотень, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ой ли? — язвительно усомнилась я. — Не обольщайся, ангелица, извилина у тебя только одна, да и та от шапки!

— Ну что тут делать будешь! — Валькирия выронила импровизированный флаг и раздосадованно всплеснула руками. — Мы к вам и так и этак подмазываемся, а вы ни в какую!

— К чужому подвигу каждый примазаться норовит! — громко изрек Хелил, усиленно делая вид, будто разговаривает сам с собой.

— Мы не нуждаемся в вашем пособничестве, — четко и предельно откровенно разъяснила я. — Вы вообще не имеете никакого отношения к Чейту, а посему валите-ка отсюда, пока мы вам задницы не надрали!

— Позвольте! — рассерженно нахохлился Нат. Кинжалы на его крыльях воинственно встопорщились. — Сел, мне кажется, что ты не права. Напомню: госпожа Эржебет все-таки носит звание Хранительницы «Божьего Завета» и является отдаленным потомком брата самого Господа! А значит, «Завет» принадлежит нам, воинам божьим!

— Если кажется, то нужно креститься! — вздорно парировала я. — Эржебет стала стригойкой, поэтому уже не является соратницей Христа. А кроме того, здесь присутствует

только один человек, способный претендовать и на звание защитника Господа, и на родство с Детьми Тьмы...

— Ого! — выкатил глаза Нат. — И кто же это?

— Я! — Боюсь, моему голосу не хватало скромности и искренности.

— Нонсенс! — презрительно махнул рукой Тристан, отменяя мою идею. — Ты слишком поздно вспомнила о своем благочестивом прошлом, ибо никто не способен выступить на обеих сторонах силы сразу.

— А мне по барабану ваши субъективные мнения! — мило улыбнулась я. — Я утверждаю, что способна соединить в себе добро и зло, Тьму и Свет. Поэтому «Завет» должен принадлежать мне и только мне!

— Ерунда! — единодушно вскричали Натаниэль и Тристан. — Это невозможно!

— Дорогая, если ты попытаешься соединить несовместимое, то обязательно погибнешь, — печально предупредил Конрад.

— Тебя это не касается, — агрессивно хмыкнула я. — Заткнись в тряпочку и отойди.

— Не сходи с ума, Сел! — гневно рыкнула Оливия. — И как тебе могло прийти в голову столь глупое решение — в одиночку сунуться в этот чертов подвал?

— А тебе никогда не приходила в голову бейсбольная бита? — угрожающе схамила я. — Думаешь, без вас я не справлюсь?

— Не справишься! — убежденно подтвердила валькирия, добродушно пропуская мимо ушей мою грубость. — Пойми, нам ничего от тебя не нужно. Мы просто хотим тебе помочь.

— Значит, не уйдете? — разочарованно заскрежетала клыками я.

— Нет, — спокойно ответил Конрад, — даже и не надейся!

— Ну если нэ хотите по-плахому, то по-харошему будэт еще хуже! — резонно подвел итог Енох. — Да!

Мы выстроились в шеренгу и ненавидяще уставились на смеющих дерзить нам бывших моих друзей, точно так же насторожившихся и сверлящих нас ответными, не менее возмущенными взглядами. Я не убирала ладонь с рукояти катаны, а Тристан нервно поигрывал желваками и хватался за кобуру своего пистолета. Хелил любовно поглаживал сумку, в которой хранил свою антикварную «волыну», а Енох, небрежно посвистывая, извлек из кармана тот самый жуткий консервный нож, который в первую нашу встречу напугал меня чуть ли не до заикания.

«Итак, нас четверо, а их — пятеро! — быстро соображала я. — Хотя нет, отца Григория можно условно считать лишь за половину бойца, а Ариэllu и вообще не принимать во внимание. Выходит, перевес на нашей стороне!» Но, даже придя к столь обнадеживающему выводу, я совершенно не понимала, что конкретно мне следует предпринять в дальнейшем и, признаться, в глубине души абсолютно не хотела затевать драку со своими бывшими товарищами.

Между тем погода, вроде бы не обещавшая никаких сюрпризов, начала стремительно портиться. Небо потемнело, укрывшись кучкующимися на горизонте тучами, а издалека до наших ушей донеслись первые громовые раскаты. Повалил неприятный, смешанный с дождем снег.

— Одумайтесь, дети мои! — примирительно воззвал отец Григорий, вздымая руки к налившемуся свинцом небосклону. — Я не сторонник войны, я пацифист, а посему всегда посылаю своим недругам луч любви и всепрощения.

— Подразумевая: пусть он спалит вас дотла, уроды! — со смехом перебила я. — Нападайте, чего же вы ждете?

— Я не питаю к тебе ненависти, мое заблудшее чадо! — Иерей с жалостью покачал головой. — Вы ошиблись, мы не собираемся драться с вами.

— Думаешь, почему все толстяки такие добрые и веселые ребята? — демонстративно спросила я, обращаясь к Тристану.

— Потому что они драться не умеют и бегают очень плохо! — намеренно громко ответил тот, прижимаясь бедром к моему боку, но я поспешно отодвинулась, не сумев

скрыть развившуюся во мне спонтанную неприязнь, сменившую прежнюю нежность к этому мужчине.

— Сел, ну зачем ты все это делаешь? — возмущенно осведомилась Оливия, гневно притоптывая ногой. — Не старайся вывести нас из себя, мы все равно не уйдем, да и сражаться с вами не станем!

— Ну и что в таком случае помешает мне просто расстрелять вас на этом самом месте? — ехидно прищурилась я.

— Твоя честь! — уверенно сообщил вервольф. — Ты не такая жестокая и злая, какой притворяешься последние десять минут! А кроме того, кто же начинает борьбу за мир с убийства своих ни в чем не повинных друзей?

Вместо ответа я еще яростнее заскрежетала зубами, ибо отлично знающий меня Конрад намеренно ударил в мое самое уязвимое место: в чувство долга и справедливости, в мерило милосердия и сострадания.

— Уходите отсюда и забудьте обо мне навсегда! — по слогам отчеканила я. — Даю вам последний шанс не ввязываться в уготованную мне участь.

— Ни за что! — отрицательно покачал головой фон Майер. — Правильные решения должны приниматься быстро, пока не пришли неправильные. Я пойду с тобой.

— И я! — эхом откликнулся Натаниэль. — Аллилуйя!

— И я! И я! — дружно повторили ангелица и валькирия.

— Не отталкивай нас, избранная дева! — сердито приказал отец Григорий. — Виданное ли дело, отвергать ниспосланных Господом друзей! Запомни: друг — это тот, кто, зная нас, не стал врагом.

— Вот придурки-то! — Я в отчаянии схватила за голову. — Куда, ну куда вы лезете? Не знаю, для чего именно избрал меня Бог, да и вообще избрал ли, но я ощущаю нависшую над нами опасность и желаю вывести вас из-под ее удара!

— Если чувствуешь, то, значит, мы тем более тебе пригодимся! — мягко увещевала меня упрямая как ишак Оливия. — Мы первыми спустимся в подвал Чейта и...

— Ну уж нет! — от всей души взбунтовалась я. — Пусть все будет по-честному. Первым в подземелье спустится тот, кто быстрее всех добежит до его развалин... — я даже не успела договорить, как между нами вдруг проскочило нечто вроде искры и, не сговариваясь, мы все синхронно сорвались с места и помчались вперед.

К тому времени снег уже повалил вовсю. К тому же началась такая редкая для зимы гроза. Сиреневые молнии резко пронзали темный небосвод, и непрестанно гремел гром. А мы неслись во всю мочь сквозь эту безумную круговерть. Не помню, когда я в последний раз бегала с такой умопомрачительной скоростью. У меня колело в левом боку, а дыхание со свистом вырывалось изо рта, тут же превращаясь в облачко белесого пара. Ноги предательски разъезжались на слякотном снегу и подворачивались на притаившихся в нем камнях. А замковый холм все приближался... В авангарде нашего сбрендившего отряда, совершая огромные скачки, с шумом и ревом, будто лоси на гоне, напропалую ломились Енох и Хелил. Но Натаниэль ничуть не отставал от братьев-птеродактилей, и поэтому к финишу они пришли все вместе, не уступив один другому ни на шаг.

— И что дальше? — вопросительно просипела Оливия, упершись руками в колени, согнувшись и хрипло отпыхиваясь. — Предлагаю заключить перемирие и объявить почетную ничью!

— Еще чего! — строптиво возразила я, стараясь перекричать непогоду. — Предоставим выбор случаю. — Я вытащила из кармана монетку в десять центов и многозначительно покрутила ее в пальцах. — Бросим жребий. Если выпадет орел, то первой в подвал спущусь я, а если решка — то вы... — И, не дожидаясь согласия, я подбросила монету высоко в воздух. Но поймать ее я так и не успела, потому что Конрад решительно схватил меня за плечо, обменявшись коротким выразительным взглядом со стригом.

— Не стоит рисковать своим везением, дорогая, его у тебя и так не лишку, — сказал он. «Спелась! — насмешливо подумала я, оценивая рассматривая обоих заботливо

опекающих меня мужчин. — Сплотились перед лицом грядущей опасности... — И тут мое лицо ошеломленно вытянулось. — Вот идиотка, — мысленно обругала себя я, — и как же я не поняла сразу...»

— Это не просто гроза! — озарено заорала я, разобравшись в собственных ощущениях. — Вернее, не только разбушевавшаяся стихия, но и нечто другое, действующее заодно с нею!

— Да ну? — не поверила Оливия.

— Санта не ошибается! — подтверждающе кивнул Тристан. — Я тоже чувствую древнюю силу, пытающуюся вырваться из недр замка. Сегодня она активизировалась и пошла в атаку.

— Эржебет! — восторженно ахнула я. — Ветер рассказал ей о нашем приближении, и теперь она готовится покинуть свое узилище! Но это же просто потрясающе!

— Разве стригои умеют управлять погодой? — опасливо попятилась трусоватая Ариэлла, неприязненно косясь на засыпанные снегом руины Чейта.

— Безусловно, мы способны даже на такое, — удовлетворил ее любопытство де Вильфор, — но не все, а лишь самые старые и сильные.

— Мы должны немедленно спуститься в подвал и помочь госпоже Бафора! — торопила я, начиная первой взбираться по россыпи мелких каменных, обломков, обильно устилающих тот склон холма, который и вел к остаткам крепостной стены, зиявшей провалом сорванных с петель ворот. — Она меня ждет...

— Глупая! — осуждающе ворчал Конрад, неотступно следуя за мной. — Ты спешишь навстречу своей гибели.

— Не каркай! — возмущенно закричала я, оборачиваясь через плечо и гневно сверкая глазами. — Ты желал узреть знак свыше? Так вот он — перед тобой. Эржебет зовет меня!

— Это не благое провидение, а происки Тьмы, заманивающей тебя в ловушку! — не умолкал оборотень.

— Знамение! — не сдавалась я.

— Тьма! — занудно брюзжал вредный вервольф.

— Тьфу! — исчерпав все доводы, в сердцах плюнула я. — Скоро ты во всем убедишься сам.

— Вот увидишь, ты совершаешь огромную ошибку! — печально предрек он.

Но я просто пожала плечами, утомившись от наших бессмысленных препирательств. Мужик — это вам не конь, его на скаку остановить куда как сложнее! Преисполнившись злобой на прилипчивого вервольфа, я насильно заставила замолчать колокольчики нехорошего предчувствия, всю трезвонившие у меня в душе, и продолжала упрямо карабкаться вверх навстречу своей судьбе...

«Не родись счастливым. Не мешай людям жить...» — вот такая фраза пришла мне в голову сразу же после того, как я увидела двор замка Чейт со слишком явными следами уже необратимого забвения и запустения, с остатками его исковерканного колодца, прежде облицованного мраморными плитами, с уродливыми обломками статуи Богородицы, некогда прекрасной и величественной. А ведь этот замок, так же как и его хозяйка, когда-то родился для счастья, любви и восхищения! И что с ним стало... Я ощутила, как у меня в груди поднимается волна справедливого негодования, направленная на людей, разрушивших это чудесное место. Спрашивается, и что же мы за существа такие никчемные — люди? Не ценим тех благ, кои получаем от фортуны. Не создаем, а истребляем, не любим, а завидуем и ненавидим, не храним, а потерявши — плачем. Вот она, истинная Эра зла в действии. Она — это и есть мы сами!

Я стояла в центре разгромленного замкового двора и потрясенно оглядывалась. Жизнь пролетает, но ведь и птицы оставляют следы на памятниках... Чем мы лучше стаи глупых птиц, если способны только гадить? Именно сейчас, узрев эти жалкие руины, оставшиеся от когда-то могучего здания, не выдюжившего против гнета времени и человеческой

жестокости, я в полной мере уяснила масштабность поставленных перед собой целей и впервые ужаснулась. Я испугалась, начиная осознавать: одной девушке не под силу противостоять всей мощи Эры зла! Что я могу: слабая и сомневающаяся, поддерживаемая лишь горсткой друзей? Не отступить ли, пока не поздно? Но разум тут же протестующе возопил и уверенно приказал: «Делай то, что должно! Дорогу осилит идущий. Не стоит расстраиваться заранее, а тем более потом. И даже если ты погибнешь, то хотя бы с мыслью о том, что попробовала все изменить, все исправить, спасти тот несчастный, истекающий кровью мир, от коего отвернулся его нерадивый Создатель!»

Мелькают дни, как книг страницы,
Текучки страшный атрибут,
И люди — вспугнутые птицы —
Бредут, усталы, узолицы,
Не понимая, чем живут.

Раскинув мертвенные сети,
Вздыхает город-исполин,
Мы все пред ним всего лишь дети,
Зверьки, посаженные в клетки,
Ведь много нас, а он — один.

Разбившись о каркас бетонный,
Здесь умирает не спеша,
Поправ свободы обертоны,
Изгадив чистоты амвоны,
Моя заблудшая душа.

Крылами жалобно трепещет
С надеждой снова ввысь взлететь,
Но плоть бездарно водку хлещет,
На разум матерно клеветает,
Таланты променяв на плеть.

Забыты рифмы, только стоны
Тут услаждают Музы слух,
Соборов нет — кругом притоны,
И, влившись в ропот монотонный,
К моим псалмам Всевышний глух.

О, Эра зла — лихое время!
Нам воздаянье за грехи,
На плечи давит, словно бремя,
Молитв не слышит, сушит семя
И не дает писать стихи.

Господь, возьми дары обратно!
К чему они мне в смертный час?
Я их пыталась многократно
На целый мир делить бесплатно,
Уж коли ты тот мир не спас.

Господь, неужто ты зажрался

Молитвой, хлебом и вином?..
Нас, нерадивых, испугался,
А может, просто сбился с галса
И грезишь нынче об ином?

Тогда прошу — шанс все исправить
Пошли мне от своих щедрот!
На путь чтоб истинный направить,
Отречься от вражды заставить,
Могла бы я слепой народ.

Но если мне то неподвластно,
То хоть позволь смиренно вновь
Воспеть в стихах — безумно, страстно
Все то, что в жизни так контрастно:
И грех, и слезы, и любовь...

— Туда! — объявил Тристан, без колебаний указывая на каменную лестницу, круто уходящую вниз, в недра разрушенного замка. И тогда я с трепетом поставила ногу на первую ступень, ибо и сама ощущала слабый призыв о помощи, исходящий из жерла подвала, а затем начала спускаться. Друзья направились за мной.

Наш спуск длился весьма недолго, ибо, пройдя всего лишь два лестничных пролета, мы очутились перед огромным завалом, намертво преградившим дальнейший путь. Похоже, оное препятствие было создано специально, потому как образующие его каменные блоки лежали слишком ровно и систематично, наглядно свидетельствуя об искусственном происхождении сего заграждения. Я задумчиво похлопала ладонью по ближайшему камню и растерянно слизнула каплю влаги, повисшую у меня на губе. Нет, это не слезы разочарования, это всего лишь сегодняшний зимний дождь со снегом — противоестественный и неуместный, впрочем, как и вся нынешняя ситуация. Я не люблю бессилие и отчаяние, и в этом своем мнении я всецело солидарна с известным русским певцом Владимиром Высоцким, не без основания утверждавшим: человек способен справиться с любой бедой. Главное — захотеть, ибо способ найдется всегда...

— М-да! — сердито хмыкнул Конрад, по достоинству оценив внушительные размеры представшего перед нами завала. — Дорогая, ты и теперь намереваешься идти вперед? Прости за подсказку, но здесь точно не обойтись без пары бульдозеров!

— Согласна! — я просияла лучезарной улыбкой. — К счастью, они у нас есть!

— Правда? — резонно усомнился вервольф. — Знаешь, Тристан, — он с иронией во взгляде обратился к де Вильфору, вежливо не вмешивавшемуся в наш разговор, — бог с ними, с возможностями стригойского Гидрометцентра, но признайся — неужели вы обладаете способностями двигать горы и перемещать каменные глыбы весом этак в полтонны?

— Нет, — стригой виновато развел руками, — увы, мне...

— Э-э-э? — Вредный вервольф с подначкой воззрился на меня. — Дорогая, я конечно же уверен, что умная женщина и сама понимает, какая она дура, но не до такой же степени... — Его губы сложились в донельзя ехидную ухмылку. Кажется, Конрад до сих пор не отказался от идеи отговорить меня от похода в подземелье.

— Демагог! — не осталась в долгу я и повернулась к недоуменно отмалчивающимся ангелам. — Разрешите представить вам наши бульдозеры. Их зовут, — я выдержала драматичную паузу. — Хелил и Енох. Ребята, приступайте! — Я небрежным движением пальца указала нефилимам на завал...

Картинно поухивая и поигрывая бицепсами, братцы-птеродактили вразвалку приблизились к каменной преграде. Ангелы молчали, ошеломленно выпучив глаза и отвесив

нижние челюсти. Конрад озадаченно чесал в затылке, отец Григорий восторженно молился, а Тристан прятал ироничную улыбку. Нефилимы играючи расшвыривали камни, подняв в воздух облако пыли. Я отошла в сторону, уселась на обломок гранита и погрузилась в ленивое созерцание. Я ждала...

Не прошло и часа, как проход в подвал оказался свободен. Я оценивающе смотрела в темный провал, зияющий прямо у моих ног, и набиралась решимости. Если я спущусь вниз, то бесповоротно отрежу себе путь к отступлению. Нет, пожалуй, нужно говорить не так. Тогда у меня уже точно не будет обратного пути. Подумать только, всего лишь несколько шагов отделяют настоящее от прошлого! Именно такая же граница пролегает между любовью и ненавистью, жизнью и смертью... Потоки мыслей, накатывая сумбурными волнами, будоражили меня, изменяя характер и сознание. Эта морщинка между бровей проявилась у меня совсем недавно, как раз после того, как я поверила в то, что сбита вертолет Конрада, и за прошедшее время не просто закрепились, но и стала, словно овраг от эрозии, расширяться и углубляться. Знак моей пробудившейся совести. Но сейчас меня не волновало мое личное прошлое, меня раздражало настоящее и пугало будущее моего мира.

Такое глупое и нелогичное. Будущее, похожее на страшный сон, на кошмар, на медленную казнь. Способное содрать кожу как с наших тел, так и с наших душ. И если я передумаю, если я не спущусь в подвал Чейта, то оно обязательно станет реальностью. Общей бедой, способной погубить всех. Нет, я не желала своему миру подобной судьбы, а потому набрала побольше воздуха в легкие, зажмурилась и, запинаясь о мелкие камешки, уверенно двинулась вниз по лестнице. Последний рубеж остался позади.

На первый взгляд в подвале Чейта не обнаружилось ничего страшного или опасного. Лучи света от наших электрических фонариков запыленно метались по сухим стенам, выложенным кустарно изготовленными кирпичами, безуспешно выискивая затаившихся врагов. Подземелье пустовало. Наше громкое дыхание шумным эхом отражалось от невысоких закругленных сводов, создавая странный звуковой эффект, будто кто-то невидимый хрипло сопит в темноте, сиюсь вырваться из плена многовекового сна. Или я просто все это придумала?

— Никого! — констатировал Конрад, и в его голосе я с удивлением уловила нотки разочарования. — Ни тебе монстров, ни входа в геенну огненную...

— Типун тебе на язык, чадо! — суеверно отчитал оборотня отец Григорий. — Сплюнь, а то еще, не ровен час, беду накликаешь...

— Эко ты силен в хакерских терминах, отче! — насмешливо уел иерея ушлый вервольф. — Беду накликать — это, значит, вирусов в Интернете нацеплять...

— Анафема! — вполголоса проворчал священник, конечно же не понявший из объяснений фон Майера ни единого слова. — Речи у тебя бесовские...

— Зато помыслы чистые! — серьезно добавил неугомонный рыцарь, наставительно поднимая палец. — А сие — важнее всего.

Я краем уха прислушивалась к их беседе, размеренно шагая вдоль уводивших вдаль стен. Коридор подземелья все тянулся и тянулся, грозясь оказаться почти бесконечным, что, впрочем, не вызывало у меня ни малейшего удивления. В те стародавние времена, когда неведомые мне зодчие возвели замок Чейт, все сооружения подобного типа строили долго и надолго. Непокойное соседство воинственных турок принуждало местных дворян озаботиться вопросом собственной безопасности, и поэтому под замками не просто сооружали убежища, а прокладывали целые туннели, способные в случае необходимости вывести их владельцев в какое-нибудь укромное место. Например, в деревню, находящуюся за десять километров от исходной точки спуска под землю. А замок Чейт изначально воздвигался как потайная цитадель, призванная укрыть неугодных официальной церкви протестантов. Оттого и подземелье ему полагалось достойное, в чем мы и получили возможность убедиться лично.

— Ты точно знаешь, куда нужно идти? — поинтересовался Тристан, безмолвно

проследивший за тем, как я миновала очередную развилку коридора и без колебаний выбрала правый, а не левый туннель.

— Чувствую, — честно ответила я. — Иногда у меня даже возникает смутное ощущение, будто я уже бывала здесь в какой-то прошлой, иной жизни.

— Наследственная память! — уважительно присвистнул стригой. — Серьезная штука, с ней не поспоришь.

Я дружелюбно улыбнулась:

— Мне бы твою непоколебимую веру в науку. Но, увы, полагаю, истинной подоплекой моей интуиции является какая-то другая причина, более мистическая, внушающая мне серьезные опасения...

— Думаю, ты права. Я тоже улавливаю некие ленивые вибрации, хотя не вижу ничего, кроме темноты и пустоты, — нахмурился мой собеседник. — Что же это такое?

— Стены... — неуверенно предположила я. — Мне кажется, они дышат... А еще ведут меня в нужном направлении, ориентируя, словно стрелка компаса!

— Разве такое возможно? — искренне удивился Тристан. — Знаешь, иногда на меня накатывает нечто необъяснимое. Я начинаю ловить себя на странных мыслях и обрывках воспоминаний, связанных с некими заклинаниями и обрядами. Наверное, то дает знать о себе память колдуна, передавшего мне свой дар.

— Значит, ты все равно познаешь эту сторону своего «эго»! — то ли утешила, то ли припугнула я. — Рано или поздно...

Тристан задумчиво кивнул, не сводя затуманившегося сомнениями взора с противоположной стены коридора. Неожиданно он вздрогнул всем телом и отшатнулся.

— Санта, тебе не показалось! — панически выдохнул он. — Они и впрямь шевелятся...

— Кто? — мгновенно отреагировала идущая сразу же за нами Оливия.

— Что случилось? — забеспокоился Конрад.

— Где? — Волчками закрутились оба нефилима.

— Мамочка, — внезапно завизжала нервная Ариэлла, — в этой стене кто-то есть!

— И в этой тоже! — спокойно подтвердил Натаниэль, указывая в обратную сторону.

— Чертовщина! — схватился за крест отец Григорий. — Бесы, дьяволы!

— Нет, тот, кто спрятан в толще этих стен, намного хуже! — печально произнес Тристан. — Подозреваю, что многие сотни лет назад их намеренно оставили в подземелье, приказав охранять госпожу Эржебет от любого непрошеного гостя, осмелившегося нарушить ее покой. И эти стражники как магнитом притягивают к себе Санту, указывая ей верный путь к темнице.

— Кто оставил? — Вервольфу захотелось уточнения.

— Стригой! — коротко пояснил Тристан, тяжело вздыхая.

— Объясните мне немедленно, что здесь происходит? — подрагивающим от едва сдерживаемого гнева голосом потребовала валькирия. — О ком вы говорите?

Де Вильфор только собрался ответить, как вдруг противоположная от нас стена буквально рассыпалась в прах, выпуская наружу трех отвратительных тварей, лишь отдаленно напоминающих людей. Их смердящие могильной вонью тела покрывали остатки полуразложившейся плоти и клочки недогнившей одежды. Ужасающие черепа скалились пеньками желтых, острых зубов, в провалах глазниц горели кровавые огоньки, а в руках резвые умертвия сжимали длинные ржавые цепи.

— Папочка! — еще звонче завизжала Ариэлла. — Упыри!

— Это морои! — громко поправила я, мягко берясь за рукоять своей катаны. — Охранники и защитники Эржебет, пробудившиеся для выполнения данного им поручения...

Стены коридора буквально взрывались, разлетаясь комьями сухой земли, каменной крошкой и бурой кладбищенской пылью. Вырываясь из плена непрочной кирпичной кладки, наружу выбирались все новые и новые твари, окружая нашу оторопевшую компанию. Словно впад в протрацию, я замерла, испуганно взирая на вооруженных цепями, мечами и

булавами мороев, решительно преградивших дорогу в выбранный мною коридор. С одной стороны, это недвусмысленно свидетельствовало о том, что мы приближаемся к желанной цели, а с другой — сражаться с армией мертвецов, намного превосходящих нас численностью, казалось мне сущим безумием. И придя к такому выводу, я вовсе не повторяла фразу какого-нибудь классика. Нет, я не собиралась делать ничего подобного, ибо цитируют великих лишь те люди, у кого просто-напросто имеется хорошая память. Умные же всегда высказывают только свои собственные мысли...

Кривая турецкая сабля, зажатая в лапе высоченного умертвия, взлетела у меня над головой, и я мгновенно отбросила бесполезные философствования, рывком перемещаясь вправо, чтобы уйти от падающего на мою макушку клинка.

— Защищайтесь! — не требующим возражений тоном закричала я, обращаясь к своим спутникам. — Я понимаю, что, ввязавшись в мои проблемы, вы желали обрести звания героев. Но подозреваю — не посмертно!..

Нефилимы угрожающе зарычали, скаля внушительные клыки. Натаниэль с шелестом встопорщил оперенные кинжалами крылья, сразу становясь похожим на ходячую овошечрезку. Но больше всех удивил меня отец Григорий, который коротко, благолепно помолился, а затем извлек из-под полы своей рясы здоровенный тесак. А потом все сразу смешалось и закружилось в смертельном хороводе, состоящем из мелькающих клинков, треска пистолетных выстрелов, бешеного рева Конрада и истошного визга Ариэллы, бестолково путающейся у нас под ногами. Полагаю, она руководствовалась немудреным принципом: «Если ты охрип, то, возможно, рядом кто-то оглох», — но, к сожалению, на умертвий он не действовал. Я не могла отказать своим спутникам в ратных навыках, мужестве и дерзости, но мороев было слишком много. Я без устали кромсала их непрочные тела, но отрезанные руки тварей тут же цеплялись за нашу одежду, отрубленные головы кусались своими гнилыми зубами, а искрошенные в прах кости запорашивали нам глаза. Я наотмашь саданула катаной, пополам рассекая остов своего полуразложившегося противника, выпадом назад смяла грудную клетку другого мороя, а ударом в висок раздробила череп третьей твари, но можно ли победить изначально мертвых врагов? Наши силы иссякали, а на место первого расчлененного трупа тут же вставали второй и третий, выползая из казавшихся бездонными тайников.

— Да сколько же их здесь? — возопил утративший веру в победу Конрад. — Десятки, сотни?

— Тысячи! — отнюдь не оптимистично отозвалась я. — Кладбища Чейта всегда славились своими масштабами. На них похоронили бессчетное количество павших в бою воинов...

— Тогда нам конец! — ровным тоном констатировала Оливия. — Скоро мы будем погребены под валом неживых тел и станем их обедом...

— Нет, мы не умрем! — протестующе всхлипнула Ариэлла. — Ангелы бессмертны!

— Посмотрим, сможешь ли ты выжить, будучи растерзанной на кучу мелких кусочков, — язвительно хмыкнула валькирия.

— А-а-а, — самозабвенно истерила нежная ангелица, — ты же обещала, что в этот раз никакие трупы не оживут...

— Ну, извини, подружка. — Оливия покаянно развела руки, — ошибочка вышла!

— Ошибочка? — обвиняюще взвыла Ариэлла, потрясенная невероятным спокойствием подруги. — И этот кошмар ты называешь ошибочкой?!

— Тристан! — позвала я, метким ударом затылка выбивая нижнюю челюсть морюю, необдуманно подкравшемся ко мне сзади. Впрочем, о чем это я — ведь умертвия не умеют думать, они просто выполняют заложенную в них программу. Последняя мысль показалась мне интересной и перспективной, ведь для победы над тварями нам нужно совершить только одно — изменить эту самую программу! — Тристан! — нетерпеливо повторила я. — Предлагаю срочно мобилизовать твои колдовские способности и остановить наших ретивых мертвяков!

— Легко сказать — мобилизовать! — уныло откликнулся стригой, выстрелом из своего пистолета вдребезги разнося череп очередной твари. — Еще сделай милость, подскажи как, раз ты такая умная...

— Просто! — рявкнула я, по рукоять всаживая катану под ребра следующего противника, а потом тяжелым пинком отправляя его костяк в полет к едва покинутой им стене и провожая репликой: «Кыш домой!». — Вот и вредные же вы создания — мужики. Так и норовите залезть туда, откуда вылезли...

— Это ты мне? — Тристан обернулся, его брови изумленно поползли на лоб.

— Нет! — смущенно хохотнула я, осознав вопиющую двусмысленность своей фразы. — Морою. Так как насчет того, чтобы немного поколдовать?

— Да я бы рад, — покладисто согласился он. — Но как?

— Помнишь, ты рассуждал о балансе мести и справедливости, а я говорила о пройденной границе безнаказанности? — спросила я. — Сконцентрируй свои мысли именно на этом. Сейчас справедливость заключается в том, чтобы дать успокоение этим бранным останкам, вынужденным покинуть свои могилы. А я в свою очередь обещаю, что тоже озабочусь вопросом поправленной справедливости и помогу тебе стать новым повелителем стригоев, сместив кровожадную Андреа. Полагаю, ты куда лучше подходишь для сего ответственного поста, чем она.

— Чего? — обомлел Тристан. — Ты шутишь?

— Не шучу! Все более чем серьезно, — опротестовала я. — Только пообещай, что не позволишь своим собратьям бесконтрольно истреблять людей, особенно детей!

— Бессмысленная бойня категорически противоречит моему восприятию милосердия! — поморщился де Вильфор. — А какой мужчина не мечтает о власти и славе?

— Побожись! — настаивала я.

— Ладно, будь по-твоему, — сдался Тристан. — Даю нерушимую клятву прекратить охоту на людей, да еще править стригоями разумно и по совести. Вот только ума не приложу, как ты собираешься выполнять свою часть нашего двухстороннего соглашения?

— А это уже не твоя печаль! — самонадеянно хмыкнула я. — Прошу, верни мороев в лоно земли...

— Попытаюсь! — без притворства ответил он. — Но не гарантирую результат...

Тристан отошел за спины соратников, убрал пистолет в кобуру, а боевые серпы — в предназначенные для них петли и закрыл глаза, сосредотачиваясь на своих неясных видениях. Он явственно слышал приглушенный зов темной магии, клубившейся в его груди и холодными ручейками растекающейся по венам. Он понимал — вот оно, его предназначение! Так доступно, так близко. Остается только протянуть руку и взять то, что пугает и влечет одновременно. Но тогда у него уж точно не будет обратного пути к прежней, относительно спокойной жизни, ибо подобная сила требует постоянной подпитки. Подпитки всем: властью, поклонением со стороны остальных стригоев, богатством. Что самое ценное в жизни каждого из нас? Конечно же именно они: могущество, богатство, любовь! От любви придется отказаться — ведь все правители сознательно одиноки, потому что понимают: любовь делает их уязвимыми и слабыми. И вообще самое страшное и жестокое, что можно сделать с человеком, — это привязать его к себе! Следует признать, Тристан и сам чуть не попался на эту удочку, он едва не привязался к Селестине. О-о-о, теперь он разобрался, какой страшной опасности сумел избежать — он почти полюбил, но в оный миг уже готовился вырвать из своей души это безрассудное чувство. Зачем ему любовь, если он собирается заполучить весь мир? Да, он прекрасно осознавал, какой обременительной помехой способно стать оное великое чувство, но вместе с тем от одной мысли о том, что Селестина будет принадлежать другому мужчине, в ревнивой душе Тристана сразу же начинали бурлить гнев и злоба. Если она не достанется ему, то лучше пусть умрет... И спрашивается, куда ходила она минувшей ночью? Она, по-видимому, решила, что он ничего не заметит, но он не спал и все понял правильно: Селестина уходила к нему, к тому лысому

зубоскалу. Она посмеялась над чувствами Тристана, она его предала! О-о-о, он ей отомстит! Нет, не нужно думать о подобных недостойных вещах, ведущих к ментальной деградации, к пробуждению чего-то низменного, примитивного. Если она захочет уйти к другому мужчине — он отпустит ее с миром! Или все-таки не отпустит?.. Какая же это мука — тосковать о неверной возлюбленной! Нет, долой, долой эту несчастную любовь!.. Уплывай, мой белый парус надежды, ты мне больше не нужен!

Богатство тоже рано или поздно придет к нему само, не стоит пока о нем беспокоиться. Остается главное: ему нужно сосредоточиться на могуществе. А для этого требуется пробудить дремлющую в нем магию и остановить мороев. Тристан напрягся, до боли стискивая клыки и пытаясь вытянуть наружу то черное облачко, что многие годы назад перетекло в его ладонь, отделившись от пальцев умирающего колдуна Жиля. На лбу мужчины вздулись узловатые вены, на висках выступили крупные капли пота. Это оказалось трудно, невероятно трудно, но Тристан все-таки сумел...

Сначала он увидел лишь бледное, похожее на синяк пятно, возникшее в центре его правой ладони. Но пятно быстро темнело, наливаясь тяжестью и чернотой. И вот, в какой-то переломный момент, сия тяжесть стала нестерпимой. Тристан громко вскрикнул и взмахнул рукой, словно хотел избавиться от повисшего на ней груза. Черное облако легко отделилось от кожи стригоя и невесомым туманом поплыло над головами сражающихся. Крохотные крупинки черноты медленно планировали вниз и падали на умертвий, продолжавших тупо напирать на спутников стригоя. И те из мороев, на которых попадали частицы магии, мгновенно утрачивали свою форму, рассыпаясь хлопьями серого праха. Вскоре в подземелье не осталось ни одного дееспособного мороя, а победители изумленно сгрудились в кучку, потрясенные фактом своего чудесного спасения.

— Ну, мужик, ты даешь, — уважительно присвистнул вервольф, изучающе водя носком своего ботинка по толстому слою необычных осадков, покрывших пол подземелья. — Вот уж точно: «прах к праху...»

— Ага! — похвально кивнул Хелил, пряча в сумку свою ставшую бесполезной «волыну», потому что в ней уже не было патронов. — Дает...

— Каму дает, вах? — встрепнулся Енох, не сводя со стригоя влюбленного взгляда.

Ангелы мгновенно оживились и зашущукались, правильно оценив своеобразный юмор, а также горячий темперамент носатого нефилима. А Тристан увидел, как Селестина завершающим жестом вложила в ножны катану, и понял, что блестяще справился со своей частью уговора. Следовало думать, он приобрел многое, но сохранил ли при этом свою душу?

Мы завернули за угол опустевшего коридора, по щиколотку засыпанного прахом развеществленных мороев, и прошли едва ли еще десять шагов, как вдруг уперлись в массивную железную дверь. Ее навесные крепежи и засов, вдвинутый в огромные петли, давно проржавели, но незримая печать иного свойства, прочно закрывающая выход из расположенной за дверью камеры, отнюдь не утратила своей исходной силы. Оборотень и стригой неуверенно топтались поодаль, а оба нефилима лишь охнули и резко отпрянули назад, ощутив исходящий от двери жар.

«Ага, значит Тристан и Конрад у нас слабонервные, — ехидно подумала я, — и на них рассчитывать не приходится, что весьма плохо. Хелил и Енох тоже нервные, и тоже спасовали, а это еще хуже. Вон как все прочь шарахаются! Впрочем, ничего удивительного в этом нет, ведь палит от двери так, словно перед нами находится не источенное временем и влагой железо, а современная доменная печь».

— Эржебет заключена там! — Я пальцем указала на ржавую преграду. — Я это чувствую!

— Я тоже, — поморщился Тристан. — Но тут мы тебе не помощники...

— Понимаю, — кивнула я. — Для вас эта дверь подобна смерти.

— Хуже. — Конрад прикрывался рукавом, защищая лицо от струящегося от двери

жара. — Никогда не видел ничего подобного. Печет почище, чем от артефактов, припрятанных в хранилищах Ватикана, причем от всех оптом... Мы же оба являемся нечистью: я — оборотень, а он — кровосос. И посему нам здесь не пройти!

— Эта дверь запечатана подлинным словом Господа! — благоговейно выдохнул Натаниэль. — Аллилуйя!

— Воистину так! — перекрестился отец Григорий.

— У кого-нибудь случайно не завалился в кармане сварочный аппарат? — бодро пошутила я, но никто даже не улыбнулся. На меня взирали восемь пар расширенных от волнения глаз, и в каждой застыл один и тот же вопрос: «А что дальше?»

Тогда я вздохнула со стоическим смирением монахини первых лет христианства, которую нечестивые язычники волокут на костер, кулаком вытерла свой вспотевший от жары и страха нос, а затем решительно шагнула к двери.

Глава 10

Если бы меня попросили рассказать о себе, то, боюсь, я смогла бы поведать немного. Родилась, училась, хулиганила помаленьку, но в целом еще ни разу не вляпывалась во что-нибудь особо криминальное. Обзавелась друзьями и врагами, познала и потеряла любовь. В общем, жила, как все, сообразно своему уму-разуму, никого не трогала. И мне очень хотелось бы знать, почему неприятности всегда сами спешили потрогать столь непримечательную особу, как я: тянулись за мной, словно шлейф дыма за подбитым самолетом, липли ко мне как банные листья, слетались на меня как мухи на г... хм... на мед...

Короче, не подозревая ничего плохого, я шагнула к двери узилища, запечатанной словом Господа, и протянула руку к запору, намереваясь отодвинуть ржавый засов. Но, увы, из одного порыва не получилось ничего хорошего, ибо страстно любящие меня неприятности тут же не заставили себя ждать. Мои пальцы даже не успели прикоснуться к железу, как в следующий же миг раздался настолько оглушительный хлопок, словно кто-то всесильный с размаху саданул по Земле огромным молотом. Я получила сильнейший удар в грудь, нанесенный незримым кулаком, истошно завизжала и птичкой отлетела прочь шагов на пять, весьма болезненно грохнувшись на каменный пол. Ощущение было таким, будто меня со всего маху долбанули тяжеленным бревном, предназначенным для вышибания запертых ворот в какой-нибудь средневековой крепости. Ну да, чего уж тут притворяться, я и раньше догадывалась о том, что человек может совершить все, но только до тех пор, пока не начнет что-то делать. Но столкнуться с практической реализацией своих идей!.. М-да, сия демонстрация превосходства глупости над разумом оказалась чрезвычайно неприятной штукой. Я со стоном перевела себя в сидячее положение, всласть выругалась и ладонью потерла свою отбитую, сильно саднящую грудь. Представляю, какой смачный синячище у меня там появился: не иначе размером с мишень для стрельбы из лука.

— Санта, ты как? — Нефилимы поспешно подняли меня на ноги, сопровождая свои действия оным фирменным риторическим вопросом.

— Здорово! — насмешливо ответила я. — В голове звенит, будто в сотовом телефоне...

— Так не отвечай! — хитро улыбнулся умница Хелил.

— Что это было, кто меня долбанул на сей раз?

Конрад сразу же вскинул обе руки вверх, показывая — это не он.

— Знаю, — хмуро буркнула я. — Тогда кто? — Меня покачивало, слюна во рту имела горький привкус желчи, а голова слегка кружилась, как при контузии.

— Господь! — тихонько сообщил Натаниэль.

— Кто? — не поверила я. — Но почему? Я — наследная Хранительница «Божьего Завета», пришла в Чейт и теперь пытаюсь освободить женщину, являющуюся одной из потомков Иосии...

— Сел, милая, ты забываешь главное! — с жалостью в голосе подсказал Конрад. — Для

Господа вы обе теперь в первую очередь стригойки — Дети Тьмы и его враги...

— Бред! — Я со стоном отчаяния запустила пальцы обеих рук в начавшие отрастать волосы, всем телом горестно раскачиваясь из стороны в сторону. — Какой же это бред!

— Анафема! — Отец Григорий проявил полную солидарность с моей позицией.

— Если бы Бог знал, какой бардак получится из его идеи сотворения мира, то он сразу создал бы цирк! — убежденно поддержала Оливия.

Я подняла голову и обвела шеренгу друзей сердитым взглядом. Те враз замолчали.

— Есть какие-нибудь здравые идеи, кроме шуточек и соболезнаваний? — требовательно спросила я.

Идей не было.

— Значит, у меня нет иного выхода, кроме как пытаться любым способом проломиться сквозь эту треклятую дверь. С помощью Господа или без оной, — подвела неутешительный итог я.

Друзья протестующе зароптали, но я лишь безразлично пожала плечами и снова двинулась к двери, ощущая себя обреченным на заклятие агнцем...

Конрада терзали неясные воспоминания. С одной стороны, он испытывал мучительный стыд от того, что не способен хоть чем-нибудь помочь своей любимой, упрямо штурмующей страшную преграду, а с другой — сила Господнего слова придавливала его, словно могильная плита, не позволяя сдвинуться с места. Вервольф почти задохнулся, ибо раскаленный воздух с клекотом бурлил в его легких, выжигая их так, как огонь пожирает фитиль податливой стеариновой свечи. Рыцарь фон Майер четко осознавал: его потраченная понапрасну жизнь подходит к концу, сгорая кривым, совершенно никчемным огарком. Он так и не совершил ничего хорошего, он бесплоден, ибо не родил ни подвига, ни благого достижения. Зачем и ради чего он жил? Обрел ли он счастье? Возможно, сейчас это прозвучало бы смешно и нелепо, но Конрад и в самом деле считал себя счастливым. Он снова встретил любимую женщину и убедился в том, что и она испытывает к нему некое странное чувство, сотканное из прочно перевившихся между собой нитей любви и ненависти. Сегодня оборотень понял: счастье нельзя найти или потерять, ведь оно зависит только от нашего внутреннего состояния. Главное определиться, чего мы хотим добиться и правда ли нам нужно именно это? А Конрад хотел лишь одного — спасти Селестину, помочь ей в достижении ее собственного, пусть не связанного с ним и непонятного для него счастья. Он убедился: счастье есть! Просто это у нас нет уверенности в том, что счастье — будет, придет к каждому из нас, ибо оно дается лишь тому, кто готов его принять.

Говорят, будто день смерти ничем в принципе не отличается от всех других дней или ночей нашей жизни, вот только протекает он на удивление бурно и стремительно, словно подводит жирную финальную черту, призванную отделить все важное и значимое от пустой, никчемной суеты. И именно в смертный момент нам становится понятно: важно не то, как мы жили, гораздо важнее то, как мы умерли. А еще зачем и во имя чего! Да, теперь Конрад осознал: всю свою долгую и сумбурную жизнь, растянувшуюся на несколько веков, он шел к сегодняшнему дню. К тому самому дню, когда ему предстоит осуществить свое предназначение, искупить совершенные грехи и заложить прочную основу для спасения этого несчастного погибающего мира. Дать миру еще один шанс на обновление. И поэтому в тот самый миг, когда Селестина упомянула про помощь Господа и шагнула к запечатанной двери, Конрад вдруг вспомнил о подарке папы Бонифация, велевшего передать священный артефакт тому, кому он и предназначался изначально. Ведь браслет должен сам выбрать своего хозяина, а к тому же на нем начертаны слова псалма, обеспечивающие Божью помощь. И тогда Конрад поспешно сорвал браслет со своего запястья, а затем бросил его Селестине, громко выкрикнув:

— Лови!

Девушка удивленно обернулась и рефлексивно махнула рукой, пытаясь отстраниться от сверкающего обруча, летящего прямо ей в лицо...

Я никогда не плачу от жалости к себе, ибо это не имеет никакого здравого смысла, не приносит пользы, а лишь еще больше ослабляет тело и притупляет волю к победе. Слезы даже не снимают стресса, ибо любое душевное потрясение проще не допустить, чем нейтрализовать. Не следует ждать от судьбы поблажек или подачек, нужно верить в себя. Колесо Фортуны не подходит для наших дорог, поэтому приходится просто упрямо идти вперед, не рассчитывая на попутное халявное везение. Просто идти, как сейчас. И я пошла... Но внезапно меня отвлек голос Конрада, громко выкрикнувшего:

— Лови!

Я удивленно обернулась и рефлекторно махнула рукой, пытаюсь отстраниться от какого-то сверкающего обруча, летящего мне прямо в лицо. Признаюсь откровенно, я совсем забыла о существовании священного артефакта, некоторое время назад не позволившего мне покуситься на жизнь любимого. А сейчас я испытала кратковременную боль и изумленно воззрилась на серебряный браслет, ловко нанизавшийся на мою правую руку. Я была тут совершенно ни при чем, артефакт совершил это деяние самостоятельно, не принимая во внимание ни мое мнение, ни мою вампирскую сущность. При оном событии со мной не произошло ничего страшного: я не умерла и даже не получила ни единой царапины. Всё и все остались прежними: я, Конрад, шокировано галдящие друзья, подвал и запертая дверь... Впрочем, нет, не все: я почему-то перестала ощущать исходящий от двери жар! Я недоуменно протянула свою руку, теперь украшенную браслетом, и толкнула железную створку. Насквозь проржавевший засов с грохотом обрушился на пол, и дверь медленно и как-то нехотя отворилась...

— Матерь Божья! — шумно выдохнул Натаниэль. — Сел, у тебя получилось...

Я неоднократно сталкивалась со странным парадоксом: многие люди стесняются признаться в том, что им очень страшно умирать. Им совсем не хочется умирать, и поэтому они придумывают себе красивое оправдание, утверждая: «Мы хотим выжить для того, чтобы посмотреть на будущее этого мира, чтобы узнать, а что произойдет с ним потом». Смешно. Как будто если бы не это псевдолюбопытство, то они тут же изъявили бы готовность немедленно улечься в гроб! Но ведь как не юли, а умирают все. Во всяком случае, я пока еще не слышала ни об одном человеке или не человеке, сумевшем вернуться с того света. А вы о таком слышали?..

Я немного пригнулась под низкой притолокой и перешагнула через порог подземного узилища. Представшая передо мной тюремная камера оказалась совсем крохотной и очень грязной. На грубом каменном полу лежал толстый слой пыли, а я сразу обратила внимание на отсутствие окон и очага. Несчастная госпожа Эржебет, какие же невыносимые страдания пришлось ей перенести! Она медленно угасала здесь, пребывая в холоде, голоде и темноте, постепенно погружаясь в глубокий летаргический сон, настигающий всех стригоев, надолго лишенных подпитки человеческой кровью. Внезапно я испытала такое чувство, которое называют «морозом, пронизывающим до костей». Такое происходит лишь тогда, когда ты очень сильно замерзнешь и потом долго-долго не можешь согреться, сколько ни кутайся в одеяла и свитера.

Холод и маленький колючий комочек беспокойства угнездились у меня где-то под сердцем, потому что представшая передо мной комната была совершенно пуста, если, конечно, не принимать во внимание убогое ложе, установленное в самом ее центре. На кровати, застланной посеребренными от старости простынями, лежала она, одетая в простое черное бархатное платье, лишенная приличествующих ее сословию украшений. Хотя нет, зачем ей украшения — ведь она в них не нуждалась! Болезненно исхудавшая, тонкая как тростинка и похожая на бледную восковую куклу, госпожа Бафора оставалась прекрасной даже сейчас, ибо ничто и никто: ни столетия, ни люди, ни ненависть темных тварей — оказались не в силах украсть ее красоту, победить ее веру и сломить ее волю.

Я прошла по грязному полу и остановилась возле ложа, пытливо всматриваясь в ее

прекрасные черты. Я узнавала в ней себя, отмечая те же высокие скулы, длинную шею, тонкие дуги бровей вразлет, придающих худенькому лицу узницы по-детски удивленное выражение, изящно очерченные губы и рыжие волнистые волосы. Несомненно, наше семейное родство являлось неоспоримым. Неожиданно я вздрогнула и нервно склонилась над телом госпожи Бафора, потому что в полупрозрачных от истощения пальцах ее скрещенных на груди рук я увидела некий предмет, а именно крохотный мешочек из серого шелка, судя по виду и форме чем-то наполненный. Не осознавая, что именно творю, я выхватила из ножен кинжал, полоснула им себя по запястью и приложила свежий порез к губам Эржебет, позволяя своей крови свободно литься в ее разошедшийся, просительно приоткрытый рот...

— Нет, не делай этого, Селестина! — отчаянно выкрикнул Тристан, но его предостережение запоздало.

Доселе казавшаяся мне необратимо мертвой Эржебет вдруг вздохнула и широко распахнула свои огромные зеленые глаза, похожие на два бездонных омута страдания и гнева...

Тонкие пальцы госпожи Бафора еще крепче вцепились в серый мешочек, а ее бледное до синевы, изможденное лицо исказила гримаса подсознательного ужаса. Но что могло так сильно напугать несчастную узницу? Я успокаивающим жестом протянула к ней руку и шагнула еще ближе:

— Не бойтесь меня, я ваш друг...

Но вместо ожидаемого мною вразумительного ответа Эржебет внезапно издала тоненький крысиный визг, кувырком скатилась со своего ложа, проворно переместившись в противоположную от меня сторону, и забилась в самый темный угол камеры. Там она свернулась в клубок и ощерила клыки, неприятно поразившие меня своей длиной и кривизной. Пленница все так же продолжала крепко прижимать к груди пресловутый мешочек. Похоже, она намеревалась защищать его до последнего издыхания.

— Я пришла сюда, чтобы помочь вам, — терпеливо втолковывала я, медленно обходя кровать и подступая к загнанной в тупик пленнице. Эржебет тихонько рычала, не сводя с меня взора холодных, непроницаемых глаз. Господи, и как же я сразу не заметила? Она ведь вообще очень похожа на крысу и повадками, и внешностью. Чего стоят одни только ее тощие костлявые бледные лапки, хищные, вытянутые вперед челюсти, острый нос...

— Селестина, — снова предостерег меня Тристан, — не прикасайся к Эржебет, это может оказаться опасным.

Я интуитивно подметила, что после происшествия с браслетом он перестал называть меня Сантой, но, увы, не придавала этому значения. Конечно, я не послушалась его советов и продолжала тихонько подкрадываться к Эржебет, ощущая смешанную с жалостью гадливость при виде эпилептических судорог, сотрясающих тело женщины, и ее явной враждебности. Впрочем, я тут же великодушно нашла и оправдание столь странному поведению несчастной узницы. Проведи-ка столько лет одна, балансируя на грани жизни и смерти, — еще не так одичаешь!

«Берегись! — неожиданно шепнул ветер, незаметно просочившийся в темницу. — Ты пришла слишком поздно. Она почти уже сошла с ума, она одержима жаждой мести и поэтому способна на самые непредсказуемые поступки...»

«Да? — мысленно переспросила я. — А каким боком все это относится ко мне? Не забывай, ведь мы с ней родня, так мне ли опасаться гнева измученной Хранительницы?»

Но ветер никак не прокомментировал мое самоуверенное заявление, а только скептически дунул и отлетел подальше, судя по всему намеренно абстрагировавшись от последствий и приготовившись с интересом наблюдать за всем происходящим. Я пожалала плечами, совершенно сбита с толку, и снова обратилась к Эржебет.

— Госпожа Хранительница, — вежливо произнесла я, — позвольте мне облегчить вашу участь и снять с ваших плеч груз священного долга. Отдайте мне «Божий Завет», чтобы я

смогла... — но договорить я не успела, потому что Эржебет вдруг открыла рот, издавая гневный протяжный клеткот, смахивающий на крик потревоженной орлицы.

— Ты, лживая тварь! — Ее нечленораздельные звуки постепенно приобрели форму связной речи. — Ты думаешь, что способна меня обмануть? — она злорадно рассмеялась. — О нет, я отлично изучила вашу коварную породу. Ты — стригойка, умело прикрывающаяся аурой экзорцистки! Но, видимо, ты не знаешь, что и те, и другие являются моими заклятыми врагами!

— Извините, я не хотела вводить вас в заблуждение, — растерянно начала я, но Эржебет не слушала. Она одним прыжком взметнулась с пола, в мгновение ока накинула себе на шею шнурок от мешочка, освобождая руки, и бросилась на меня...

Я оторопела от неожиданности и словно со стороны наблюдала за несущейся на меня фурией, вытянувшей свои страшные лапы, оканчивающиеся огромными, острыми, изогнутыми, словно ятаганы, когтями. Вот сейчас она располосует ими мое лицо, а я даже не успею предпринять никаких защитных мер — ни отшатнуться, ни вытащить из ножен катану...

— Селестина, — до моего слуха доносились отчаянные крики друзей, — спасайся!

Но куда там, я словно застыла, загипнотизированная пронизывающим взглядом Эржебет. Ее когти мелькнули у меня перед глазами, и в следующий миг я кубарем отлетела прочь, сбита кем-то с ног. Ощувив себя ожившей, вынырнувшей из трясины липкого гипноза, я успела сгруппироваться в воздухе, приземлившись на руки и колени, а затем вскочила и потрясенно вскрикнула... Оказывается, меня оттолкнул Конрад, самоотверженно кинувшийся ко мне на помощь! Он буквально закрыл меня собой, выводя из-под удара Эржебет. Но, защитив меня, вервольф не сумел спастись сам. Действуя не хуже десяти кинжалов, чудовищные когти Хранительницы крест-накрест глубоко пробороzдили его шею, почти отделив голову оборотня от плеч и вскрыв вены. Обливаясь кровью и пытаясь руками зажать страшные раны, Конрад с хрипом рухнул на пол, а Эржебет одарила меня ненавидящим взглядом и выскочила в распахнутые двери. Устилающий коридор пепел ликующе захрустел под ее ногами, донося до нас эхо удаляющихся шагов.

— Держите ее! — встрепелась я. — Она унесла с собой священный раритет Господа!

Возглавляемые обоими нефилимами ангелы шумно ломанулись вдогонку за беглянкой. Я прикусила дрожащую нижнюю губу и, пытаясь сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы, упала на колени перед распростертым на полу Конрадом.

— Не умирай! — проникновенно попросила я, пытаясь вложить в свой голос всю доступную мне нежность и всю силу убеждения, на которую только оказалась способна. — Я тебя люблю!

За моей спиной возмущенно засопел Тристан...

Стремительно бледнеющие губы оборотня украсило слабое подобие улыбки.

— О, я согласен умереть еще сто раз, лишь бы почаще выслушивать от тебя подобные признания... — едва слышно прошептал он. — Если бы ты знала, любимая, как много ты для меня значишь!

— Дорогая, брось его, — вдруг жестко сказал Тристан, хватая меня за руку и пытаясь притянуть к себе. — Пойдем со мной, я ведь тоже тебя люблю!

— Отстань! — гневно отмахнулась я, отталкивая стригоя. — Ты мне не нужен...

— Не глупи, — нахмурился де Вильфор. — Вервольф не жилец, а нас с тобой связывают общие цели. Я тебе если и не нужен, то хотя бы выгоден.

— Уйди! — закричала я, наплевав на доводы рассудка. — Я тебя не люблю.

— Ты еще пожалеешь о том, как обошлась со мной! — скрипнул клыками стригой, а его красивое лицо исказила уродливая гримаса ненависти. — Обещаю, ты пожалеешь, но будет поздно...

Но я даже не услышала этих слов, лаская ладонями холодные щеки Конрада.

— Не сомневайся, я знаю о твоих чувствах ко мне! — всхлипнула я. — Умоляю, не покидай Меня. Я сделаю все, чего пожелаешь...

— Так уж и все? — насмешливо прищурился он.

— Все! — уже не сдерживаясь, клятвенно прорыдала я.

— Вынеси меня наверх, — попросил умирающий вервольф. — Мой народ славится своей живучестью, но против когтей бывшей Хранительницы не устоит никто. Хочу в последний раз увидеть чистое небо... — Из рта Конрада хлынула обильная алая пена, и он замолчал.

Я попыталась поднять его мускулистое тело, но фон Майер был для меня слишком тяжел. Я жалобно посмотрела на Тристана и отца Григория, и те, снизойдя к моей безмолвной просьбе, дружно подхватили раненого оборотня, вынося его из темницы. Мы долго плелись по казавшемуся бесконечным коридору, а затем вышли во двор замка, подставляя сыплющемуся с неба снегу свои разгоряченные лица. Подняв голову, я увидела Эржебет, загнанную на самый высокий обломок крепостной стены и окруженную вооруженными ангелами. Сдерживаемая наставленными на нее дулами, безумная Хранительница иступленно бесновалась на шатких камнях, размахивая сдернутым с шеи мешочком и грязно ругаясь. А по линии далекого горизонта уже расплзалась багровая полоска близкого заката...

— Госпожа Эржебет, немедленно спускайтесь вниз! — умоляюще кричала я, на мгновение позабыв и об ее неудавшемся покушении на мою жизнь, и об умирающем Конраде, хрипящем подле моих ног. — Солнце сейчас зайдет, и тогда мы погибнем...

Но, не вняв моим аргументам, одержимая ловко вскарабкалась на край неровного каменного выступа, вытянулась в струнку и злобно расхохоталась.

— Пробыл час моей мести! — торжествующе вещала она.

Я изумленно хлопала ресницами, будучи не в состоянии вникнуть в смысл этой загадочной угрозы, прозвучавшей из уст Хранительницы.

«Останови ее! — требовал ветер, испуганно вихрясь вокруг меня. — Иначе произойдет непоправимое...»

«Да что она может? — недоверчиво опровергала я. — Слабая, жалкая, хилая...»

«Дура! — разочарованно обозвал меня ветер, шумно покидая замковый холм и утекая в долину. — Ты не прислушалась к моим предостережениям. Так пусть ответственность за все происходящее падет только на тебя...»

Я растерянно молчала, позабыв закрыть свой недоуменно раскрытый рот. А солнце безудержно катилось к верхушкам редких деревьев, наливаясь смертельным жаром...

Внезапно Эржебет всплеснула руками, покачнулась и начала быстро трансформироваться, стремительно утрачивая человеческий облик. Ее длинные рыжие волосы осыпались на камни, обнажив кривой шишковатый череп. Губы исказились, приняв форму уродливого клюва. Кости громко трещали, раздвигались, перемещались, разрывая платье, а из сгорбившейся спины выдвинулись два кожистых крыла. Ошеломленные этим омерзительным зрелищем, нефилимы с воплями ужаса отступили назад и обратились в бегство. Ариэлла упала в обморок, а Нат отстраненно закрыл глаза и вяло обмяк над телом подруги. Храбрая Оливия рассыпала патроны и, нервно сглатывая и не отрывая взора от трансформирующегося монстра, пыталась собрать их дрожащими от страха руками, но у нее ничего не получалось. Отец Григорий прикрылся крестом и истово молился нараспев, наконец-то узрев истинный облик столь часто упоминаемой им «анафемы».

— Что это с ней? — с заиканием спросила я у Тристана, требовательно дернув стригоя за рукав.

— Твоя кровь досталась ей слишком поздно, — спокойно пояснил он. — Так происходит всегда, когда оголодавший вампир доходит до финальной точки своего существования. В таком случае свежая кровь уже ему не помогает, а лишь идет во вред, ускоряя последнюю стадию трансформации. Увы, Эржебет навечно утратила внешность стригоя и стала носферату — призраком ночи, огромной летучей мышью, отныне способной питаться лишь плотью полурасложившихся трупов...

Меня передернуло от отвращения, но я переборола свои эмоции и с жалостью посмотрела на Эржебет.

— Вернитесь, — позвала я, — я что-нибудь придумаю...

Но госпожа Бафора лишь ехидно хохотнула и, тяжело взмахнув крыльями, неуклюже взлетела над замком. А солнце уже коснулось крон деревьев и начало гаснуть. Тристан несколькими чудовищными прыжками преодолел расстояние, отделяющее его от нависающих над двором камней, создающих защитную тень, вытащил из кармана своего плаща волшебную ткань, совершенно позабытую мной, и укрылся ею с головой. Последний его взгляд, адресованный мне, был исполнен яростным злорадством и удовлетворением от свершенной мести. Итак, Тристан меня бросил, обрекая на гибель под лучами заходящего солнца! Он отплатил мне за свою отвергнутую любовь!

Увы, но это оказалось еще не все, потому что Эржебет вдруг резким ударом клюва прорвала свой серый мешочек, развеивая по ветру серебристую, ярко светящуюся пыль.

— Что это? — поразила я, следя за порхающими вокруг меня искорками.

— Моя месть! — ликующе трубила носферату. — В мешочке хранился «Бич Божий» — неизлечимая бубонная чума, а я выпустила ее на свободу. Отныне она полетит из страны в страну, убивая всех, кого встретит на своем пути. Таково мое возмездие и ваша расплата за причиненные мне страдания. Мор уже не остановить, ибо он истребит всех — безвинных и виноватых, грешных и праведников, людей и стригоев. Смерть вам всем, смерть!..

— Это несправедливо! — отчаянно завопила я. — Вы — не Бог! Вы не имеете права выносить приговор для всех...

Последние солнечные лучи неожиданно прервали мою фразу. Они вспыхнули прощальными отблесками и, косо упав с небес, словно огненные стрелы, пронзили мечущуюся над замком тварь. Крылья носферату занялись язычками оранжевого пламени, и Эржебет с криком боли обрушилась вниз.

— Селестина, беги! — умоляюще хрипел Конрад, пытаясь поползти до меня и снова закрыть собой, но у него уже не оставалось сил для повторного подвига. — Сейчас ты умрешь...

Я печально рассмеялась. Ну вот и все! Я не сумела спасти мой мир, а только окончательно его погубила. Тристан приревновал меня к Конраду и мерзко отомстил, бросив на произвол судьбы. Еще секунда, и я тоже сгорю...

Эржебет корчилась на земле, сворачиваясь и обугливаясь, словно сухой лист с дерева, а затем осыпаясь серым пеплом. Я наклонилась над ее уродливым остовом и сказала:

— Я прихожусь вам прямым потомком и должна была стать новой Хранительницей «Божьего Завета»! Госпожа Бафора, именем ваших детей, заклинаю — откройте мне, можно ли остановить «Бич» и как найти путь к воротам рая и ада?

В тускнеющих глазах Эржебет промелькнуло что-то человеческое.

— Поздно, — с сожалением каркнула она, — уже слишком поздно...

— Подскажите мне путь к спасению! — я продолжала взывать к ее совести.

— Найди Иуду, — шепнула тварь, — он поможет! — Ее тело съезжилось и рассыпалось облачком зловонного праха.

— Любимая, беги! — стонал Конрад.

— Поздно! — Я выпрямилась и широко раскинула руки, добровольно призывая к себе весь жар беспощадного солнца. — Поздно для всего: для жизни, для любви, для второго шанса. Прощай... — Мои пальцы начали тлеть, причиняя нестерпимую боль, но я лишь улыбалась, бестрепетно принимая крещение смертью. Теперь я поняла: пытка, перенесенная мною в каменном гробу, стала лишь прелюдией, репетицией и подготовкой к этому моменту истины. К моменту, поджидающему каждого из нас. И когда он наступает, мы неизбежно забываем все мелкие проблемы, еще вчера казавшиеся нам такими важными, ибо перед нами встают главные вопросы, дать ответ на которые рано или поздно придется всем: тебе, мне, ему... Какой я была? Много ли я успела совершить и ради чего ухожу из жизни? Познала ли я смысл бытия, обрела ли счастье? Господи, скажи, кто мы такие и для чего

приходим в этот мир? Что даем мы другим людям и самому миру? Зачем мы живем?

Наши судьбы — будто свечки,
Что зажег коварный Бог
От какой-то общей печки
В миг, когда он не был строг.

Может, Боже зазевался?
Может, где не доглядел,
И случайно нам достался
Этот жизненный удел?

Всех по форме отливали,
Цвет един, один ранжир,
Не читали нам морали
Про бахвалов и транжир,

Не жалели стеарина,
Не палили фитиля,
Дали чуть адреналина,
Всем по норме посуля.

Нас построили в рядочки,
Да низринули с небес —
Мол, все жизни — Бога дочки,
А заместо мамы — Бес!

Тех — в палаты, тех — в палатки,
Кто горит, а кто коптит,
Судьбы всех людей не сладки,
Всем страданья жизнь сулит.

Тот фигурой не удался
И на лик не шибко мил,
Но других согреть старался,
Сил последних не щадил.

А кому свезло нежданно,
Кто красив, как лазурит,
Часто злобен негуманно
И других лишь холодит.

Каждый волен жить, как хочет:
Средь людей аль втихаря,
Кто о благостном хлопочет,
Кто года истратит зря.

Можно долго тлеть бесцельно —
Трусы срама не имут.
Можно жаром стать бесценным,
Но сгореть за пять минут.

Для одних судьба — подарок,
А к иным пришла бедой...
Хочешь — меркни как огарок
Или вспыхни — стань звездой!

Так вот какие страдания пророчил мне прозорливый Тристан! Мои руки начали истончаться и таять, становясь ничем. Ноги утратили ясные очертания, а солнечный жар прихлынул к сердцу, выжигая его, будто кусок угля. И в это предсмертное мгновение я вспомнила все: подожженный стригоями монастырь в Салуццо, святой Грааль, мою встречу с Конрадом, гибель Гонтора де Пюи, карнавал в Венеции, апостола Павла, кладбище, казнь Симона де Монфора и его приказ найти «Книгу крови». Огонь несет страдание, но он также и очищает нас от скверны. А сегодня наступила моя очередь смыть грехи, и поэтому огонь пришел ко мне. Он нежно коснулся моих плеч, поцеловал, забрал меня целиком, превратив в золу и пепел. О нет, я почему-то совершенно не боялась смерти, возможно, по причине того, что наконец-то поняла: нас не принимает рай и не поглощает ад, ибо мы попадаем лишь туда, куда сами захотим попасть. В принципе между райскими кущами и кострищами преисподней нет большой разницы, ведь эта разница таится внутри нас: в наших сердцах и душах. Здравомыслящий человек не утратит оптимизма даже на демонической пытке, а глупец и трус никогда не сумеет насладиться божьей милостью, обладай он хоть всеми благами небес. Выбор за нами...

Последним моим порывом стала мысль о Конраде и жалость к тому миру, который я так и не сумела спасти. Я ничем не смогла им помочь.

Простите меня, простите!

— Что ты наделал, выродок? — взбешенно хрипел еле приподнимающийся на локте Конрад. — Это ты ее убил!

— Сам ты выродок! — хмуро огрызнулся Тристан. — Селестина погибла из-за твоей мерзкой похоти!

— Ах ты!..

— Да я тебя!..

Стригой уже был готов наброситься на вервольфа с кулаками, совершенно не принимая в расчет плачевное состояние последнего, но его вовремя оттащили мрачные нефилимы. Оборотень снова повалился на спину, совершенно обессиленный, выплевывая изо рта крупные сгустки крови. Его раны выглядели крайне нехорошо, они посинели и страшно разбухли. Похоже, под ногтями искалечившей фон Майера твари содержался какой-то яд. У Конрада отнялись ноги, а тело онемело до самого пояса, медленно уступая напору необоримой отравы. Видимо, победить в схватке со смертью не способен никто, включая славящихся своей силой оборотней.

Ариэлла шумно рыдала, ничуть не стесняясь многочисленных присутствующих. Натаниэль успокаивающе поглаживал ее по волосам, украдкой смаргивая частые и крупные слезинки, настырно повисающие на его ресницах. Оливия, пасмурная, как ночное небо над ее головой, сидела в стороне, рассеянно вертя в руках осиротевшую катану Селестины. Она вспоминала залиvistый смех подруги, никого не оставляющий равнодушным, ее задорную улыбку, порывистую походку... В мозгу валькирии непрерывно крутилась все одна и та же дикая мысль: ничего этого больше не будет. Никогда! Селестина умерла! Погибла под солнечными лучами, обратившись в кучку пепла. Казалось бы, говорить стало уже не о чем, а что-либо исправлять и вправду слишком поздно...

— Убейте его! — взмолился Конрад, дрожащим пальцем указывая на стригоя. — Жаль, что я не могу сделать это сам...

— Если бы не ты, то с нею не случилось бы ничего плохого! — убежденно парировал де Вильфор. — Она не принадлежала тебе, она предназначалась только мне. Да она вообще обещала тебя убить, но нарушила свою клятву. Причем опять же по твоей вине!

— Плевать на клятвы! — негодуяще проворчал оборотень, снедаемый чувством вины. — Мало ли что мы обещали и кому...

— Стоп! — в их бессмысленный спор вдруг непредсказуемо вмешался отец Григорий. — Кажется, я еще могу все исправить...

— Ты? — усомнился стригой, меряя неряшливого иерея ироничным взглядом. — Бред!

— Исправить? — не поверил умирающий Конрад.

— Все? — изумленно вскинулся осипший от слез Нат.

— О чем это он? — скривилась Оливия, уловившая в словах иерея некий оттенок богохульства. — Никто не может, даже Господь, а он — нате вам...

— Говори, священник! — непререкаемо приказал мудрый Хелил. — Если существует хоть какая-то крохотная зацепка, то мы готовы помогать тебе во всем!

— Да! — наперебой загалдели все, отступая от бессильно ругающегося вервольфа и окружая немного сконфуженного отца Григория, не привыкшего к такому вниманию. — Мы слушаем.

— Ну, — иерей смущенно откашлялся, — кажется, я понял, привратником каких врат являюсь...

— Нашел время тешить свои амбиции! — разочарованно простонала валькирия, гневно топая ногой. — Да нам-то это без разницы, хоть в сортире привратником работай...

— Вы ни капельки не ошибаетесь, уважаемая! — просиял иерей, обрадовавшийся так, словно ему отвесили самый изысканный комплимент. — В нашем мире не так много врат, которые можно открыть крестом и молитвой...

— На привратника рая или ада ты не тянешь, — справедливо признал Хелил, тщательно взвешивая каждое произносимое им слово. — Остается одно...

— Сортир, предбанник, отстойник! — возбужденно выкрикнул вервольф. — А, выражаясь культурнее...

— Чистилище! — озарено ахнула Оливия и схватила Агеева за уши, смачно расцеловывая в обе щеки. — Спаситель ты наш!

Отец Григорий вяло отбивался, изрядно напуганный напором взбалмошной валькирии.

— А ведь именно туда и должна была попасть Селестина, — задумчиво просипел Конрад. — Она же не подходит ни для рая, ни для ада. Отче, ты можешь ее вернуть? — В его голосе промелькнула нотка безумной надежды.

— Я попробую, — скромно ответил здорово обмусоленный священник.

Он отошел в сторону, снял со своей шеи крест, а с пальца — кольцо, положил их на землю и, обратив глаза к небу, запел какой-то странный гимн... Несколько минут назад, испытав шок от зрелища ужасной гибели Селестины, отец Григорий вдруг вспомнил текст старинной молитвы, еще в детстве вдолбленной ему в голову. Он не знал, что именно она означала, он даже не понимал, на каком именно языке говорит сейчас, но в его памяти почему-то четко всплыли уроки покойного батюшки Аристарха и вылились теперь в тягучий, зловещий напев...

Ночное небо потемнело еще сильнее, наливаясь какой-то противоестественной чернотой. Звезды погасли — то ли спрятались за тучи, а то ли провалились в некие языческие тартары, трусливо сбежав от вершащегося под ними обряда. Ветер выл заунывно и жалобно, будто протестовал против чего-то запретного, изнемогая под гнетом недопустимого насилия, творимого над сутью самого бытия. Грозовые тучи озверело бросались друг на друга, высекая яркие сиреневые молнии, непрерывно бьющие в замковую возвышенность. Собравшиеся на ней путники в панике жались к обломкам стены, покачиваясь от сотрясающей землю дрожи. И вот в тот самый момент, когда пение отца Григория достигло своего апогея, перебивая даже шум разбушевавшейся стихии, вершина холма вдруг разверзлась глубоким провалом, вобравшим в себя прах как сгоревшей Селестины, так и испепеленной солнцем Эржебет. Гром тут же стих, ветер улегся, а выглянувшие из-за облаков звезды снова засветили мирно и покойно...

— И это все? — разочарованно спросила Оливия, осторожно подбираясь к краю

провала и с любопытством заглядывая вниз. — Я ожидала чего-то большего...

— Сие и есть врата чистилища? — Тристан заинтересованно вытянул шею, не решаясь последовать за валькирией.

— Да! — подтвердил Хелил. — Будь они неладны.

— А где же... — начал Конрад, но его вопрос так и остался неслышанным, ибо его перекрыл ровный гул, идущий из глубины раскрытых врат и быстро усиливающийся.

Внезапно холм содрогнулся пуще прежнего, а из провала вылетело нечто круглое и блестящее, напоминающее огромный мяч. А затем земля жирно чавкнула, смыкаясь и принимая свой первозданный вид.

Исторгнутый ею объект откатился в сторону, сминая каменное крошево, стукнул, брякнул, ругнулся — и развернулся, превратившись в девушку, облаченную в серебристые доспехи.

— Мамочка! — шокировано заверещала Ариэлла. — К нам никак опять ожившие покойники пожаловали?

— Сама ты мамочка! — радостно завопила Оливия, передразнивая подругу. — И не покойники это вовсе, а Селестина. — Она вприпрыжку сбежала вниз с холма и подхватила под локоть чудом воскресшую экзорцистку, ошалело мотающую головой и явно дезориентированную в пространстве. — Селестина, это ты?

Девушка в серебристых доспехах вскинула зеленые глаза, одаривая валькирию насмешливым взглядом.

— Я! — просто ответила она. — Черт вас всех побери, Лив, но скажи, где и как вы умудрились отыскать некроманта?

Мы слишком редко задаемся вопросом: а что ждет нас после смерти? Странно, почему мы игнорируем эту проблему, ведь узнать о форме и сути своего загробного существования желает каждый из нас. А еще каждый человек мечтает обязательно попасть в рай, соответствующий его личным представлениям об этом загадочном месте. Ах, попасть бы именно туда, где поют сладкоголосые малиновки, цветут лазоревые цветы, праведники сидят на облаках, вкушая манну небесную, а молочные реки текут между кисельных берегов! Здорово, правда? Так вот, заявляю на полном серьезе, я обязательно буду там! Вы считаете меня излишне самонадеянной? Вовсе нет. Ведь после смерти что-то обязательно должно измениться. А иначе какой вообще смысл расставаться с жизнью? И учитывая тот факт, что я жила в сущем аду... Короче, кроме как в рай, больше мне податься некуда. Но только не сейчас, а лет через... ну не будем определять их точное количество. Почему? Да все предельно ясно: я еще здесь, на Земле, со своими делами не разобралась!

В голове гудело. Земля и небо бешено вращались у меня перед глазами, вызывая тошноту. Саднил отбитый о камень локоть, немного побаливала кожа, зудевшая так, словно я переборщила с солнечными ваннами. А в целом я ощущала себя на редкость замечательно. Стоп! Я же, кажется, умерла: сгорела, рассыпалась в пепел, перестала существовать! Я подняла недоуменный взор и встретила глазами с Оливией, радостно улыбающейся от уха до уха.

— Селестина, это ты? — спросила подруга.

Мое сердце громко бухнуло, исторгая парадоксальный вопрос: я что, и правду жива? Но как же так? Неужели они сумели меня воскресить?

— Я! — просто ответила я. — Черт вас всех побери, Лив, но скажи, где и как вы умудрились отыскать некроманта?

— Я не некромант! — беззлобно улыбнулся отец Григорий. Похоже, мое сравнение ему польстило. — Я привратник! Я вернул тебя из чистилища!

В голове у меня прояснилось, и все тут же встало на свои места. Понятно — я еще не успела умереть окончательно, мою душу отправили туда, что принято считать некой зоной карантина, перевалочным пунктом между раем и адом. И пока высшие силы решали, куда

меня следует переслать дальше, отец Григорий каким-то образом сумел украсть меня как у задумавшегося Господа, так и у зазевавшихся чертей. Потрясающе!

Я благодарно кивнула иерею, язвительно фукнула в перекошенное от изумления лицо Тристана, приветливо махнула рукой Натаниэлю с Ариэллой, подмигнула разом повеселевшим нефилимам и, забрав у Оливии Кото и Кайсу, привычно вложила оба клинка за уже повязанный вокруг талии оби. Мечи богини Амаэрасу вернулись к той, кто прошла очищение солнцем и отныне в полной мере стала земной аватарой своей небесной покровительницы. Вот так — теперь я снова ощущала себя самой собой. Не стригойкой Сантой Инферно, но Селестиной — Дочерью Господней! А возможно, и кем-то еще...

Браслет из сребреников Иуды благополучно обнимал мое запястье, амулет Луны отягощал шею. Серебряные доспехи, заменившие куртку и штаны, оказались неожиданно удобными. Мои клыки бесследно исчезли, будто их и не было вовсе, а короткие кудряшки отросли самым волшебным образом и вновь спускались до пояса, но теперь каждый волосок оканчивался длинной, острой иглой. Кто же я такая?

— Ты — серафим, полководец Господа! — солидно пояснил Хелил, отвечая на мой невысказанный вопрос.

— Все серафимы — шестикрылые! — бурно запротестовал Нат. — А у Сел нет ничего, даже отдаленно похожего на крылья.

Нефилим призадумался...

— В ее жилах течет не просто кровь вампиров, — скованно признался Тристан, — но и наследие старого колдуна Жилия. Поэтому, если Господь и простил Селестину, то, очевидно, по причине ее темного прошлого не дал все приличествующие серафиму атрибуты или знаки отличия...

— Темное прошлое отнюдь не является помехой для светлого будущего! Запомни это, предатель, — наставительно вставила валькирия, многозначительно показывая стригую свой увесистый кулак.

Тристан лишь недовольно поморщился, не дерзнув оспаривать столь голословное и пока ничем не подкрепленное утверждение.

— Ясно, — понимающе хмыкнула я. — Вот ведь какая досадная проблема образовалась: я светлой быть не могу, а темной — не хочу! Не хочу быть вампиром, а человеком — не могу! Меня не приняли ни в рай, ни в ад, а чистилище небрежно извергло из своих недр как некий чужеродный, не заслуживающий внимания элемент.

— И что же тебе остается? — вопросительно приподняла бровь Оливия.

— Идти своим путем! — резонно констатировала я. — Куда бы он в итоге меня ни завел.

— Милая, прости меня! — малодушно выдавил так подло предавший меня Тристан, и в его голосе я услышала целую гамму эмоций: и раскаяние, и стыд, и подспудную боязнь моей новой ипостаси.

— Прощаю! — без напряжения и какого-либо усилия над собой равнодушно ответила я. Право же, я не испытывала к нему неприязни и не собиралась мстить. Я ощущала себя его должницей, ведь однажды он спас мне жизнь, но теперь мы были квиты. Де Вильфор стал мне безразличен как мужчина, отныне нас связывал только заключенный уговор: я обязалась помочь ему захватить высшую власть среди вампиров. — Я верю в то, что ты имеешь задатки лидера и станешь истинным повелителем стригоев, гораздо лучшим, чем Андреа. Я могла бы тебя убить, но не хочу обогреть руки твоей кровью, да и к тому же ты мне еще пригодишься.

— Ты... — Бледное лицо Тристана налилось жарким пурпуром несправедного гнева. — Как ты смеешь приравнять меня к вещи? Да ты просто исчадие рая какое-то!

Я спокойно улыбнулась:

— Называй меня, как хочешь, ведь слова уже ничего не изменят.

Возразить было нечего, и он смирился.

— Я поняла, как сильно люблю Конрада, и... — продолжила я.

— Милая! — неожиданно позвал вервольф, изъясняющийся едва различимым шепотом. — Единственная моя!

Я думала, что мое сердце тоже стало серебряным — крепким и непробиваемым, но это оказалось не так. Оно билось, чувствовало боль, разрывалось от любви. Услышав переполненный страданием голос оборотня, я вздрогнула и уловила, что во мне что-то оборвалось и упало, разбившись вдребезги. Если он умрет, то я тоже уже никогда не смогу жить полной жизнью...

— Конрад, любимый! — Я бросилась к вервольфу и склонилась над его лицом, с горечью обнаружив страшную печать близкой смерти, уже отметившую его благородные черты. — Скажи, что я могу для тебя сделать?

— Прояви милосердие: добей меня! — попросил он. — В противном случае, если ты откажешься, я буду умирать очень долго и мучительно. Я устал, прошу, освободи меня.

— Я не хочу жить без тебя! — всхлипнула я. — Да и зачем?

— Ты сильная, ты все сможешь! — нежно утешил он. — И помни, что ты — последняя надежда этого мира, а посему не имеешь права отступить и сдаться...

— Хорошо, — немного поколебавшись, пообещала я, ощущая себя худшей из обманщиц, ибо не обладала его верой в свои силы. — Да и нужно же мне узнать, кто я такая и почему воскресла!

— Узнаешь! — тоном пророка посулил Конрад. — А сейчас, умоляю, помоги мне...

«Разве такие умирают? — немного отстраненно думала я, глядя на Конрада. Мною овладело какое-то странное спокойствие, будто все мои чувства стали чужими, сердце остановилось, а душа онемела. Лучше бы я билась в истерике. Меня терзало недоверие, но рассудок незамедлительно взял верх над эмоциями, подсказывая: умирают все, даже такие, как он — смелые, благородные, любящие! Попытайся же предотвратить его гибель...» Не знаю, откуда ко мне пришла подобная безумная идея, но я намеревалась ее реализовать. Или хотя бы попробовать это сделать...

Я поднялась с колен и всмотрелась в проглядывающую между тучами луну. Она была идеально круглой и напоминала огромный тускло-белый диск. Итак, значит, сегодня полнолуние... Я сняла с шеи амулет Артемиды и позволила лучику света, струящемуся с неба, попасть ровно в его центр, отразиться и переместиться на Конрада...

Тело оборотня выгнулось дугой, с губ страдальца сорвался дикий вой, скрюченные пальцы скребли по земле. Неожиданно его лицо начало изменяться, вытягиваясь и покрываясь темной шерстью. Но тут на луну набегали плотные облака, ее свет иссяк, и окрест нас образовалась кромешная тьма. Я уже не могла ничего рассмотреть, но расслышала негромкое звяканье — то упал на камни амулет Артемиды, разломившийся пополам и безвозвратно утративший свои волшебные свойства.

— Конрад умер? — с опаской осведомилась Ариэлла, громко клацая зубами от волнения.

— Мистика какая-то, — озадаченно протянул отец Григорий. — Не понимаю, как может божий серафим заниматься черной магией?

— Это не магия! — осуждающе поправил Хелил. — Это сила любви!

— Тс-с-с-с, — я, прижав палец к губам, невежливо оборвала их рассуждения, — затаите дыхание и слушайте!

На площадке перед замком немедленно воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь чьим-то тоненьким поскуливанием.

— Фонарик! — требовательно закричала я. — Тристан, включи фонарик!

Стригой послушался и, воззрившись на то самое место, где прежде находился умирающий Конрад, я обнаружила огромного темного волка, неуверенно приподнимающегося на разъезжающих от слабости лапах. Но он креп и наливался мощью буквально на наших глазах. Вот зверь поднялся в полный рост, серый почти до черноты и огромных размеров, и угрожающе щелкнул клыками, показывая, что он нам не друг.

— Конрад, — жалобно пробормотала я, простирая к волку руки, — ты меня забыл?

Чудовище задумчиво склонило голову набок, вслушиваясь в мой голос. Его налитые кровью зрачки оглядели меня с презрительным высокомерием. Он меня не узнавал.

— Конрад, — упавшим голосом повторила я, придвигаясь к нему на шаг, — это же я, твоя Селестина...

И тут волк прыгнул...

Окружающие меня друзья издали дружный испуганный вскрик, но хищник пролетел в волоске над моим плечом, ударом мощной лапы опрокинул меня на землю и канул во мрак, скачками уносясь прочь. Он бежал к лесу.

— Конрад, — умоляюще всхлипнула я, — вернись!

Но волк даже не обернулся.

Я поднялась на ноги, ощущая себя покинутой и опустошенной. Разве утрата любви — не самая страшная кара, ниспосылаемая на нас за совершенные грехи? Не ведаю, заслужила ли я столь суровое наказание, но теперь я категорически намеревалась искупить все вольно или невольно совершенное мною зло, а еще спасти от гибели наш мир и всех населяющих его существ, не деля их на правых и виноватых. Да, я очень хотела это сделать. Вот только пока еще абсолютно не знала как.

Эпилог

На рассвете я покинула Чейт и пустилась в обратный путь. Снедаемый чувством вины, Тристан отправился в лес, клятвенно пообещав найти Конрада и привести его ко мне. Не представляю, каким именно способом он собирался осуществить свою идею, но почему-то ни секунды не сомневалась в ее успешной реализации. Уходя, он поступил правильно, потому что чувствовал, как сильно мне хочется выместить свое горе от потери Конрада на вероломном стригое. А посему я не стала его задерживать. Я также отослала от себя ангелов, уговорив их временно затаиться и позаботиться об отце Григории. При себе я оставила только верных нефилимов, взирающих на меня с благоговейным обожанием.

Я собрала все три креста эрай и сложила их в походную сумку Конрада, в которой обнаружила «Книгу крови». Бережно погладила пальцами ее кожаный переплет и печально улыbnулась собственным воспоминаниям.

«Я исполнила твой последний наказ, Симон де Монфор, я нашла ее! — подумала я. — Увидим, что ждет меня в дальнейшем...»

Ниспосланные судьбой помощники: Хелил и Енох — внимательно выслушали мой пересказ последних предсмертных слов госпожи Эржебет, но не смогли дополнить их каким-либо полезным комментарием. Они лишь скептически покачали головами и сообщили, что никогда не встречались с Иудой Искаротом. Он, дескать, повесился на осине, не выдержав мук нечистой совести после распятия своего учителя Иисуса, и поэтому уже ничем никому не поможет. Да и зачем бы нам пригодился этот предатель?..

Я иронично рассмеялась, всецело убежденная в том, что каждый из нас хоть раз предавал кого-то близкого, а возможно, и самого себя! К тому же мне ли осуждать других? Ведь я и сама совершила немало темных дел. Но теперь я знала точно, как тонка грань между добром и злом и где именно она проходит. Да, сейчас я уже не сомневалась: эта грань пролегает в наших сердцах, показывая нам, что значит ошибиться и чего стоят наши ошибки, как можно любить и ненавидеть, предавать и совершать подвиги. Разыскивая оную грань, я поднялась выше мести, научилась прощать и познала суть справедливости. Я переступила через мораль и извела милосердие. Я не сломалась, ведь судьба надавила на меня, а я стала только тверже и гуманнее. А богатый жизненный опыт привел меня к закономерному выводу: покаяться никогда не поздно, а вот согрешить можно и опоздать...

Мне оставалось только удивляться сложнейшему хитросплетению многочисленных перипетий судьбы, сумевших неоднократно переместить нас со стороны зла на позицию добра и обратно. Взять хотя бы тех же Тристана и Конрада. Мы все являемся далеко не теми,

каковыми кажемся на первый взгляд. Каждый из этих двух мужчин последовательно вызывал у меня как негативные, так и положительные эмоции, в итоге проявив свою истинную суть. Впрочем, я не считала кого-либо из них безусловно хорошим или безнадежно плохим, потому что никогда не верила в возможность существования идеала. Они оба сражались за свои убеждения, оба рвались ввысь. Но ведь желание стать богами проистекает из невозможности быть людьми. Ну, скажите, разве я не права?

Я много думала над словами Конрада: а почему именно мы должны спасти этот мир? И пришла к простому выводу: а больше никому! Нельзя эгоистично жить прошлым, нужно равнодушно участвовать в процессе настоящего и активно создавать будущее. Конечно, в том случае, если мы хотим получить именно то будущее, которое необходимо нам самим.

Я изменилась, повзрослела и начала совсем иначе вести себя по отношению к тому миру, в котором живу. Я четко осознала: именно соблюдение той границы, которая отделяет добро от зла, справедливость от вседозволенности, эгоизм от милосердия, и делает нас людьми. Если не хочешь называться зверем, если дорожишь своими принципами, то уважай не только свое, но и чужое мировоззрение: не делай другому того, чего не хотел бы и что не сделал бы себе сам. И не бойся трудностей, помни: начало тьмы — это еще не конец света!

Мы шли долго. Как и предвещала Андреа, мы возвращались домой. Нас терзал голод, мучил холод, секли дождь и вьюга. Болели натертые до крови ноги, подводило зрение, голос охрип, но я упрямо продвигалась вперед, ведомая наиважнейшей целью. Хелил и Енох все порывались нести меня на себе, однако я предпочитала идти сама, признавая благотворное влияние, оказываемое монотонными движениями на мою душу и мысли. Ад и рай внутри меня медленно перемалывались, рождая план последующих поступков, приводя к осознанию того, что называют счастьем. Я поняла: счастье достижимо лишь тогда, когда ты органично и гармонично вписываешься в окружающий тебя мир, не только эгоистично потребляешь даруемые им блага, но и стремишься ответно привнести в него нечто полезное, созданное лично тобой. Злоба и зависть, мстительность и черствость — вот что губит наш мир, разрушая его быстрее любого иного оружия. Грубые и жадные люди ломают мир под себя, разумные и справедливые помогают миру стать лучше и удобнее для всех. Иногда этот процесс протекает болезненно и кроваво, но такова уж наша жизнь. Каждый из нас может стать творцом и спасителем, нужно просто захотеть. И возможно, таким вот образом мы очистим свои души и помыслы, научимся ценить добро, повернем вспять само время и остановим Эру зла!

От зданий — одни остовы,
Не молимся мы — бузим.
Над нами витает снова.
Привкус блокадных зим.
Тут атомный кружит пепел,
Страх смерти невыносим.
Наш мир уж не станет светел,
Так что же грядет за сим?

День тот, что остался в прошлом,
Возможно, не так уж плох.
Мы зря осмеяли в пошлом
Стишке — след иных эпох.
Все раны сейчас — большее,
И воздух над нами — лют.
Любите людей сильнее,
Ведь завтра их всех убьют.

Младенцы — и то дурные,
Луна в облаках, как бра.
Уходят дела земные,
Скончались века добра.
Живые закрыли очи,
У мертвых горят глаза,
А все потому, что очень
Приблизилась Эра зла.

Послать бы весь мир подальше,
Весь этот усталый люд,
Найти, где без зла и фальши
Победы клинки куют.
За вас я сама решила:
Коль к вам ОН совсем не строг,
Руками бы Тьму душила,
Когда бы была как Бог.

Но крест надавил на плечи,
Стигматы открылись вновь,
Мне тихо шепнут Предтечи:
«Не срок хоронить любовь!»
У неба — иконы рамка,
И слышится из темноты:
«Как смеешь роптать, засранка?
Как смеешь ко МНЕ — «на Ты»?..»

И все-таки я дошла. Передо мной расстился Рим — обезлюдевший, заснеженный, мертвый. Город, в который я мечтала вдохнуть новую жизнь! Я подняла к сумрачному ночному небу свое умытое слезами лицо и мстительно погрозила кулаком. Погрозила всем: Богу, судьбе, утраченной любви.

«Да, я смею обращаться к ТЕБЕ «на Ты», ибо знай, что я не сдамся, Господи!» — беззвучно кричала я, окровавленными ногами отсчитывая ступени, ведущие вниз с Палатинского холма к городским улицам. — Я не отступлюсь и не позволю Тьме завладеть моим миром! — Я расхохоталась с таким явным безумием, что даже ветер, ставший моим сообщником, ужаснулся и робко притих. — Я спасу его во имя милосердия, ради гуманизма. Так будет справедливо! Бойтесь меня, лживые двуличные стригои, ведь именно по вашей милости я стала исчадием рая и теперь вернулась сюда... Вернулась по ваши грязные души. Бойтесь меня, ибо я иду за вами!»

За конец света часто принимают начало тьмы. Я пока еще не ведала, нахожусь ли в конце своего жизненного пути или только вступаю на него. Но я непременно это узнаю.

Я не прощу причиненное миру зло и воскрешу попорченную справедливость!

Я верую в любовь и доброту!

Я иду...